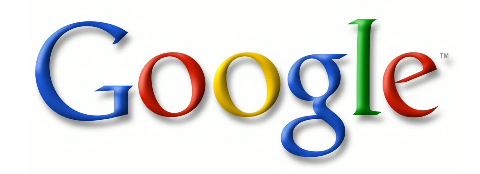
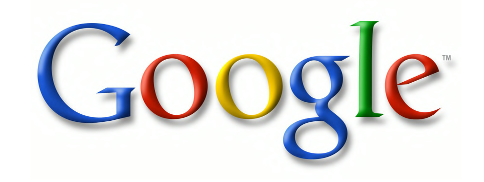
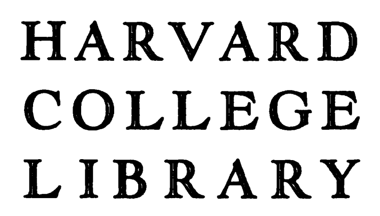
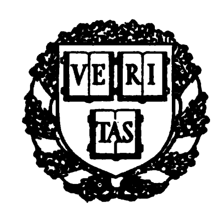

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ВЫПУСКЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 апрѣля 1858 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

СТАТЬИ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ.

О КАРАГАССАХЪ.

Нынѣшніе Карагассы представляютъ весьма малочисленный остатокъ племени (*), бродящій въ тайгѣ рѣкъ Оки, Уды, Бирюсы и Кана. Всѣ эти рѣки вытекаютъ изъ Саянскаго хребта. Слово тайга̀, по моему мнѣнію, происходитъ отъ карагасскаго слова дайга̀, что̀ значитъ бѣлогорье, т.-е. почти круглый годъ снѣгомъ покрытыя вершины рѣкъ и ихъ притоковъ.

Въ настоящемъ составѣ родъ карагасскій раздѣляется на пять улусовъ.

1) *Карагасскій* (это русское ихъ названіе; сами же они называютъ себя *Ссарыхъ хашъ: ссарыкъ* = желтый, *хашъ* = улусъ), самый западный изъ этихъ улусовъ, состоитъ изъ 46 душъ мужскаго и 43 душъ женскаго пола. Они бродятъ по рѣкамъ Агулу, Эормѣ, Телегашу, притокамъ рѣки Кана, впадающаго въ Енисей. Сосѣды *Камысинцамъ*.

2) *Шельбегорскій*, или *Сильпагурскій* (по-карагасски *Акъдьяуда)*, самый большой улусъ, состоящій изъ 90 душъ муж. и 82 душъ жен. пола. Они бродятъ по рѣкамъ Харабруе́ну, Дыремы́шу, Хадеру́су, Ха́ну, Костермѣ́, Хора́ту, Иссык-ссу, впадающимъ въ р. Уду́ (рѣка Уда̀, соединяясь съ р. Бирюсо̀й,

---

(*) Карагассы называютъ свой родъ *Тофа̀*.

составляетъ р. Іону, а сія, соединяясь съ р. Окою, составляетъ р. Тасѣеву, которая впадаетъ въ р. Ангару; эта же послѣдняя отъ этого мѣста называется Нижнею Тунгускою).

3) *Кангасскій*, или *Кангатскій* (по-карагенски *Хашъ — таръ)*, состоящій изъ 53 душъ муж. и 52 душъ жен. пола. Они бродятъ по Итчикему, впадающему съ сѣверо-востока въ верховье Енисея. Сосѣды *Соіотамъ*.

4) *Удинскій*, или *Судинскій* (по-карагасски *Карадьяуда*, отъ *кара* = черный, какъ-будто они темнѣе, смуглѣе противъ другихъ улусовъ), состоитъ изъ 44 душъ муж. и 40 душъ жен. пола. Бродятъ по верховьямъ рѣки Уды.

5) *Маллерскій*, или *Манжурскій* (по-карагасски *Дёптейлерръ*), состоитъ изъ 51 души муж. и 42 душъ жен. пола. Бродятъ по вершинамъ рѣки Оки и сосѣды бродящимъ по рѣкѣ Иркуту *Бурятамъ*. Говорятъ также по-братски.

Такимъ-образомъ (по повѣркѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1851 года) всѣхъ Карагассовъ можно считать 543 души, въ томъ числѣ 284 души муж. и 259 душъ жен. пола.

Карагассы роста ниже средняго; худощавы, при чемъ замѣчается большая соразмѣрность въ частяхъ тѣла, т.-е. при малыхъ головахъ и неширокихъ плечахъ, тазъ узкій, руки и ноги маленькія. Волосы гладкіе черные; лобъ низкій; глаза маленькіе, немного выпуклые, темнокаріе, прямые; скулы не очень выпуклыя; носъ прямой, узкій; ротъ маленькій; лице кругловатое, смуглое; борода жидкая и рѣдкая. Физіономія Карагасса напоминаетъ болѣе Киргиза Средней Орды, нежели Монгола. Шея длинная, грудь впалая. Кости вообще тонкія; поэтому они чрезвычайно легки, вѣсомъ около 3 пудовъ. Походка у нихъ особая: туловище, шею и голову держатъ неподвижно, немного впередъ, и неслышно пробираются малыми, частыми шагами. Эта особенность происходитъ отъ привычки къ верховой ѣздѣ на оленяхъ и отъ употребленія лыжъ. Женщины формируются около 16 лѣтъ отъ роду. Мѣсячное очищеніе продолжается у нихъ обыкновенно 4 дня и прекращается около 45 лѣтъ возраста. При весьма маломъ развитіи костей и мышцъ, Карагассы слабы и къ усиленнымъ тѣлеснымъ работамъ не способны. Зато слухъ и зрѣніе у нихъ чрезвычайно развиты; сверхъ-того съ удиви-

тельною терпѣливостію переносятъ они трудности въ дорогѣ, ненастье и недостатокъ въ пищѣ.

Весьма трудно выразить оттѣнки нѣкоторыхъ звуковъ карагасской рѣчи. Это относится въ особенности къ буквамъ г, к, х, ы и э. Я употребляю здѣсь слѣдующія отличія: г для выраженія звука *гх gh*, напр. въ словѣ *игимъ ighim;* к — гк, напр. *ко́съ* Gkœss; х — h, напр. ихxонъ ihhon; ы — ue, напр. тырынъ tueruen; э̇ — œ, напр. цехэ̇съ zehœss, или какъ æ, напр. брэ̇ bræ.

Богъ	*Бурханъ.*
молиться	*бурханъ тейнеръ* (Богу головою кланяться).
отецъ	*атàмъ.*
мать	*игимъ*, ighim.
сынъ	*олъ.*
дочь	*Ко́съ* (gköss).
дѣти	*уру́хъ.*
старикъ	*ашкинъ якъ.*
старуха	*кужюинъ якъ.*
мужъ	*иръ*, Irrh.
жена	*эпшѐ.*
братъ	*дутма.*
старшая сестра	*убамъ.*
младшая сестра	*настумамъ.*
голова	*башѐмъ.*
лице	*аланъ.*
носъ	*хай.*
глаза	*гарокъ.*
уши	*кулакъ.*
волосы	*чашъ.*
щеки	*ганстанъ.*
губы	*эрнѣ.*
зубы	*тишъ.*
языкъ	*толь.*
борода	*сахàль.*
шея	*боксу́нъ.*
плечи	*коль.*
рука	*адàшъ.*
пальцы	*эргакъ.*
грудь	*дуйшъ.*
брюхо	*харанъ.*
спина	*охрà.*
ноги	*бутъ.*
подошвы	*сöра.*

ребры	*эгемъ.*
сердце	*чырёкъ*, Tshuerjok.
задница	*ушàмъ.*
задній проходъ	*соктò.*
шулята	*ташакъ.*
дѣтородный удъ	*кодокъ.*
земля	*джиръ.*
вода	*сухъ.*
огонь	*отъ.*
рѣка	*ой.*
рѣчка	*эдзенъ*, Oedsen.
глубокая вода	*тырынъ*, Tueruen.
бродъ	*кишухъ.*
болото	*болхàшъ.*
гора	*далхъ.*
снѣжная гора	*дашгà.*
ледъ	*тошъ.*
снѣгъ	*кюръ.*
дерево	*ньяшъ.*
трава	*гукъ.*
кедровникъ	*быишъ*, Bueisch.
кедровые орѣхи	*кусу́къ.*
листвяница	*дотъ.*
береза	*кàддòнъ.*
золото	*алтанъ.*
серебро	*акмунганъ.*
мѣдь	*бодà.*
свинецъ и олово	*коргодѐнъ.*
медвѣдь	*курсей.*
волкъ	*бюрэ*, Buere.
рысь	*усъ.*
росомаха	*чехба.*
кабарга	*доргò.*

олень	*ибын.*
— быкъ	*дьяра, или джяра.*
— корова	*инген.*
оленье молоко	*сют, Suett.*
оленій рогъ	*мезь.*
соболь	*кыш.*
собака	*охт.*
бѣлка	*дій.*
лисица	*тильгѐ.*
еврашка	*шашдк.*
лошадь	*адь.*
гусь	*гас.*
утка	*утрак.*
глухарь	*кош.*
воронъ	*гускун.*
рябчикъ	*іюшиль.*
дятелъ	*догорга.*
снигирь	*хамзаль.*
яицы	*немурха.*
юрта	*ух.*
шапка	*бушт.*
тулупъ	*тон.*
кушакъ	*ур.*
ичиги	*итик.*
портки	*чабар.*
рубаха	*самса.*
рукавицы	*ильдик.*
сѣдло	*езер.*
ножикъ	*бзек.*
топоръ	*сига.*
винтовка	*бо.*
дробовикъ	*мушкд.*
порохъ.	*тара.*
табакъ	*тамгò, Tamgho.*
трубка	*данза.*
кошелекъ для табаку	*умольчек.*
огниво	*оток.*
хлѣбъ	*клеме.*
мука	*талан.*
мясо	*ихт.*
соль	*тус.*
ложка	*хальбуга.*
свѣчка	*сула.*
чай	*шай.*
сахаръ	*сахар.*
деньги	*мунгун.*
письмо	*биник.*
бумага	*сасин.*
1	*брѐ,* brà.
2	*ыгхù,* ueghhi.
3	*уйш,* uuisch.
4	*дѐрт,* doert.
5	*бейш.*
6	*алтѐ,* althoė.
7	*тьедѐ,* djedoė.
8	*цехѐс,* zehoèss.
9	*тохос,* tohoss.
10	*он.*
11	*он брѐ.*
20	*ихх он,* ihhon
30	*уйдіон,* uiidjon.
40	*дѐртон,* doerton,
50	*бейдон.*
60	*алтон,* altthon.
70	*тьедон,* tjedon.
80	*цехѐзон,* zehoeson.
90	*тохосон,* tohoson.
100	*дыыс,* djuess.
200	*ыгхидыыс,* uhhidjuess.
300	*уйшыыс,* uuischuess.
400	*дѐртыыс,* doertdjnes.
500	*бейшыыс,* beischjuess.
600	*алтыыс,* althjuess.
	тьедыыс tsedjuess.
700	*цехѐс дыыс,* zehoess djuess.
800	
900	*тохос дыыс,* tohoss djuess.
1000	*он дыюс,* ondjuess.
да	*бар,* barr.
нѣтъ	*джёк,* djok.
я	*мэн*
имѣю	*бильдермен*
большаго	*уллу*
оленя	*иббын*
маленькаго	*ботче*
оленя	*иббый*
мой	*мээм*
олень	*иббым*
хорошъ	*джеррахлых.*
твой	*синг*
олень	*иббым*
лучше	*арштѐк* (arsch-tökk)
его	*ононг.*
олени	*иббыс*
лучшіе	*хѐлых хуфѐй,* choeluech ckufei
я поймалъ	*дут кан мэн.*
я говорю	*мэн дэмем,*
что поймалъ	*дут кан мэн.*
мой братъ	*мэн дунгма*

имѣетъ	*бильдрибарь*	позови	*гогерь*, ghoeghèr
черные	*кара*	я позвалъ	*мэнь хэшкемь гогерма.*
волосы	*дьяшь.*		
твоему	*сень*	моя сестра	*мэнь убамь.*
брату	*дунгмань*	имѣетъ	*бильдрибарь*
отдай	*бэрь*	сына	*олу*
твоего	*сень*	одного	*борь,*
брата	*дунгмань*	дочь одну	*кэсе барь*, gkoese barr.

Слова и фразы эти собраны отъ Карагассовъ, принадлежащихъ въ Шелбигорскому улусу. Весьма вѣроятно, что въ улусахъ, сосѣднихъ съ другими племенами (съ Камысинскими Татарами, съ Соіотами, съ Братскими), имѣются въ языкѣ нѣкоторыя уклоненія.

Карагассы живутъ въ юртахъ, которыя состоятъ изъ конусообразно составленныхъ лиственичныхъ или еловыхъ жердей, покрытыхъ лѣтомъ — березовой корою, зимою — выдѣланными кожами, оленьими и въ-особенности лосинными. Юрты эти устроиваются на берегу рѣки или озера, гдѣ Карагассы, зимою для звѣринаго промысла, или осенью для рыболовства, или лѣтомъ для пастбища оленей, избираютъ свое пребываніе. Когда они переходятъ на другое мѣсто, то остовы этихъ юртъ оставляются на прежнемъ мѣстѣ. Число юртъ зависитъ отъ числа семействъ, соединенныхъ узами родства. Особой правильности при расположеніи юртъ не замѣчается: оно зависитъ отъ мѣстныхъ удобствъ.

Юрта имѣетъ отъ 3 до 4 саженъ въ поперечникѣ основанія. Въ серединѣ ея горитъ огонь, безъ особаго очага; тутъ приготовляется пища и варится чай. На противоположной входу стѣнѣ виситъ образъ (по большей части Св. Николая Чудотворца); подъ нимъ размѣщено въ сумахъ имущество.

Правая отъ образа стѣна составляетъ почетное мѣсто: тамъ укладываются на оленьихъ шкурахъ и угощаются гости. На лѣвой отъ образа сторонѣ помѣщается хозяинъ юрты съ хозяйкою. На правой отъ входа стѣнѣ хранится дамашняя утварь, на лѣвой — мужскія принадлежности: винтовки, сѣти, сѣдла и т. д.

Скотъ, состоящій изъ оленей, не помѣщается въ особыхъ юртахъ: онъ пасется круглый годъ подъ открытымъ небомъ.

только молодыхъ оленей въ зимнее время, при сильныхъ морозахъ, на нѣкоторое время берутъ Карагассы въ свои жилыя юрты.

Мужское платье у Карагассовъ состоитъ изъ полукафтанья, доходящаго на вершокъ ниже колѣнъ, съ узкимъ стоячимъ воротникомъ; застегивается же съ правой стороны кожаными пуговицами и петлями. Рукава, широкіе въ плечахъ и рукахъ, узко охватываютъ кисти рукъ, такъ-что они же служатъ вмѣстѣ и карманами, въ которыхъ Карагасы прячутъ соболей своихъ при продажѣ.

Нижнее платье состоитъ изъ узкихъ штановъ; на ногахъ носятъ ичиги, родъ чулковъ, которыя крѣпко подвязываются ремнями подъ колѣнями и надъ щиколками. На головѣ плотно прилегающія шапки завязываются подъ подбородкомъ; ими покрываются уши и щеки.

Женское платье не отличается отъ мужскаго; есть лишь разница въ нѣкоторомъ убранствѣ головы.

Рубахи ситцевыя въ употребленіи только у зажиточныхъ.

У зимняго платья полукафтанъ, ичиги и шапка изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь. Сверхъ-того носятъ на ногахъ камасы, которые шьются изъ кожи оленьихъ ногъ, шерстью вверхъ; они укрѣпляются какъ ичиги.

Все лѣтнее платье шьется изъ ровдуги (выдѣланныхъ оленьихъ кожъ).

Убранство платья состоитъ въ разноцвѣтныхъ суконныхъ полоскахъ, въ-особенности красныхъ и черныхъ, пришитыхъ къ воротнику, лѣвой полѣ полукафтанья и къ кистямъ. У зажиточныхъ женщинъ эти полоски бываютъ разноцвѣтнаго бисера и шелка.

Близкое сосѣдство и частыя сношенія съ Русскими, живущими на золотыхъ промыслахъ, имѣли большое вліяніе на одежду ихъ, въ-особенности мужскую. Многіе ходятъ въ русскихъ суконныхъ кафтанахъ, подпоясываются кушакомъ и носятъ сапоги. Въ-особенности входятъ въ общее употребленіе суконныя шапки на ватѣ, съ широкимъ козырькомъ. Почетные люди, какъ-то: шуленги и старшины, носятъ шинели съ короткимъ, покрывающимъ только плечи крагеномъ (для крагена стараются пріобрѣтать концы сукна, на которыхъ находятся фирмы фабрикъ, или втканныя въ самое сукно, или

наклеенныя золотыми или серебряными бумажными буквами).

Верхнее платье застягивается ремнемъ, на которомъ вѣшаютъ кошелекъ съ табакомъ и даизой (китайская трубка) и огниво. Табакъ обыкновенно смѣшивается съ древесной корой; вмѣсто трута употребляется гнилое дерево.

Мужчины стригутъ на головѣ волосы. Дѣвицы заплетаютъ ихъ въ множество косичекъ; зажиточныя носятъ бумажные платки, завязывая подъ подбородкомъ. Женщины заплетаютъ волосы въ одну или двѣ косы, которыя покрываютъ длиннымъ узкимъ, полотнянымъ, съ вышитыми каймами платкомъ; голова въ нѣсколько разъ обвертывается, и потомъ концы его спускаются до плечъ. Какъ дѣвицы, такъ и женщины носятъ серебряныя серги, а на шеѣ — бисерныя ожерелья изъ стекляныхъ бусъ.

Дѣти почти до 8 лѣтъ въ лѣтнее время бѣгаютъ совсѣмъ нагія.

Главную пищу Карагасовъ составляютъ сарана и кирпичный чай. Сарана есть корень растенія Lilium Martagon, который они копаютъ и сушатъ для сохраненія; при употребленіи толкутъ и варятъ изъ него родъ кашицы. Кирпичный чай, истолченый или разрѣзанный, варится въ чугунномъ плоскомъ котлѣ; между-тѣмъ въ другомъ котлѣ поджаривается ржаная мука, къ которой подбавляются оленій или другой жиръ и соль; на эту смѣсь вливается чайный отваръ; послѣ вскипятенія его хлебаютъ ложками.

При особыхъ случаяхъ, напр. при угощеніи гостя, на свадьбахъ, и вообще при изобиліи въ хозяйствѣ ѣдятъ оленину. Мясо оленье варятъ, отваръ ѣдятъ ложками; потомъ самое мясо раздается большими кусками. Взявъ такой кусокъ въ зубы, они рѣжутъ отъ него кусочки съ большимъ искусствомъ, не вредя носа, губъ и подбородка, которые кажутся въ большой опасности. Мозгъ, печень и легкія оленей жарятъ на палочкахъ около огня, въ срединѣ юрты. Первый считается самымъ лакомымъ кускомъ. Оленье мясо вкусомъ похоже на телятину, только слаще.

Кромѣ оленя ѣдятъ они мясо лося, изюбря, кабарги и пр. т. п., также соболей и бѣлокъ, съ которыхъ сейчасъ сни-

маютъ шкурку, жарятъ и ѣдятъ тутъ же на мѣстѣ промысла. Увѣряютъ, что это дѣлается не столько для утоленія голода, сколько для улучшенія промысла.

Бродящіе около рѣкъ и озеръ рыбныхъ, въ-особенности осенью, охотно ѣдятъ рыбу (въ-особенности харіусовъ и налимовъ).

Осенью собираютъ кедровые орѣхи, которые, при неурожаѣ сараны и скудной охотѣ и слѣдовательно при неимѣніи средствъ на покупку кирпичнаго чая и муки, служатъ для нихъ, вмѣстѣ съ ягодами, главною, но весьма непитательною пищею.

Познакомясь ближе съ Русскими, они сдѣлались большими охотниками до печенаго хлѣба.

Для питья употребляютъ преимущественно воду и разведенное и кислое оленье молоко. До горячительныхъ напитковъ страстные охотники, но сами у себя ихъ не приготовляютъ, а получаютъ отъ Русскихъ хлѣбную водку, отъ Соіотовъ и Бурятъ — аиранъ (родъ водки, выгнанной изъ молока).

Новорожденнаго завертываютъ въ мягкую оленью шкуру и кладутъ въ маленькую люльку. При переходахъ съ мѣста на мѣсто, эта люлька привязывается къ сѣдлу. Есть у нихъ и повивальныя бабки. Новорожденныхъ дѣтей матери кормятъ грудью до тѣхъ поръ, пока они сами собою, году на второмъ, бросаютъ грудь. Уходомъ за дѣтьми исключительно занимаются женщины.

Сговоры заключаются между родителями въ дѣтствѣ дѣтей. Считается грѣхомъ выбирать жену изъ собственнаго улуса. Отецъ сына платитъ отцу невѣсты калымъ, смотря по состоянію. Уплата производится обыкновенно соболями, до возмужалости невѣсты, постепенно; ежегодно отъ 2 до 3 соболей. Обыкновенный калымъ ровняется стоимости 30 оленей. По уплатѣ калыма бракъ совершается по обряду православной церкви, при чемъ невѣста получаетъ приданое, которое состоитъ изъ полной лѣтней и зимней юрты и около 15 оленей. Зимняя юрта довольно дорога: она состоитъ изъ 7 лосиныхъ кожъ, стоющихъ по 15 руб. каждая. Нѣтъ у Карагассовъ въ обыкновеніи красть невѣстъ.

Покойниковъ хоронятъ въ землѣ; надъ могилою насыпается земляная насыпь, или кладутся каменья, или огораживаютъ ее бревнами.

Карагассы хотя слабаго тѣлосложенія, но вообще довольно здоровы. При встрѣчающихся между ними болѣзняхъ должно различать болѣзни, собственно принадлежащія этому племени, и болѣзни, полученныя отъ соприкосновенія съ Русскими. Къ первымъ принадлежатъ, — не говоря о скоротечныхъ, напр., простудныхъ болѣзняхъ, — сыпи, обопрѣлости, язвы на разныхъ мѣстахъ тѣла, происходящія отъ одежды, которую они носятъ безъ перемѣны на голомъ тѣлѣ безъ рубахъ; воспаленіе глазъ, въ-особенности весною, въ-слѣдствіе охоты по вновь выпавшему снѣгу, отъ котораго отражаются лучи ярко свѣтящаго весенняго солнца; завалы брюшныхъ внутренностей у стариковъ, которые часто терпѣли голодъ и вслѣдъ затѣмъ утоляли его съ страшнымъ обжорствомъ.

Изъ болѣзней, полученныхъ отъ соприкосновенія съ Русскими, самая губительная была натуральная оспа, которая лѣтъ около 60 тому назадъ между ними свирѣпствовала, чтó и было главною причиною, что племя это, состоявшее прежде изъ нѣсколькихъ тысячь душъ, уменьшилось до настоящаго малаго числа. Нынѣ производится у нихъ прививаніе предохранительной оспы медиками какъ на Сугланѣ, такъ и на золотыхъ промыслахъ.

Очень вредно дѣйствуетъ на состояніе народнаго здравія этого племени злоупотребленіе водки, къ которой Карагассы очень пристрастны.

Домашнимъ леченіемъ занимаются преимущественно шаманы. Не говоря о заговорахъ, образъ леченія ихъ, употребляемый ими по вдохновенію шайтана, часто нельзя назвать раціональнымъ. Разъ, лѣтомъ, я засталъ въ одной юртѣ мальчика въ сильной горячкѣ: подлѣ него стояло множество маленькихъ коробочекъ изъ березовой коры, наполненныхъ ключевой водой съ маленькою примѣсью оленьяго молока; но къ каждой коробочкѣ придѣлана была палочка, на которой висѣлъ лоскутокъ заячьей шкурки. Окружающіе мальчика, по увѣренію шамана, убѣждены были, что это весьма сильно дѣйствующее лекарство.

Одержимыхъ хроническими ревматизмами шаманы отправляють къ извѣстнымъ имъ минеральнымъ ключамъ. (*) Вода нѣкоторыхъ ключей холодныхъ и рѣкъ, напр. рѣки *Агули*, славится противъ глазныхъ болѣзней и язвъ. Для возстановленія силъ изнуреннаго больнаго, шаманъ, также по внушенію шамана, указываетъ на оленя, котораго надобно зарѣзать; разумѣется, при раздѣленіи его, на долю жреца приходится львиный участокъ.

Лекарства, употребляемыя шаманами — преимущественно изъ царствъ растительнаго и животнаго. Къ самымъ любимымъ средствамъ принадлежатъ мускусъ, имѣющійся у нихъ подъ рукой отъ кабарги, и бобровая струя, которую они получаютъ отъ Соіотовъ.

Главное занятіе Карагассовъ состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ преимущественно соболей и бѣлокъ. Промыселъ начинается въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Они охотятся винтовками и собаками, а не плашками и ловушками, которыя болѣе въ употребленіи у русскихъ промышленниковъ. Винтовки эти покупаютъ они у Русскихъ. Онѣ бываютъ съ каменными замками и съ сошками. Ложу и замки исправляютъ они сами. Карагасскія собаки, родъ шпицовъ средняго роста, обыкновенно бѣлаго изжелта цвѣта, съ верхнимъ чутьемъ т.-е. преслѣдуютъ звѣря, поднявъ морду. Когда найдутъ звѣря, онѣ лаемъ стараются выгнать его изъ-подъ дерева или изъ норки. Звѣрь, преслѣдуемый собакою, бѣжитъ на дерево; но тутъ собака останавливается, съ сильнымъ лаемъ, до прихода туда, на лыжахъ, охотника. Поставивъ винтовку на сошки, охотникъ долго цѣлится, пока звѣрь не представится ему въ выгодномъ положеніи, потому-что охотникъ, чтобы не испортить шкурки, старается всадить ему пулю прямо въ лобъ, и обыкновенно въ этомъ успѣваетъ.

Другіе предметы звѣринаго промысла суть лоси и изюбри. Къ нимъ подкрадываются, узнавъ мѣсто около озера, куда отправляется лось, измученный мошками, для купанья

(*) Почти всѣ безъ исключенія минеральныя воды, которыми изобилуетъ Забайкальскій край, открыты шаманами или ламами. Слухи о совершившихся чудныхъ излеченіяхъ отъ внутренняго употребленія или купанья привлекаютъ посѣтителей изъ дальнихъ странъ, между которыми находится и много Русскихъ.

или для отыскания любимыхъ имъ водяныхъ растеній: тутъ и караулитъ его Карагассъ, сидя иногда по нѣскольку дней за кустомъ. Другое время промысла лосей и изюбровъ въ мартѣ и апрѣлѣ: тогда преслѣдуютъ ихъ на лыжахъ, по весьма глубокому, но на поверхности замерзшему снѣгу, гдѣ охотникъ можетъ проскользнуть, но гдѣ звѣри вязнутъ. Медвѣдей бьютъ изъ винтовокъ. Съ удивительной быстротой заряжаютъ Карагассы свою винтовку: для этого у нихъ на груди висятъ, въ костяныхъ патронахъ, два заряда; а во рту держатъ они свинцовыя пули, которыя обкусываютъ зубами. Дикихъ оленей бьютъ, а не ловятъ, и не дѣлаютъ ихъ домашними, какъ, напр., Тунгусы, чтобы не испортить, какъ они увѣряютъ, собольяго промысла.

Выдръ гоняютъ собаками, преслѣдуя звѣрей на лыжахъ, и когда догонятъ усталыхъ, то бьютъ палками.

Кромѣ звѣриной ловли Карагассы занимаются также рыболовствомъ. Харіусовъ и ленковъ они ловятъ сѣтками изъ конскихъ волосъ. Налимовъ бьютъ острогами или загоняютъ ихъ въ мелководныя мѣста, гдѣ стрѣляютъ по нимъ изъ винтовокъ.

Большое попеченіе Карагассы имѣютъ о своихъ оленяхъ, которые составляютъ главное ихъ богатство, ибо они доставляютъ имъ пищу, одежду и носятъ ихъ, съ ихъ имуществомъ, при переѣздахъ. Вѣсъ ноши, которую кладутъ на оленя, простирается обыкновенно до 4 пудовъ. Бываютъ, но рѣдко, олени, которые возятъ до 6, даже до 8 пудовъ. Отправляясь зимою на звѣриный промыселъ, Карагассы выбираютъ для поставки стана мѣста, гдѣ въ окружности довольно мху для корма оленей. Весною, по окончаніи промысла, спускаются въ долины, гдѣ раньше появляется трава; но лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, при появленіи комаровъ и мошекъ, опять спѣшатъ въ бѣлогорье, гдѣ нѣтъ этихъ насѣкомыхъ, которыя безпокоятъ оленей до бѣшенства. Осенью опять спускаются въ долины, какъ для рыбнаго промысла, такъ и для кормленія оленей травою, которая тамъ еще не покрыта снѣгомъ.

Верховая ѣзда на оленяхъ для непривыкшаго сначала весьма трудна. Длинная и жесткая шерсть и самое устройство

тѣла животнаго препятствуютъ крѣпкому сидѣнію на немъ. Посредствомъ длинной палки ѣздокъ сразу усаживается. Стремяна очень коротки: надобно сидѣть согнувши колѣни, чтобы ноги не задѣвали за землю. Кожа оленя очень подвижна, такъ-что при малѣйшемъ несоблюденіи равновѣсія неминуемо падаешь. Зато ходъ оленя чрезвычайно ровный, мягкій, вѣрный: онъ пробирается безъ затрудненія по топкимъ мѣстамъ, гдѣ лошади легко вязнутъ. Еще одно достоинство оленей и преимущество передъ лошадьми въ тайгѣ, что они весьма берегутъ свои широкіе и высокіе рога, почему выбираютъ мѣста, гдѣ сѣдокъ не легко задѣваетъ за деревья, чему въ чащѣ подвергаешься, сидя на лошади, выбирающей только мѣста, удобныя для ногъ.

Говоря о занятіяхъ Карагассовъ, нельзя умолчать объ одномъ, которымъ они въ новѣйшія времена принесли огромную пользу какъ Сибири, такъ и вообще Россіи: именно Карагассы были открывателями золотыхъ розсыпей въ Восточной Сибири и карагасскіе вожаки указали путь золотопромышленнымъ партіямъ на рѣки Хорму и Унгурбей, гдѣ въ-послѣдствіи образовалась богатая въ свое время Бирюсинская система и откуда распространились поиски па Уду, Оку, на Тунгуску и далѣе. (*) Всѣ партія, искавшія золота въ-послѣдствіи по рѣкамъ и рѣчкамъ, принадлежащимъ къ систе-

(*) Томскому купцу Өедоту Попову принадлежитъ честь и слава быть основателемъ золотопромышленности въ Сибири. Онъ, послѣ долгихъ неудачныхъ поисковъ, стоившихъ ему огромныхъ пожертвованій, добился до своей цѣли и открылъ въ Томской тайгѣ золото. Но онъ этимъ не довольствовался. По породамъ, собраннымъ, по его заказу, крестьяниномъ Коростелевымъ, изъ деревни Верне-Анжи, въ Канской тайгѣ, онъ предполагалъ, что далѣе къ востоку отъ Томска должно быть золото. Поповъ, одержимый сильнымъ недугомъ, отъ котораго онъ въ-послѣдствіи и умеръ, заставилъ Коростелева дѣлать поиски въ Канской тайгѣ. Карагасскіе вожаки вели Коростелева къ рѣкамъ Янсѣ и Янгозѣ, принадлежащимъ въ системѣ рѣки Агула, впадающаго въ рѣку Канъ, гдѣ онъ дѣйствительно нашелъ довольно богатую золотую розсыпь. Вслѣдъ затѣмъ карагасскіе вожаки вели партіи купцовъ Толкачева и Рѣзанова къ рѣкамъ *Хормѣ* и Унгурбею, впадающимъ въ рѣку Большую Бирюсу, гдѣ они открыли богатѣйшія золотыя розсыпи.

мамъ рѣкъ Кана, Бирюсы, Уды, Оки, шли водимые карагасскими вожаками. Они доставили владѣльцамъ золотыхъ промысловъ милліоны; но сами Карагассы какую получили оттого пользу? Полученныя ими денежныя награжденія скоро были истрачены ими на новыя потребности, съ которыми они ознакомились. Будущность ихъ не была обезпечена. (Мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ, и, кажется, единственный по всей Бирюсинской системѣ, что одинъ Карагасъ съ своимъ семействомъ получаетъ пенсію отъ золотопромышленника, которому онъ служилъ вожакомъ, состоящую изъ нужнаго для ихъ пропитанія количества муки.) Зато, отъ постояннаго нахожденія людей на промыслахъ, отъ проходящихъ партій, отъ приключающихся черезъ это лѣсныхъ пожаровъ, пушные звѣри удалились въ другія мѣста, и промыселъ звѣриный у Карагассовъ упалъ вмѣстѣ съ ихъ благосостояніемъ.

Въ-слѣдствіе однообразной жизни, умственныя способности у Карагассовъ не развиты; но они очень понятливы, имѣютъ удивительную память для мѣстностей и во всемъ, что̀ касается до ихъ занятія, весьма искусны.

Годъ у нихъ раздѣляется на 13 мѣсяцевъ, каждый въ 4 недѣли. Мѣсяцамъ даютъ названіе по занятіямъ и произведеніямъ природы.

Шомрай (примѣрно — отъ 7 мая по 4 іюня), отъ слова *шомръ* = мелкая трава.

Дозарай (отъ 7 іюля по 2 іюля). *Дозоръ* = кора; время, когда снимается березовая кора, береста, для лѣтнихъ юртъ.

Айкыслай (съ 2 по 30 іюля). *Ай* = *сарана, кысель* = красно. Время, когда сарана красна, то-есть цвѣтетъ.

Айнарай (съ 30 іюля по 27 августа). Наръ = копать; время, когда копается сарана.

Эптынхай, *Eptuenhai* (съ 27 августа по 24 сентября). *Эптынъ* = большой молотокъ, которымъ колотятъ кедровникъ, въ-слѣдствіе чего падаютъ внизъ созрѣвшія шишки съ орѣхами.

Джаррытерай (съ 24 сентября по 28 октября). *Джаръ* = быкъ оленя, *ыттеръ* = бѣгаться. Время, когда олени бѣгаются.

Кыштерай (съ 22 октября по 19 ноября). *Кышъ* = соболь, *теръ* = ловить; время, когда начинается соболій промыслъ.

Ырглерай (съ 19 ноября по 17 декабря) *Ырглеръ*=дневка. Въ-слѣдствіе короткихъ дней, дневки продолжительны.

Соогай (съ 17 декабря по 15 января). *Соогъ* = морозъ; время морозовъ.

Уллуссоогай (съ 15 января по 12 февраля) — *Улуссъ* = большой; время самыхъ сильныхъ морозовъ.

Хрўгоогъ (съ 12 февраля по 12 марта) = звѣря на лыжахъ гнать. Въ это время по снѣгу рыхлому, но глубокому, промышляютъ на лыжахъ изюбровъ и лосей.

Торбытай (съ 12 марта по 9 апрѣля) — въ это время снѣгъ становится вязкимъ.

Ытталларай (съ 9 апрѣля по 7 мая) «собаками звѣря гнать». Въ это время промышляютъ звѣря собаками, по осѣвшему снѣгу, «насту», который ночью на поверхности замерзаетъ, лоси же и изюбри въ немъ вязнутъ.

Изъ звѣздъ они знаютъ только Большую Медвѣдицу, Тьедэгаръ, Tjedeogar «семь звѣздъ» и плеяды — Ыргаръ, Uergar. Когда послѣднія лѣтомъ высоко стоятъ, тогда бываетъ самая лучшая трава и надобно привязывать оленей, чтобы они не слишкомъ наѣдались, отчего портятся у нихъ спины.

Разстояніе Карагассы опредѣляютъ переходами на оленяхъ. Переходъ осенній и зимній равняется 40 верстамъ, лѣтній и весенній — 30 верстамъ.

Мѣры, имъ извѣстныя, суть:

Кўлашъ (разстояніе между средними пальцами при распростертыхъ рукахъ). По малому росту Карагассовъ меньше сажени.

Харышъ равняется четверти.

Ыргѳкъ, Uergoek = дюймъ.

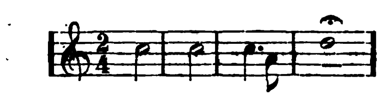
Дѳртъ-ыргѳкъ, Doert-uergoek = ладонь.

Вѣсъ они опредѣляютъ по «сумамъ», которыхъ двѣ составляютъ ношу оленя. Сума равняется 2 пудамъ.

Хотя я довольно часто имѣлъ сношенія съ Карагассами, и въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена года, но никогда не случалось мнѣ присутствовать при праздникахъ или при играхъ ихъ. Все время ихъ посвящено труду самосохраненія,

прінсканію средствъ для пропитанія. Только изобиліе позволяетъ быть празднымъ, а это весьма рѣдко бываетъ у Карагассовъ. Въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, на свадьбахъ, получивъ калымъ или приданое, послѣ удачнаго промысла и выгоднаго сбыта его, на сугланѣ онъ больше и лучше ѣстъ, чѣмъ обыкновенно, и напьется: вотъ ему и праздникъ.

Особыхъ пѣсней также у нихъ не замѣтилъ, кромѣ употребляемыхъ въ дорогѣ: тамъ иногда слышно ихъ пѣніе. Сидя на оленѣ, онъ выкликаетъ на-распѣвъ имена тѣхъ предметовъ, которые ему попадаютъ на глаза, прибавляя иногда къ имени существительному придагательное, напр., «гора» *крутая*, «листвяница» *зеленая*, «дерево» *сухое*. И мелодію мнѣ случилось слышать всегда одну и ту же, а именно:

Карагассы находятся въ вѣдомствѣ Нижнеудинскаго Окружнаго Управленія Иркутской губерніи. Внутреннимъ управленіемъ всѣхъ пяти улусовъ завѣдываетъ шуленьга (въ сношеніяхъ съ правительствомъ называемый старостою). Шуленьга избирается всѣми родовичами и утверждается въ своемъ званіи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Онъ имѣетъ права и власть обѣихъ степеней степнаго управленія кочующихъ народовъ (родоваго управленія и инородной управы). Всѣ дѣла производятся словесно. Тяжебныя дѣла онъ разбираетъ съ старшинами каждаго улуса по законамъ гражданскимъ, но болѣе еще по обрядамъ. Уголовныя дѣла разсматриваются и рѣшаются на основаніи общихъ узаконеній. Въ каждомъ улусѣ имѣется по одному князю, или даргѣ, обязанность котораго состоитъ въ сборѣ ясака. Ясакъ собирается по ружьямъ. Шуленьга повѣряетъ счетъ ружей или людей, платящихъ ясакъ, и ведетъ общее народосчисленіе, во всѣхъ улусахъ, по особеннымъ правиламъ для бродящихъ народовъ. Каждое ружье платитъ ясакъ по одному черному соболю, который оцѣнщикомъ цѣнится отъ 12 до 13 руб. и за котораго купцы даютъ до 20 рублей.

Ежегодно разъ, 6 декабря, бываетъ «сугланъ», что̀ означаетъ мірское и вмѣстѣ ярмоночное собраніе. Сборный пунктъ для суглана на рѣкѣ верстахъ въ 40 отъ города Нижнеудинска. Туда выѣзжаютъ исправникъ, священникъ (для исполненія духовныхъ требъ, крещенія, вѣнчанія) и купцы. Исправникъ принимаетъ отъ шуленьги собранный даргами ясакъ и выдаетъ ему о количествѣ и качествѣ полученнаго квитанцію, отпускаетъ опредѣленное правительствомъ на каждое ружье количество свинца и пороха и принимаетъ потребныя свѣдѣнія и отдаетъ нужныя приказанія словесно.

По окончаніи сбора ясака начинается торговля. Карагассы, бродящіе поблизости отъ Бирюсинскихъ золотыхъ промысловъ, по большой отдаленности отъ суглана (до 300 верстъ), часть своего промысла сбываютъ тамошнимъ прикащикамъ, что̀ имъ выгодно, потому-что нужныя имъ съѣстные припасы получаютъ дешевле и скорѣе, нежели изъ Нижнеудинска.

Касательно обрядовъ при женитьбѣ, о выдѣлѣ приданаго говорено было выше. Въ случаѣ смерти жениха до заключенія брака, заплаченная уже часть калыма остается у отца невѣсты. Въ случаѣ же смерти невѣсты или если она выйдетъ за другаго, полученный калымъ возвращается отцу жениха.

Отецъ семейства управляетъ всѣми дѣлами его и есть глава всѣхъ находящихся въ его станѣ. Отдѣлившіеся отъ него женатые сыновья почитаютъ его родительскую власть. Но старики жалуются, что это въ-сравненіи съ прежними временами очень ослабѣло.

Мать семейства управляетъ внутреннимъ хозяйствомъ и женщинами. Отецъ, отправляясь съ сыновьями на промыселъ, назначаетъ женѣ мѣсто, куда она должна перекочевать съ семействомъ. Всѣ труды при этихъ переѣздахъ лежатъ на женщинахъ.

Карагассы нрава тихаго, кроткаго, въ обращеніи между собою вѣжливы. Встрѣчаясь съ старшими, они берутъ правую руку его между ладонями и кланяются головою, присѣдая при этомъ немного. Въ торговлѣ они честны, къ воровству не склонны; только находясь въ-близости отъ пріисковъ, они не

рѣдко отправляются ночью по разрѣзамъ и столовымъ, не найдутъ ли тамъ печенаго хлѣба. Къ водкѣ очень пристрастны: разъ напившись, Карагассъ готовъ промотать на водку все, что́ у него есть съ собою. Въ пьяно́мъ видѣ они дѣлаются буйными и ругаются, употребляя при этомъ въ-особенности русскія ругательныя слова; рѣдко дѣло доходитъ до драки.

Многіе Карагассы довольно хорошо говорятъ по-русски, съ произношеніемъ только карагасскимъ; но ни одного грамотнаго я не встрѣчалъ.

Всѣ Карагассы крещены и уже въ четвертомъ поколѣніи себя считаютъ православными. При всемъ стараніи духовенства, въ-особенности находящагося на Бирюсинскихъ промыслахъ священника, религіозныя ихъ понятія не развиты. Они усердно крестятся и поклоняются святымъ иконамъ, но при первомъ посѣщеніи юрты подлѣ образа св. Николая Чудотворца, который у нихъ въ большой почести, непремѣнно замѣтишь родъ кошелька кожанаго, обвѣшеннаго орлиными перьями, бѣличьими, заячьими и оленьими хвостами, бляхами, ремнями. Это — амулетъ, охраняющій владѣльца отъ болѣзней, несчастья, напастья и всѣхъ неудачъ, доставляющій будто-бы обильный промыселъ, благополучный путь, благополучіе въ стадѣ оленей. Этими амулетами снабжаютъ ихъ шаманы, жрецы шайтана, которые втайнѣ и въ неприступныхъ почти гористыхъ мѣстахъ исправляютъ свое служеніе. Карагассы неохотно сознаются въ существованіи еще шамановъ, и вышеупомянутые амулеты вскорѣ послѣ появленія Русскаго въ юртѣ исчезаютъ. Но въ каждомъ улусѣ имѣется по шаману; изъ нихъ славился въ-особенности шаманъ Удинскаго улуса.

Народныхъ преданій о прежнемъ бытьѣ или памятниковъ прежняго ихъ существованія между Карагассами не имѣется. Говорятъ только, что въ прежнія времена, прежде губительной оспы, родъ ихъ былъ многочисленъ, что въ прежнія времена, пока къ нимъ не пришли золотопромышленники, промыселъ звѣрей былъ гораздо богаче. Но о происхожденіи ихъ рѣшительно не имѣется никакихъ преданій, какъ, напр., у Якутовъ. Это, впрочемъ, весьма естественно: народъ, не принад-

лежащій исторіи, не можетъ и имѣть исторію. Живя въ безпрерывныхъ заботахъ о настоящемъ, онъ мало заботится о прошедшемъ. Довольствуясь жилищами, основаніемъ которыхъ служатъ лиственичныя жерди, онъ оставляетъ памятники, свидѣтельствующіе о существованіи народа до сгніенія жердей.

САМОѢДЫ МЕЗЕНСКІЕ.

I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

Самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, занимаютъ берега Ледовитаго моря, отъ рѣки Мезени до рѣки Кары и хребта Уральскаго. Въ составъ этой страны входятъ:

1) Канинская земля.

Предѣлы ея. Канинская земля граничитъ къ сѣверу съ сѣвернымъ океаномъ, къ востоку — съ Чешскою губою и Тиманскою землею, къ югу — съ рѣками Мезенью и Пезою, къ западу — съ Бѣлымъ моремъ. Лежитъ подъ 66—69 гр. сѣв. шир. и 62—64 восточ. долготы.

Пространство. Полуостровъ между Бѣлымъ моремъ и Чешскою губою далеко выдается въ Сѣверный океанъ; отъ Океана до рѣки Пезы, южной границы Канинской земли, считается около 500 верстъ, отъ устья Неси до Вижаса около 80, а на сѣверномъ концѣ отъ Микулкина до Тонкаго, или Канина, носа около 150 верстъ.

Рѣки: 1) *притоки Бѣлаго моря:* a) *Несь* выходитъ изъ озера *Несскаго*. Въ ней ловятся: нельма, сиги, налимы, камбала, навага и другая бѣлая рыба. По берегамъ растетъ еловый, а частію лиственичный, березовый, ольховый и другой небольшой лѣсъ. На правомъ берегу Неси находится самоѣдская, приходская для сей тундры, деревянная церковь, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Церковь эта, съ домами для причта, построена на Высочайше ассигнованную сумму 25,000 руб. ассигн. При Неси есть также русское селеніе, состоящее изъ семи домовъ мезенскихъ мѣщанъ, промышляющихъ рыбными и звѣриными промыслами. Содержимый ими скотъ пасется на лугахъ Неси.

b) *Мгла*, *Яжма*, *Черна* и *Чижа* берутъ начало свое изъ болотъ. Всѣ онѣ изобильны рыбою, особенно же Мгла и Чижа, въ которыхъ ловится много крупныхъ навагъ, вѣсомъ въ 1/2 фунта, и другой бѣлой рыбы. Въ устьяхъ всѣхъ этихъ рѣкъ промышляютъ морскихъ звѣрей: зайцевъ и нерпъ. По берегамъ Мглы и Яжмы растетъ кое-гдѣ еловый лѣсъ, а берега Черны и Чижи совершенно безлѣсны. Здѣсь кочуютъ канинскіе Самоѣды зимою, и эти зимнія кочевья ихъ простираются къ югу до рѣки Пезы. При рѣкѣ Чижѣ сверхъ-того бываютъ частію весеннія и частію лѣтнія кочевья Самоѣдовъ; на правой ея сторонѣ, близъ устья этой рѣки, лежатъ широкія *лайды* равнины, понимаемыя весеннею морскою водою и оттого обильныя солеными морскими травами; а далѣе вверхъ тянутся хорошіе луга, на которыхъ растетъ много золототысячника (Erytraea Centaurium). Вершина Чижи соединяется съ вершиною Чеши, и по этимъ двумъ рѣкамъ переѣзжали прежде изъ Бѣлаго въ Ледовитое море, на довольно большихъ лодкахъ; нынѣ проѣздъ этотъ заросъ зыбкимъ мхомъ и разными водяными растеніями. Полагаю, что если прорыть легкую поверхностную канавку, то вода, устремившись въ нее, сама собою разчиститъ прежній проѣздъ, и такимъ-образомъ можно будетъ перевозить товары съ Двины на Печору и обратно.

c) *Шомокша*, *Каменна*, *Волосова* и *Кія* бѣгутъ съ Шомоховскихъ горъ. Берега ихъ служатъ весенними кочевьями канинскимъ Самоѣдамъ.

d) *Шойна*, *Мѣстна*, *Торна*, *Сальница*, *Бугреница*, *Большая*

и *Малая* и *Лазариха*, текутъ изъ Канинскаго хребта. Въ нихъ ловятся: нельма, сиги, налимы, окуни, щуки и другая бѣлая рыба. Особенно примѣчательны Шойна и Большая Бугреница; въ первой ловятся омули, а въ послѣдней — красная рыба гольцы. Берега Шойны кромѣ того изобилуютъ широкими лайдами. Хорошіе оленніе мхи привлекаютъ сюда канинскихъ Самоѣдовъ весною, осенью и частію лѣтомъ.

2) *Рѣки, бѣгущія въ Сѣверный океанъ изъ Канинскаго хребта*: а) *Зенова*, *Крестова*, *Камбальница*, *Большая* и *Малая*, *Рыбна* и *Песчанка*, богаты рыбою; въ Камбальницахъ ловится много камбалы, а въ Рыбной — гольцовъ. Берега этихъ рѣкъ, равно-какъ и Канинскій каменный хребетъ и другіе земляные хребты, а также берега Сѣвернаго океана служатъ лѣтними кочевьями Самоѣдовъ и славятся звѣриными промыслами, рыбными ловлями, оленьими мхами и листовыми травами, служащими въ лѣтнее время пищею для оленей.

3) *Притоки Чешской губы*: а) *Жемчужна*, бѣгущая съ Канинскаго хребта;

b) *Костылиха*, *Губиста*, *Собачья*, выходящія изъ болотъ;

c) *Чеша* — изъ Шомоховскихъ горъ;

d) *Голубница* и *Перепускъ* — изъ болотъ.

На этихъ рѣкахъ, обильныхъ рыбою, Самоѣды имѣютъ свои зимнія кочевья, а русскіе крестьяне, платящіе подати и по своимъ селеніямъ, и по жительству въ тундрѣ для промысловъ, — на каждой рѣкѣ по два дома.

Устья всѣхъ рѣкъ Канинской земли очень мелководны, и въ нихъ можно входить только во время морскаго прилива.

Озера: *Вижлако*, *Несско*, *Окладниково*, *Яжемско*, *Парусно*, *Куренгино*, *Долгое*, *Каменно*, *Конюшенско*, *Десницынско*, *Новиношно*, *Волосовско*, *Буторкино*, *Щучье*, *Криво*, *Богато*, *Сашково*, *Выльково* и *Болванско*, изобилуютъ щуками, окунями, сигами, язями и другою бѣлою рыбою и довольно велики; мелкихъ же озеръ въ Канинской землѣ очень много.

Качество земли. Канинская тундра состоитъ то изъ травяныхъ и влажныхъ, то изъ болотистыхъ (торфяныхъ) и мокрыхъ равнинъ, со множествомъ продолговатыхъ или круглыхъ кочекъ. Особенно болотисты равнины, идущія отъ рѣки Неси на сѣверъ до рѣки Чижи и на востокъ до рѣки Пеши. По берегамъ рѣкъ Чижи, Шойны, Кіи, Мѣстны, Чеши и дру-

гихъ тянутся широкія лайды, а за ними по большей части лежатъ узкіе луга, съ листовыми луговыми травами. Лайды начинаются отъ устьевъ рѣкъ верстъ за десять и далѣе. Въ южной части тундры, на твердыхъ мѣстахъ, земля болѣе ровная, а въ сѣверной — гористая.

Горные хребты: хребетъ Канинскихъ каменныхъ горъ, называемый болѣе *Канинскимъ камнемъ*, начинается отъ Микулкина мыса, въ Чешской губѣ, проходитъ поперекъ весь Канинскій полуостровъ и оканчивается въ Сѣверномъ океанѣ длиннымъ, семидесятиверстнымъ мысомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Канина*, или *Тонкаго, носа*. *Канинскій* хребетъ, имѣющій въ длину около 150 и въ ширину около 40 верстъ, съ южной стороны утесистъ, а съ сѣверной — отлогъ и низменъ; состоитъ бо́льшею частію изъ глинистаго сланца, талька, известковаго камня и другихъ породъ. На сѣверномъ морскомъ берегу, между рѣками *Большою* и *Малою* Камбальницами и Рыбною, лежитъ слой глинистаго сланца, съ кристаллами желѣзнаго колчедана; слой этотъ покрывается во время приливовъ морскою водою. Лѣсовъ на Канинскомъ хребтѣ вовсе нѣтъ, и среди лѣта очень часто дуютъ на немъ пронзительные холодные вѣтры, и ясные дни бываютъ чрезвычайно рѣдко; въ вечеру же почти ежедневно весь хребетъ покрывается густымъ туманомъ, а осенью и зимою на немъ безпрерывно свирѣпствуютъ страшныя мятели. На самой вершинѣ хребта нерѣдко встрѣчаются топкія болота, а въ глубокихъ впадинахъ его, пробитыхъ рѣками, во все лѣто лежитъ снѣгъ, и эти впадины служатъ для пасущихся здѣсь оленей благодѣтельнымъ убѣжищемъ отъ зноя и комаровъ.

Канинскій хребетъ, вѣроятно, составляетъ продолженіе прерваннаго Чешскою губою *Чаицына камня*. Оба эти хребта лежатъ другъ противъ друга, одинъ на Канинскомъ, а другой на Тиманскомъ берегу, въ Чешской губѣ; по направленію этихъ хребтовъ тянется подъ водою сплошной камень.

Земляные хребты: а) *Болвановскій* хребетъ получилъ названіе свое отъ множества стоявшихъ здѣсь идоловъ, которымъ поклонялись канинскіе Самоѣды до принятія крещенія. Онъ начинается недалеко отъ Микулкина мыса и проходитъ поперекъ всю почти Канинскую землю; въ длину тянется верстъ

на сто, въ ширину рѣдко имѣетъ болѣе двухъ верстъ. Высотою не уступаетъ Канинскому камню.

b) *Комлевскій* идетъ отъ Канинскаго камня на сѣверъ до Океана, или устья рѣки *Комлевой*, отъ которой и получилъ свое названіе; довольно высокъ и имѣетъ много отдѣльныхъ холмовъ, которые называются *Комлевскими сопками*. Расходясь въ стороны версты на двѣ, въ длину онъ тянется верстъ около двадцати-пяти.

c) *Костяной*, начинающійся отъ того же Канинскаго камня, оканчивается у Сѣвернаго океана, при рѣкѣ *Крестовой*. Довольно высокъ; въ длину верстъ 20, а въ ширину не болѣе версты.

d) *Асбидъ* идетъ вдоль по берегу Сѣвернаго океана, отъ рѣки *Москвиной* до рѣки *Крынки*. Такой же высоты, какъ и предъидущіе хребты, но безъ холмовъ; въ длину около 20, а въ ширину не болѣе 4 верстъ.

e) Въ сѣверной части Канинской земли есть еще и другіе земляные хребты; но они не значительны.

Шомоховскія горы, начинаясь отъ *Конушина носа*, у Бѣлаго моря, входятъ далеко во внутренность земли и, образуя собою полукружіе, снова выходятъ къ Бѣлому морю у рѣки *Шомокши*, отъ которой и получили свое названіе. Въ основаніи имѣютъ твердую, песчаноглинистую почву; вершины же ихъ состоятъ изъ песчаныхъ холмовъ, идущихъ рядами, близко другъ отъ друга.

Недалеко отъ Шомоховскихъ горъ, на берегу Бѣлаго моря, при рѣкѣ Кіѣ, возвышается отдѣльная гора, извѣстная подъ именемъ *Кійской сопки*. На ней стояли прежде идолы канинскихъ Самоѣдовъ; съ принятіемъ христіанства эти идолы мало-по-малу исчезли. Кійская сопка не только съ моря, но и съ матерой земли видна верстъ за шестьдесятъ.

Произрастенія. Произрастенія въ Канинской землѣ слѣдующія:

a) *Лѣса:* еловый, сосновый, лиственичный и березовый. Лѣсъ вообще мелокъ, закомлистъ и растетъ только въ южной части Канинской земли, подлѣ рѣкъ: Неси, Вижаса, Омы, Снопы, Пеши, Мезени и Пезы. За рѣкою же Яжмою, по всему канинскому берегу, нѣтъ никакихъ лѣсовъ; только на Шомо-

ховскихъ горахъ есть нѣсколько низменнаго, закомлистаго лѣса, похожаго болѣе на кустарникъ, нежели на лѣсъ.

b) *Кустарники:* 1) *ивнякъ* растетъ бо́льшею частію по берегамъ рѣкъ и по мокрымъ низменнымъ мѣстамъ. Самоѣды называютъ его *ипро*, а Русскіе — *еро;* въ безлѣсныхъ тундрахъ употребляется онъ вмѣсто дровъ. 2) *Можжевельникъ* встрѣчается по берегамъ рѣкъ, но рѣдко. 3) *Березовая еланка* (Betula nana L.) и 4) *багульникъ* (Ledum palustre L.) покрываютъ всѣ низкія болотныя мѣста.

c) *Травы:* 1) на низменныхъ влажныхъ мѣстахъ растутъ обыкновенныя болотныя травы, и между ними во множествѣ *болотный пухъ* (Eriophorum spec. plures). 2) На лугахъ, около рѣкъ и озеръ, также около Канинскаго хребта и на самомъ хребтѣ, есть разныя листовыя и врачебныя травы; изъ нихъ замѣчательны: *полынь* (особаго рода), или *чернобыльникъ* (Artemisia Tilesii Ledeb.), *золототысячникъ* (Erythraea Centaurium), *тысячелистникъ* (Achillea millefolium), *мать-мачиха* (Tussilago Farfara), *ложная ромашка* (Pyrethrum inodorum), *волчій корень* (Aconitum Lycoctonum L.), *щавель* (Rumex Acetosa et Acetosella L,), родъ *конскаго щавеля* (reniformis Oxyria Hook), *киселица* (Oxalis Acetosella) и другія. 3) На лайдахъ растетъ *морской лукъ* (Allium Schoenoprasum L.) и другія, бо́льшею частію низменныя, свойственныя приморскимъ берегамъ и на вкусъ солоноватыя травы. Изъ травъ Канинской земли примѣчательны еще: а) *дикая рожь* (Elymus arenarius L.). Стебель ея вышиною въ аршинъ и выше; колосъ во время цвѣта похожъ на полевую рожь, а когда поспѣетъ, бываетъ гораздо шероховатѣе полевой. Цвѣтетъ она въ началѣ іюля, а поспѣваетъ въ концѣ августа; зерна дикой ржи тонковаты, съ одной стороны полукруглы и похожи на зерна полевой ржи, а съ другой — впадисты и жолобковаты. Растетъ кустиками и рѣдко сплошными полосками, на песчаномъ грунтѣ, по берегу Бѣлаго моря, особенно при устьяхъ впадающихъ въ него рѣкъ: Неси, Яжмы, Чижи и другихъ. Смолотая изъ дикой ржи мука на видъ бѣло-желтовата, вкусомъ похожа болѣе на ячменную, нежели на обыкновенную ржаную муку; выпеченный изъ нея хлѣбъ довольно вкусенъ. Но собирать эту рожь для употребленія въ пищу не выгодно, потому-что ея очень мало. б) *Дикій горохъ* (Vicia sepium L.), какъ стеблемъ, такъ

и листами, похожъ на обыкновенный, только гораздо ниже его. Цвѣтетъ въ началѣ и поспѣваетъ въ половинѣ августа; цвѣтки бѣло-фіолетовые, стручки длиною въ вершокъ и болѣе; зерна похожи на зерна сѣяннаго гороха меньшаго сорта, видомъ сѣроваты, на вкусъ не противны. Дикій горохъ растетъ на песчаномъ грунтѣ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ и дикая рожь, только не вездѣ и въ небольшомъ количествѣ. в) *Дикій лукъ* (Allium schoenoprasum L.) имѣетъ стебель кругловатый, не толстый и длиною въ поларшина; верхушка или сѣмянникъ, какъ у сѣяннаго лука. Дикій лукъ растетъ въ большомъ изобиліи на прирѣчныхъ лугахъ и лайдахъ по всей Канинской землѣ и, пока не жестокъ, употребляется въ пищу Самоѣдами.

d) *Ягоды: морошка* (Rubus Chamaemorus L.), растущая въ большомъ изобиліи, *голубица* (Vaccinium uliginosum L.), *брусница* (Vaccinium Vitis Idaea L.) и *вороница* (Empetrum nigrum L.).

е) *Ягель*, или оленій мохъ, бываетъ бѣлый, бѣло-желтоватый и черный. *Бѣлый мохъ* (Cladonia rangiferina Hoffm.), вышиною отъ одного до трехъ вершковъ, имѣетъ стволъ одиночный, трубчатый, внутри полый; а корень раскидной. Растетъ по болотамъ (торфянымъ) и плотнымъ сухимъ мѣстамъ. Виды бѣлаго ягеля отличаются только образованіемъ верхушекъ, корень же и стволъ у всѣхъ одинаковъ. Верхушки эти — или одиночныя, или маловѣтвистыя, или кудрявыя, или пучковатыя, съ густою вверху шапочкою изъ мелкочастыхъ вѣтвей. 2) *Бѣло-желтоватый мохъ* (Cladonia nivalis), вышиною въ вершокъ; вершина колѣнчатая и зубчатая; отъ верху до комля стебель безствольный, тонкій, какъ листъ, но нѣсколько широкій, съ зубцами по краямъ; корень короткій и широкій. Растетъ по сухимъ мѣстамъ и считается лучшимъ для оленей. 3) *Черный мохъ* (Erernia divergens Fr.) вышиною въ полтора вершка и выше; вершина зубчатая; отъ вершины до корня стебель безствольный, тонкій, широкій, кривой, зубчатый; корень тонкій и длинный. Растетъ болѣе на сухихъ мѣстахъ, на хребтахъ и на утесахъ каменныхъ горъ. Черный ягель, какъ и бѣлый, бываетъ разныхъ видовъ, отличающихся образованіемъ верхушекъ; у однихъ онѣ узкія, раскидныя наподобіе оленьихъ роговъ, у другихъ широкія, а у иныхъ

частыя и какъ бы сплошныя. Есть также черный мохъ—тонкій, круглый, волосовидный; онъ чернѣе всѣхъ прочихъ видовъ.

Всѣ эти и другіе роды ягеля, какъ-то: синіе, бурые, фіолетовые, въ изобиліи растутъ по Канинскому хребту и въ лѣсистыхъ мѣстахъ близъ Пезы; а по прочимъ мѣстамъ Канинской земли онъ весь почти вытравленъ и выбитъ оленьими стадами русскихъ промышленниковъ.

Климатъ въ Канинской землѣ холоденъ и суровъ: рѣки замерзаютъ здѣсь въ началѣ и половинѣ октября, а вскрываются въ половинѣ и даже въ концѣ мая.

Промыслы. Въ морѣ, по берегамъ вокругъ Канинскаго полуострова, промышляютъ морскихъ зайцевъ, нерпъ и тюленей, а частію моржей и бѣлыхъ медвѣдей; на тундрѣ — песцовъ, лисицъ, волковъ и дикихъ оленей. Въ рѣкахъ ловятъ нельму, кумжу, гольцовъ, сиговъ, камбалъ, налимовъ, навагъ, щукъ и окуней, а въ озерахъ—сиговъ, язей, налимовъ, щукъ, окуней и сорогъ. Изъ птицъ промышляютъ лебедей, гусей, гагаръ, утокъ разныхъ родовъ и куроптей, наиболѣе же послѣднихъ. На добычу, полученную на промыслахъ, канинскіе Самоѣды вымѣниваютъ у Мезенцевъ хлѣбъ, порохъ, свинецъ и другія нужныя для нихъ вещи.

Главный же промыселъ Самоѣдовъ— оленоводство: на оленяхъ они ѣздятъ, мясо ихъ употребляютъ въ пищу, а кожами одѣваются. Богатѣйшіе изъ канинскихъ Самоѣдовъ имѣютъ до тысячи оленей, средніе штукъ по двѣсти, а бѣдные по пятидесяти и менѣе. Нѣкоторые даже, не имѣя вовсе оленей, пасутъ стада у Русскихъ, за самую ничтожную плату.

Число жителей. Въ Канинской землѣ считается Самоѣдовъ: мужескаго пола 470, женскаго 477, а всего 947 человѣкъ.

II. Тиманская земля.

Предѣлы. Тиманская земля граничитъ къ сѣверу съ Сѣвернымъ океаномъ, къ востоку — съ рѣкою Печорою, къ югу — съ рѣкою Цыльмою, къ западу — съ рѣкою Пёшею и Канинскою землею. Лежитъ подъ 66—69 гр. сѣв. шир. и 64—71 восточной долготы.

Пространство. Тиманская земля, начинаясь за Канинскимъ полуостровомъ, тянется по берегу Чешской губы и Сѣвернаго

океана, отъ рѣки Пёши до Печоры. Въ длину она имѣетъ, примѣрно, около 600, а въ ширину до 400 верстъ.

Рѣки. 1) Значительнѣйшія изъ впадающихъ въ Чешскую губу, *Пёша* и *Индига*, выходятъ изъ Чаицына камня. Въ Пёшѣ ловятъ сиговъ, налимовъ, навагъ, щукъ, окуней и другую бѣлую рыбу, особенно же налимовъ и навагъ; а поблизости моря промышляются въ Пёшѣ: бѣлуги, зайцы и нерпы. Берега ея покрыты сосновымъ, отчасти строевымъ, лиственичнымъ, еловымъ, березовымъ, ольховымъ и другимъ лѣсомъ. На Пёшѣ находятся приходская самоѣдская церковь, во имя Пресвятыя Троицы, и три избы Русскихъ. Одинъ изъ этихъ обывателей сѣетъ ячмень и разводитъ огородныя растенія. Около рѣки Пёши, по лѣсистымъ мѣстамъ, имѣютъ свои зимнія кочевья Самоѣды. Въ рѣкѣ *Индигѣ*, кромѣ рыбъ, водящихся въ Пёшѣ, попадаются кумжа и омули. Пустынные берега этой рѣки лѣтомъ оживляются кочевьями тиманскихъ Самоѣдовъ, которые въ это время промышляютъ въ устьѣ ея морскихъ звѣрей.

Другіе притоки Чешской губы: *Прещетинница*, *Безужна*, *Песчанка*, *Волонга*, *Грабежна*, *Велика*, *Черна* и *Васкина*, вытекаютъ изъ болотъ. По безлѣснымъ берегамъ этихъ рѣкъ кочуютъ то тамъ, то сямъ Самоѣды съ своими оленьими стадами.

2) Въ Ледовитое море бѣгутъ по Тиманской землѣ: *Большой* и *Малый Горносталь*, *Большая* и *Малая Ярыжна*, *Велть*, *Черна*, *Верхній* и *Нижній Шаръ*, *Обманный Шаръ* и *Колоколкова*. Всѣ эти рѣки выходятъ изъ хребта Сегриги. Губа рѣки *Колоколковой* довольно обширна, но мелка; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубина ея доходитъ до двухъ саженъ. Берега рѣки Колоколковой, обильные оленьимъ мхомъ, особенно удобны для зимнихъ кочевьевъ. На прочихъ рѣкахъ, впадающихъ въ Ледовитое море, Самоѣды бываютъ съ своими стадами только лѣтомъ.

Озера. Въ Тиманской землѣ, кромѣ мелкихъ озеръ, примѣчательны по величинѣ: *Урдюга*, *Острогисто*, два *Лебяжьи*, *Щучье*, *Пятово*, четыре *Индигскія*, *Мышье*, *Сорваны* и *Икця*. Вода въ озерѣ Урдюгѣ, неблизкомъ отъ моря, прибываетъ и убываетъ два раза въ сутки. Въ немъ много пелядей и сиговъ.

Поверхность и качество земли. Тиманская земля есть обширная равнина, которая только по сторонамъ Чаицына камня имѣетъ нѣкоторыя возвышенности. На этихъ возвышенностяхъ земля по бо́льшей части плотная, сухая, песчано-глинистая, между-тѣмъ, какъ отъ рѣки Пёши до рѣки Черной почти сплошь все мокрая, болотная (торфяная), кочковатая. Только при рѣкахъ Пёшѣ и Индигѣ есть нѣсколько порядочныхъ луговъ.

Горы. Чаицынъ Камень, отрогъ Уральскаго хребта, пересѣкаетъ рѣки Пижму, впадающую въ Мезень, Рочегу и Цыльму, гдѣ за 20 верстъ отъ рѣки *Космы*, въ XV вѣкѣ, найдена была въ этомъ хребтѣ серебряная и мѣдная руда (Ист. Госуд. Рос. т. VI. Примѣч. 360). Отъ Цыльмы Чаицынъ камень идетъ къ вершинѣ *Пёши*, а отсюда сначала на сѣверъ, а потомъ на сѣверо-западъ, и въ этомъ направленіи достигаетъ *Чаицына мыса;* далѣе выказывается изъ-подъ воды лудами или Чаичьими островками, названными такъ отъ множества водящихся на нихъ чаекъ. Чаицынъ камень вообще не высокъ и только въ ущельяхъ и по берегамъ рѣкъ имѣетъ изрѣдка утесы. Въ южныхъ мѣстахъ растутъ на немъ ель, сосна, лиственица, береза и ольха, а въ сѣверныхъ только одинъ ягель, служащій пищею для оленей, когда они во время лѣтнимъ жаровъ пригоняются сюда изъ тундры. Въ Чаицынѣ камнѣ, при рѣкѣ Индигѣ, добываютъ окрестные жители камень для точилъ.

Отъ сего хребта, близъ источниковъ рѣки Сулы, отдѣляется земляной отрогъ, *Пасмбой;* онъ идетъ къ сѣверо-востоку. Недалеко отъ рѣки Индиги возвышаются двѣ сопки: *Болванская* и *Кекуръ*.

Произрастенія. По южной границѣ Тиманской земли по мѣстамъ растутъ: ель, сосна, лиственица, береза, ольха и другой лѣсъ; въ средней части тундры, и то только по берегамъ рѣкъ, можно замѣтить еще небольшую ель, закомлистую и коренковатую, а въ сѣверной полосѣ Тиманской земли нѣтъ уже вовсе лѣса.

Кустарники, травы и ягель въ Тиманской землѣ тѣ же, что́ въ Канинской.

Климатъ. Въ южной части Тиманской земли климатъ умереннѣе, нежели въ сѣверной; въ этой послѣдней онъ столь же

суровъ, какъ и въ землѣ Канинской, судя по замерзанію рѣкъ, одновременному въ сравниваемыхъ мѣстностяхъ.

Промыслы. Звѣриные, рыбные и птичьи промыслы тиманскихъ Самоѣдовъ тѣ же, что у канинскихъ, только бѣднѣе. По всему морскому берегу, особливо на *Святомъ носу*, они промышляютъ: моржей, морскихъ зайцевъ, тюленей и нерпъ, а на тундрѣ — песцовъ, лисицъ, медвѣдей, волковъ, зайцевъ, горностаевъ и дикихъ оленей. Почти вся часть добычи тиманскихъ Самоѣдовъ идетъ черезъ мѣну къ Пустозерцамъ и Мезенцамъ.

Число жителей. Въ Тиманской землѣ считается до 827 человѣкъ, въ томъ числѣ 391 мужчина и 436 женщинъ.

III. Большая земля.

Большая земля, или Большеземельская тундра, простирается отъ рѣки Печоры до Уральскихъ горъ и устья рѣки Кары. Полагаютъ, что въ длину она тянется верстъ на 1,000, а въ ширину будто бы имѣетъ около 600 верстъ. Названіе дано ей по ея величинѣ: и Канинская и Тиманская земли гораздо ея меньше. Она раздѣляется на кочевья пустозерскихъ, ижемскихъ и устьцѣлемскихъ Самоѣдовъ.

1. Кочевья пустозерскихъ Самоѣдовъ.

Предѣлы. Кочевья пустозерскихъ Самоѣдовъ ограничиваются къ сѣверу Ледовитымъ моремъ, къ востоку Уральскими горами и рѣкою Карою, къ югу кочевьями ижемскихъ Самоѣдовъ, а къ западу рѣкою Печорою. Лежатъ подъ 68—70 гр. сѣверной широты и 71—83 гр. восточной долготы.

Пространство. Пустозерскіе Самоѣды владѣютъ всѣмъ прибрежьемъ Ледовитаго моря отъ рѣки Печоры до рѣки Кары, въ длину верстъ на 1,000; а въ ширину кочевья ихъ идутъ отъ моря, примѣрно, верстъ на 250.

Рѣки. 1) Въ Ледовитое море текутъ по кочевьямъ пустозерскихъ Самоѣдовъ: *Песчанка, Іевка, Черна, Варандѣй, Бурловая, Песчанка, Заворотска, Хайпутырь* и *Коротаиха*. Всѣ онѣ берутъ начало въ Большеземскомъ хребтѣ.

2) Въ Югорскій шаръ впадаетъ Оіо, идущій изъ Арктическаго Урала.

3) Притоки Карскаго моря: *Мидаса, Хандеса, Ванделая* и

Талата, бѣгущіе изъ того же хребта, и *Кара*, вытекающая изъ Уральскаго хребта.

Кара славится омулями, а *Коротаиха* замѣчательна и обиліемъ рыбныхъ промысловъ, и чудскими земляными пещерами, въ которыхъ, по самоѣдскимъ преданіямъ, когда-то въ древности жила Чудь. Пещеры эти въ 10 верстахъ отъ устья, на правомъ берегу, на косогорѣ, который издревле по-самоѣдски называется *Сирте ся* (Чудская гора).

Озера. По всей Пустозерской тундрѣ и на Большеземскомъ хребтѣ небольшихъ озеръ чрезвычайное множество. Важнѣйшими по величинѣ считаются: *Пурсундуй*, *Васильково*, *Торовей*, *Парчіо*, *Ямбуй*, шесть озеръ *Сырьяровъ* и *Сівяндо*. Большая часть изъ этихъ озеръ въ окружности имѣютъ верстъ около 20, а нѣкоторыя и болѣе, и всѣ они изобилуютъ рыбою.

Почва. Земля въ пустозерскихъ кочевьяхъ, отъ проходящихъ по нимъ горныхъ хребтовъ и холмовъ, представляетъ удобные скаты для дождя и снѣговой воды и оттого довольно тверда и суха, такъ-что болотныхъ мѣстъ здѣсь не такъ много. Сверхъ-того при рѣкахъ *Песчанкѣ*, *Черной*, *Хайпутырѣ*, *Коротаихѣ* и другихъ вблизи моря тянутся длинныя и широкія лайды, а во внутренности кочевьевъ — хорошіе для оленей луга.

Горные хребты. Хребтовъ въ сихъ кочевьяхъ много; изъ нихъ примѣчательнѣйшіе суть:

a) *Каменный хребетъ Уральскихъ горъ*, проходящій за рѣкою Карою, упирается недалеко отъ ея устья въ Карское море и здѣсь, какъ бы подчинившись вліянію сѣверной природы, теряетъ свое величіе и едва-едва примѣтенъ. За Карою примѣчателенъ въ Уральскомъ хребтѣ проломъ, черезъ который ѣздятъ въ Сибирь къ мѣстечку Носовому и въ Обдорскъ Самоѣды, Пустозерцы и Ижемцы, съ пушными и другими товарами.

b) *Арктическій, или Самоѣдскій, Уральскій каменный хребетъ*, начинаясь около верховьевъ рѣки Кары, идетъ отдѣльною вѣтвію, по лѣвой ея сторонѣ, сперва на сѣверо-западъ, а потомъ на западъ къ рѣкѣ Оіо, или Великой, затѣмъ вмѣстѣ съ нею устремляется на сѣверъ въ Югорскій шаръ и кидается въ море мысомъ *Манесале*. Самоѣдскій хребетъ въ длину тянется верстъ на 300, а въ ширину разступается верстъ

на 40. Онъ выше Канинскаго и Тиманскаго хребтовъ и при рѣкахъ Талатѣ и Великой представляется взору путника, утомленному однообразіемъ пустынной равнины, въ грозномъ величіи, а при соединеніи Югорскаго шара съ Карскимъ моремъ показывается передъ изумленнымъ промышленникомъ огромномъ утесомъ, который, отъ подошвы до вершины, весь яркаго, свѣтло-желтоватаго, блестящаго цвѣта.

c) *Земляной Большеземельскій хребетъ*, проходящій вдоль тундры ижемскихъ Самоѣдовъ, своими изгибами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вдается въ Пустозерскую тундру, особенно при вершинахъ рѣкъ: *Черной*, *Урера* и *Коротаихи*. Начинаясь за 35 верстъ отъ рѣки Печоры, этотъ хребетъ тянется вдоль всей Большеземельской тундры, склоняясь то къ югу, то къ сѣверу, и съ изгибами проходитъ болѣе 2,000 верстъ. Отъ этого длиннаго хребта отдѣляется множество другихъ, побочныхъ хребтовъ.

Болванскія горы находятся при рѣкѣ Песчанкѣ и называются такъ отъ бывшихъ на нихъ самоѣдскихъ идоловъ. Каменная гора, *Пытковъ камень*, возвышается на пустынномъ берегу Сѣвернаго океана, между Болванскимъ носомъ и островомъ Варандеемъ; имѣетъ овальную фигуру; поверхность ея покрыта землею.

Произрастенія. Въ кочевьяхъ пустозерскихъ Самоѣдовъ лѣсъ уже рѣдкость; ель, въ самомъ небольшомъ количествѣ, находится недалеко отъ Пустозерскаго прихода, также при рѣкѣ Хайпутырѣ и въ такъ-называемыхъ Халмеровыхъ островахъ. Острова эти небольшіе перелѣски, отстоящіе верстъ на десять отъ рѣки Точъяги, не подалеку отъ озера Урера. Главный изъ Халмеровыхъ острововъ въ длину около трехъ, а въ ширину около одной версты; прочіе же менѣе. (*) Лѣсъ въ Халмеровыхъ островахъ, старинномъ кладбищѣ пустозерскихъ Самоѣдовъ, нынѣ уже весь замеръ отъ стужи.

Есть еще нѣсколько лѣсовъ около рѣкъ Шапкиной и Точъяги; въ другихъ же мѣстахъ Пустозерской тундры вовсе не растетъ никакого лѣса. Изъ кустарниковъ встрѣчаются *ценякъ*, *можжевельникъ*, а изъ травъ тѣ же, какія и въ канинскихъ

(*) Въ самоѣдскихъ тундрахъ вообще перелѣски называются островами.

кочевьяхъ. При рѣкахъ много растетъ особаго рода *полыни*, или *чернобыльника*, *пупавки* и *мать-мачихи*, а по низменностямъ—*болотнаго пуха* и нѣкоторой породы *конскаго щавеля*, называемаго Самоѣдами *оленною травою*. Ягель, отчасти потравленный оленьими стадами Зырянъ и Русскихъ, по мѣстамъ очень хорошъ и содержитъ много бѣлаго, бѣло-желтаго и разныхъ видовъ чернаго мха. Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ первымъ и вторымъ, стелется по твердымъ и сухимъ берегамъ рѣкъ *Хырмора* и *Хайпутыра*, верстъ на 100 сряду, отчего эти плотныя мѣста имѣютъ весьма пріятный видъ.

Климатъ. Одно уже отсутствіе лѣса указываетъ намъ на сильный холодъ Пустозерской тундры: лѣто продолжается тамъ иногда не долѣе двухъ мѣсяцевъ; рѣки, бѣгущія по пустыннымъ тундрамъ, замерзаютъ тамъ въ половинѣ и концѣ сентября, а вскрываются только въ половинѣ и концѣ іюня.

Промыслы. На берегахъ Ледовитаго моря, а особливо около острововъ *Вайгача*, *Долгаго* и *Матвѣева* пустозерскіе Самоѣды промышляютъ моржей, морскихъ зайцевъ, нерпъ и изрѣдка бѣлыхъ медвѣдей, а въ глубинѣ тундры ловятъ песцовъ, черныхъ, бѣлыхъ, голубыхъ и крестоватиковъ. Послѣдніе три вида песцовъ не составляютъ особой породы. Крестоватиками называются молодые песцы, съ мелкою шерстью, ловимые весною; голубыми — съ среднею шерстью, добываемые осенью, а бѣлые—съ густою шерстью, ловимые зимою. Черные песцы очень рѣдки и дороже прочихъ; они живутъ только въ плотныхъ частяхъ тундры. Самоѣды промышляютъ также лисицъ красныхъ, краснобурыхъ, чернобурыхъ, называемыхъ *кузнечиками*, черныхъ и бѣлыхъ. Черныя лисицы рѣдки и продаются въ самыхъ кочевьяхъ около 150 рублей за штуку, а бѣлыя и вовсе не имѣютъ опредѣленной цѣны по своей чрезвычайной рѣдкости; красныя же и краснобурыя лисицы и *кузнечики*, также волки и зайцы промышляются во множествѣ въ Пустозерской тундрѣ. Въ рѣкахъ Самоѣды ловятъ гольцовъ, омулей, нельму, чировъ, пеледей и сиговъ, а въ озерахъ чировъ, пеледей, сиговъ, налимовъ, щукъ, окуней и сорогъ. Главный, рыбный и звѣриный, промыселъ Самоѣдовъ бываетъ при устьѣ рѣки Коротаихи, которая, вмѣстѣ съ Югорскимъ шаромъ, издавна служитъ сборнымъ мѣстомъ звѣролововъ-Самоѣдовъ и пустозерскихъ крестьянъ. Съ 25

марта, Пустозерцы изъ своихъ домовъ, а Самоѣды изъ лѣсистыхъ мѣстъ отправляются на Коротаиху и идутъ къ ней съ чумами и стадами оленей, переходя около 20 или 25 верстъ въ день. Около половины апрѣля достигаютъ они устья Коротаихи и съ 23 числа принимаются за промыселъ тюленей въ губѣ и по морскимъ берегамъ; промыселъ этотъ продолжается непрерывно до 24 іюня. Тюленей бьютъ изъ ружей на льду, когда они выходятъ изъ воды въ нарочно приготовленныя для нихъ проруби. По вскрытіи Коротаихи и ближайшихъ къ ней рѣчекъ, промышленники съ 25 іюня занимаются ловлею и соленіемъ омулей и сиговъ; это рыболовство продолжается около двухъ недѣль. Затѣмъ начинается тундряной лѣтній промыселъ птицъ: оперенныхъ гусей стрѣляютъ и ловятъ капканами, а вылинявшихъ по мелководнымъ озерамъ ловятъ неводами или бьютъ палками; пухъ поступаетъ въ продажу, а мясо, сушеное или соленое, составляетъ провизію на зиму. Въ іюлѣ и августѣ нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ и болѣе предпріимчивыхъ промышленниковъ пускаются на карбасахъ далеко въ море и достигаютъ *Новой земли*, гдѣ бьютъ моржей, тюленей и морскихъ зайцевъ. Съ 20 августа начинается на Коротаихѣ осенняя ловля омулей и сиговъ и продолжается до морозовъ. Насоленую въ это время рыбу Пустозерцы скупаютъ у Самоѣдовъ и отправляютъ съ Печоры въ Мезень и Пинегу, а откуда идетъ она въ Архангельскъ. Во все время промысловъ стада оленей пасутся около вершинъ Коротаихи, на Арктическомъ хребтѣ или въ окрестныхъ мѣстахъ. Въ первыхъ числахъ ноября, и Пустозерцы и Самоѣды пускаются въ обратный путь на оленяхъ. Первые приходятъ на Печору въ концѣ декабря, а послѣдніе около половины января. Самоѣды во время зимняго пути по тундрѣ ловятъ песцовъ, лисицъ, волковъ и дикихъ оленей; мѣха этихъ звѣрей они продаютъ въ Пустозерскѣ.

Число жителей. Пустозерскихъ Самоѣдовъ считается всего 1,679 человѣкъ, въ томъ числѣ 838 мужчинъ и 841 женщина.

2. Кочевья ижемскихъ Самоѣдовъ.

Предѣлы. Кочевья ижемскихъ, или лѣсовыхъ, Самоѣдовъ лежатъ подлѣ кочевьевъ пустозерскихъ Самоѣдовъ, съ

южной стороны; къ востоку и югу они ограничиваются Уральскими горами, а на западъ упираются въ рѣку Ижму. Кочевья эти тянутся отъ Ижмы до Урала верстъ на 1,000, въ ширину же имѣютъ не болѣе 350 верстъ.

Рѣки. Въ Ледовитое море бѣжитъ изъ Уральскаго хребта *Печора*, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ Архангельской губерніи. За 800 верстъ отъ устья она имѣетъ около трехъ верстъ ширины и вообще глубока и способна къ судоходству; по ней идутъ каюки и барки съ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами изъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи въ Ижемскій, Пустозерскій и Устьцелемскій приходы Мезенскаго уѣзда. Печора, стремящаяся сначала по каменистому дну, а потомъ по песку, славится чистотою, прозрачностію и мягкостію своей воды и чрезвычайнымъ изобиліемъ вкусной рыбы; особенно хвалятъ крупную семгу, которой много ловится въ Печорѣ. Берега этой рѣки покрыты лугами, съ мягкими листовыми травами, и по всему теченію, тысячи на полторы верстъ, она усѣяна множествомъ островозъ. Печора принимаетъ съ правой стороны: а) *Андрюшкину*, вышедшую изъ болотъ; *Усу*, бѣгущую изъ Уральскаго хребта; *Бѣлу*, *Смольну*, *Вяткину* и другія рѣки, получающія начало въ окрестныхъ болотахъ. Съ лѣвой стороны вливаются въ Печору: b) *Ошкушка*, *Пыжа*, *Горда* и другія рѣки. Уса, по выраженію Ижемцевъ, *половинщица* Печоры; на берегахъ ея много луговъ, съ мелкими листовыми травами, и растетъ еловый лѣсъ, а по мѣстамъ и сосновый, лиственичный и березовый. На правомъ берегу, выше впадающей въ нее рѣки *Лемвы*, при рѣчкѣ *Мамантовой курьѣ*, находятъ *мамантовы* кости. По Усѣ перебирались прежде на небольшихъ лодкахъ въ Обь; сначала плыли по притоку Усы, Ельцу, потомъ кое-какъ перетаскивались черезъ десятиверстный наволокъ и затѣмъ по рѣкѣ Сынѣ достигали Оби.

Въ Усу бѣгутъ: а) съ правой стороны: *Колва*, или *Точвяга*, изъ Сыръяровъ и другихъ озеръ на Большеземскомъ хребтѣ; *Черна*, *Макориха* и *Воркота* изъ болотъ; *Хырморъ* и *Хузморъ* изъ озеръ; *Адакъ* изъ хребта Адака, и *Сіойда*, или *Сіояга*, изъ озера Хорвея. б) Съ лѣвой стороны: *Большая* и *Малая Сыпя*, *Косья*, *Лемва*, *Кочпель*, *Елецъ* и другія, изъ Уральскихъ горъ, и *Ольховка* изъ болотъ. При рѣкѣ Колвѣ, въ четырехъ верстахъ отъ ея

устья, на лѣвомъ берегу, находится большеземельская приходская церковь, во имя Святителя Николая Чудотворца; она деревянная. Изъ новокрещеныхъ Самоѣдовъ, осѣдло поселившихся при церкви, образовалось селеніе, въ которомъ теперь 12 дворовъ, построенныхъ Самоѣдами на свой счетъ. По берегамъ Колвы, и въ лѣсныхъ, и въ безлѣсныхъ мѣстахъ, множество оленьихъ мховъ. Особенно славится этими мхами большая равнина, называемая *Лаптою;* на ней ежегодно въ зимнее время кочуетъ множество большеземельскихъ Самоѣдовъ.

На Хырморѣ и Хузморѣ, въ вершинахъ ихъ, есть мѣста, покрытыя бѣлымъ, желтымъ, чернымъ, фіолетовымъ и другими видами оленьихъ мховъ; на этихъ бо́льшею частію сухихъ мѣстахъ бываютъ любимыя весеннія кочевья ижемскихъ Самоѣдовъ.

Въ Хырморъ впадаютъ съ правой стороны *Хосяда* и съ лѣвой *Полая*, бѣгущая изъ Большеземельскаго хребта. Эта рѣка получила названіе свое оттого, что она ниже впадающихъ въ нее теплыхъ ключей и не замерзаетъ во всю зиму. На Полой зимуютъ утки разныхъ родовъ и ловятъ въ ней неводами рыбу въ декабрѣ и январѣ.

Озера. Въ кочевьяхъ ижемскихъ Самоѣдовъ важнѣйшія по величинѣ озера: *Кольвинско*, *Падупски* и *Харвей*. Всѣ они обильны рыбой. Кромѣ этихъ озеръ множество малыхъ и нѣсколько безрыбныхъ, мелкихъ; эти послѣднія называются *сухими*, потому-что лѣтомъ имѣютъ очень мало воды или вовсе высыхаютъ. Въ такъ-называемыхъ сухихъ озерахъ Самоѣды ловятъ множество *ленныхъ* гусей, заганивая ихъ въ поставленный между двумя такими озерами неводъ.

Поверхность и качество земли. Болотной (торфяной) мокрой земли въ кочевьяхъ ижемскихъ Самоѣдовъ менѣе, нежели твердой и сухой. Первая изобилуетъ мелкими и частыми кочками, подъ которыми лежитъ синяя, не очень мягкая глина, а послѣдняя индѣ песчаная, а индѣ песчано-глинистая. Около рѣки Точъяги по бо́льшей части ровная и болотная земля, а около рѣкъ Хырмора и Хузмора и до самаго Уральскаго хребта почва сухая и хребтистая.

Горные хребты. Каменныя Уральскія горы, отъ камня Сабли, идутъ по лѣвой сторонѣ рѣки Усы, сначала на сѣверо-

востокъ, а потомъ на сѣверъ. Наружное положеніе этихъ горъ подлѣ рѣки Усы чрезвычайно разнообразно: то видны однѣ длинныя, упирающіяся въ небо громады, то высокіе, полукруглые холмы, то возвышенности, доступныя для человѣка. На вершинахъ первыхъ торчатъ ряды голыхъ, темно-сѣрыхъ утесистыхъ скалъ, или острыхъ, или тупыхъ. Облака часто скрываютъ эти громады отъ любопытныхъ взоровъ; зато, когда солнце разсѣетъ окружающую ихъ мглу и освѣтитъ ихъ грозныя вершины, онѣ представляются изумленнымъ глазамъ въ необыкновенномъ, потрясающемъ душу величіи. Поверхность холмовъ и возвышенностей покрыта бо́льшею частію землею и дерномъ; между холмами встрѣчаются глубокія впадины, наполненныя нетающимъ снѣгомъ.

Адакскія горы составляютъ отрасль Уральскаго хребта, которая идетъ сначала на сѣверо-западъ, переходитъ чрезъ рѣку Усу и устремляется на сѣверъ, поперекъ кочевьевъ ижемскихъ Самоѣдовъ. У рѣчки *Каменной*, или *Полой*, верстахъ въ двухъ отъ рѣки Хырмора, изъ Адакскихъ горъ бьютъ *теплые ключи*. Подлѣ перваго ключа, съ южной стороны, возвышается крутая каменная скала, частію изъ известковаго камня, частію изъ глинистопесчаника, вышиною перпендикулярно около 25 саженъ. Разсѣлины камня первой породы наполнены окаменѣлостями самыхъ мелкихъ улитокъ. По одной изъ этихъ разсѣлинъ быстро бѣжитъ маленькая рѣчка *Каменная*, или *Полая*; по сторонамъ ея, между высокими скалами Адака, на пологихъ мѣстахъ, покрытыхъ сверху плотною наносною землею, растутъ изрѣдка мелкій ельникъ, можжевельникъ, красная смородина и ива, также тысячелистникъ, золототысячникъ и другія травы. Изъ-подъ самой скалы, на лѣвой сторонѣ рѣчки вытекаетъ ключъ теплой воды; пониже его, саженъ чрезъ 50, изъ той же скалы бьютъ еще два другіе ключа и, соединясь въ одинъ ручеекъ, впадаютъ въ рѣчку Полую. Такъ-какъ ключи текутъ по ущельямъ скалы, а родники ихъ скрываются подъ скалою, то теплота въ нихъ умѣренная. Ниже этихъ двухъ ключей, на правой сторонѣ, саженъ чрезъ 90 отъ перваго ключа, въ берегѣ, подлѣ самой рѣчки, бьетъ серебристыми пузырьками четвертый ключъ, котораго теплота гораздо выше. Вода въ ключахъ на видъ чистая и прозрачная, а на вкусъ соленокислая и имѣетъ сѣрный запахъ; степень

теплоты ея не много ниже той, какая бываетъ въ горячей водѣ; по разложенію въ Архангельской Врачебной Управѣ, она оказалась *сѣрноселитрянаго* свойства.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ хребтовъ, по Ижемской тундрѣ идутъ отъ длиннаго Большеземельскаго хребта къ рѣкѣ Усѣ земляныя возвышенности; въ-особенности довольно много этихъ возвышенностей около рѣкъ *Хырмора* и *Хузмора*.

Отдѣльно стоящихъ высокихъ горъ въ этой тундрѣ вовсе нѣтъ.

Произрастенія. Лѣсъ, бо́льшею частію еловый, растетъ по берегамъ рѣкъ и въ рѣдкихъ мѣстахъ на тундрѣ; а при рѣкѣ Усѣ изрѣдка попадается сосновый, лиственичный и березовый. На тундрѣ произрастаютъ *ивнякъ*, *березовая сланка* и *можжеввельникъ*, а по берегамъ Усы, Колвы, Хырмора, Хузмора и другихъ рѣкъ — черная и красная смородина и мягкія листовыя травы, между которыми по Усѣ великое множество *альпійскаго трилистника*. *Морошка* въ кочевьяхъ ижемскихъ Самоѣдовъ родится въ большомъ изобиліи; есть также *голубица*, *брусница* и *вороница*. *Ягель*, необходимый для оленей, въ здѣшнихъ лѣсистыхъ мѣстахъ весьма нѣженъ, густъ и высокъ.

Климатъ. Болшеземскій хребетъ защищаетъ кочевья ижемскихъ Самоѣдовъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и оттого климатъ въ нихъ гораздо сноснѣе. Рѣки замерзаютъ здѣсь бо́льшею частію въ половинѣ октября, а вскрываются въ половинѣ мая.

Промыслы. Ижемскіе Самоѣды, кочуя далеко отъ моря, вовсе не занимаются морскими промыслами. Они въ зимнее время промышляютъ въ лѣсахъ черныхъ медвѣдей, россомахъ, куницъ, горностаевъ и бѣлку, а на тундрѣ — дикихъ оленей, лисицъ, песцовъ и волковъ. Изъ птицъ бьютъ гусей, во множествѣ водящихся на тундрѣ въ мелководныхъ озерахъ, лебедей, живущихъ въ лѣсахъ по озерамъ, куроптей и другихъ птицъ. Также ловятъ много рыбы въ рѣкахъ и озерахъ.

Число жителей. Ижемскихъ Самоѣдовъ всего 1,073 человѣка: 536 мужескаго и 537 женскаго пола.

3. Кочевья устьцѣлемскихъ Самоѣдовъ.

Предѣлы. Кочевья устьцѣлемскихъ Самоѣдовъ на сѣверѣ

смежны съ кочевьями пустозерскихъ, а на востокѣ — съ кочевьями ижемскихъ Самоѣдовъ; на юго-западѣ они ограничиваются рѣкою Печорою.

Пространство. Кочевья устьцѣлемскія заключаются въ *носу*, который въ длину, отъ рѣки Печоры и устья рѣки Юрсы, до вершины рѣки Шапкиной, около 200, а въ ширину не болѣе 100 верстъ.

Рѣки. Кочевья эти орошаются рѣками *Шапкиной*, *Юрсою*, *Чурвою* и *Созвою*, впадающими въ Печору.

Озера. Изъ озеръ одно только большое — *Бѣлое*, а прочія всѣ очень не велики.

Поверхность и качество земли. Устьцѣлемская тундра состоитъ почти вся изъ болотной торфяной земли; только при рѣкѣ Шапкиной есть мѣста, имѣющія песчаноглинистую почву. Впрочемъ, болотная земля здѣсь не такъ кочковата, какъ въ Канинской тундрѣ, а низменна и съ мелкими кочками, подъ которою лежитъ по мѣстамъ синяя и не очень мягкая, а по мѣстамъ красноватая и твердая глина.

Горные хребты. Ни хребтовъ, ни отдѣльныхъ горъ въ кочевьяхъ устьцѣлемскихъ Самоѣдовъ нѣтъ вовсе, кромѣ двухъ низменныхъ отраслей землянаго Большеземельскаго хребта. Эти возвышенности идутъ отъ вершины рѣки Шапкиной къ Печорѣ.

Произрастенія. Близъ устьевъ Шапкиной, Юрсы и другихъ, впадающихъ въ Печору, рѣкъ растетъ ель и отчасти сосна, лиственица и береза; во внутренности же тундры нѣтъ вовсе никакого лѣсу. Кустарники, мхи и ягоды тѣ же самые, какіе въ тундрѣ ижемскихъ Самоѣдовъ.

Климатъ. Подлѣ устьевъ рѣкъ, гдѣ есть лѣса, не такъ холодно, какъ въ кочевьяхъ пустозерскихъ Самоѣдовъ; но въ тундрѣ не теплѣе. Рѣки здѣсь замерзаютъ по бо́льшей части въ концѣ сентября, а вскрываются въ концѣ мая.

Промыслы. Устьцѣлемскіе Самоѣды промышляютъ въ лѣсахъ бѣлку, горностаевъ, куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, россомахъ, зайцевъ и дикихъ оленей. Промыслы же ихъ на тундрѣ маловажны; а морскими они вовсе не занимаются. Рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ также очень незначительны.

Число жителей. Самоѣдовъ въ Устьцѣлемской тундрѣ мужескаго пола 139, женскаго 142, а всего 281 человѣкъ.

II.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, составляютъ только малую часть самоѣдскаго народа. Коренные ли они обитатели нынѣ занимаемыхъ ими мѣстъ въ Мезенскомъ уѣздѣ, между рѣками *Мезенью* и *Карою*, или переселенцы? Нельзя думать, чтобы они были коренными обитателями этихъ мѣстъ. Языкъ ихъ, обильный и моогооборотливый, общій всѣмъ Самоѣдамъ. Березовскіе, обдорскіе, томскіе и другіе сибирскіе Самоѣды употребляютъ тотъ же самый языкъ, какъ и Самоѣды архангельскіе. Правда, въ языкѣ тѣхъ и другихъ находятся нѣкоторыя особенныя слова и замѣчаются разности въ выговорѣ однихъ и тѣхъ же словъ; но коренныя слова, грамматическія измѣненія и обороты у сибирскихъ и архангельскихъ Самоѣдовъ имѣютъ близкое, поразительное сходство. Сверхъ-того, всѣ архангельскіе Самоѣды относятся къ шести родамъ, кои суть: *Тысый, Ванойта, Локейскій, Валейскій, Выучейскій* и *Хатанзейскій*; къ тѣмъ же родамъ принадлежатъ и сибирскіе Самоѣды, имѣющіе сверхъ-того особый родъ— *Карачейскій.* ([1]) Самоѣды архангельскіе-язычники сохранили до-сихъ-поръ тѣ же вѣрованія, какія замѣчаются и у сибирскихъ языческихъ Самоѣдовъ. ([2]) Архангельскіе Самоѣды, не принявшіе еще христіанства, считаютъ непозволительнымъ жениться въ родѣ или поколѣніи отца и берутъ женъ въ родѣ матери, хотя бы невѣста и приходилась жениху въ близкомъ родствѣ; то же самое строго соблюдается и сибирскими Самоѣдами. ([3]) Всѣ эти данныя, вмѣстѣ взятыя, показываютъ, что всѣ племена Самоѣдовъ, живущіе по сю и по ту сторону Урала, принадлежатъ къ одному народу.

([1]) Путеш. акад. Лепехина, часть IV, стр. 218.

([2]) Тамъ же, стр. 219 Опис. всѣхъ въ Рос. госуд. народ., часть III, стр. 11.

([3]) Тамъ же, у перваго, ч. IV, стр. 253. Въ послѣдн. ч. III, стр. 1.

По словамъ Страленберга, народъ этотъ въ-древности обиталъ по берегамъ Ледовитаго моря и въ-послѣдствіи уже перешелъ на югъ ([4]); но Фишеръ, историкъ Сибири, не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Онъ, напротивъ-того, утверждаетъ, что Самоѣдовъ должно считать древнѣйшими и, такъ-сказать, первоначальными обитателями средней части нынѣшней Сибири ([5]), потому-что они, вмѣстѣ съ Остяками, Вогуличами и Татарами, прежде всѣхъ другихъ народовъ сдѣлались извѣстными Рускимъ. ([6])

Когда Татары, въ первой половинѣ XIII вѣка, изъ опустошенной ими Венгріи, обратились на сѣверо-востокъ и чрезъ землю Мордовскую и Булгарію проникли въ отдаленный сѣверъ, то они нашли Самоѣдовъ не при Ледовитомъ морѣ, а нѣсколько южнѣе. Іоаннъ Планъ-Карпинъ, современный писатель, описываетъ этотъ путь Татаръ: «Вышедъ оттуда (изъ «Венгріи), пошли они (Татары) на сѣверъ — говоритъ онъ — «и пришли къ Пароштамъ; оттуда, проходя далѣе, пришли къ «Самоѣдамъ, которые живутъ только звѣроловствомъ, а шат-«ры свои и одежду дѣлаютъ изъ звѣриныхъ кожъ. Оттуда, «идучи далѣе, пришли они въ какую-то землю надъ Океаномъ, «гдѣ нашли какихъ-то чудовищъ.» ([7])

Самоѣды обитаютъ и теперь около верхнихъ частей рѣки Енисея, близъ Саянскихъ горъ ([8]), гдѣ были покорены Татарами. ([9]) Можетъ-быть, единоплеменники ихъ, въ незапамятныя времена, подались на сѣверъ, къ берегамъ Ледовитаго моря, распространились частію по рѣкамъ Енисею, Тазу, Оби и другимъ, частію перешли за Уральскій хребетъ и заняли тундры между рѣками Карою и Мезенью.

Происхожденіе названія Самоѣдовъ.

Въ Сибири, западные Самоѣды называютъ себя *Нѣнецъ* (человѣкъ) или *Нѣнця* (люди), а восточные — *Хасовъ* (мужъ)

([4]) Сѣв. и вост. часть Европы и Азіи, стр. 36.

([5]) Сибир. ист Фишера, введ. § 65.

([6]) Сибир. ист. Фишера, введ. § 65.

([7]) Собран. путеш. къ Татарамъ Планъ-Карпина и Асцелина, издан. на лат. и рос. языкахъ въ Санктпетербургѣ 1825, стр. 157—159.

([8]) Asia polyglota von Klaprot. p. 139.

([9]) Собран. путеш. къ Татарамъ Планъ-Карпина и Асцелина, стр. 191.

или *Хдсово* (мужи) ([10]); и Самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, канинскіе и тиманскіе, также называютъ себя *Нѣнецъ* (человѣкъ) или *Нѣнця* (люди), а большеземельскіе *Хасово* (мужъ) или *Хдсово* (мужи). Названіе же *Самоѣдъ* должно, кажется, искать не въ самоѣдскомъ языкѣ, а въ языкахъ другихъ народовъ, сосѣдственныхъ съ Самоѣдами. Обскіе Остяки называютъ ихъ *Юрганъ-яхъ* или *Ѣрунхо;* Тунгусы, живущіе при Енисеѣ — *Дяндалъ*; Пермяки и Зыряне — *Ярангъ;* Вогуличи — *Юрронъ-кумъ*. ([11]) По значенію слова Самоѣдъ на языкѣ русскомъ можно бы почитать Самоѣдовъ людьми, которые ѣдятъ сами себя; но такое производство ихъ имени ничѣмъ не подтверждается: нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы Самоѣды были когда-нибудь людоѣдами. Фишеръ слово *Самоѣдъ* объясняетъ лапландскимъ языкомъ: такъ-какъ Лапландцы сами себя называютъ *Сами*, или *Сабме*, а землю свою — *Самеядна*, то онъ думаетъ, что въ-старину Лапландцевъ и Самоѣдовъ почитали за одинъ народъ, и что или иностранцы, пріѣзжавшіе къ городу Архангельску, или Русскіе слово *Самеядна* перемѣнили въ Самоядь и распространили это названіе и на сосѣдей Лапландцевъ — Самоѣдовъ. «Происхождение имени Самоядь — говоритъ онъ — должно выводить изъ «лапландскаго языка. Лапландцы называютъ себя *Саме*, или «*Сабме*, а землю свою — *Самеядна*. Итакъ, не близко ли другъ «къ другу подходятъ Самоядь и Самеядна? Въ древнія времена «Лапландцевъ и Самоядь почитали всеконечно за одинъ народъ; «они по малой мѣрѣ были сосѣди между собою и носили одина«кое платье: на различіе языковъ не такъ прилежно взира«ли иностранные, и Россіяне, какъ которые сначала не знали «ни слова ни того, ни другаго языка. Слѣдовательно, либо ино«странные у города Архангельскаго, либо Россіяне сами имя «*Самеядна* перемѣнили въ *Самоядь* и дали его сосѣдямъ Лап«ландцевъ — мезенскимъ и пустозерскимъ дикимъ». ([12]) Но такое производство слова *Самоядь* кажется намъ не совсѣмъ вѣроятнымъ, потому-что мы не видимъ, почему Русскіе, будто бы считавшіе нѣкогда Лопарей и Самоѣдовъ за одинъ народъ, присво-

---

([10]) Путеш. акад. Лепехина, ч. IV, стр. 199.
([11]) Asia polyglotta von Klaprot. p. 139.
([12]) Сибир. ист., введ. § 65.

или имъ разныя наименованія, и Самоѣдовъ назвали именемъ, принадлежащимъ Лопарямъ; кромѣ-того, земля по-лопарски *еднамъ* ([13]), а не *ядна*. Георги производитъ слово Самоядь или отъ *Самеядны*, названіе лопарской страны, или отъ финскаго слова *соома*, болото. «Ежели слово *Самоядь* — говоритъ онъ — произведено отъ финскаго языка, то происходитъ оно, мо«жетъ-быть, отъ *Самеяндны*, названіе лопарской страны, или и «отъ слова *соома*, болото, потому-что въ пустыняхъ ихъ множество обширныхъ болотъ». ([14]) Первое производство, взятое у Фишера, не утверждаетъ и самъ Георги и, кромѣ-того, по-своему переиначиваетъ лопарское названіе земли — *еднамъ*. Другое его производство намъ тоже кажется неудовлетворительнымъ, потому-что непонятно, какимъ образомъ изъ слова *соома*, болото, образовалось сложное слово Самоѣдъ.

Лербергъ имя *Самоѣдъ* считалъ русскимъ, образовавшимся изъ слова *Семгоѣдъ*. «Имя Самоѣдъ — говоритъ онъ — есть «русское и, вѣроятно, означаетъ *Семгоѣда;* извѣстно, что рѣка «Обь изобилуетъ семгою и имѣетъ особенные роды оной». ([15]) Не отрицая, что слово Самоѣдъ есть русское, нельзя, однакожe, согласиться съ объясненіемъ Лерберга, потому-что пища Самоѣдовъ состоитъ не изъ одной только семги, но и другихъ рыбъ, и особенно изъ мяса, преимущественно же изъ послѣдняго.

Авторъ книги подъ заглавіемъ: «Поѣздка къ Ледовитому морю», относительно производства слова Самоѣдъ сперва соглашается съ Георги. «Названіе Самоѣдъ — говоритъ онъ — если «выводить его изъ финскаго языка, должно быть ближе всего «произведено отъ слова *соома*, что́ значитъ болото, и какъ «обитаемая Самоѣдами страна вся состоитъ изъ болотъ, то не «удивительно, что и народъ могъ получить сіе названіе». ([16]) Въ другомъ же мѣстѣ своего сочиненія онъ выражаетъ другое мнѣніе, а именно: «Самоѣды между собою называютъ одинъ «другаго не поименно, а просто общимъ названіемъ для всего «народа: *Хозова*. Слово *Хозъ* значитъ самъ, а *ово* значитъ

([13]) Lexicon lingu. Lapponicae Iohannis Fornaci, 1772, p 6.
([14]) Опис. всѣхъ обит. въ Рос госуд нар., ч. III, стр. 4.
([15]) Изслѣд., служ. къ объясн. древ. русск. ист., стр. 53.
([16]) Поѣздка къ Ледовит. морю, Фр. Бѣлявскаго, стр. 148.

«одинъ, что и составитъ *самъ одинъ*, или *самъ единъ*, со«отвѣтствующее ихъ наименованію *Хозово*. Итакъ, не очевид«но ли, что названіе Самоѣдъ есть искаженное изъ перевод«наго ихъ имени: *самъ единъ?* Не подтверждается ли сіе и «тѣмъ, что они живутъ обыкновенно не обществами, а по оди«начкѣ. ([17]) Изъ этихъ двухъ производствъ авторъ «Поѣздки къ Ледовитому морю» первое выражаетъ не утвердительно, а условно. ([18]) Второе же его производство болѣе вѣроятно; но все-таки мы не можемъ съ нимъ согласиться; потому-что отъ слова *Хозово* могъ образоваться только терминъ *Самоединъ*, а не слова *Самоѣдъ* и *Самоядь*, въ которыхъ нѣтъ вовсе слова *единъ*. Кромѣ-того нынѣшнее названіе Самоѣдинъ есть новѣйшее, а въ-древности было въ употребленіи *Самоядь* и *Самоѣдъ*. Такъ, у Нестора Самоѣды называются Самоядью. «Юграже языкъ нѣмъ и сосѣдятъ съ *Самоядью* на полунощныхъ странахъ». ([19]) Въ разрядной книгѣ 7109 (1601) года названы Самоѣдью. «И убили воеводы на Камени Самоѣди 50 человѣкъ» ([20]); въ грамотѣ царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича, данной канинскимъ и тіунскимъ Самоѣдамъ 15 апрѣля 7053 (1545) года, именуются они *Самоѣдью*, *Самоѣдцами* и *Самоѣдами* ([21]); въ грамотѣ царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны, касательно защиты тиманскихъ Самоѣдовъ отъ набѣговъ югорскихъ и лѣсовыхъ Самоѣдовъ, 10 марта 1688 года, называются также *Самоедью*, *Самоядцами* и *Сомоядами*, а имя *Самоѣдинъ* упомянуто только одинъ разъ. ([22])

Въ старинныхъ русскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ Самоѣды назывались иногда *Сыроядцами* ([23]), потому-что издавна употребляли въ пищу *сырое мясо*. Можетъ-быть, Русскіе, замѣтивъ между ними такое странное употребленіе мяса, дали имъ наименованіе *Самоѣдовъ*, или потому, что видѣли ихъ са-

---

([17]) Поѣздка къ Ледов. морю, Фр. Бѣлявскаго, стр. 154.
([18]) См. зам. на слова Георги.
([19]) Лѣт. Нест. по Кенигсб. списку, стр 148.
([20]) Сиб. истор. Миллера, гл. 2, стр. 50.
([21]) Акты Археогр. Экспедиціи т. I, стр. 182.
([22]) Тамъ же, т. IV, стр. 445.
([23]) Опис. всѣхъ обит. въ Рос. гос. нар. Георги, ч. III, стр. 4.

мое (сырое, неприготовленное мясо) ядущихъ (sic), или потому, что изъ звѣрскаго употребленія ими въ пищу сыраго мяса ошибочно заключили, будто они ѣдятъ самихъ себя.

Древнее названіе мезенскихъ Самоѣдовъ.

Самоѣды, обитающіе въ Мезенскомъ уѣздѣ, въ древности извѣстны были подъ другимъ именемъ. Русскіе прежде давали это названіе только тѣмъ самоѣдскимъ племенамъ, которыя обитали у Обской губы. «Подъ Самоѣдами — говоритъ «Лербергъ — не надобно разумѣть всѣхъ тѣхъ племенъ, кото«рыя у Русскихъ нынѣ имѣютъ это общее названіе и кото«рыя находятся по берегамъ Ледовитаго моря отъ рѣки Ме«зени почти до низовьевъ Лены. Такую обширность названіе «это получило только въ новѣйшія времена; но прежде и еще «въ XVI вѣкѣ, изъ сего далеко простирающагося народа Са«моѣдами назывались только тѣ, которые жили на Востокъ «отъ Урала и на сѣверъ отъ Югріи у Обской губы.» (24) То же самое, еще прежде, утверждалъ и Палласъ. (25) Подъ какимъ же другимъ именемъ извѣстны были до XVI вѣка Самоѣды, обитающіе между рѣкою Мезенью и Уральскимъ хребтомъ? Татищевъ полагаетъ, что они назывались Печорою. «Сія «вся часть (Біармія) у Русскихъ — пишетъ онъ — на «разныя званія раздѣлялась, зачавъ отъ Финляндіи Коре«лія, послѣ оной къ востоку Емь, или Ямь, далѣе Дви«няне, Югричи, Печора, или Самояды, и Пермь.» (26) Лербергъ слѣдуетъ тому же мнѣнію: Упомянувъ о Самоѣдахъ сибирскихъ, или восточныхъ, онъ говоритъ: «Мно«гочисленные западные ихъ соплеменники принадлежали къ «Печорской землѣ и назывались по оной» (27); въ другомъ мѣстѣ: «Печора, или жилища самоѣдскихъ племенъ, по обоимъ берегамъ рѣки Печоры отъ Мезени и Канинскаго берега до Урала» (28), и еще: «Пещера, въ древнія времена Печера, зна«читъ подземный ходъ, и въ-самомъ-дѣлѣ въ этой землѣ

(24) Изслѣд., служ. къ объясн. древ. русск. ист., стр. 63.
(25) Путеш. по разн. провинц. Рос. гос., ч. III, стр. 89.
(26) Рос. ист., кн. 1, гл. 29, стр. 374.
(27) Изслѣд., служ. къ объясн. древ. русск. ист., стр. 53.
(28) Тамъ же, стр. 24.

«есть много пещеръ въ горахъ и пригоркахъ, которыя нѣ«когда были обитаемы, какъ то доказываютъ печи, глиняная, «желѣзная и мѣдная посуда и даже человѣческія кости; слѣ«довательно, ничего нѣтъ вѣроятнѣе того, что какъ земля и «главная рѣка, такъ и жители тамошніе названы отъ Русскихъ «по симъ пещерамъ.» (29) Мнѣнія Лерберга, приведенныя нами въ выпискахъ, совершенно согласны съ древнимъ извѣстіемъ о народѣ *Печорѣ* барона Герберштейна. Описывая страну около рѣки Печоры, онъ говоритъ: «Печора, область «Великаго Княжества Московскаго, далеко на сѣверную и во«сточную сторону подлѣ Ледовитаго моря предѣлы свои рас«пространяетъ.» (30) Если общее наименованіе Самоѣдовъ перешло на Самоѣдовъ мезенскихъ, въ позднѣйшія времена, напримѣръ, какъ нѣкоторые полагаютъ, не ранѣе XVI вѣка, то съ бо́льшею вѣроятностію можно заключить, что мезенскіе Самоѣды въ древности извѣстны были подъ именемъ *Печоры* и, слѣдственно, въ XI столѣтіи платили уже дань Новгородцамъ; а въ XII вѣкѣ не только сами Новгородцы получали съ нихъ дань, но и великій князь, по свидѣтельству лѣтописей, требовалъ отъ Новгородцевъ дани *печерской*. (31)

Время подданства ихъ московскимъ князьямъ.

По присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, вмѣстѣ съ Двинскою землею, и *Печора*, или *Самоѣды*, обитающіе въ нынѣшнемъ Мезенскомъ уѣздѣ, поступили въ совершенную зависимость московскихъ князей.

Разныя наименованія.

Самоѣды, кочующіе въ тундрахъ Мезенскаго уѣзда, получили отъ этихъ тундръ и свои наименованія: обитающіе въ Канинской тундрѣ названы *канинскими*, въ Тіунской (Тиманской) *тіунскими* (тиманскими) и въ Большеземельской *большеземельскими*. Послѣдніе кромѣ-того возъимѣли еще названія частныя; а) по вѣдомствамъ, къ которымъ большеземельскіе Самоѣды были приписаны по взносу ясака: Пустозерскаго

(29) Тамъ же, стр. 53.
(30) Rerum Moscovit. Auctores varii, edit. Francofurti. 1600 an, p. 107.
(31) Лѣтоп. по Кенигсб. списку, стр. 145 и 188.

вѣдомства стали именоваться *пустозерскими*, Ижемскаго — *ижемскими*, и Устьцелемскаго — *устьцелемскими*, и Ь) по мѣстамъ, на которыхъ они обитали: обитающіе при Югорскомъ шарѣ (проливѣ) назывались *югорскими*, а кочующіе въ самомъ носу у рѣки Кары — *карскими*, или *носовскими*. Сверхъ-того встрѣчается еще названіе лѣсовыхъ Самоѣдовъ, т.-е. Самоѣдовъ, занимающихся промыслами лѣсныхъ звѣрей. ([32])

Земли и угодья канинскихъ и тіунскихъ Самоѣдовъ.

Канинскіе и *тіунскіе* (тиманскіе) Самоѣды издавна владѣли въ своихъ земляхъ звѣриными промыслами и рыбными ловлями отъ Толстой тундры Самоѣдскою и мелкою тонями, и противъ тѣхъ тоней, по тундрѣ Волонгою рѣкою и отъ нея до рѣки Пеши, и Индигою рѣкою и отъ нея до рѣки Желѣзной. Когда же, въ XVI вѣкѣ, Печеряне (Пустозерцы) и Пермяки (Зыряне) стали отбивать у нихъ эти промыслы и ловли, а пинежскіе волостели начали притѣснять тѣхъ изъ нихъ, которые выѣзжали для торговли въ Лампоженскую волость къ устью рѣки Мезени, то канинскіе и тіунскіе Самоѣды вошли съ жалобою къ государю. По изслѣдованіи дѣла, 15 апрѣля 1545 года, дана была канинскимъ и тіунскимъ Самоѣдамъ царская жалованная грамота на означенные звѣриные промыслы и рыбныя ловли; этою же грамотою воспрещено пинежскимъ волостелемъ судить Самоѣдовъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ, и непосредственный надъ ними судъ порученъ даньщику, собиравшему ясакъ. Грамота эта примѣчательна, какъ памятникъ, гдѣ кочевали канинскіе и тіунскіе Самоѣды въ XVI вѣкѣ. Послѣ обыкновеннаго титула, она содержитъ:

«Пожаловалъ есми въ своей отчинѣ, въ Канинскомъ носу, «Самоядцовъ канинскихъ и тіунскихъ всѣхъ, что мнѣ били «челомъ Самоядцы же Леска да Апица, во всея Самоѣди мѣсто «Канинской и Тіунской, а сказываютъ: что де отцы ихъ и «дѣды да и они свои ухожѣи вѣдали и рыбные ловли, и звѣря

([32]) Жалов. грамота царя Іоанна IV Васильевича канинск. и тіунск. Самоѣдамъ, 15 апрѣля 1545 года, и Писцовая книга Пустозерской вол., переп. Василія Огалина 7082 (1574) г., листъ 38.

«всякого били отъ Толстыя тундры, Самоядскую тонь, да Мелкую тонь, да противъ тѣхъ тоней по тундрѣ берегу, да Волонгу рѣку до Пеши, да Индегу рѣку до Желѣзныя рѣки, «чѣмъ владѣли Самоѣды Малкѣй, да Торчило да Емба; и тѣ «де ихъ рыбныя ловли и звѣриныя ухожàи отнимаютъ у нихъ «Печеряне и Пермяки за себя, а Мелкая де ихъ тоня у нихъ «отдана къ Преображенью Спасову да къ Веденью Пречистыя, «да къ Николѣ Чудотворцу въ домъ; да тѣ жъ деи Самоѣдцы «пріѣзжаютъ на Лампожню торговати съ Русаки, а ставилися «деи пріѣзжая на усть Мезени рѣки, и Пѣнежскіе де волостели «ихъ судятъ силно и ихъ продаютъ и убытки чинятъ имъ «великіе; и нынѣча деи на томъ мѣстѣ, на усть Мезени рѣки «стала соколня ново, а оброку съ нее мнѣ, Великому Князю, «идетъ съ году на годъ по полтинѣ, и имъ деи на Лампожнѣ «пріѣзжая ставитися негдѣ, да съ тое же де Лампожни Лампожничи даютъ мнѣ Великому Князю въ казну по три рубли на «годъ, а тѣ деи Самоѣдцы съ своихъ пятидесяти луковъ съ того жъ мѣста даютъ мнѣ, Великому Князю, въ казну по трижъ «рубли на годъ, и нынѣча деи той Самояди Лампожничи въ тѣхъ «мѣстѣхъ звѣря всякого ловити не даютъ; и мнѣ бъ Самоѣдцовъ Канинскихъ и Тіунскихъ всѣхъ пожаловати, дати на тѣ «рыбные ловли ихъ и звѣриные ухожàи имъ своя грамота «жалованная, чтобы у нихъ въ тѣ ихъ рыбныя ловли и въ звѣриные ухожàи Печеряне и Пермяки впередъ не вступалися, «и Пѣнежскимъ волостелемъ судити ихъ не велѣти, а велѣти «бы ихъ судити и управу межъ ихъ чинити данщику, которой съ нихъ нашу дань емлетъ, а на Лампожнѣ бы имъ «звѣрь всякой велѣти ловити и угодья всякія вѣдати съ Лампожничи содного, а тое бы сокольню дати на оброкъ, и чтобы пріѣзжая на Лампожню торговати, было бы гдѣ ставиться, «а наддадутъ надъ старымъ оброкомъ полтину; а кто у нихъ «на той сокольнѣ учнетъ жити, и того бы Пѣнежскіе волостели не судили, а судилъ бы его тотъ же данщикъ. И «язъ Великій Государь Самоѣдцевъ Канинскихъ и Тіунскыхъ «всѣхъ пожаловалъ: Печеряне и Пермяки у нихъ въ ихъ рыбныя ловли и звѣриные ухожàи не вступаются, а вѣдаютъ они «свои рыбные ловли и звѣриные ухожàи постаринѣ потомужъ, «какъ отцы ихъ и дѣды тѣ ловли и ухожàи вѣдали. А Мелкая «тоня будетъ отдана къ Преображенію Спасову и къ Веденью

«Пречистыя и къ Николѣ Чудотворцу въ домъ, да и грамота «будетъ у священниковъ тѣхъ престоловъ наша жалованная «на тое Мелкую тоню есть, и тое Мелкую тоню вѣдаютъ свя«щенники тѣхъ престоловъ къ Преображенью Спасову и къ Пречистой къ Веденью и къ Николѣ Чудотворцу въ домъ и впередъ. А сокольню есми на оброкъ далъ тѣмъ же Са«моѣдцомъ, а Пѣнежскіе волостели тѣхъ Самоѣдцовъ и «того, кто у нихъ учнетъ на той сокольнѣ для ихъ пріѣзду жити, не судятъ ихъ не въ чемъ, опричь душе«губства и татбы съ поличнымъ, и силы надъ ними и обиды «не чинятъ никоторые, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ Самояд«цовъ и того, кто у нихъ учнетъ на той сокольнѣ жити, «нашъ даньщикъ, которой съ нихъ нашу дань емлетъ. А съ «Лампожничи тѣ Самоѣдцы свои ухожàи и рыбные ловли и «всякія угодья вѣдаютъ постаринѣ, вмѣстѣ съ одного, а об«рокъ съ тѣхъ угодей съ Лампожни мнѣ Великому Князю тѣ «Самоѣдцы даютъ потомуже по старинѣ, а съ сокольни имъ «мнѣ Великому Князю оброку давати на годъ по рублю, а над«дали надъ старымъ оброкомъ полтину, а дати имъ тотъ об«рокъ впервые на Рождество Христово лѣта седмь тысячь пять«десятъ четвертаго, а емлетъ у нихъ тотъ оброкъ и къ «Москвѣ привозитъ даньщикъ нашъ, который съ нихъ нашу «дань емлетъ. А кто учнетъ у тѣхъ Самоѣдцовъ у Канинскихъ «и Тіунскихъ въ ихъ рыбные ловли и въ звѣриные ухожàи «вступатися, или кто чрезъ сію мою грамоту чѣмъ ихъ изо«бидитъ, тому отъ меня Великаго Князя быти въ опалѣ и «продажѣ.»

На оборотѣ этой грамоты было еще слѣдующее подтвержденіе:

«Божіею милостію Царь и Государь и Великій Князь Иванъ «Васильевичь, всеа Русіи, Владимерскій, Московскій, Ноуго«родскій, Псковскій, Смоленскій, Тферскій, Югорскій, Пермскій, «Вятскій, Болгарскій и иныхъ, по сей грамотѣ, Канинскую и «Тіунскую Самоѣдь Леска да Апицу и всее Самоѣдь Канин«скую и Тіунскую пожаловалъ, сее грамоты рушити у нихъ не «велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ имъ своими угодьи, рыбны«ми ловлями и звѣриными ухожàями, которые въ сей грамотѣ «писаны, владѣти по старинѣ, опричь Мелкіе тони, что отдана «къ Преображенью Спасову да къ Веденью Пречистыя да къ

«Николѣ Чудотворцу, и Самоядцкіе тони, что отданы около-«городнымъ Самоѣдамъ, да опричь сокол... слободки Оклад-«никовой, что на усть Мезени, потому что та нынѣ слободка «приписана къ Двинскому уѣзду къ Пѣнегѣ къ большой. А Пе-«черяномъ и Пермякомъ и Русакомъ въ тѣ ихъ угодья въ рыб-«ныя ловли и звѣриные ухожаи вступатися не велѣлъ, а ве-«лѣлъ у нихъ Печеряномъ, Пермякомъ и Русакомъ ходить во «всемъ потому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7060, мая въ «24 день.» Сверхъ-того изъ грамоты въ Кевролу и на Мезень къ тамошнему воеводѣ извѣстно, что тиманскимъ Самоѣдамъ Меншичку Апицыну съ товарищами и Семейкѣ Вотѣеву дана была въ сентябрѣ 1631 года жалованная грамота по рѣкамъ Индигѣ и Волонгѣ. ([33])

Земли большеземельскихъ Самоѣдовъ.

Изъ большеземельскихъ Самоѣдовъ пустозерскіе назывались прежде *югорскими*, по кочевьямъ своимъ близъ Югорскаго шара, или Вайгачскаго пролива, на безлѣсныхъ берегахъ Ледовитаго моря; а ижемскіе были извѣстны подъ именемъ *лѣсовыхъ*, по кочеванію ихъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ, около береговъ рѣки Усы и ея притоковъ. Въ грамотѣ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны великія княжны Софіи Алексѣевны мезенскому воеводѣ Михайлу Воейкову, 10 марта 1688 года, упоминается о югорскихъ и лѣсовыхъ Самоѣдахъ, по-случаю набѣговъ ихъ на кочевья тиманскихъ Самоѣдовъ, у которыхъ они лѣтомъ отнимали рыбные, а зимою звѣриные промыслы. ([34])

Самоѣды эти, извѣстные нынѣ подъ именемъ пустозерскихъ и ижемскихъ, изстари владѣютъ Большеземельскою тундрою. Это подтверждается писцовою книгою Пустозерской волости Василія Огалина, 1574 года, ревижскими сказками 1, 2, 3 и 4 ревизіи и окладными вѣдомостями, которыя ежегодно составлялись, до 1835 года, въ Архангельской Казенной Палатѣ, а съ этого года ведутся въ Канцеляріи Архангельскаго Гражданскаго Губернатора.

([33]) Акты Археографической Экспедиціи. Т. I, стр. 182 и 184.
([34]) Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, стр. 445.

c) *Ноготысый* (отъ *ново*, песецъ), занимающійся преимущественно песцовымъ промысломъ.

d) *Пагансѣдатысый* (отъ *пага* — губа, и *сѣда* — сопка), бродящій около Пагайской губы, или губы *Пагаисѣда*, у Пыгикова камня.

e) *Сівсѣдатысый* (отъ *сівъ*—семь, и *сѣда*—сопка), обитаетъ близъ сопки *Сівсѣда*, у Заворотскаго носа, при вершинѣ рѣки Песчанки.

2) *Логей*, также многочисленный и того же вѣдомства, кочуетъ между рѣками Каратаихою и Карою. Къ чему принадлежатъ:

a) *Сядейлогей* (отъ *ся*—гора, и *сядей*—горный идолъ), бродящій по горамъ Арктическаго каменнаго хребта.

b) *Уанаканлогей* (отъ *уанъ* — собака), собачій родъ.

c) *Вылкалогей* (отъ *Вылки* — родоначальника).

d) *Пырелкалогей* (отъ *пыре*—щука), занимающійся щучьимъ промысломъ.

3) *Выучей*, кочующій въ разныхъ мѣстахъ Большеземельской тундры. Племя этого рода *Выучейлаптандеръ* (отъ *лаптандеръ* — малоземелецъ) живетъ съ своими стадами на Малоземельской *лаптѣ*.

4) *Хатанзей*, изъ лѣсовыхъ самый большой родъ.

5) *Валей*, малочисленный.

6) *Ванюта*, или *Ванойта*, также малочисленный. Три послѣдніе рода принадлежатъ къ лѣсовымъ Самоѣдамъ, Ижемскаго и Устьцелемскаго вѣдомства, и кочуютъ отъ рѣки Печоры до рѣки Кары, по южную сторону Большеземельскаго хребта.

Съ Самоѣдовъ *Канинской* и *Тиманской* земель, какъ мы замѣтили выше, взимали дани по 16 руб. 48 коп. въ годъ. ([41]) Эту луковую дань платили только Самоѣды отъ 17 до 60 лѣтъ; а старики и больные, которые не могли быть на промыслахъ, вовсе исключались изъ ясачнаго оклада, потому что съ 1792 года дань и ясакъ взимались только съ тѣхъ Самоѣдовъ, которые дѣйствительно владѣли лукомъ. ([42]) Ясакъ собирали

([41]) Указъ Правительствующаго Сената Архангельской Казенной Палатѣ о сборѣ ясака съ Самоѣдовъ, 23 сентября 1798.

([42]) Тамъ же.

самоѣдскіе старшины и вносили въ Мезенское Уѣздное Казначейство, откуда онъ поступалъ въ Архангельскую Казенную Палату. Палата всю ясачную рухлядь отправляла въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ денежною податью съ канинскихъ и тиманскихъ Самоѣдовъ. ([43]) Такой сборъ ясака производился до 1797 года.

Перемѣны въ сборѣ ясака съ 1797 до 1818 года.

Съ этого времени, на основаніи именнаго Высочайшаго указа 7 февраля 1797 года, предписано было съ канинскихъ и тиманскихъ Самоѣдовъ, вмѣсто денежнаго сбора 16 руб. 48 коп., взимать на эту сумму, по оцѣнкѣ, лосинныя или оленьи кожи. Оцѣнка кожъ производилась въ Мезенскомъ Земскомъ Судѣ, присяжными оцѣнщиками. ([44]) Въ томъ же 1797 году, 18 декабря, повелѣно со всѣхъ казенныхъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ сбирать, сверхъ установленнаго подушнаго оклада, еще по 26 копеекъ съ души. Этотъ 26-копеечный сборъ 15 іюля 1798 года распространенъ на ясачныхъ народовъ, съ дозволеніемъ Самоѣдамъ вносить его, какъ и обыкновенный ясакъ. Въ слѣдующемъ 1799 году, 1 апрѣля, разрѣшено было мезенскимъ инородцамъ платить ясакъ и другимъ звѣремъ и деньгами. 2 февраля 1810 г., вмѣсто 26-ти-копеечнаго сбора установленъ былъ двухрублевый; а 11 февраля 1812 года трехрублевый подушный сборъ, какъ съ Самоѣдовъ, такъ и съ прочихъ поселянъ. По сравненіи Самоѣдовъ въ подушномъ сборѣ съ крестьянами въ 1818 году, распространенъ былъ на нихъ и тридцатикопеечный сборъ на устройство путей сообщенія. ([45])

Обращеніе ихъ въ христіанство.

Архангельскій епископъ Веніаминъ, съ согласія мѣстнаго гражданскаго начальства, въ 1784 году, помѣстилъ нѣсколькихъ самоѣдскихъ мальчиковъ въ Архангельскую Духовную Семинарію. Обучаясь наравнѣ съ Русскими, они оказали быстрые успѣхи въ наукахъ и достигли до классовъ риторики

([43]) Указъ Правительствующаго Сената Архангельской Казенной Палатѣ о сборѣ ясака съ Самоѣдовъ, 23 сентября 1798 года.

([44]) Тамъ же.

([45]) Высочайшій указъ 22 марта 1818 года.

и философіи; но, къ сожалѣнію, всѣ они одинъ за другимъ вскорѣ умерли. Надо полагать, что несродная имъ пища и комнатная жизнь были причинами ихъ ранней смерти. Съ дѣтства привыкшіе въ чумахъ къ холоду, они не могли жить въ теплыхъ домахъ.

Въ 1810—1821 годахъ, между оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и архангельскими епископами Парѳеніемъ, Іосифомъ и Неофитомъ производилась переписка объ изысканіи удобнѣйшихъ способовъ для распространенія христіанскаго просвѣщенія между Самоѣдами. Въ 1822 году епископъ Неофитъ, по желанію нѣскольскихъ Самоѣдовъ принять святое крещеніе, отправилъ въ ихъ кочевья Мезенскаго уѣзда священника Ѳедора Истомина, и такимъ-образомъ въ пустынныхъ тундрахъ возсіялъ свѣтъ христіанства. Святѣйшій Синодъ, получивъ донесеніе объ этомъ благопріятномъ происшествіи, предписалъ епископу Неофиту озаботиться обращеніемъ Самоѣдовъ въ христіанскую вѣру и составить для этого необходимыя правила. Представленный имъ проектъ былъ разсмотрѣнъ Святѣйшимъ Синодомъ и 5 августа 1824 года утвержденъ Государемъ Императоромъ. ([46]) Содержаніе этихъ правилъ есть слѣдующее: «Обращеніе Самоѣдовъ въ христіанскую вѣру начать съ ихъ старшинъ и богачей въ Пустозерскомъ приходѣ. Для сего послать въ оный приходъ, а потомъ въ самоѣдскія кочевья, состоящія въ Большеземельской, Канинской и Тиманской тундрахъ, двухъ священниковъ, поставивъ имъ въ обязанность войти въ обращеніе съ Самоѣдами и кротостію, благопривѣтливостію и другими пастырскими добродѣтелями снискать ихъ довѣренность, вникнуть въ образъ жизни, мыслей и наклонности къ обращенію Самоѣдовъ; раскрывая имъ ложность и тщету ихъ вѣры, открывать имъ свѣтъ Евангелія и крестить по довольномъ наставленіи въ вѣрѣ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было дать священникамъ двѣ подвижныя церкви, какъ для утвержденія въ благочестіи прежде окрещенныхъ Самоѣдовъ, такъ и для обращенія язычниковъ. Епископъ Неофитъ, до отправленія въ самоѣдскія кочевья священниковъ, составилъ духовную миссію, опредѣливъ начальникомъ оной Сійскаго архимандрита Веніамина.

([46]) Полн. Собран. Зак. Т. XXXIX, т. 30,011.

По распоряженію архангельскаго епархіальнаго начальства, духовная миссія начала свои душеполезныя дѣйствія въ ближайшей Канинской тундрѣ. Послѣ обращенія нѣсколькихъ Самоѣдовъ, при многихъ изъ нихъ, въ самой дальней части тундры, на хребтѣ Канинскихъ горъ, близъ береговъ Сѣвернаго океана, приняли святое крещеніе старшина этой тундры *Хохоля Баракулевъ*, десятскій *Лапсидонъ Сулентьевъ* и зажиточные Самоѣды: *Илья Баракулевъ*, *Петръ Канюковъ* и другіе. Старшина *Хохоля Баракулевъ*, вскорѣ послѣ крещенія, построилъ себѣ избу при устьѣ рѣки *Шойны*. Въ-теченіе 1825 и въ началѣ 1826 года обратилось въ христіанство и крестилось изъ канинскихъ Самоѣдовъ 420 человѣкъ.

Весною 1826 г. духовная миссія, съ подвижною церковію, отправилась въ Большеземельскую тундру, подъ самый Уральскій хребетъ, гдѣ, при озерѣ *Харвеѣ*, и была поставлена церковь; совершаемое въ ней, при звонѣ колоколовъ, богослуженіе привлекло многихъ Самоѣдовъ. Здѣсь, въ-теченіе лѣта, обратилось въ христіанство и крестилось 357 человѣкъ. Новообращенные считали для себя величайшимъ удовольствіемъ звонить въ колокола предъ началомъ и во время самаго богослуженія, такъ-что къ колоколамъ бѣжали наперерывъ одинъ передъ другимъ.

Во время зимы 1827 г. духовная миссія производила обращеніе Самоѣдовъ Тиманской тундры. Сперва обратились и крестились знатнѣйшіе изъ нихъ, а въ-слѣдъ за ними и другіе очень многіе.

Весною того же года, духовная миссія снова отправилась въ Большеземельскую тундру. Тамъ производила она обращеніе и крещеніе Самоѣдовъ въ разныхъ мѣстахъ, а особливо на берегахъ Ледовитаго моря, при островѣ *Варандеѣ*, при рѣкѣ *Коротаихѣ* и при *Югорскомъ Шарѣ*. Въ этой тундрѣ, въ 1826, 1827, 1828 годахъ, обращено и крещено 1,871 человѣкъ.

Въ 1829 и по 1-е мая 1830 года, духовная миссія снова посѣтила Канинскую тундру, и число новообращенныхъ христіанъ умножилось здѣсь до 668 человѣкъ.

По смежности Канинской тундры съ Тиманскою, миссія вошла въ сношеніе съ Самоѣдами и этой послѣдней тундры, обитающими при рѣкѣ *Пёшѣ* и въ другихъ мѣстахъ, и здѣсь въ непродолжительное время приняли святое крещеніе 764 че-

ловѣка. Во всѣхъ тундрахъ обращено и крещено духовною миссіею по 1830 годъ включительно 3,303 Самоѣда ([47]).

При обращеніи въ христіанство, миссіонеры обходились съ Самоѣдами, народомъ чрезвычайно кроткимъ и смирнымъ, съ особенною лаской и привѣтливостью и снисходительно смотрѣли на ихъ обычаи: суровое обращеніе могло помѣшать успѣху добраго дѣла.

Самоѣды Большеземельской тундры вовсе не знаютъ русскаго языка, и потому съ ними нельзя было иначе бесѣдовать, какъ на ихъ природномъ языкѣ. Предвидя это, управляющій миссіею, съ самаго начала 1825 года, сталъ прилежно изучать самоѣдскій языкъ. Составивъ грамматику и лексиконъ, онъ перевелъ на этотъ языкъ сперва Евангеліе отъ Матѳея, а потомъ и прочія книги Новаго Завѣта. Глубокія истины Слова Божія несказанно восхищали Самоѣдовъ, когда они слышали ихъ въ звукахъ понятныхъ, на собственномъ своемъ языкѣ.

При обращеніи въ христіанство Самоѣдовъ, миссія старалась также раскрывать передъ ними всю тщету и ложность ихъ языческихъ вѣрованій.

Языческая вѣра некрещеныхъ Самоѣдовъ.

Языческая вѣра некрещеныхъ Самоѣдовъ Мезенскаго уѣзда, по своему происхожденію, есть шаманская. Она состоитъ въ вѣрованіи въ Бога, діавола, *тадепціевъ* (духовъ) и *хеговъ* (идоловъ).

1) Бога Самоѣды называютъ *Нумъ* ([48]) и почитаютъ его

([47]) Метрическія книги духовной миссіи 1825—1830 годовъ.

([48]) Въ «Прибавленіи къ Архангельскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» 1840 г., № 43, въ статьѣ о Самоѣдахъ Мезенскаго уѣзда, сказано: «Главное ихъ божество извѣстно подъ именемъ *Нумая*, или *Леумбарте*»; но это несправедливо. У мезенскихъ и большеземельскихъ языческихъ Самоѣдовъ главное божество не только не извѣстно подъ именемъ *Нумая*, или *Леумбарте*, но даже и слова эти не существуютъ въ ихъ языкѣ. Въ словѣ *Нумай* есть еще самоѣдскіе звуки: *Нумъ* значитъ Богъ, и *ай* — сатанинскій, отъ *а* — сатана; но въ словѣ *Леумбарте* не видимъ и того; оно, безъ-сомнѣнія, есть искаженное слово *Илъвбарте*, происходящее отъ *Илъицъ* — жизнь, или *Илъве* — вѣкъ, и глагола на большеземельскомъ нарѣчіи *баргавъ* — дѣлаю, и причастія *бартъ* — дѣлающій. Главное божество не только у мезенскихъ языческихъ Самоѣдовъ назы-

существомъ верховнымъ, отъ вѣчности существующимъ, и придаютъ ему одному наименованіе *Тяуй Нумъ* — Вышній Богъ. Признавая также Бога творцемъ не только неба и земли, но и всѣхъ тварей, имѣющихъ бытіе, думаютъ, что отъ него зависитъ все существующее, и что онъ одинъ надъ всѣмъ владычествуетъ, и называютъ его *Ильвбартъ* — Жизнодавецъ. Самоѣды полагаютъ также, что хотя Богъ и обладаетъ небомъ и землею, но обитаетъ только на небѣ, потому-что, какъ податель и источникъ всякаго добра, онъ не можетъ пребывать на землѣ, гдѣ совершается всякое зло. Они оказываютъ ему особенное почтеніе, такъ-что и самое имя *Нумъ*, изъ уваженія, произносятъ рѣдко и съ великимъ благоговѣніемъ, а въ помощь призываютъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, счастливыхъ или несчастныхъ. Такъ, напримѣръ, когда, случается, получаютъ необыкновенно прибыльную добычу на промыслѣ или вообще имѣютъ особенный успѣхъ въ какомъ-нибудь предпріятіи, тогда славятъ его словами: *Арка Нумъ*, *слава Богу*; или же кто разбогатѣетъ или избавится отъ явной и великой бѣды, то говоритъ: *Нумъ манаассомъ*, *увидѣлъ меня Богъ*. Испрашивая его помощь въ какихъ-либо особенныхъ случаяхъ, Самоѣды обращаются къ Нуму съ словами: *Нумей тадъ, дай Богъ*. Въ бѣдственныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда на льдинахъ уносятся далеко въ море, дѣлаютъ разные обѣты, и между этими обѣтами особенно примѣчателенъ даваемый нѣкоторыми обѣтъ — принять христіанство и крещеніе. Надо замѣтить, что вообще о христіанской вѣрѣ мезенскіе Самоѣды имѣютъ высокое понятіе, хотя и свою твердо соблюдаютъ, какъ по требованіямъ ея, приспособленнымъ къ кочевой жизни и легкимъ для нихъ, такъ и по увѣренности, что содержать ее повелѣлъ самъ *Нумъ*.

вается *Нумъ*, но и у разныхъ азіатскихъ Самоѣдовъ имѣетъ то же наименованіе; такъ у обдорскихъ *Нумъ*, у нарымскихъ *Нумъ*, у томскихъ *Нумъ*, у Камасинцевъ *Нумъ*. у обитающихъ при рѣкѣ Кетѣ *Номъ* (см. *Сравнит. словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій 1790 и 1791)*, но не *Нумай* *(Спб. исторія Фишера, стр. 84. Путешествіе академика Лепехина, ч. IV, стр. 201)*. Слово *Нумъ* въ звательномъ падежѣ имѣетъ *Нумей (Боже)*; вѣроятно, этотъ звукъ, неправильно выслушанный, превращенъ въ несуществующее *Нумай*.

2) Діавола мезенскіе Самоѣды называютъ *А*, сатана, производятъ отъ *Нума* и представляютъ злымъ, а потому всячески стараются умилостивить его, чтобы такимъ-образомъ избавиться отъ несчастій.

Тадепціи (49), по вѣрованію Самоѣдовъ, сотворены отъ *Нума*, и хотя *Нумъ* имѣетъ надъ ними власть, но они ему не во всемъ повинуются и причиняютъ людямъ множество бѣдъ, вопреки его повелѣніямъ. Тадепціи раздѣляются не на добрыхъ и злыхъ, а на *бѣлыхъ*, *зеленыхъ* и *черныхъ:* первые, высшіе, обитаютъ будто бы въ воздухѣ, а *зеленые* и *черные*, низшіе, живутъ на землѣ. Самоѣды вѣрятъ, что всѣхъ этихъ тадепціевъ безчисленное множество.

Хеги, или идолы (50), бываютъ и деревянные и каменные. Деревянные бóльшею частію состоятъ изъ отрубка дерева, сверху конусообразнаго, съ безобразнымъ изображеніемъ глазъ и рта, а снизу востраго; каменные же *хеги* вовсе не обдѣланы и только имѣютъ верхъ конусообразный, образующій, по понятіямъ Самоѣдовъ, голову *хега*, наподобіе головы деревянныхъ идоловъ. Нѣкоторые изъ *хеговъ* можно назвать общими, другіе частными. Первые принадлежатъ цѣлому народу и ставятся при такихъ урочищахъ, рѣкахъ и озерахъ, гдѣ собираются Самоѣды во множествѣ, для промысла звѣрей, для ловли рыбы или для пастьбы оленей; вторые ставятся однимъ какимъ-либо семействомъ на урочищахъ, ежегодно имъ посѣщаемыхъ. Есть еще хеги домашніе, также

---

(49) Подъ именемъ *тадепціевъ (тадепціо)* не разумѣютъ Самоѣды вообще духовъ чистыхъ и нечистыхъ, а только однихъ послѣднихъ. Духъ на ихъ языкѣ называется *индъ*. Имя *тадепціо* означаетъ духа нечистаго, или бѣса; а потому мезенскіе языческіе Самоѣды *тадепціевъ* никогда не называютъ *илеумбартами*, какъ неосновательно сказано въ вышеозначенной статьѣ о мезенскихъ Самоѣдахъ *(Приб. къ Архан. Губер. Вѣд. 1840 г., № 43)*, потому-что наименованіе *Ильѣвбарте* они относятъ только къ одному главному божеству

(50) По-канински *хегъ*, а по-большеземельски *хеге* — идолъ; подъ именемъ *хеговъ* Самоѣды почитаютъ не камень или дерево, но существа духовныя, которымъ они служатъ изображеніями. Самоѣды никогда не дѣлаютъ *хеговъ* для представленія *Нума*, потому-что не знаютъ, какъ изобразить его, а ставятъ ихъ *для* изображенія *тадепціевъ*, по приказанію *тадибеевъ* (жрецовъ), которые будто бы видали ихъ въ образѣ человѣческомъ.

деревянные, либо каменные. На нихъ обыкновенно надѣваютъ или цвѣтные суконные кафтаны, или *малицу* (нижняя одежда Самоѣдовъ) изъ оленьей кожи. Этихъ хеговъ хранятъ внѣ *чума*, противъ *лоникуя*, въ особыхъ небольшихъ санкахъ, устроенныхъ на семи копыльяхъ и имѣющихъ семь рубежковъ на полозьяхъ, и повременамъ выносятъ ихъ въ *синикуй*, т.-е. переднюю часть *чума*. Здѣсь, передъ принятіемъ пищи, намазываютъ имъ губы кровью или жиромъ оленей. Всѣ эти истуканы, деревянные и каменные, не иначе признаются за *хеговъ*, какъ *тадибей* (жрецъ) объявитъ на то волю *тадепціевъ*, которыхъ онъ спрашиваетъ объ этомъ. Въ-случаѣ отдаленности *тадибея* отъ мѣста кочевьевъ, Самоѣды ставятъ истукана на тундрѣ къ ловушкамъ песцовъ и лисицъ, или прикрѣпляютъ къ неводамъ и сѣтямъ при ловлѣ рыбы, и когда удаченъ бываетъ промыселъ, то признаютъ ихъ за *хеговъ* и чествуютъ жертвами, въ противномъ же случаѣ не имѣютъ къ нимъ никакого почтенія и бросаютъ ихъ. При рожденіи младенцевъ выставляются еще идолы, дѣлаемые въ память прадѣдовъ или прабабокъ. *Сядеями*, отъ слова *ся*, гора, называются идолы, имѣющіе видъ человѣческій и поставляемые обыкновенно на высокихъ горахъ. Они болѣе встрѣчаются при песцовыхъ и лисьихъ норахъ. Въ-случаѣ неудачнаго улова, этимъ *сядеямъ* не только ничего не жертвуютъ, но бьютъ ихъ и свергаютъ съ горъ, не признавая въ нихъ дѣйствительныхъ *сядеевъ*. Таковыхъ *сядеевъ*, деревянныхъ и каменныхъ, было довольно на *Сѣверной сопкѣ*, близъ пустозерскаго селенія; всѣ эти *сядеи* истреблены духовною миссіею: деревянные сожжены, а каменные разбиты, и на мѣстѣ ихъ поставленъ Животворящій Крестъ Христовъ.

Къ языческимъ самоѣдскимъ обрядамъ ([51]) принадлежатъ *самбадавы* (битье кудеса) — жертвоприношенія.

I. Обрядъ *самбадавы* производится слѣдующимъ образомъ:

1) Наканунѣ *самбадавы*, ввечеру, *тадибей*, въ томъ чумѣ, или юртѣ, гдѣ предположено *бить кудесъ*, ударяетъ нѣсколько

([51]) Самоѣды язычники, хотя и не имѣютъ нарочито установленныхъ дней и мѣстъ для отправленія всенародныхъ религіозныхъ пиршествъ, однако, нерѣдко, въ разныя времена, совершаются оныя тадибеями.

разъ въ *пензеръ* — барабанъ ([52]); *ладуранцомъ* — колотовкою, на рукояткѣ котораго вырѣзано лице идола и который обтянутъ оленьею кожею. Самоѣды по этимъ предварительнымъ ударамъ уже знаютъ, что поутру на другой день будетъ производится *самбадава*, битье кудеса, въ томъ чумѣ, откуда ввечеру слышались удары *пензера*.

2) Поутру изъ всѣхъ окрестныхъ чумовъ собирается народъ. Мужчины садятся по правую, а женщины по лѣвую сторону чума. За ними входитъ *тадибей*, надѣваетъ кудесническую одежду, которая, при пѣніи принаровленныхъ къ тому самоѣдскихъ пѣсенъ, шьется изъ замши, или выдѣланной оленьей кожи, наподобіе длиннаго кафтана, безъ полъ, и убирается кистями, бляхами, пуговицами и другими привѣсками. Голову покрываетъ онъ шапкою, называемою *сезбопцъ* (наглазникъ) ([53]); шапка эта почитается Самоѣдами первою и главною принадлежностію тадибея ([54]). Такимъ-образомъ одѣвшись и взявъ въ руки *пензеръ* и *ладуранцъ*, тадибей падаетъ ничкомъ на землю и съ этимъ земнымъ поклономъ обращается къ тадепціямъ, чтобы они не отвергли его призыванія, явились ему и исполнили его просьбу. Затѣмъ начинаетъ *самбадаву*: сперва ударяетъ тихо въ *пензеръ ладуранцомъ* и подогрѣваетъ кожу его на разведенномъ среди чума огнѣ, чтобы сдѣлалась туже и

([52]) *Пензеръ* (барабанъ) *тадибея* походитъ на рѣшето. Онъ дѣлается самимъ *тадибеемъ*. Одна сторона его, вмѣстѣ съ боками, обтянута кожею убитаго самимъ *тадибеемъ* оленьяго теленка, а другая остается открытою. Внутри *пензера* по срединѣ проведена перекладина и отъ ней въ одинъ изъ боковъ другая; перекладины эти служатъ вмѣсто рукоятки. На обѣихъ перекладинахъ вырѣзывается по семи идольскихъ лицъ, для означенія уважаемаго ими *седмеричнаго* числа.

([53]) Шапка тадибея имѣетъ слѣдующую фигуру: къ верхнему концу лоскута краснаго сукна или другой матеріи, длиною въ 8, а шириною 5 вершковъ, пришивается концами узкая полоска той же матеріи; по срединѣ этой полоски, образующей кругъ, прикрѣпляется еще другая узкая полоска изъ той же матеріи. Эти полоски и лоскутъ по краямъ и по срединѣ прошиваются бѣлью; на низу лоскута навѣшиваются бляшки, пуговицы, медвѣжьи кости и другія привѣски. Шапка эта надѣвается на голову полосками, составляющими тулью, а лоскутъ опускается на низъ и покрываетъ лице.

([54]) Тадибей, потерявшій сезбопцъ, отвѣчаетъ, по мнѣнію Самоѣдовъ, своею головою предъ тадепціями за свою шапку.

звучнѣе, потомъ постепенно усиливая удары, производитъ весьма сильные рѣзкіе звуки. Въ началѣ самбадыни Самоѣды, принаравливая голоса свои къ звуку *пензера*, кричатъ сперва тихимъ, а потомъ громкимъ голосомъ: *гой, гой, гой!* Этимъ воззваніемъ они изъявляютъ внутреннее желаніе, чтобы *тадепціи* услышали и исполнили просьбу призывающаго ихъ *тадибея*. Самъ онъ благоговѣйнымъ шептаніемъ призываетъ *тадепціевъ* и, по мнимомъ явленіи ихъ, проситъ ихъ или объ излеченіи отъ болѣзни больнаго, по просьбѣ котораго *бьетъ кудесъ*, или объ отогнаніи волковъ отъ стада оленей, или о дарованіи успѣшнаго промысла, на который сбираются Самоѣды, или объ отвращеніи какого-либо несчастія, или о чемъ-либо другомъ тому подобномъ. Въ-случаѣ несогласія *тадепціевъ*, *тадибей* повторяетъ передъ ними свое упрашиваніе и обѣщаніемъ жертвоприношеній убѣждаетъ ихъ исполнить просимое. Надо замѣтить при семъ, что тадибей всегда обращается къ тадепціямъ безъ униженія, а съ какою-то величавостію; до призванія и по призваніи, онъ называетъ ихъ *ня*, товарищами. Увидѣвъ тадепціевъ, тадибей возвѣщаетъ также своимъ слушателямъ о появленіи ихъ словами: *нясъ то, пришли товарищи;* когда проситъ ихъ о вспоможеніи больному, то обращается къ нимъ съ рѣчью: *ня вей ня дади, помогите, товарищи* ([54]).

3) Когда *тадепціи* рѣшительно объявляютъ свою волю, а *тадибей*, разговаривая съ ними, дѣлается какъ бы изступленнымъ отъ сверхъестественной силы, тогда напряженнымъ голосомъ разсказываетъ своимъ слушателямъ сообщенныя будто бы ему *тадепціями* рѣшенія. Между-тѣмъ, во время таинственнаго ихъ присутствія и по ихъ побужденію, тадибей въ изступленіи начинаетъ колоть себя, въ разныхъ частяхъ, ножемъ или другимъ какимъ-либо острымъ орудіемъ, втыкаетъ въ тѣло свое ружейный шомполъ или показываетъ ремень, будто бы продернутый сквозь него въ обоихъ бокахъ, и дозволяетъ дѣлать надъ собою подобныя штуки и своимъ слушате-

([54]) Смѣлое обращеніе *тадибея* съ *тадепціями* и названіе ихъ товарищами возвышаетъ его въ глазахъ невѣжественнаго народа, который всегда почитаетъ своего тадибея.

лямъ, но тѣмъ только, которые находятся при *самбадавѣ* ([56]), продолжающейся около двухъ или трехъ часовъ.

II. Если *тадибей* отъ уколовъ ножемъ не ощущалъ въ тѣлѣ своемъ боли и крови не показалось, то это почитается знакомъ благополучнаго предвѣщанія; если же, напротивъ, отъ мнимыхъ ранъ въ тѣлѣ чувствуема была боль, маловременная и вскорѣ излечиваемая *тадепціями*, и показалась кровь, то эти признаки, по мнѣнію Самоѣдовъ, предвѣщаютъ бѣду. Въ первомъ случаѣ въ возблагодареніе, а въ послѣднемъ для отвращенія несчастія, *тадепціи* повелѣваютъ, по окончаніи *самбадавы*, приносить жертву или Нуму, или діаволу, или или имъ самимъ, идоламъ. На этомъ основаніи совершаются Самоѣдами различныя жертвоприношенія.

1) *Нуму* обыкновенно приносятъ Самоѣды въ жертву бѣлаго оленя, на самыхъ высокихъ горахъ. Оленя давятъ ([57]) и при этомъ всегда ставятъ его головою на востокъ. Когда давятъ жертвеннаго оленя веревкою за шею, то *тадибей* держитъ его за заднюю лѣвую ногу и громогласно взываетъ: *Нумей, ти тюакръ, темн Нияндъ това хападъ (Богъ, мы принесли тебѣ оленя; вотъ это твой, уведи)!* Затѣмъ все мясо этого оленя съѣдаютъ сырое, а голову его, вмѣстѣ съ костями, кладутъ въ возвышенномъ срубѣ; при этомъ должно еще замѣ-

---

([56]) *Самбадава*, *кудесничаніе*, означаетъ также и *колдовство*. Слово это происходитъ отъ глагола *самбонамъ*, *кудесничаю*, и значитъ то же, что и *тадептсоргомъ*, *колдую*, отъ котораго произошло *самбапорта* — *колдунъ*.

([57]) Самоѣды приносимыхъ въ жертву оленей удавливаютъ слѣдующимъ образомъ: положивъ оленю на шею веревку, дѣлаютъ удавную петлю и одинъ конецъ ея привязываютъ за правую заднюю ногу, а другой за шею удавною же петлею, и, такимъ образомъ связавъ оленя, давятъ его два человѣка за шею на ту и другую сторону, а третій за ногу назадъ; четвертый стоитъ подлѣ оленя съ узенькимъ ножемъ и предъ самымъ издыханіемъ жертвы спѣшитъ подколоть ее въ самое сердце для того, чтобы перехватить духъ оленя прежде, нежели онъ издохнетъ. *Духъ оленя*, по мнѣнію Самоѣдовъ, *составляетъ существенную часть жертвоприношенія*, потому-что онъ идетъ въ жертву или *Нуму*, или діаволу, или *тадепціямъ*, или духу того *хега*, которому животное приносится въ жертву. Вытекающею изъ сердца, по воткнутому ножу, живою кровью, равно-какъ и саломъ этого жертвеннаго оленя, намазываютъ Самоѣды уста *хеговъ*.

тать, что голову кладутъ не просто, а втыкаютъ на колъ и обращаютъ мордой на востокъ.

Въ это время всѣ присутствующіе Самоѣды съ величайшимъ благоговѣніемъ обращаются на востокъ и по нѣскольку разъ преклоняютъ голову, потому-что думаютъ, что Нумъ въ то время сходитъ съ неба, для принятія ихъ жертвы.

2) *Діаволу* приносятъ Самоѣды въ жертву или оленя, или собаку. Это жертвенное животное также давятъ, но всегда по закатѣ солнца, и притомъ ставятъ всегда головою не на востокъ, а на западъ. Давятъ обыкновенно за чумомъ, въ которомъ *бьется кудесъ*, противъ головы лежащаго въ немъ больнаго: это дѣлаютъ для того, что по ихъ понятіямъ, діаволъ можетъ оставить въ покоѣ больнаго и удовольствоваться головою оленя или собаки. Во время удавленія жертвы, тадибей взываетъ къ діаволу: *Авъ весаковъ тюкоръ хановъ, евулы вйва тась халадъ, муйладъ (сатана-старикъ, возьми: это твое; унеси вмѣсто головы, облегчи болѣзнь)!* Затѣмъ съѣдаютъ жертвенное сырое мясо оленя, а голову его на деревкѣ ставятъ при ближайшихъ идолахъ и при этомъ наблюдаютъ, чтобы морда обращена была на западъ, а не на востокъ, куда всегда обращены ихъ идолы своимъ лицемъ. При жертвѣ діаволу головы своей не преклоняютъ. Обѣ эти жертвы приносятся не иначе, какъ *тадибеемъ*.

3) *Тадепціямъ* приносятъ Самоѣды въ жертву или оленей или собакъ, и при этомъ поступаютъ точно такъ же, какъ и при жертвѣ діаволу, съ тою только разницею, что тадибей или хозяинъ приносимой жертвы произноситъ слѣдующее обращеніе къ *тадепціямъ*: *Меда дадъ, сидна еда (примите, и насъ сохраните)!*

4) *Хегамъ* приносятся въ жертву тоже или олени, или собаки, а нѣкоторымъ изъ женскихъ идоловъ коты и жеребцы. Этихъ послѣднихъ животныхъ Самоѣды покупаютъ для жертвоприношеній у Русскихъ. При удавленіи оленя и другихъ животныхъ, назначенныхъ въ жертву *хегамъ*, не говорятъ никакихъ словъ и не поклоняются имъ, а только тадибей или хозяинъ жертвы мажетъ уста *хеговъ* кровію и жиромъ жертвеннаго животнаго и обращается къ нимъ съ словомъ: *Оргада (кушайте)!* Послѣ того приносящій въ жертву оленя или собаку подаетъ ближайшимъ родственникамъ голову этого жи-

вотнаго, и они объѣдаютъ съ нея все мясо; потомъ эту объѣденную голову тадибей или хозяинъ вонзаетъ на деревко и ставитъ противъ *хега*, которому приносилъ животное въ жертву, произнося слѣдующія слова: *Нютонъ сыръ нумнанъ (не смотри за мною)!* (58) По совершеніи жертвоприношенія, всѣ находившіеся при немъ Самоѣды садятся за трапезу и съѣдаютъ сырымъ все мясо принесеннаго въ жертву оленя.

Сверхъ-того мезенскіе Самоѣды почитаютъ за низшія божества солнце, мѣсяцъ, звѣзды, облака и землю, но жертвъ имъ не приносятъ и никакихъ особыхъ обрядовъ въ-отношеніи къ нимъ не совершаютъ, а только при леченіи недужныхъ, посредствомъ *битья кудеса*, тадибей и ихъ призываетъ на помощь: *Хаяръ нъеіовъ, прій приковъ, нумгы нявей дадъ тиръ меда сице нягеди дадъ сягада эдляди (солнце мать, дѣдушка мѣсяцъ, братцы звѣзды и облака, возьмите его къ себѣ и сжальтесь надъ его недугомъ)!* Бабушку же землю онъ умоляетъ такъ: *Я хадаковъ едирадъ едьта нядандъ (бабушка земля, отпусти отъ себя больнаго)!*

III. Хотя для постояннаго совершенія языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній мезенскіе Самоѣды не имѣютъ ни храмовъ, ни другихъ мольбищъ, но все-таки есть у нихъ для жертвоприношеній избранныя, открытыя мѣста. Такъ, для поставленія идоловъ и жертвоприношеній они выбираютъ или доступныя вершины значительнѣйшихъ горъ, издали примѣтныя и притомъ плоскія, или берега примѣчательнѣйшихъ рѣкъ и озеръ, или урочища, изобилующія звѣрьми или олеными мхами, — урочища, на которыя Самоѣды стекаются во множествѣ. Изъ таковыхъ мѣстъ особенно замѣчательны два: одно въ Большеземельской тундрѣ, на островѣ *Вайгачѣ*, а другое въ Канинской землѣ, въ *Козминѣ перелѣскѣ*.

1) Въ Большеземельской тундрѣ, на островѣ *Вайгачѣ*, было самое древнее и болѣе другихъ чтимое Самоѣдами мѣсто ихъ языческихъ мольбищъ. Здѣсь болѣе прочихъ мѣстъ

(58) Слова: *Нютонъ сыръ нумнанъ*, по буквальному переводу, значатъ: *не смотри за мною*, а по изъясненію тадибеевъ означаютъ: не смотри на то, что я малую принесъ жертву; не гнѣвайся за сіе на меня, не требуй отъ меня болѣе и не причиняй мнѣ зла.

приносили въ жертву оленей Самоѣды Мезенскаго уѣзда; сюда даже пріѣзжали многіе Самоѣды изъ Тобольской губерніи. На островѣ Вайгачѣ издревле почитались главными два идола: одинъ на южномъ концѣ острова, мужескаго пола, а другой — на сѣверномъ, женскаго.

На южномъ концѣ Вайгача, выдающійся въ Ледовитое море высокими перпендикулярными скалами, сѣверо-западный мысъ, по множеству стоявшихъ на немъ идоловъ, называется Русскими *Болванскимъ* и былъ мѣстомъ перваго идола, который имѣлъ у Самоѣдовъ названіе *Весако (старикъ)*. Идолъ этотъ былъ деревянный, троегранный, тонкій, весьма ветхій, вышиною въ два аршина; верхняя часть его имѣла семь лицъ. Всѣ лица вырѣзаны были на двухъ лицевыхъ отлогихъ гранкахъ, одно надъ другимъ; такимъ образомъ: а) по срединѣ вырѣзанъ ротъ и округленъ носъ; б) по сторонамъ его на гранкахъ вырѣзаны впадистыя щеки, во всю ширину гранокъ; в) по всей ширинѣ гранокъ надъ носомъ проведены по двѣ черты, для означенія глазъ; г) по бокамъ находилось по два рубежа, для означенія реберъ. Нижняя часть идола состояла просто изъ трехъ граней, къ концу вмѣстѣ сведенныхъ; онъ воткнутъ былъ въ землю и представлялъ лице сатаны, что видно изъ вышеозначеннаго къ нему обращенія: *Ася Весаковъ (сатана-старикъ)*. Этому идолу, сверхъ особаго мѣстоположенія, придавали нѣкоторую важность слѣдующія обстоятельства: а) на южной сторонѣ отъ него стояли полукружіемъ, въ нѣсколько рядовъ, 420 деревянныхъ идоловъ, воткнутыхъ въ землю. Изъ нихъ 20, различной небольшой толщины, были побольше другихъ и имѣли въ вышину отъ 1 до 1¼ арш.; а низъ и головы у нихъ были тонкія, а средина толстоватая. Голова у всѣхъ этихъ идоловъ сдѣлана была не круглая, а съ двухъ сторонъ двумя гранками заостренная и сведенная вверхъ острымъ концомъ. На срединѣ грани вырѣзаны были ротъ и носъ, а на граняхъ глаза. Въ срединѣ тѣла у нѣкоторыхъ, для означенія пупа, вбито было по желѣзному гвоздю. Прочіе 400 идоловъ были вышиною въ 1 футъ и менѣе; головы у всѣхъ были двугранныя и остроконечныя, какъ и у первыхъ двадцати; у нѣкоторыхъ на срединѣ гранъ означенъ былъ рубежемъ одинъ только ротъ, а у другихъ сдѣланы были однѣ остросведенныя головы, безъ рубежей; средина

у всѣхъ была выпуклая, а нижній конецъ заостренъ и воткнутъ въ землю. б) На сѣверной сторонѣ отъ идола Весака возвышалась груда головъ, отъ принесенныхъ въ жертву оленей; эта груда, изъ которой торчало множество роговъ, имѣла въ длину 1$^1/_2$, въ ширину и въ вышину около сажени. Эти головы были складены весьма плотно; около нихъ на землѣ лежало 30 череповъ бѣлыхъ медвѣдей. Вокругъ груды на оленьихъ рогахъ находились слѣдующіе привѣсы: 22 маленькіе топора, которые такъ изоржавѣли, что при ударѣ камнемъ желѣзо съ нихъ сыпалось и у многихъ обухи совсѣмъ отпали отъ лезвіевъ; нѣсколько ушей отъ мѣдныхъ котловъ; пуговицы, желѣзные гвозди и разноцвѣтные суконные лоскутки. с) Въ 50 саженяхъ отъ груды оленьихъ головъ стояли на землѣ, въ одномъ мѣстѣ, 20 каменныхъ идоловъ: это были нимало не обработанные, фигурчатые, бѣлые, известковой породы камни съ остроконечнымъ верхомъ, представлявшимъ голову идола. Здѣсь не находилось ни оленьихъ головъ, ни привѣсокъ, и поэтому можно, кажется, полагать, что какъ эти каменные, такъ и прочіе деревянные идолы составляли какъ бы свиту главнаго идола *Весака*. d) На самой оконечности *Болванскаго* мыса есть большая, длинная и высокая пещера; изъ конца этой пещеры вышло на поверхность мыса продолговатое отверстіе, въ окружности около шести саженъ. Одинъ взглядъ въ эту трущобу сверху вселяетъ невольный страхъ: высокія, каменныя, перпендикулярныя скалы идутъ въ ней до самой воды саженъ на 15. Вой и гулъ, раздающіеся въ пещерѣ во время сильныхъ вѣтровъ, внушили Самоѣдамъ суевѣрный страхъ и какое-то особенное почтеніе къ чудесному, по ихъ понятіямъ, утесу, и они, не просвѣщенные еще христіанствомъ, благоговѣли передъ этимъ мѣстомъ и пещерою. Въ древности Самоѣды повергали въ эту пещеру своихъ жертвенныхъ оленей; въ послѣднее время этого не дѣлали, а давили ихъ передъ *Весакомъ*. Во всѣхъ самоѣдскихъ тундрахъ ни у какихъ другихъ идоловъ не было столько головъ приносимыхъ въ жертву оленей, какъ у идола *Весака*. У Самоѣдовъ есть преданіе, что никто изъ нихъ не отправлялся на Вайгачъ, не принесши жертвы идоламъ, находившимся на матерой землѣ въ *Югорскомъ шарѣ*, противъ *Вайгача*, а по переходѣ на этотъ островъ каждый Самоѣдинъ немедленно приносилъ

жертву самому *Весаку*, чтобы онъ дозволилъ промышлять около него морскихъ звѣрей и далъ успѣхъ въ промыслѣ. Близъ идола Весака не только не дозволялось сдѣлать что-нибудь непристойное, но считалось даже непозволительнымъ дѣломъ сорвать какую-либо былинку, потому-что вѣрили, что *Весакъ* накажетъ за это бѣдою. При отъѣздѣ съ *Вайгача* каждый снова приносилъ жертву *Весаку*, въ благодарность за промыселъ и за дарованіе благополучной переправы чрезъ *Югорскій шаръ*. Вотъ почему *Вайгачъ* называется у Самоѣдовъ: по-канински *Хегъя*, а по-большеземельски *Хегея — святая земля*, или *Хегео, святой островъ*.

Послѣ крещенія Самоѣдовъ въ *Югорскомъ шарѣ*, близъ *Вайгача*, идолъ *Весака*, со всѣми прочими истуканами и съ многочисленными привѣсками, былъ сожженъ самими Самоѣдами, при управляющемъ миссіею, и на самомъ томъ мѣстѣ, по освященіи его св. водою, водруженъ Животворящій Крестъ Христовъ.

На сѣверномъ концѣ Вайгача главный идолъ женскаго пола называется *Хадако (бабушка)*. Онъ представляетъ собою лице земли, и ему приносятъ въ жертву оленей и ввѣряютъ на сохраненіе свои промыслы. У этихъ *Весака* и *Хадако*, по словамъ Самоѣдовъ, были четыре сына, которые разошлись въ разныя мѣста по тундрамъ: *Нюхегъ, сынъ-идолъ*, небольшой утесъ на Вайгачѣ, *Минисей*, возвышеніе у Уральскаго хребта, *Ялмалъ*, на западной сторонѣ Обской губы, и *Козминъ перелѣсокъ* въ Канинской тундрѣ.

2) Въ *Канинской землѣ* этотъ *Козминъ перелѣсокъ* есть не что иное, какъ роща, отстоящая отъ города Мезени на 20 верстъ. Она лежитъ за рѣкою *Пыей*, между городомъ и *Семжонскимъ* селеніемъ, и простирается въ длину на десять, а въ ширину на полверсты, и состоитъ изъ мелкаго ельника и березника. Самоѣды-язычники почитаютъ ее священною и послѣ *Весака* и *Хадако* уважаютъ болѣе всѣхъ прочихъ божковъ. Многіе изъ нихъ вырубленную здѣсь небольшую елку возятъ въ своихъ санкахъ, вмѣстѣ съ идолами, до конца своей жизни. Въ этой рощѣ находились сто деревянныхъ идоловъ, разной величины и разнаго вида: изъ нихъ 20 большихъ и толстыхъ, съ округленными головами, похожими на человѣческія, стояли рядами на землѣ; нижніе концы ихъ

были обтесаны ровно. Десять другихъ, тонкихъ, вышиною въ сажень, огранены были въ семь граней и на каждой грани имѣли по семи лицъ, одно надъ другимъ. Нижнимъ, заостреннымъ концомъ они воткнуты были въ землю, вокругъ одной большой березы, въ не дальнемъ отъ нея и въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Изъ остальныхъ 70 нѣкоторые были сдѣланы изъ еловыхъ деревъ и имѣли въ вышину около аршина, и головы заостренныя, съ лицевой стороны въ двѣ грани, а другіе изъ еловыхъ пней, стоявшихъ на корнѣ, или толстыхъ сучьевъ этого дерева, въ вышину въ полтора аршина, также съ заостренными головами. Вокругъ этихъ идоловъ висѣло на березахъ около двухъ тысячь разныхъ привѣсокъ: разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, звѣриныхъ шкуръ, пуговицъ и другихъ мѣдныхъ бляшекъ. Все это навѣшено было Самоѣдками во время проѣздовъ ихъ чрезъ эту рощу въ городъ Мезень. По шаманскому ученію, женскій полъ считается нечистымъ, и все, черезъ что̀ ни переступитъ замужняя Самоѣдка, признается оскверненнымъ. Отъ этого каждая изъ нихъ, подъѣхавъ къ священной рощѣ *Козмина перелѣска*, соскакивала съ санокъ, срывала одинъ изъ лоскутковъ, которыми обыкновенно украшаютъ онѣ свое верхнее нарядное платье, и привязывала этотъ лоскутокъ къ березѣ, если не имѣла ничего другаго. Этою привѣскою Самоѣдка, проѣзжавшая чрезъ Козминъ перелѣсокъ, гдѣ идетъ дорога изъ Канинской земли къ городу Мезени, очищалась сама и не осквернала собою священной рощи. Всѣ идолы, находившіеся въ Козминомъ перелѣскѣ, сожжены духовною миссіею, и на томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли, водруженъ Животворящій Крестъ. Миссія сожигала идоловъ во всѣхъ кочевьяхъ, гдѣ Самоѣды крестились, и надо замѣтить, что идолы сожигались по бо̀льшей части самими новокрещеными Самоѣдами, члены же миссіи только освящали св. водою мѣста, очищенныя отъ идоловъ, и окрестныя кочевья.

IV. Самоѣдская языческая вѣра не вовсе чужда нравственныхъ основаній. Ученіе ея передается словесно изъ рода въ родъ между *тадибеями*, ихъ жрецами и учителями, а отъ нихъ распространяетя въ самоѣдскомъ народѣ. Ученіе это заключаетъ въ себѣ: 1) нѣкоторыя нравственныя правила и 2) преданія о званіи и обязанностяхъ *тадибеевъ*.

I. Нравственныя правила языческой самоѣдской вѣры.

1) Вѣруй въ Вышняго Бога и почитай его.

2) Почитай великаго *Николу*.

3) Выполняй обѣтъ, какой далъ Богу и слугѣ Божію *Николѣ*.

3) Вѣруй въ діавола и умилостивляй его, чтобы не приключилось отъ него какой-нибудь бѣды, или тебѣ самому, или семейству твоему, или оленямъ твоимъ, чтобы онъ избавилъ тебя отъ болѣзни или помогъ въ промыслѣ и другихъ подобныхъ обстоятельствахъ жизни.

5) Исполняй повелѣнія діавола, когда онъ при *кудесахъ* велитъ принесть жертву или сдѣлать что либо-другое.

6) Вѣруй въ *тадепціевъ* и призывай ихъ, чтобы не причиняли тебѣ зла.

7) Вѣруй въ *хеговъ*, которыхъ діаволъ при *кудесахъ* велитъ ставить и почитать.

8) Не скачи чрезъ санки, въ которыхъ хранятся *хеги*.

9) Не дѣлай и не ставь *хеговъ* понапрасну.

10) Не реви и не шути поздно вечеромъ, дабы не заболѣть. (89)

11) Почитай отца и мать.

12) Почитай и уважай старшихъ себя.

13) Ни на кого понапрасну не наговаривай и надъ другимъ не смѣйся.

14) Не убивай.

15) Не дерись.

16) Не воруй.

17) Люби свою жену и не желай чужой.

18) Всемѣрно старайся о сохраненіи оленей.

19) Не гордись.

20) Не пустословь.

21) Не щеголяй.

22) Не пьянствуй.

---

(89) Самоѣды говорятъ, что *тадепціи* не любятъ рева и крика по вечерамъ и ночамъ, что они черезъ *тадибеевъ* запрещаютъ ночные крики и ревъ, и нарушителей этого приказа наказываютъ будто бы болѣзнями.

23) Не будь сладкоѣдъ, а употребляй въ пищу что̀ прилучилось.

24) Просящему у тебя давай, чтобы не ушелъ отъ тебя безъ пособія: за это Богъ дастъ тебѣ болѣе.

25) Что̀ видишь, молчи, чтобы не вышло отъ тебя какое-либо дѣло.

II. Преданія о званіи и обязанностяхъ Тадибеевъ.

Званіе *тадибеевъ* наслѣдственное, потому-что никто другой, хотя бы и желалъ, не можетъ быть *тадибеемъ*, если не происходитъ изъ рода *тадибеевъ*. Званіе это преемственное не въ одномъ мужескомъ, но и въ женскомъ полѣ; впрочемъ женщины поступаютъ въ отправленіе *тадибейской* должности только въ случаѣ недостатка наслѣдниковъ мужескаго пола. Притомъ же не всѣ вообще дѣти *тадибеевъ* могутъ вступать въ *тадибейскую* должность, а только тѣ, которые предварительно избираются *тадепціями*. Избраніе это начинается въ ихъ малолѣтствѣ и происходитъ слѣдующимъ образомъ: какъ-только дѣти приходятъ въ разсудокъ, то и начинаютъ *тадепціи* показываться имъ и побуждать къ принятію *тадибейской* должности. Отрокъ, не умѣющій еще обращаться съ *тадепціями*, прибѣгаетъ къ знатнѣйшему *тадибею* и проситъ отъ него наставленія. *Тадибей* даетъ ему въ руки *пензеръ*, открываетъ ему таинственную силу этого барабана и научаетъ, ка̀къ употреблять его и ка̀къ обращаться съ *тадепціями*. Такимъ-образомъ наставленный отрокъ вступаетъ въ сообщеніе съ духами и, возмужавъ, дѣлается настоящимъ *тадибеемъ* и отправляетъ *тадибейскую* должность. Опредѣленнаго числа *тадибеевъ* не положено, и отъ этого иногда ихъ болѣе, а иногда менѣе, но всегда очень много. Обязанности *тадибеевъ* состоятъ въ слѣдующемъ:

а) Они должны отправлять *самбадаву (битье кудеса)*, главный обрядъ ихъ богослуженія, когда желаютъ того или всѣ собравшіеся въ какомъ-нибудь кочевьѣ Самоѣды, или когда требуетъ совершенія самбадавы одинъ Самоѣдинъ, по своей болѣзни, или по болѣзни родственниковъ, или по какому бы ни было другому обстоятельству. б) Они обязаны совершать жертвоприношенія или вмѣстѣ съ *самбадавою*, или отдѣльно. За отправленіе этихъ обязанностей тадибеи не пользуются

никакими постоянными доходами; за *битье кудеса* или за приношеніе жертвоприношеній они получаютъ обыкновенно въ вознагражденіе или оленей, или другія вещи, какія дадутъ. Притомъ вознагражденіе это всегда бываетъ подъ условіемъ: если послѣ *кудеса* исполнится желаніе Самоѣда, просившаго о самбадавѣ или жертвоприношеніи, то *тадибей* удерживаетъ у себя вознагражденіе, въ противномъ же случаѣ обыкновенно возвращаетъ его тому, отъ кого получилъ.

Изъ этого краткаго описанія языческой самоѣдской вѣры можно видѣть, что она не исключительно принадлежитъ однимъ Самоѣдамъ, а есть общая всѣмъ восточнымъ языческимъ народамъ, которые слѣдуютъ *шаманскому* ученію. Вѣрованіе въ Верховное Существо, въ сатану, духовъ и идоловъ, волшебныя дурачества и хитрости самоѣдскихъ *Тадибеевъ*, употребленіе барабана при призываніи духовъ, одежда, надѣваемая тадибеями во время самбадавъ, и другія черты сходства ясно, кажется, указываютъ, что языческія вѣрованія Самоѣдовъ есть не что иное, какъ шаманство, и что они заимствованы Самоѣдами у восточныхъ своихъ единоплеменниковъ.

Построеніе церквей для крещеныхъ Самоѣдовъ.

Для постройки новокрещенымъ Самоѣдамъ трехъ деревянныхъ церквей, съ такими же домами для причтовъ, Высочайше ассигновано было 75 тыс. руб. ассиг. и назначена Духовная Строительная Коммиссія, съ производствомъ тремъ ея членамъ особаго штатнаго жалованья по 500 руб. ассигн. въ годъ каждому. Старшимъ изъ этихъ членовъ былъ архимандритъ Архангельскаго монастыря Платонъ. Мѣстами для постройки церквей избраны были въ Большеземельской тундрѣ кочевья Самоѣдовъ при рѣкѣ Колвѣ, въ Тиманской — кочевья при рѣкѣ Пёшѣ, а въ Канинской — временное пребываніе на рѣкѣ Неси.

Къ тремъ этимъ церквамъ опредѣлены особые причты, съ штатнымъ жалованьемъ: въ Канинской и Тиманской тундрахъ назначено въ каждой по одному священнику, а въ Большеземельской два и діаконъ; священникамъ положено по 1,000, а діакону по 700 рублей ассигн. въ годъ. На причетниковъ изъ самоѣдскихъ дѣтей ассигнованно по 300 руб. ассигн. Вскорѣ дѣйствія миссіи увѣнчались отрадными успѣхами: во всѣхъ

трехъ тундрахъ оставалось незначительное число некрещеныхъ Самоѣдовъ. Это побудило управлявшаго духовною миссіею архимандрита Веніамина донести архангельскому епархіальному архіерею Аарону, что онъ продолженіе миссіи считаетъ излишнимъ, такъ-какъ въ самоѣдскихъ кочевьяхъ существуетъ строительная коммиссія и причтамъ трехъ самоѣдскихъ церквей можетъ быть поставлено въ обязанность на будущее время и обращеніе некрещеныхъ Самоѣдовъ въ христіанство и обученіе грамотѣ самоѣдскихъ дѣтей.

Въ-слѣдствіе этого донесенія, по Высочайше утвержденному постановленію Святѣйшаго Синода, дальнѣйшее существованіе духовной миссіи прекращено 1 мая 1830 года.

Въ 1830—1835 годахъ, Членами Духовной Строительной Коммиссіи построены три деревянныя церкви, съ домами для причтовъ, въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, и при всѣхъ этихъ церквахъ заведено обученіе грамотѣ малолѣтнихъ самоѣдскихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ, особливо при *Большеземельской* церкви, при рѣкѣ *Колвѣ*, обучались чтенію, чистописанію, пѣнію и церковному уставу и были опредѣлены въпослѣдствіи причетниками при самоѣдскихъ церквахъ, а одинъ поступилъ мірскимъ писаремъ въ тундру *ижемскихъ* Самоѣдовъ.

Нѣкоторые крещеные *ижемскіе* Самоѣды, особливо женившіеся на *Зырянкахъ*, осѣдло поселились на рѣкѣ *Колвѣ*, при *Большеземельской* церкви, и сами построили 12 хорошихъ деревянныхъ домовъ, обзавелись лошадьми и рогатымъ скотомъ и занимаются, по-возможности и не безъ выгоды, огородничествомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, птицеловствомъ и другими мѣстными промыслами. (60)

Административное устройство мезенскихъ Самоѣдовъ.

Въ 1835 году мезенскіе Самоѣды получили новое административное устройство: въ этомъ году изданъ «Уставъ объ

(60) Въ доставленной въ Географическое Общество священникомъ села Козлогородскаго (Мезенскаго уѣзда) Аѳанасіемъ Подосеновымъ статьѣ: «О вѣрѣ Самоѣдовъ», сказано: въ настоящее время (въ концѣ 1852 года) есть осѣдлые Самоѣды, при устроенной для нихъ Большеземельской

управленіи Самоѣдами Мезенскаго уѣзда». Хотя это устройство еще не приведено къ совершенному окончанію ([61]), но уже самый уставъ довольно показываетъ, какія важныя права и преимущества дарованы Самоѣдамъ. Права эти и преимущества суть слѣдующія:

а) Права и преимущества общія.

Самоѣдамъ Мезенскаго уѣзда предоставлено составлять особенное сословіе въ равной степени съ крестьянскимъ, но отличное отъ онаго въ образѣ управленія. Имъ назначена въ потомственное владѣніе вся полоса земли въ Мезенскомъ уѣздѣ, извѣстная подъ именемъ *Канинской*, *Тиманской* и *Большеземельской тундръ*, за отмежеваніемъ къ существующимъ въ этихъ тундрахъ селеніямъ по 60 десятинъ на каждую ревижскую душу. Они освобождены отъ рекрутской повинности натурою и деньгами. Имъ позволено, если нѣкоторые изъ нихъ водворятся осѣдло, по собственной ихъ волѣ, вступать въ сословіе государственныхъ крестьянъ, также въ мѣщане и записываться въ гильдіи, на установленныхъ правилахъ, съ свободою отъ рекрутства. Но противъ воли ихъ, безъ собственнаго ихъ желанія, воспрещено обращать ихъ въ званіе крестьянъ и включать въ какое-либо другое сословіе. ([62])

b) Права по управленію ими.

Въ каждой изъ трехъ тундръ: *Канинской*, *Тиманской* и *Большеземельской*, управляетъ Самоѣдами старшина, избираемый, по ихъ обычаямъ, чрезъ каждые три года; въ сношеніяхъ съ правительствомъ онъ именуется старостою. Въ пособіе этимъ старостамъ, въ *Канинской* и *Тиманской* тундрахъ придается по одному помощнику, избираемому также обществомъ на три или на два года, а въ *Большеземельской*, по обширности пространства, два помощника. Староста во всѣхъ

церкви домовъ до пятнадцати, и занимаются скотоводствомъ порядочно. Слѣдовательно, съ 1848 года, когда архимандритъ Веніаминъ прислалъ свое сочиненіе о Самоѣдахъ мезенскихъ, по 1852 годъ число осѣдлыхъ Самоѣдовъ не уменьшилось. *Ред.*

([61]) Это писано въ 1848 г.; см. выше прим. 60. *Ред.*

([62]) Уставъ объ управленіи Самоѣдами Мезенскаго уѣзда, часть 1, гл. 2 и сл.

случаяхъ есть представитель своего общества и какъ бы глава одного семейства, а потому всѣ дѣла, касающіяся до его тундры, относятся непосредственно къ его лицу. Онъ имѣетъ право производить всѣ дѣла словесно; но для сношеній съ земскою полиціею, для веденія отчетовъ Самоѣдовъ и для записки явочныхъ наймовъ къ старостамъ *канинскому* и *тиманскому* назначается по одному, а къ *большеземельскому* по три писаря, изъ которыхъ одинъ остается при самомъ старостѣ, а прочіе при его помощникахъ. Писаря эти не имѣютъ голоса въ сужденіяхъ и распоряженіяхъ, но обязанности свои должны исполнять по долгу службы и присяги, подвергаясь за всякое упущеніе и безпорядокъ, а тѣмъ болѣе за злоупотребленіе, законной отвѣтственности; опредѣленіе ихъ зависитъ отъ Палаты Государственныхъ Имуществъ, по представленію Земскаго Суда, основанному на одобреніи того старосты или его помощника, къ которому писарь опредѣляется.

Старосты и ихъ помощники не получаютъ отъ родовичей своихъ никакого жалованья, но отправляютъ свои должности какъ общественную службу, получая только ежегодно изъ Кабинета, за исправный платежъ ясака, по два процента со всей ясачной суммы. Писарямъ же полагается жалованье по 300 руб. ассигн. въ годъ и по 100 руб. на канцелярскіе припасы, а на всѣхъ 5 писарей по 2,000 руб. ассигн. въ годъ, каковая сумма отпускается изъ оброчныхъ денегъ, поступающихъ отъ русскихъ промышленниковъ за наемъ самоѣдскихъ земель и другихъ угодій; но если на удовлетвореніе этой потребности при какой-либо тундрѣ будетъ недостаточно означенныхъ денегъ, то въ такомъ случаѣ недостающее количество раскладывается на общество той тундры, однако не иначе, какъ по внесеніи этого сбора въ росписаніе, составляемое гражданскимъ губернаторомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ для слѣдующаго года.

Избранные самоѣдскими обществами старосты и ихъ помощники утверждаются въ настоящихъ ихъ званіяхъ архангельскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частію. (63)

---

(63) Уставъ объ управленіи Самоѣдами Мезенскаго уѣзда, часть 2, гл. 1, 2, 4, 5 и сл.

Самоѣды управляются по ихъ законамъ и обычаямъ, которые въ сужденіяхъ о дѣлахъ Самоѣдовъ пріемлются и присутственными мѣстами; недостатокъ же въ ихъ законахъ при рѣшеніи дѣлъ дополняется общими государственными законами. Эти законы и обычаи ихъ изложены въ слѣдующихъ правилахъ, составленныхъ въ особомъ временномъ Комитетѣ. Они суть:

I О воровствѣ и кражѣ.

1) Ежели кто изъ Самоѣдовъ, вытаскивая самовольно изъ существующихъ въ тундрахъ не принадлежащихъ ему лисьихъ или песцовыхъ норъ щенятъ, изломаетъ норы, отъ чего звѣри отбѣгаютъ въ другія дальнія мѣста, и причиняетъ чрезъ сіе настоящимъ владѣльцамъ тѣхъ норъ потомственный убытокъ, то владѣлецъ этихъ норъ о виновномъ въ таковомъ поступкѣ объявляетъ своему старостѣ, который заставляетъ виновнаго, чтобы онъ удовлетворилъ обиженнаго, по взаимному между ими согласію.

2) Ежели кто изъ Самоѣдовъ за отпущенное въ долгъ вино или за другіе какіе-либо долги самовольно захватитъ одногѓо или нѣсколько оленей, либо другое какое имущество, или чтò изъ промысла, то староста отнятое самовольно возвращаетъ обиженному.

3) Ежели Самоѣдъ, встрѣтясь на дорогѣ съ другимъ, который ему долженъ, выпряжетъ изъ саней его оленей и уведетъ, а должника оставитъ на пустомъ мѣстѣ, то сей, дошедъ до старосты, объявляетъ о семъ ему, а староста призываетъ виновнаго и отбираетъ отъ него то, чтò имъ отнято, заставляя притомъ возвратить обиженному вмѣсто одного двухъ оленей.

4) Ежели у настоящаго владѣльца другой займетъ лисьи или песцовыя норы, либо заборъ въ рѣкѣ или озерѣ, а прежняго владѣльца къ тому не допуститъ, то староста, въ-случаѣ жалобы, принуждаетъ виновнаго весь причиненный имъ убытокъ обиженному вознаградить.

5) Ежели кто изъ поставленной въ тундрѣ чужой ловушки тайно вынетъ песца или другаго звѣря и хозяинъ ловушки, узнавъ о виновномъ, объявитъ старостѣ, то сей

послѣдній по обличеніи виновнаго, принуждаетъ его удовлетворить обиженнаго вдвое.

6) Ежели Самоѣдъ что̀ украдетъ и въ томъ сознается, или будетъ изобличенъ, то староста приказываетъ виновному удовлетворить обиженнаго также вдвое.

7) Поелику каждый Самоѣдъ имѣетъ обычай употреблять для себя собственное клеймо, въ видѣ именнаго или другаго знака, которымъ клеймитъ своихъ оленей, а къ договорамъ и другимъ бумагамъ прикладываетъ оное вмѣсто рукоприкладства, то тайно переклеймившій чужаго оленя, т.-е. изъ чужаго клейма сдѣлавшій на оленѣ свое, присуждается старостою отдать обиженному вдвое, т.-е. вмѣсто одного двухъ, а вмѣсто десяти двадцать оленей.

8) Ежели сойдутся олени разныхъ хозяевъ, одно стадо съ другимъ, а хозяинъ или заступающій его мѣсто загонитъ изъ чужаго стада въ свое и присвоитъ одного или нѣсколько оленей, то староста принуждаетъ виновнаго заплатить за то обиженному вдвое.

II. Объ обидахъ.

9) Ежели кто изъ Самоѣдовъ изобидитъ другаго словами, то въ сей обидѣ Самоѣды не просятъ удовлетворенія и одинъ съ другимъ взаимно по согласію примиряются.

10) Ежели кто изъ Самоѣдовъ причинитъ другому побои руками или какимъ орудіемъ, то староста, по жалобѣ обиженнаго, присуждаетъ виновнаго заплатить первому одного, или нѣсколько, не болѣе однако же двухъ или трехъ оленей, судя по состоянію виновнаго, либо удовлетворить обиженнаго на такую же сумму, сообразно цѣнности оленей, другимъ имуществамъ.

11) Ежели двое Самоѣдовъ промышляли вмѣстѣ, и одинъ другому не отдалъ полной половины промысла, то, по жалобѣ обиженнаго, староста принуждаетъ, чтобы удержавшій немедленно отдалъ первому все то, что̀ имъ неправильно удержано.

12) Ежели кто съ товарищемъ отправится промышлять на море и товарищъ изломаетъ у пригласившаго его лодку или повредитъ что-либо другое, и чрезъ то остановитъ промыселъ, то обиженный, по возвращеніи своемъ, объявляетъ о томъ

старостѣ, а сей приказываетъ виновному заплатить обиженному убытокъ противъ того, на сколько другіе упромышляли.

13) Если кто раньше другихъ прибудетъ на промышленное мѣсто и опромышляетъ звѣрей на ономъ, а остальныхъ разгонитъ, другіе же чрезъ то лишаются промысла, то староста, по жалобѣ ихъ, приказываетъ добытый первымъ промыселъ раздѣлить на всѣхъ тѣхъ, кто подвергнулся чрезъ то убытку.

14) Когда кто изъ Самоѣдовъ окормитъ оленьи мхи своимъ большимъ стадомъ, при морскихъ берегахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многіе бѣдные Самоѣды производятъ промыселъ морскихъ звѣрей и кормятъ оленей своихъ въ маломъ числѣ, то, по жалобѣ обиженныхъ, староста запрещаетъ окармливать таковыя притомныя мѣста.

15) Когда русскіе хозяева оленьихъ стадъ или богатые Самоѣды займутъ лучшія рѣки и сдѣлаютъ въ нихъ заборы или завладѣютъ лучшими озерами для ловли рыбы, а бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые прежде въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ производили промыселъ, къ тому не допустятъ, то, по жалобѣ сихъ послѣднихъ, староста запрещаетъ какъ Русскимъ, такъ и богатымъ Самоѣдамъ занимать тѣ рѣки и озера, предоставя оныя бѣднымъ, которые изстари въ сихъ рѣкахъ и озерахъ промышляли.

III. О распряхъ семейственныхъ.

16) Ежели сынъ отца не слушаетъ и дѣлаетъ все по своему нраву, и отецъ объявитъ о семъ старостѣ, при общественномъ собраніи и будетъ просить того своего сына наказать, то, по сей просьбѣ, виновный сынъ, согласно желанію родителя своего, наказывается розгами.

17) Ежели братъ съ братомъ, живя вмѣстѣ, будетъ ссориться, и одинъ изъ нихъ объявитъ о томъ старостѣ, съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздѣлить, то староста принуждаетъ обоихъ тѣхъ братьевъ при общественномъ собраніи безобидно раздѣлиться.

IV. О возвращеніи чужихъ вещей.

18. Ежели кто изъ Самоѣдовъ возьметъ у другаго, безъ согласія сего послѣдняго, топоръ или ножъ, или долото, либо другое какое орудіе, употребляемое при дѣланіи санокъ и дру-

гихъ домашнихъ вещей, и изломаетъ: то, по жалобѣ, хозяину сихъ вещей староста приказываетъ на-мѣсто поврежденныхъ отдать свои или вновь купленныя цѣлыя вещи.

19. Ежели кто, потерявши оленя, или оленью кожу, либо другую какую вещь, увидитъ оную послѣ у другаго и насильно возьметъ у него, какъ свою собственность, то, по дошедшей о томъ жалобѣ, староста оставляетъ оную во владѣніи того, кому она дѣйствительно принадлежитъ; а буде тотъ, у коего вещь сія будетъ отобрана, нашелъ ее и о томъ сказалъ тогда, какъ она найдена, кому либо изъ принадлежащихъ къ семейству своему Самоѣдовъ, въ такомъ случаѣ хозяинъ таковыхъ вещей обязанъ возвратить нашедшему ихъ третью часть того, чего онѣ стоятъ.

20) Ежели кто издеретъ чумовыя токи, изломаетъ шесты и другія чумовыя вещи, то, по жалобѣ обиженнаго, староста приказываетъ виновному немедленно заплатить или деньгами, или оленями, либо другими вещами вдвое противъ того, чего поломанное стоило.

V. Объ исполненіи Самоѣдами приказовъ старосты.

21) Когда староста имѣетъ надобность потребовать отъ Самоѣдовъ оленей, то вырѣзываетъ на дощечкѣ клейма тѣхъ Самоѣдовъ, отъ коихъ олени требуются, означая противъ каждаго клейма рубежками число оленей, и, по вырѣзаніи на той же дощечкѣ своего клейма, посылаетъ оную для исполненія со своимъ десятскимъ, каковые приказы Самоѣдами безпрекословно исполняются.

22) Ежели староста потребуетъ кого-либо изъ Самоѣдовъ для спроса или другой надобности, а онъ не послушается и добровольно не пріѣдетъ, то староста присылаетъ за нимъ десятскаго и велитъ привесть его къ себѣ и заплатить, что слѣдуетъ, за подводу, на которой посланъ былъ десятскій.

VI. О свидѣтеляхъ, цѣлованіи образа и ротѣ.

23) Самоѣдскіе старосты жалобы Самоѣдовъ по разнымъ случаямъ разбираютъ посредствомъ свидѣтелей.

24) При семъ разборѣ старосты не приводятъ свидѣтелей крещеныхъ къ цѣлованію образа, а некрещеныхъ къ ротѣ, но вѣрятъ имъ просто по совѣсти.

25) Ежели обвиняемый Самоѣдъ по недостатку уликъ запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его, буде онъ изъ воспріявшихъ христіанскую вѣру, поцѣловать находящуюся въ чумѣ св. икону, съ-тѣмъ, чтобы перекрестился передъ оною и произнесъ, что онъ цѣлуетъ сію св. икону въ томъ, что взносимаго на него онъ не сдѣлалъ.

26) Но ежели обвиняемый не принадлежитъ къ христіанскому закону и также запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его принять слѣдующую роту: обвиняемый вырѣзываетъ идола, зимою изъ снѣга, а лѣтомъ изъ земли, и разрубаетъ его пополамъ, сверху донизу, съ произношеніемъ сихъ словъ: «пусть я самъ такъ буду разрѣзанъ, если сказалъ неправду, и пусть мнѣ не встать завтра поутру съ мѣста, а какъ спалъ, такъ бы мнѣ и вѣчно лежать.» ([64])

c) Права и выгоды по сбору и сдачѣ ясака.

Самоѣды платятъ ясакъ ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по росписанію гражданскаго губернатора, который назначаетъ, сколько съ каждаго рода и порознь съ каждой души причитается къ сбору ясака, сколько слѣдуетъ онаго со всѣхъ вообще Самоѣдовъ и сколько которому роду надлежитъ внести въ то число, въ извѣстное время, на какой ярмонкѣ, или сугланѣ, т.-е. мірскомъ собраніи Самоѣдовъ; всякій другой сборъ, не поименованный въ росписаніи, строжайше запрещается. Старосты, получивъ такое росписаніе, дѣлаютъ назначеніе, сколько именно каждое семейство обязано внести звѣриными шкурами или деньгами, смотря по успѣху промысловъ и состоянію каждаго, при чемъ звѣриныя шкуры они должны приводить въ денежный счетъ установленною оцѣнкою.

При сборѣ ясака старосты обязаны наблюдать, чтобы предъ наступленіемъ времени взноса назначенная къ платежу часть по положенію была въ дѣйствительномъ сборѣ деньгами

([64]) Правила сіи составлены въ особ. Времен. Комит на основаніи 37 § Устава объ управленіи Самоѣдами и утверждены Правительствующимъ Сенатомъ.

или звѣриными шкурами; но отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ производить требованія ясака, въ казну, или тогда, когда наступитъ срокъ взноса, или взимать его тотчасъ послѣ удачнаго промысла. Кромѣ же старостъ никто не имѣетъ права производить сборъ съ Самоѣдовъ, и самая земская полиція съ побужденіями своими должна обращаться къ старостамъ.

Если бы старосты не могли выручить потребнаго количества денегъ для полнаго взноса, въ такомъ случаѣ недостающее число дозволяется имъ приготовлять къ сдачѣ звѣриными шкурами. Напротивъ, если отъ продажи вещей, полученныхъ старостами, или въ уплату ясака будетъ выручено денегъ въ излишествѣ, то они обязаны возвращать остатки тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ были получены проданныя ими вещи. Впрочемъ, каждый Самоѣдинъ имѣетъ право быть на ярмонкѣ, участвовать въ продажѣ своихъ вещей и даже выкупать оныя, внося причитающееся число денегъ, и употреблять ихъ потомъ по своему произволу. Во время сихъ ярмонокъ мѣстныя начальства обязаны смотрѣть за тѣмъ, чтобъ движеніе торговли не было стѣсняемо и чтобъ не было какого-либо подлога въ монетѣ, чѣмъ наиболѣе Самоѣды стѣсняются изъ опасенія.

Вырученныя старостами при продажѣ собранныхъ вещей или прямо отъ Самоѣдовъ поступившія деньги могутъ сдаваться ими подъ квитанцію во всякое время, или прямо отдѣльному засѣдателю, или въ Земскій Судъ; но они никому не обязаны сдавать податей, кто не можетъ выдать квитанціи, слѣдовательно пересылка податей чрезъ постороннія лица воспрещается. Для облегченія же Самоѣдовъ, живущихъ въ отдаленности, сборы принимаются на ярмонкахъ и сугланахъ земскими чиновниками; на таковой предметъ они снабжаются бланками квитанцій и выдаютъ оныя, записывая въ то же время въ шнуровыя книги приходъ денегъ и содержаніе квитанцій. Но гдѣ засѣдатели быть сами не могутъ, туда отряжается благонадежный грамотный разсыльщикъ, также съ бланками квитанцій и на отвѣтственности засѣдателя и самаго Земскаго Суда за порядкомъ.

До приведенія въ исполненіе Высочайше утвержденнаго положенія объ управленіи мезенскими Самоѣдами, т.-е. до 1835 г., сборъ ясачныхъ денегъ поступалъ въ Государственное

Казначейство; но съ 1835 г., на основаніи 583 ст. Прод. Св. Зак., V тома, мѣстное Уѣздное Казначейство обязано передавать ясакъ, какъ деньгами, такъ и остающимися затѣмъ непроданными звѣриными шкурами, въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества. (65)

d) Разныя другія права и выгоды.

Самоѣды освобождены отъ употребленія гербовой бумаги и отъ другихъ штемпелевыхъ налоговъ. Имъ дано право на отлучки отъ своей тундры на разстояніи 100 верстъ въ томъ же самомъ уѣздѣ безъ письменнаго вида, а далѣе—съ письменнымъ видомъ старостъ. Строго запрещено Русскимъ самовольно селиться на земляхъ, во владѣніе Самоѣдамъ отведенныхъ. Русскимъ позволено брать у Самоѣдовъ мѣста въ оброчное содержаніе, но всегда по условіямъ съ обществами. Дано право Самоѣдамъ отдавать дѣтей своихъ для обученія въ учрежденныя отъ правительства учебныя заведенія и заводить и собственныя школы, съ позволенія гражданскаго губернатора. (66)

e) Права и выгоды по наймамъ въ работу.

Самоѣдамъ предоставлено самые наймы въ работу писать на простой бумагѣ. Условія найма не простираются на дѣтей и пріемышей. Срокъ найма не простирается далѣе одного года. Всѣ споры, возникающіе между хозяиномъ и работникомъ, разрѣшаются по силѣ условій. Ежегодно по окончаніи срока между работникомъ и хозяиномъ чинится разсчетъ, и если хозяинъ остается должнымъ работнику, то немедленно его удовлетворяетъ. Если мирское общество попуститъ, что работникъ, по окончаніи срока, не получитъ отъ хозяина разсчета или, получивъ разсчетъ, по оному останется не удовлетвореннымъ, то, по жалобѣ работника, само подлежитъ взысканію всего иска. Земская полиція обязана имѣть за симъ строгое наблюденіе.

Самоѣдамъ дозволено дѣлать наймы въ работу и словесно, безъ письменныхъ видовъ и безъ явки ихъ въ какомъ бы ни

(65) Уст. объ Управленіи Самоѣдовъ, часть IV, гл. 1, 2, 3, 4, 5 и сл.
(66) Того жь Уст. часть I, гл. 2 и сл.

было мѣстѣ; но таковыя условія, нигдѣ незаписанныя и неявленныя, бывъ основаны на одномъ личномъ довѣріи, въ случаѣ неустойки, не подлежатъ никакому судебному разбирательству, ни у старостъ самоѣдскихъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ, ни въ земскихъ судахъ, ни въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Обѣ стороны въ сей неустойкѣ могутъ разбираться полюбовно чрезъ посредниковъ, если обѣ стороны выбрать ихъ согласятся, и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не пріемлется. (67)

Нравы Самоѣдовъ.

Самоѣды очень кротки нравомъ и весьма смирны; ссоры, драки и смертоубійства между ними бываютъ весьма рѣдко, да и то развѣ тогда, какъ отъ пьянства потеряютъ разсудокъ и совсѣмъ обѣзумѣютъ. Не бранливы и не любятъ, чтобы и ихъ бранили. На вино и табакъ чрезвычайно падки, какъ и другіе сѣверные кочевые народы. Женщины-Самоѣдки скромны и стыдливы и такъ трудолюбивы, что видѣть Самоѣдку праздною, не за дѣломъ, почти невозможно.

Нельзя также не замѣтить, что Самоѣды между собою весьма дружелюбны: они помогаютъ другъ другу во всѣхъ обстоятельствахъ своей суровой жизни, охотно дѣлятся съ товарищами послѣднимъ кускомъ хлѣба и ссужаютъ ихъ санками, ремнями, сѣтками, лодками и другими вещами, часто крайне нужными для самихъ. Бываютъ случаи, что богатые Самоѣды кормятъ цѣлыя семейства бѣдныхъ своихъ земляковъ и даютъ имъ, безъ всякой платы, своихъ оленей для ѣзды по тундрѣ, и часто на долгое время.

---

(67) Положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ Отд. I.

БОГАТЫРСКІЯ ПОЭМЫ (*)

МИНУСИНСКИХЪ ТАТАРЪ.

Я кочевалъ на Уйбатской степи Минусинскаго округа. Несмотря на суровые зимніе морозы и частовременные бураны, когда люди коченѣютъ въ юртѣ и жмутся вокругъ горящаго костра; старый Татаринъ *Сюрей* приходилъ ко мнѣ по вечерамъ съ своимъ *кобызомъ* и *пѣлъ горломъ* богатырскія поэмы, а шаманъ *Куске* разсказывалъ о своихъ вѣрованіяхъ и шаманилъ въ своемъ костюмѣ. *Кобызъ* — это деревянная балалайка безъ ладовъ, обтянутая тонкою кожею, — обыкновенный инструментъ кочевыхъ народовъ, отъ которыхъ онъ перешелъ и къ нашему простонародью. Три, двѣ, а иногда одна натянутая струна передаютъ всѣ поэтическіе звуки играющаго. Поэтому звуки *кобыза* чрезвычайно однообразны и издаютъ только одни унылые тоны; а самый кобызъ употребляется болѣе при пѣніи народныхъ поэмъ, гдѣ онъ вторитъ горловому, довольно хриплому и также однозвучному напѣву, похожему на усыпительное, вѣчно неизмѣнное журчанье маленькаго ручейка, быстро бѣгущаго по галечнику. Выраженіе *пѣть горломъ* чисто татарское. Пѣвецъ не раскрываетъ при пѣніи такъ широко рта, какъ наши европейскіе пѣвцы, и всѣ звуки глухо

(*) Слово поэма намъ кажется здѣсь не совсѣмъ точнымъ. *Ред.*

и хрипло вырываются изъ его гортани. Этой манерой онъ желаетъ придать торжественность, важность и уныніе своимъ пѣснопѣніямъ, въ которыхъ воспѣваются дѣянія богатырей степи; а съ другой стороны того требуетъ самый языкъ, состоящій болѣе изъ сочетанія звуковъ грудныхъ, или горловыхъ. Усѣвшись на лоскутъ кожи или кошмы передъ горящимъ костромъ и настроивъ свой кобызъ, мой старый *Сюрей* принималъ задумчивый видъ и, мѣрно покачивая головой, начиналъ сначала выпѣвать или вытягивать, съ мѣрными ударами по струнамъ, свой припѣвъ, состоящій изъ звуковъ и однозвучныхъ словъ, не имѣющихъ смысла и ничего не выражающихъ, какъ и наши припѣвы, *гой*, *горъ*, *гуръ*, *оръ*, *джонъ*, *джоръ*, *баръ*, *гай*, *гуръ* и проч. Потомъ за припѣвомъ слѣдовалъ куплетъ поэмы, выпѣваемый протяжно, за куплетомъ опять начинался припѣвъ, и, такимъ образомъ, *Сюрей* пѣлъ всю свою поэму, для выслушанія которой надобно было посвятить или 5—6 часовъ одного вечера, или два вечера сряду. Я могъ бы выписать здѣсь цѣлую поэму по-татарски. Но, чтобы не терзать слуха читателя, позволю себѣ выписать только нѣсколько строкъ или куплетовъ, такъ, какъ они переданы мнѣ татарскимъ писаремъ и переводчикомъ, — выписать для того, чтобы читатель могъ судить о языкѣ и поэзіи этого народа:

«Булунь чирьныгъ чуртибъ чурянь акъ-канъ оль канны больганъ ольгы ала-картыга. Читы Чистыгъ ады оятъ ольгыны адазы аганабъ алыптырь ишикинь барыпчидылиль. Читы кюнь нинче башка агны курибтыларъ и удыргень. Читы кунь ныгъ ибиня нанчидылиль и килибтырь оль агны чоньга юлепчидырь оль кара конгинь.»

Переводъ этой поэмы можно прочесть въ первомъ куплетѣ 4-й поэмы подъ именемъ *Алакартыга*, или, по-русски, *бѣлый сокольчикъ*. Въ этихъ строкахъ нѣтъ строфъ; но трудно подвести подъ размѣры нашего стихосложенія языкъ и поэзію народа, имѣющаго о ней свои понятія, въ однообразныхъ напѣвахъ котораго каждое слово раздѣляется, или поется по слогамъ, не слышно удареній и размѣровъ,—и тѣмъ труднѣе, что этотъ народъ не имѣетъ не только грамматики и правилъ языка, даже азбуки; поэтому при переводѣ и на русскій языкъ татарскихъ поэмъ я придерживался буквально выраженій по-

длинника, чтобы не лишить его народности, смысла и собственной азіятской красоты, и каждый пропѣтый куплетъ записывалъ въ то же время карандашемъ по-русски, подыскивая выраженія при пособіи двухъ опытныхъ татарскихъ толмачей. Поэмы эти высказываются иногда просто, какъ и наши сказки; но тогда онѣ теряютъ припѣвы, и замѣтно, что сказочникъ передѣлываетъ ихъ, при разсказываніи, на свой ладъ, добавляетъ слова, переиначиваетъ выраженія и объясняетъ, какъ говорятъ въ учебныхъ заведеніяхъ, *своими словами*, отчего подлинникъ теряетъ красоту выраженія и характеръ пѣсни, какъ наши *стихи*, передѣланные въ прозу. Для избѣжанія этого неудобства и еще бо́льшаго искаженія поэмы, и безъ того неминуемо пострадавшей въ переводѣ, надобно было имѣть терпѣніе и согласиться, чтобы каждую поэму пѣвецъ *пропѣлъ горломъ*. Поэтому я ихъ называю поэмами, чтобы отличить отъ сказокъ; но, чтобы онѣ могли быть понятны для каждаго и служили нѣкоторымъ-образомъ объясненіемъ или собраніемъ фактовъ для разъясненія исторіи, религіи, нравовъ и обычаевъ народа, я приложилъ къ нимъ собственныя мои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что каждая поэма, кромѣ нравственнаго смысла и дѣяній воспѣваемыхъ богатырей, объясняетъ понятія народа о религіи, мірозданіи, могуществѣ боговъ и жизни замогильной. Первую поэму пѣлъ Сюрей о подвигахъ шамана, но прежде всего я долженъ передать два необходимыя замѣчанія: 1) какъ никакой богатырь не могъ путешествовать въ дальнія страны и ратоборствовать пѣшкомъ, то съ именемъ его тѣсно связывается имя богатырскаго коня, участника трудовъ и подвиговъ; въ каждой поэмѣ — назвавъ по имени богатыря, надобно непремѣнно и сейчасъ же объяснить, на какомъ онъ былъ конѣ, тѣмъ болѣе, что самъ богатырь получалъ иногда имя отъ своего коня; отъ этого встрѣтятся здѣсь: *чубарый богатырь* на *чубаромъ конѣ* и проч., какъ мы увидимъ ниже; и 2) всѣ моря, упоминаемыя въ татарскихъ поэмахъ, не имѣютъ собственныхъ именъ, а называются по цвѣтамъ, присвоеннымъ странамъ свѣта: такъ, всѣ моря, лежащія на сѣверѣ, называются *черными*, и, обратно, *черное* море значитъ *сѣверное*; лежащія на югѣ — *красными*, на востокѣ — *голубыми* или *зелеными*, на западѣ — *бѣлыми*, въ срединѣ земли *желтыми*, и, обратно, *красное* море значитъ *южное*, *голубое* — *вос-*

точное, *бѣлое — западное*, *желтое — средиземное*, или *центральное*. Если происшествіе случилось у бѣлаго моря, значитъ на западѣ, и т. д. Точно также должно понимать подъ именемъ *чернаго хана* — сѣвернаго владѣтеля, *бѣлаго хана* — западнаго, *краснаго*, или *кровянаго* — южнаго, *голубаго* — восточнаго. Примѣняя еще ближе къ государствамъ и призвавъ на помощь будійскую космологію, мы опредѣлимъ точнѣе мѣсто происшествій; а вліяніе этой космологіи весьма сильно отражается въ поэмахъ, какъ мы тоже увидимъ въ примѣчаніяхъ.

О разсказахъ шамана Куске мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

ПОЭМА ПЕРВАЯ.

БАЛАМОНЪ КАМЪ.

Поэма о шаманѣ Баламонѣ.

На берегу Бѣлаго моря (1), — отсюда не видать, — въ богатой юртѣ жилъ да былъ *Ак-Канъ* (*Ах*, или *Ак* — бѣлый, *Канъ* — буквально, кровь, иносказательно *ханъ*, *Ах-Канъ* — бѣлая кровь, или бѣлый ханъ), и было ему 60, а женѣ его пятьдесятъ лѣтъ. Довольно было у него скота и полкъ народа, а дѣтей никого. Однажды, переночевавъ со старухой въ юртѣ, на разсвѣтѣ слышитъ *Ах-Канъ* на улицѣ крикъ. Онъ выскочилъ изъ юрты, чтобы спросить, что это за шумъ. Народъ отвѣчалъ ему, что идетъ множество войска и будетъ большая война. Ах-Канъ смотритъ въ степь и видитъ, что, дѣйствительно, валитъ толпа народа и тотъ, кто пришелъ съ войскомъ, кричитъ ему:

— Пойдемъ сражаться.

Ах-Канъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ нему на встрѣчу. Оказалось, что пришли три брата — три сына *Канъ Миргенъ* — кровянаго богатыря. Двумъ старшимъ сыновьямъ не было именъ: *то-ли* они богатыри были, *то-ли* нѣтъ? (2) Меньшаго же звали *Кыготъ Кокъ Молотъ — Синеукладный богатырь на синемъ конѣ*. Когда они позвали къ себѣ Ах-Кана, то спросили, отдаетъ ли онъ имъ добровольно своего сына, или съ битвы.

Ах-Канъ отвѣчалъ:

— Сына у меня нѣтъ и я не знаю.

Тогда они сдернули Ах-Кана съ коня, начали бить плетью и допрашивать.

Они бьютъ его, допрашиваютъ; а въ это время изъ толпы народа бѣжитъ мальчикъ трехъ лѣтъ и кричитъ Ах-К ну:

— Что ты, батюшка, меня жалѣешь и не отдаешь. Отдай, не жалѣй.

Какъ-скоро мальчикъ добѣжалъ до нихъ, то *Синеукладный богатырь* на *синемъ конѣ* сказалъ:

— Какже ты, Ах-Канъ, увѣрялъ, что у тебя нѣтъ сына?

Взялъ мальчика и привязалъ въ торока (3); а старика Ах-Кана бросили, сѣли на коней и съ полкомъ своимъ возвратились домой, откуда пришли. А жили они отъ Ах-Кана черезъ три земли, и, когда дошли до дома, *Синеукладный богатырь* отвязалъ мальчика изъ тороковъ, бросилъ его своему отцу и сказалъ:

— Нà, возьми его.

Отецъ Канъ Миргенъ началъ бранить сына за то, что онъ привязалъ мальчика въ торока, взялъ его за руку и увелъ къ себѣ въ юрту; два года кормилъ его, и черезъ два года мальчикъ сталъ на возрастѣ. Когда ему минуло 5 лѣтъ, то въ одно утро онъ сталъ проситься съ тремя братьями-богатырями на охоту. Они взяли его съ собой, отвели недалеко отъ дома въ поле, побили тамъ и бросили. Мальчикъ воротился въ юрту, поплакалъ, легъ въ постель и съ горя уснулъ. Прошелъ еще годъ времени. (4) Однажды, рано утромъ, проснувшись отъ сна, мальчикъ услышалъ, что старикъ Канъ Миргенъ велѣлъ исправить для него всю богатырскую сбрую, лукъ и стрѣлы. Семь дней кузнецы и слесаря ковали и стучали во всѣхъ концахъ, пока исправили и привели все въ порядокъ. Черезъ семь дней, утромъ, проснувшійся мальчикъ увидѣлъ, что шесть человѣкъ *тащатъ* (волокутъ) къ нему въ юрту лукъ, а пять человѣкъ—стрѣлы. Когда сбрую внесли, то *Синеукладный богатырь* вскочилъ въ юрту, хотѣлъ натянуть лукъ, но не могъ погнуть и концовъ.

— Для кого это приготовили такой лукъ? закричалъ онъ и выскочилъ изъ юрты.

Когда онъ ушелъ, мальчикъ всталъ съ постели, стянулъ оба конца лука, спустилъ и опять легъ на свое мѣсто. Тогда взошелъ въ юрту *Кровяной богатырь* съ женою и сталъ его будить:

— Полно спать: пора вставать.

Когда онъ всталъ, жена *Кровянаго богатыря* начала кормить его завтракомъ; а самъ богатырь разсказывалъ:

«Нà вотъ тебѣ, дитятко мое, лукъ богатырскій со стрѣлами: ихъ исправили, какъ слѣдуетъ. Возьми ты этотъ лукъ въ руки и попробуй, можешь ли имъ владѣть. Я тебя вытребовалъ къ себѣ отъ *твоего отца*, вспоилъ и вскормилъ для того, что отсюда черезъ девять земель живетъ *Соръ Канъ—соловая кровь*, или *Соловой ханъ;* онъ много ежегодно беретъ съ меня оброка. У него есть двѣ дочери дѣвицы-богатыри: старшую зовутъ — *Алтынарахъ* — чистое золото, а меньшую — *Кымыкарахъ* чистое серебро; а сыновей у него нѣтъ. Если родится у меня богатырскій конь или разумный человѣкъ (5), онъ каждый годъ того и другаго отберетъ у меня и оставитъ ни съ чѣмъ. Такъ я для того тебя и взялъ, вспоилъ и вскормилъ, чтобъ ты съ этимъ богатыремъ поправился и отмстилъ ему за меня.

— Какже ты узналъ обо мнѣ? спросилъ мальчикъ.

— А есть у меня шаманъ о девяти бубнахъ *Баламонъ-Камъ:* онъ знаетъ все, чтó дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, узналъ о тебѣ и сказалъ мнѣ. (6)

Тогда мальчикъ отвѣчалъ ему:

— Есть, батюшка, на курганѣ мѣдный камень. Пошли ты всѣхъ трехъ сыновей сдѣлать на этомъ камнѣ цѣль. Если я этотъ камень перестрѣлю, тогда пойду на войну къ *Соловому хану*, а если не перестрѣлю, то значитъ сила моя еще мала и итти на войну мнѣ нельзя.

Кровяной богатырь вышелъ изъ юрты и приказалъ тремъ сыновьямъ своимъ ѣхать и устроить цѣль на мѣдномъ камнѣ. Они срядились и поѣхали. Мальчикъ взялъ свой лукъ и стрѣлы и вышелъ изъ юрты; *съ нимъ вышелъ* и *Кровяной богатырь* съ женою, и пошли они всѣ къ камню. Пришли, встали на мѣсто. Мальчикъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу, воздухъ зашумѣлъ, и однимъ ударомъ онъ перестрѣлилъ, или пересѣкъ камень курганъ и убилъ трехъ сыновей *Кровянаго богатыря*, которые были на курганѣ, какъ-будто ихъ и не было.

Тогда старикъ *Кровяной богатырь* разсердился на мальчика и ударилъ его трижды желѣзной палкой (батагомъ) по головѣ за то, что убилъ трехъ сыновей его. Мальчикъ самъ разсердился.

— Я убилъ ихъ за то, сказалъ онъ: — что они взяли меня силою отъ отца и матери, которымъ было чѣмъ поить меня и кормить, и привезли сюда въ торокахъ, какъ-будто нельзя было привести меня иначе. Ты меня 3 года кормилъ и за это 3 раза ударилъ палкою по головѣ: стало, мы квиты. ([7])

И онъ схватилъ старика *Кровянаго богатыря* за бороду, ударилъ о землю и убилъ. ([8]) Тогда взялъ весь скотъ и полкъ его народа и погналъ ихъ на свою сторону пѣшкомъ, а пѣшкомъ пошелъ потому, что какого коня ни возьметъ, положитъ только руку на спину, и конь упадетъ на землю — не можетъ поднять руки его. Вотъ какой былъ богатырь! ([9])

Перегналъ онъ черезъ первую землю и полкъ и скотъ, перегналъ чрезъ вторую; перегналъ онъ ихъ и черезъ третью землю: видитъ, стоитъ впереди высокій хребетъ; взошелъ онъ на этотъ хребетъ и смотритъ съ хребта на свою родину. Съ этого хребта идетъ глубокая тропа до полубока коня. ([10]) Три года отецъ его ѣздилъ этой тропой на хребетъ провѣдывать о сынѣ и такъ глубоко пробилъ ее. И видитъ мальчикъ: ѣдетъ по-прежнему старый отецъ его по тропѣ на хребетъ, едва на конѣ сидитъ, ѣдетъ и плачетъ. ([11])

Поднялся старикъ на хребетъ и свидѣлся съ сыномъ. Обнялись, поздоровались, воротились домой.

Когда они воротились домой, то началъ отецъ спрашивать сына:

— Скажи мнѣ, любезный, откуда ты, какъ и почему называешься моимъ сыномъ?

На это сынъ отвѣчалъ:

— Я и самъ не знаю, отъ кого я родился; только знаю, что я твое дѣтище.

А былъ въ табунѣ у отца его голубой жеребецъ, и отъ него родился голубой богатырскій конь. Этого богатырскаго коня подарилъ отецъ сыну, со всею богатырскою сбруею и сталъ называться сынъ: *Агоётъ-Агое — Бѣлый Лунь-богатырь на голубомъ конѣ.*

И, срядившись совсѣмъ, *Бѣлый Лунь-богатырь* поѣхалъ на охоту, звѣровать и тѣшиться, себя и коня своего пробовать, набилъ дичи и звѣрей множество, привезъ и началъ кормить весь свой полкъ. ([12])

А черезъ долгое время задумалъ онъ ѣхать въ землю къ *Соловому хану — Соръ-Кану*; задумавъ, всталъ однажды утромъ и вспомнилъ, что у него есть шаманъ о девяти бубнахъ — *Баламонъ-Камъ*.

— А я и забылъ о немъ, говоритъ *Бѣлый Лунь:* — онъ узналъ обо мнѣ и сказалъ *Кровяному богатырю;* пусть теперь пошаманитъ и скажетъ мнѣ, благополучно ли я съѣзжу и возвращусь домой.

И потребовалъ къ себѣ *Бѣлый Лунь* шамана со всѣми девятью бубнами и началъ *Баламонъ-Камъ* шаманить:

«Пріѣдешь ты, говоритъ, къ *бѣлому морю* такому ([13]), что конца краю нѣтъ и объѣхать негдѣ; а на берегу этого моря растетъ тополь съ золотыми листьями. Ты сорви четыре листа, положи подъ четыре копыта богатырскаго коня, и поѣдешь тогда прямо по морю, какъ по мосту; переѣдешь, и мостъ останется за тобою и будетъ готовъ къ обратному твоему поѣзду. За моремъ ты пріѣдешь къ высокому и крутому хребту, на который можно подняться только одной сѣдловинкой (ложбиной). На этой сѣдловинкѣ стоятъ два сильныхъ богатыря, и между ними тебѣ надобно ѣхать. Если поѣдешь и не будешь глядѣть на нихъ, то они тебя не тронутъ, а если взглянешь, то непремѣнно будешь убитъ. ([14]) Когда проѣдешь ихъ благополучно, то съѣздишь и къ *Соловому хану* благополучно, потому-что ничего особеннаго болѣе съ тобой не встрѣтится.»

Тогда подумалъ *Бѣлый Лунь:* «О чемъ бы еще заставить *Баламонъ-Кама* пошаманить?» И вздумалъ заставить его пошаманить и найти ему, *Бѣлому Луню*, отца и мать, отъ которыхъ онъ родился, гдѣ, какимъ образомъ и какъ онъ попалъ въ сыновья къ *Ах-Кану;* а если не найдетъ, то обѣщалъ казнить шамана. ([15])

Тогда сталъ шаманъ шаманить на всѣхъ девяти бубнахъ, и не осталось ни одного мѣста на бѣломъ свѣтѣ, куда бы онъ ни заглянулъ, ни птицы, ни звѣря, ни человѣка, которыхъ бы

онъ ни спросилъ, и всѣ отвѣчали ему, что никто не знаетъ отца и матери Бѣлаго Луня. (16)

Тогда взялъ шаманъ девятый, мѣдный бубенъ и пошелъ съ нимъ въ бѣлое море; пошелъ водой, зашелъ съ устья въ воду (17) и видитъ, ни съ этой стороны въ море горы нѣтъ, ни съ другой стороны горы нѣтъ, и дошелъ до середины морскаго дна, идетъ и видитъ: лежитъ на днѣ бѣлый камень, какъ ушканъ бѣлый (заяцъ), и свѣтитъ, какъ огонь. Шаманъ пошелъ къ нему; но, дойдя, подойти близко не можетъ, потому-что камень сіяетъ очень сильно. И закричалъ ему камень:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? (18)

— Ищу мать мальчика Бѣлаго Луня: не знаешь ли ты ее?

— Какъ не знать! отвѣчалъ камень. — Я самая-то и есть мать его. Кудай далъ мнѣ его (19); а я пожалѣла Ах-Кана, что у него нѣтъ дѣтей и ханство останется безъ наслѣдниковъ, и отдала дѣтище свое ему въ дѣти.

Тогда шаманъ воротился обратно и сказалъ Бѣлому Луню, что нашелъ мать его — въ *бѣломъ морѣ бѣлый камень*. Бѣлый Лунь ему не повѣрилъ и сказалъ:

— Ты видѣлъ, да я то не видалъ: поди, доставь этотъ камень ко мнѣ.

И опять началъ шаманъ шаманить, пошелъ въ бѣлое море и принесъ бѣлый камень. Когда онъ принесъ его и только поднялъ бубенъ надъ огнемъ, камень выпалъ изъ бубна и освѣтилъ *ночью* юрту, какъ бѣлымъ днемъ. (20)

Тогда богатырь Бѣлый Лунь взялъ этотъ камень, окуталъ его разнымъ шелкомъ и положилъ къ себѣ въ сундукъ.

— Ну, говоритъ: — за эту службу, шаманъ, ты лежи себѣ въ юртѣ и ничего не дѣлай. (21)

И далъ ему въ услуженіе людей и скота. И началъ его Бѣлый Лунь спрашивать:

— Какъ вы учились шаманству? Люди васъ учили или вы сами учились и доходили?

Шаманъ отвѣчалъ:

— Вѣкъ на томъ всталъ съ перваго начала. (22)

Лунь отпустилъ шамана, срядился и поѣхалъ черезъ девять разныхъ земель къ Соловому хану, поѣхалъ и видитъ, что все выходитъ такъ, какъ шаманъ ему предсказывалъ.

Пріѣхалъ къ бѣлому морю такому, что конца краю нѣтъ и объѣхать негдѣ, увидѣлъ тополь съ золотыми листьями, сорвалъ четыре листа, подложилъ подъ четыре копыта богатырскаго коня, переѣхалъ бѣлое море, и золотой мостъ остался за нимъ. (23)

Поднялся Лунь на большой хребетъ сѣдловиной; стоятъ въ сѣдловинѣ два сильныхъ богатыря, Бѣлый Лунь не взглянулъ на нихъ; богатыри остались, а онъ проѣхалъ мимо ихъ благополучно.

Проѣхавъ богатырей, видитъ другой большой хребетъ, и ѣдутъ къ нему на встрѣчу два богатыря. Одинъ выѣхалъ и дожидаетъ, а другой повернулся назадъ и скрылся. Вотъ они съѣхались, и смотритъ Лунь: конь богатырскій лучше его коня и самъ богатырь какъ-будто лучше его самого. И стали спрашивать другъ друга: «ты кто?»

— Я Бѣлый Лунь, отвѣчалъ нашъ молодецъ.

— А ты кто?

— Я *Чистое Серебро*, дочь Соловаго хана.

— А товарищъ твой кто?

— Это старшая сестра моя — *Чистое Золото*. (24)

Тогда Лунь спросилъ:

— Зачѣмъ же она вернулась?

— Стыдится тебя (25). Ты будешь намъ зятемъ: она узнала это и воротилась.

— Какже вы узнали, что я буду вамъ зятемъ?

— Поѣдемъ къ отцу моему: тамъ все узнаешь.

И поѣхали вмѣстѣ къ хану. Доѣхалъ Лунь и видитъ у отца юрта, у каждой дочери по юртѣ. (26) Онъ привязалъ къ столбу коня и пошелъ въ юрту къ отцу; а *Чистое Серебро* ушла въ свою юрту.

Вошелъ Лунь въ юрту и видитъ сидятъ двое: старикъ-ханъ и старуха-ханша. Они посадили его и начали кормить и поить. (27) И видитъ дальше: младшая дочь, *Чистое Серебро*, была въ мужскомъ платьѣ, а теперь переодѣлася, заплела косы и пришла въ отцовскую юрту въ женскомъ нарядѣ. Когда взошла въ юрту, вытащила изъ золотого ящика *Чажинъ* — книгу, или, правильнѣе, бумагу, и бумага та была величиною съ сѣдельный потникъ. (28) Бумагу эту она подала Бѣлому Луню. Лунь сталъ смотрѣть на нее и видитъ на ней на-

писано, что, точно, старшая дочь *Чистое Золото* будетъ ему суженою — *Кизимъ Мулинзе*.

Тогда онъ началъ пировать съ отцомъ и матерью и, долго ли, коротко ли пируя, сдѣлалъ свадьбу (29) и женился на *Чистомъ Золотѣ*. Отпировали и начали жить да быть и дѣло свое дѣлать. Вотъ и стала своячина *Чистое Серебро* звать Бѣлаго Луня на промыселъ. Собрались, поѣхали; отъѣхавъ немного, стала говорить своячина Чистое Серебро Бѣлому Луню:

— Про тебя говорятъ, Бѣлый Лунь, что ты сильный, могучій богатырь, и я тоже могучій богатырь: давай попробуемъ, въ шутку, побороться, кто кого переборетъ?

И схватились они, три раза обернулись: ни тотъ, ни другая другъ друга не бросили; а земля затряслась и бѣлое море заколебалось. Тогда Чистое Серебро сказала:

— Ну, будетъ бороться: хорошъ, я вижу, и ты, и есть силенка у тебя.

Пріѣхали домой и ночь переночевали благополучно; но рано утромъ, когда Лунь еще спалъ, сестра Чистое Серебро прибѣжала въ юрту, разбудила его и начала плакать.

— Вставай, говоритъ: — Бѣлый Лунь, ты не знаешь, что будетъ! Вотъ за то, что мы съ тобой боролись, Кудай возненавидѣлъ тебя и меня, и въ короткое время пріѣдутъ за тобой, схватятъ, вздымутъ и унесутъ на небо. Тамъ на небѣ не отчего *доспѣется* (сдѣлается) большой *желѣзный домъ* о девяти углахъ, безъ дверей и оконъ; въ этотъ домъ посадятъ тебя, запрутъ, кругомъ разложатъ огонь и будутъ раздувать его сорока мѣхами, пока не сожгутъ тебя. Ну, увезутъ тебя, и не знаю, какъ ты оттуда вырвешься, какъ воротишься. (30)

И горько, слезно плакала Чистое Серебро о зятѣ своемъ. И только взошло солнце, откуда ни взялись двое, вскочили въ юрту, одинъ схватилъ Луня, какъ ребенка, въ охабку, другой коня его, поднялись съ ними на воздухъ и исчезли изъ виду. (31)

Когда поднялись на небо, Лунь очувствовался и видитъ, что сидитъ онъ въ желѣзномъ домѣ о девяти углахъ, и слышитъ только, какъ раздуваютъ мѣхами. Весь домъ краснѣетъ и огнемъ *берется* (32). Лунь сидитъ семь дней, плачетъ и говоритъ:

Хоть бы мнѣ отца и мать увидѣть, хоть бы мнѣ мать свою *бѣлый камень* увидѣть, который мнѣ принесъ шаманъ изъ моря.

И отъ семи дней дошло до девяти дней; а домъ все горитъ. Когда прошло девять дней, Бѣлый Лунь не помнилъ, живъ онъ или нѣтъ, во снѣ или на яву, но, очувствовавшись, услышалъ, что мѣха также дуютъ, а желѣзный домъ пересталъ горѣть. (33) Осмотрѣвшись кругомъ, увидѣлъ, что онъ лежитъ на земли, на сторонѣ; а возлѣ него лежитъ мать его — *бѣлый камень* изъ моря. Приподнялся Лунь съ земли и сѣлъ, сидитъ онъ и смотритъ на мать свою и видитъ : идетъ, откуда ни взялся, старикъ съ *батагомъ* (палкой), подходитъ и говоритъ (34) :

— Чтожь ты сидишь, Бѣлый Лунь? Вставай скорѣе, ступай домой, возьми жену и убирайся въ свое мѣсто, да, смотри, ни съ кѣмъ не играй и не борись; а ты еще борьбу завелъ съ сестрою! Видишь, какой молодецъ! (35)

Тогда всталъ Бѣлый Лунь, поклонился старику въ ноги, сѣлъ на своего коня и поѣхалъ (36); а *камень*-мать обернулась бѣлой лебедью и полетѣла въ свою сторону. (37)

Доѣхалъ Бѣлый Лунь до жены Алтынарахъ, взялъ ее съ собой и безъ оглядки отправился домой той же дорогой, по которой ѣхалъ впередъ. Черезъ нѣсколько времени онъ прибылъ къ отцу и матери и нашелъ, что они и всѣ домочадцы живы и здоровы, сдѣлалъ пиръ и пировалъ съ ними до девяти дней, а какъ девять дней прошло, пересталъ гулять и сталъ жить да быть и теперь, люди говорятъ, живетъ. (38)

ПОЭМА ВТОРАЯ.

АХМОЛОТЪ АХПОРОТЪ.

Бѣлоукладный богатырь на сиво-бѣломъ конѣ.

Возлѣ бѣлаго моря жилъ-былъ богатырь *Ахмолотъ*, по-русски, *бѣлый укладъ*. Онъ былъ девяти лѣтъ отъ роду, женатъ на молодой женѣ (1), имѣлъ много народа, скота и всякаго богатства, но былъ такъ еще молодъ, что людей не ви-

далъ и люди его не видали, то-есть не ѣздилъ по бѣлому свѣту, хотя имѣлъ *богатырскаго сиво-бѣлаго коня — Ахпоротъ*. Выросъ сиротой, безъ отца и матери, и рано женился. Ѣздилъ только за промысломъ въ тайгу и Таскыльскіе хребты (38), билъ птицу и звѣря и возилъ домой. Въ этомъ проходила вся жизнь его. Время бѣжало впередъ; но въ одно утро *Ахмолотъ*, пробудившись отъ сна, потягиваясь и лежа на постели, увидѣлъ, что жена его встала, сидѣла въ юртѣ у огня и чесала гребнемъ голову. Онъ спросилъ ее:

— Скажи, моя милая, есть ли на этомъ бѣломъ свѣтѣ такой конь, который могъ бы опередить моего коня, и такой богатырь, который могъ бы меня побѣдить?

Жена отвѣчала ему:

— Любезный другъ, ты такъ не говори и высоко себя не веди.

Богатырь вскочилъ съ постели.

— Знаешь ли ты, что я болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и только Кудаевъ, вышнихъ духовъ, пониже?

Жена возразила:

— Пожалуста, не хвастай такъ, не веди себя высоко и не серди другихъ.

Богатырь разсердился, схватилъ нагайку и началъ бить жену, приговаривая:

— Такъ ты не знаешь и не вѣришь, что только на два перста я пониже Кудая?

— Перестань меня бить, просила жена. — Если хочешь смерти, я разскажу тебѣ о богатырѣ, съ которымъ ты можешь потѣшиться и помѣряться твоей силой, а не съ женой твоей. Живетъ отсюда черезъ девять чужихъ земель сильный, могучій богатырь — *Булатъ;* онъ имѣетъ у себя девять карихъ богатырскихъ лошадей (6·33), шестьдесятъ богатырей и семьдесятъ начальниковъ. Слыхалъ ли ты о немъ? Вѣрно не слыхалъ и не знаешь?

— Хорошо, сказалъ мужъ: — я попробую помѣряться съ нимъ силою, и пересталъ бить жену.

— Ступай и попробуй, отвѣчала жена.

У богатыря *Ахмолота* конь богатырскій *Ахпоротъ*. Если ѣсть захочетъ, то полижетъ сухой горный камень, и сытъ; если пить захочетъ, то полижетъ мокрый камень, который въ

водѣ лежалъ, и сытъ. Богатырь *Ахмолотъ* надѣлъ на себя девять кольчугъ и, осѣдлавъ сиво-бѣлаго коня *Ахпорота* богатырскимъ приборомъ, сѣлъ и поѣхалъ.

Пустилъ коня черезъ девять земель чужихъ: мать-сыра-земля затряслась, море заколыхалось; а конь бѣжитъ, не устаетъ, и удержать его не можетъ. Переѣхалъ девять земель, выѣхалъ на большой хребетъ, упершійся въ небо вершиною (39), и видитъ съ хребта: лежитъ широкая степь, не видно конца ея и по этой степи пыль столбомъ бѣжитъ, какъ-будто кто къ нему на встрѣчу скачетъ. Пыль бѣжала черезъ степь, долго ли, коротко ли, и стала добѣгать до нашего богатыря. Ахмолотъ обернулся и сталъ маленькимъ мужичкомъ; обернулъ своего богатырскаго коня, и конь его сдѣлался маленькой лошадкой. И видитъ Ахмолотъ, что тотъ человѣкъ, который бѣжалъ ему на встрѣчу черезъ степь, добѣжалъ до него, сдѣлался вдругъ плѣшивымъ, а конь его безхвостымъ. (37)

Плѣшивый узналъ богатыря и спросилъ:

— Ты ли это Бѣлоукладный богатырь *Ахмолотъ* на своемъ могучемъ конѣ *Ахпоротъ?* Какже про тебя сказали, что ты самъ ростомъ съ большой утесъ, а конь твой великъ, какъ Таскылъ? Отчего же ты теперь такой маленькій?

Въ отвѣтъ на это Ахмолотъ спросилъ плѣшиваго:

— А скажи мнѣ, любезный, ты родился такимъ плѣшивымъ, а конь твой безхвостымъ, или такъ обернулся?

Плѣшивый отвѣчалъ:

— Можетъ-быть, и я богатырь. Если ты покажешь себя такимъ, каковъ ты; то и я покажу себя такимъ же, каковъ я.

Ахмолотъ стряхнулся: мать-сыра-земля затряслась, самъ богатырь и конь его сдѣлались большими.

— Правда же, ты великъ! молвилъ плѣшивый, самъ стряхнулся, бодрость показалъ и сдѣлался съ волосами также большими, а рыжій конь его очутился съ хвостомъ, но далеко поменьше *Ахмолота* и коня его.

— Какже зовутъ тебя? спросилъ *Ахмолотъ* новаго товарища.

— Меня зовутъ богатырь *Царь-соколъ* на *рыжемъ конѣ*.

— Я въ ваши земли поѣхалъ; а ты куда ѣдешь? спросилъ *Ахмолотъ*.

— А меня куда пошлютъ, туда я и поѣду. У нашего царя 60 богатырей и главный изъ нихъ я; а царь нашъ называется *Булатъ на 9-ти карихъ коняхъ*. Онъ взялъ меня въ плѣнъ и теперь я служу ему. Послалъ же онъ меня тебѣ на встрѣчу.

— Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ къ *Булату-богатырю*.

И поѣхали они въ царство Булата. Конь *Бѣлаго Уклада* въ полубѣгъ бѣжитъ; а рыжій конь *Сокола* полнымъ бѣгомъ бѣжитъ, скачетъ и догнать его не можетъ.

— Э, братецъ ты мой, если мы такъ поѣдемъ съ тобой, то и не доѣдемъ до *Булата*! молвилъ *Ахмолотъ*, остановился, взялъ Царя-Сокола, посадилъ его, вмѣстѣ съ конемъ его, въ свой *курлакъ-сумку* и поѣхалъ дальше. Видитъ, стоитъ вдали большой хребетъ. Онъ въѣхалъ на него, смотритъ съ хребта на ту сторону и видитъ, *черное* море волнуется, возлѣ чернаго моря широкая степь разстилается, по степи народу и скота видимо-невидимо, и посреди степи, близъ моря, стоитъ юрта *Булата-богатыря*, и видитъ, возлѣ юрты, у золотаго столба, стоитъ карій конь, и дышетъ онъ, какъ буранъ ходитъ, изъ глазъ пламя пышетъ, а изъ ноздрей и ушей идетъ дымъ столбомъ (40). И закричалъ *Бѣлый Укладъ* съ вершины хребта, какъ громъ загремѣлъ:

— Дома ли сильный *богатырь Булатъ?* Дома ли конь его богатырскій и крѣпко ли привязанъ?

На крикъ его вышелъ изъ юрты сильный богатырь, какъ большой Таскылъ, на человѣка не похожъ, и отвѣчалъ ему:

— У насъ прежде съ тобой никакого спора не было, такъ что же ты ревешь такъ громко? Иди сюда: мы съ тобой и здѣсь потолкуемъ; а если сила есть, и здѣсь можемъ побороться.

«Что жь я, въ-самомъ-дѣлѣ, съ хребта реву! Надобно ѣхать къ нему въ улусъ», подумалъ *Бѣлый Укладъ* и поѣхалъ къ юртѣ *Булата*. Спустился съ хребта, перебѣжалъ степь, остановился у юрты, соскочилъ съ коня и вошелъ къ богатырю *Булату*. Булатъ посадилъ его за столъ, началъ подчивать хлѣбомъ-солью (27), началъ спрашивать:

— Кто ты, какъ тебя зовутъ и куда ѣдешь?

Бѣлый Укладъ отвѣчалъ:

— Я на своей землѣ самый большой богатырь, и зовутъ меня Ахмолотъ Ахпоротъ; а ты на своей землѣ самый большой

богатырь и сильнѣе тебя нѣтъ. Поэтому я пріѣхалъ къ тебѣ по-*наслыху*, чтобы съ тобой познакомиться.

— Ладно, говоритъ Булатъ: — что пріѣхалъ и мы съ тобой увидѣлись.

И взялъ онъ *шару* — большую чашку ведеръ въ пятьдесятъ — налилъ ее айраномъ и сталъ подчивать гостя.

Сидятъ они въ юртѣ семь дней и все пьютъ айранъ; а на дворѣ собрались шестьдесятъ богатырей и толкуютъ между собой:

«Какже, *Булатъ* послалъ на встрѣчу къ *Бѣлому Укладу* своего богатыря *Царь-Сокола*.—Укладъ пріѣхалъ; а Сокола нашего нѣтъ? Гдѣ же онъ теперь и почему не пріѣхалъ вмѣстѣ съ Укладомъ»?

Царь-Соколъ, услышавъ эти рѣчи, пошевелился въ сумѣ и отвѣчалъ богатырямъ:

— Я здѣсь, братцы; сваливайте и выручайте меня.

Тогда отстегнули суму отъ сѣдла Бѣлаго Уклада, сняли ее на землю, выпустили Сокола. Вздохнувъ и поправившись немного послѣ безпокойства въ сумѣ, Соколъ отправился въ юрту къ пирующимъ богатырямъ. Увидѣвъ его, Булатъ сталъ говорить Соколу:

— Чтó вы за народъ такой! Когда васъ не надобно, вы не выходите отсюда изъ юрты; а когда надобно, васъ нѣтъ.

— Меня здѣсь не было, отвѣчалъ Соколъ: — я оставался позади Уклада и теперь только пріѣхалъ.

А стыдно было богатырю сознаться, что семь дней онъ просидѣлъ въ сумѣ безъ хлѣба и воды.

Тогда всѣ сѣли вмѣстѣ и начали снова пить айранъ. Жена богатыря Булата подсѣла также къ нимъ и вмѣстѣ потягивала винцо. Богатырь Укладъ ей не понравился за то, что много хвасталъ, и задумала она намѣшать ему въ вино *сокольей соли* (сулемы) кусочекъ величиною въ конскую голову, потому-что малый пріемъ на такого богатыря не подѣйствуетъ. Укладъ ничего не думаетъ, не знаетъ и пьетъ себѣ напропалую; а она, между-тѣмъ, намѣшала шару съ сокольей солью и сама стала подносить Укладу:

— Дальній ты мой гость, говоритъ: — выпей ты шару айрана изъ моихъ рукъ. Пріѣхалъ ты къ намъ въ гости, а еще не пивалъ отъ меня, и я тебя не подчивала.

Выслушавъ причетъ, Укладъ всталъ на ноги и сказалъ:

— Кушай сначала сама на здоровье.

Она подносила вино и, по обычаю народному, первую чашку должна была выпить сама. Нечего дѣлать! поморщилась и выпила. Въ другой разъ подмѣшала сокольей соли и снова начала подчивать Уклада. Не зная хитрости, Укладъ выпилъ ядъ и похвалилъ хозяйку: «Ну ужь, говоритъ, вино у тебя доброе!» похвалилъ и сѣлъ снова на свое мѣсто. Только успѣлъ сѣсть, какъ опьянѣлъ, одурѣлъ и соскочилъ на ноги: «Ты, говоритъ Булату: хотѣлъ давича силы свои попробовать со мной. Выходи-ка; попробуемъ.» Выскочилъ изъ юрты, сѣлъ на своего сиво-бѣлаго коня и поскакалъ на высокую гору. Не желая оставаться сзади, Булатъ поѣхалъ туда же, на своемъ каремъ конѣ, поѣхалъ и закричалъ Царю-Соколу: «Веди за собой шестьдесятъ богатырей и поѣзжайте всѣ за мной». Богатыри всѣ срядились и поѣхали.

— Давай, сначала будемъ стрѣляться, а потомъ бороться, говоритъ Укладъ Булату.

Вотъ разъѣхались они, одинъ на одну гору, другой на другую. И думалъ Булатъ, что всѣ шестьдесятъ богатырей поѣдутъ за нимъ, поглядѣлъ и увидѣлъ, что они поѣхали за Укладомъ. Булатъ разсердился. «Ладно, сказалъ онъ, если я останусь живъ, тогда съ вами поправлюсь, друзья. Разъѣхавшись на горы, богатыри говорятъ другъ другу:

— Ты стрѣляй.

— Нѣтъ, ты стрѣляй.

И послѣ спора Укладъ рѣшилъ:

— Ну, такъ я буду стрѣлять прежде. Стой хорошенько.

И началъ онъ натягивать свой тугой лукъ. Давнулъ лукъ лѣвой рукой — изъ лука побѣжала вода отъ лѣвой руки; давнулъ лукъ правой рукой — изъ лука пошелъ дымъ отъ правой руки; а конь богатырскій его по колѣни въ землю ушелъ отъ могучей силы богатыря. Укладъ натянулъ и отпустилъ лукъ — словно громъ грянулъ, стрѣла завизжала, прилетѣла въ Булата, проткнула его насквозь и разшибла надвое, а за

нимъ разбила половину утеса. Отъ этого удара Булатъ покатился съ коня и развалился надвое; но когда обѣ половины его покатились подъ гору и скатились вмѣстѣ, то опять срослись, и Булатъ сталъ живой, такой же, какъ прежде ([41]), снова сѣлъ на своего коня и сказалъ Укладу:

— Ну, Укладъ богатырь, я твоей чести ждалъ; теперь ты моей чести жди.

И сталъ Булатъ натягивать свой тугой лукъ, натягивалъ съ утра, къ вечеру только натянулъ, пустилъ стрѣлу и грянулъ наподобіе грома. Когда пустилъ стрѣлу, она долетѣла до Уклада, пробила девять рядовъ его кольчужника, то есть всѣ девять кольчугъ, пробила тѣло и ушла до кости. Укладъ схватилъ стрѣлу, вытащилъ назадъ и бросилъ Булату.

Послѣ этого богатыри сбѣжались рысью и стали драться копьями; но копья не берутъ, потомъ саблями — и сабли не берутъ. Видя, что оружіе не помогаетъ, соскочили съ коней и начали бороться. Схватились, боролись семь дней — другъ друга сбросить не могли, боролись до девяти дней — и тогда ничего не могли сдѣлать: только хватятъ руками и вырываютъ другъ у друга тѣло до кости. Послѣ девяти дней боролись три года и все борются безъ устали, ничего не знаютъ и не слышатъ, какъ они дышутъ. А отъ дыханія ихъ туманъ стоитъ и ничего по бѣлому свѣту не видно; земля только трясется и море колеблется.

Проборолись три года: тогда Булатъ оробѣлъ и одинъ разъ оперся руками о землю.

— Ну, говоритъ онъ Укладу: — перестанемъ бороться и побратуемся: въ твоей землѣ ты сильный богатырь, а въ моей землѣ я богатырь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Укладъ: — пусть на бѣломъ свѣтѣ будетъ только одинъ богатырь; а двумъ быть нельзя: тѣсно, братецъ, жить.

И поднялъ Укладъ Булата, бросилъ на землю; но Булатъ соскочилъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и снова взялся за Уклада. Беретъ Укладъ Булата въ другой и третій разъ; но у Булата смерти нѣтъ, и дивятся этому всѣ богатыри. Смотритъ Царь-Соколъ подъ небеса и видитъ, подъ небесами стоитъ на воздухѣ золотая коробка, опущенная сверху на бѣлой ниточ-

кѣ, — и думаетъ Царь-Соколъ: «однако, эта коробка недаромъ стоитъ на воздухѣ подъ небесами; видно смерть Булата будетъ въ этой коробкѣ.»

Увидѣвъ это, Соколъ натянулъ свой лукъ, пустилъ стрѣлу въ коробку, перестрѣлилъ нитку, и коробка полетѣла книзу. Соколъ поймалъ ее въ руки, отворилъ и видитъ: сидятъ въ коробкѣ девять бѣлыхъ пташекъ, и смерть Булата тутъ же съ ними сидитъ, десятая. (6.33) Крѣпко Булатъ заплакалъ, видя, что нашли его смерть въ этой коробкѣ; а Царь-Соколъ оторвалъ шеи у всѣхъ девяти пташекъ и поймалъ смерть. Тогда Бѣлый Укладъ поднялъ Булата, бросилъ вверхъ и зашибъ до-смерти. Погубивъ его, Укладъ распустилъ всѣхъ шестьдесятъ богатырей по своимъ мѣстамъ; а какъ они были всѣ въ плѣну съ полками своихъ народовъ, то взяли ихъ и разъѣхались каждый въ свою сторону, радуясь, что Укладъ погубилъ Булата, и стали молиться Кудаю за Уклада. Послѣ смерти Булата, Укладъ забралъ все имѣніе, скотъ, жену, девять лошадей карихъ, весь народъ его и погналъ все въ свою землю. Догналъ до дома и къ своему народу народа прибавилъ, а къ скоту скота прибавилъ; разселилъ ихъ отъ вершины моря до устья (17), сдѣлалъ одинъ улусъ, — и все-таки мало оказалось мѣста для народа: такъ было его много.

Жена Уклада стала дѣлать пиръ и гульбу и чествовать весь народъ свой. Послѣ отъѣзда Уклада у ней родились два сына, — простые люди, какъ мы, а не богатыри, какъ бы слѣдовало. Когда гульба прошла и народъ разошелся по юртамъ, въ табунахъ Уклада родился буланый жеребенокъ, прибѣжалъ, неизвѣстно откуда, и говоритъ Укладу:

— Скажи, пожалуста, у богатырей должны бы родиться и дѣти богатыри; а у тебя родились простые люди. Я родился добрымъ конемъ богатырскимъ; а у меня хозяина нѣтъ и ѣздить на мнѣ некому. (42)

— Чтожь дѣлать! отвѣчалъ Укладъ. — Ты родился добрымъ конемъ, а у насъ нѣтъ для тебя ѣздока; можетъ-быть, въ другомъ мѣстѣ родится для тебя хозаинъ.

Когда онъ сказалъ это, жеребенокъ оборотился и убѣжалъ отъ него.

Поутру всталъ *Укладъ*, слышитъ отъ народа, что пріѣхалъ богатырь, пригласилъ этого богатыря къ себѣ въ юрту и сталъ спрашивать: «Какъ тебя зовутъ?»

— Зовутъ меня *Чернымъ* царемъ на каремъ конѣ.

— Далеко ли ты поѣхалъ и зачѣмъ?

— Поѣхалъ къ тебѣ въ улусъ. Сказали, что у тебя родился добрый буланый конь: такъ пріѣхалъ я посмотрѣть, будетъ ли этотъ жеребенокъ богатырскимъ конемъ? И слышалъ я, что у тебя родились два сына — богатыри ли будутъ они? И ихъ пріѣхалъ я посмотрѣть. Конь у тебя добрый родился; а дѣти твои отчего родились простыми людьми; а не богатырями? Развѣ Кудаю грѣхъ какой-нибудь ты сдѣлалъ?

Когда сказалъ это Черный царь, то жена Уклада отвѣчала ему:

— Хотя самъ онъ большой, а умъ у него маленькій: оттого у него случилась такая бѣда. Онъ хвасталъ прежде, что больше его нѣтъ на свѣтѣ и что только *двумя* перстами онъ пониже Кудая: вотъ за это у него родились *два* сына простые люди, а не богатыри. Теперь мы состарѣлись и что же будемъ дѣлать безъ богатырей и кто будетъ защищать насъ?

Укладъ сидѣлъ и горько заплакалъ, услышавъ эту рѣчь.

— А! такъ вотъ за что́ наказалъ тебя Богъ! молвилъ Черный царь. — Не надобно, другъ, было хвастаться. Ну, что̀жь теперь будешь дѣлать? Родился у тебя добрый конь: пусть онъ будетъ у табуновъ; а дѣти твои хотя не богатыри, но живи ты съ ними до старости. Больше нечего и дѣлать. Впередъ не хвастайся.

И уѣхалъ Черный царь въ свою землю.

И живутъ, поживаютъ Бѣлый Укладъ съ женой и дѣтьми благополучно и помаленьку, какъ *Богъ велѣлъ жить*, — и поэмѣ конецъ. (43)

ПОЭМА ТРЕТЬЯ.

КОККАНЪ КОКТЫЛЫЙ.

Поэма о Синемъ ханѣ на синемъ морѣ. (44)

Жилъ да бымъ Синій ханъ — *Кокканъ* на синемъ морѣ — *Коктылый*. Онъ росъ девять лѣтъ сиротой, безъ отца и матер и

и выросъ большой ([4]); былъ холостой и богатый. Кокканъ имѣлъ много табуновъ, народа, богатое ханство и *Синяго коня*.

Вотъ однажды услышалъ онъ, что черезъ три чужія земли, есть такой большой богатырь, что сильнѣе и больше его нѣтъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ и сталъ Синій ханъ собираться къ этому богатырю, чтобы помѣрять съ нимъ свои силы. Собрался, поѣхалъ: въ девять дней ([6,33]) перебѣжалъ онъ черезъ три земли чужія, добѣжалъ до Синяго богатыря — *Кокатая* на Синемъ конѣ ([41]) и видитъ: живетъ богатырь *Кокатай* возлѣ Бѣлаго моря, а у золотаго столба богатырской юрты нѣтъ его богатырскаго коня. Привязалъ Кокканъ своего коня къ этому золотому столбу, вошелъ въ юрту, поздоровался съ женою Кокатая, и послѣдняя стала поить, кормить и спрашивать Синяго хана: ([27])

— Чей ты?

— Я Синій ханъ на Синемъ морѣ. А гдѣ у тебя твой хозяинъ?

— Уѣхалъ, и вотъ прошло семь лѣтъ, какъ его нѣтъ дома.

— Куже же онъ уѣхалъ?

— А куда онъ уѣхалъ, мы о томъ не говоримъ и сказать боимся.

— Чегожь ты боишься? Не бось, говори, куда уѣхалъ?

— А уѣхалъ черезъ семь чужихъ земель, къ сильному, могучему богатырю, къ которому собираются всѣ богатыри.

— Какъ же зовутъ этого богатыря?

— Боимся назвать его по имени.

— Однако, скажи. Чего тутъ боятся и не сказывать! Я буду на тебя сердиться.

И громко заревѣлъ на нее Синій ханъ своимъ богатырскимъ голосомъ. Она испугалась, взяла въ ротъ молока, выполоскала ротъ и начала сказывать: ([45])

— А зовется этотъ богатырь *Ахшебдиръ Аоттыхъ Алларикъ — Пѣтушокъ-богатырь на игренемъ конѣ.*

Синій ханъ срядился, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ Пѣтушку-богатырю. Перебѣжалъ черезъ три земли чужія, видитъ, стоитъ большой хребетъ; поднялся онъ на этотъ хребетъ — смотритъ, огромная степь лежитъ вдали и кто-то ѣдетъ по ней къ нему

навстрѣчу, — только пыль летитъ. Дождался Синій ханъ и видитъ, Синій богатырь ѣдетъ назадъ къ нему навстрѣчу. Остановились, поздоровались, и сталъ Синій ханъ спрашивать:

— Куда ѣздилъ?

— Ѣздилъ къ большому богатырю, къ которому собрались всѣ народы. Семь лѣтъ тому назадъ, какъ легъ онъ спать, и вотъ семь лѣтъ не могутъ разбудить его. Спитъ онъ, и одинъ глазъ его глядитъ на небеса, другой въ землю.

— Какъ зовутъ этого богатыря?

— Мы боимся его и поминать.

— Неужели боитесь поминать имя Алларика? Какой онъ такой страшный богатырь?

Синій богатырь отвѣчалъ на это:

На что̀ ты его поминаешь? Гдѣ его помянуть, онъ сейчасъ объ этомъ узнаетъ. Давай лучше побратуемся.

И они побратовались.

Синій ханъ сталъ звать *Синяго богатыря* ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ *Пѣтушку-богатырю*. Сговорились и поѣхали. Переѣхали черезъ три земли чужія, поднялись на высокій хребетъ, смотрятъ съ хребта на широкую степь, видятъ, что степь вся чернѣетъ, и думаютъ, что на степи стоитъ большая тайга (лѣсъ); но подъѣхали ближе и видятъ не тайга стоитъ, а стоитъ народъ, собравшійся со всего свѣта къ богатырю, и посреди народа, думаютъ, гора стоитъ: подъѣхали ближе, и видятъ, не гора стоитъ, а лежитъ и спитъ въ чистомъ полѣ безъ юрты *Пѣтушокъ*-богатырь, и горой его назвать нельзя, и человѣкомъ считать нельзя; только боязно смотрѣть: одинъ глазъ глядитъ въ небо, другой въ землю.

Синій ханъ доѣхалъ до Пѣтушка-богатыря и говоритъ ему:

— Что̀ ты семь лѣтъ спишь и не встаешь?

Трижды вскричалъ, но разбудить его не могъ, и всѣ богатыри испугались.

— Когда ты съ голоса не будишься, такъ я тебя разбужу по-богатырски нагайкой, молвилъ Синій ханъ, и какъ хлеснулъ Пѣтушка богатырской плетью, такъ богатырь живо вскочилъ и сѣлъ на лугу; а всѣ вокругъ его упали ничкомъ.

Тогда Синій ханъ сталъ спрашивать Пѣтушка-богатыря:

— Скажи, отчего ты спалъ семь лѣтъ, *чего* видѣлъ и *чего* слышалъ? (46)

— Видѣлъ и слышалъ, говоритъ Пѣтушокъ-богатырь, что Кудай заращдаетъ сильнаго богатыря, чтобы по всему свѣту былъ одинъ богатырь, и зовутъ его: *Сараттагъ Садый Меке— Соловей-богатырь на соловомъ конѣ*. Еще видѣлъ и слышалъ, что есть большой богатырь *Ахпоротъ Ахмолотъ—Бѣлоукладный богатырь на сивомъ конѣ*. Ему теперь проходу не будетъ. Кудай такъ утвердилъ, чтобы его сжать сверху золотой, а снизу серебряной горой: гора съ горой сойдутся и задавятъ его. Какъ-скоро задавятъ горы Бѣлоукладнаго богатыря, то у Соловья-богатыря Синій ханъ будетъ правымъ крыломъ, а Пѣтушокъ-богатырь — лѣвымъ крыломъ, и больше Соловья никого на свѣтѣ не будетъ. (47)

Услышавъ это, Синій ханъ поворотилъ своего коня назадъ, стегнулъ его богатырской нагайкой и поскакалъ стрѣлой, чтобы Бѣлоукладнаго богатыря застать живаго и выручить изъ бѣды, доскакалъ до него и видитъ: Золотая гора начала кверху подниматься, а Серебряная гора на мѣсто садиться (48), и не засталъ въ-живыхъ Бѣлоукладнаго богатыря. Тогда поѣхалъ къ нему въ улусъ; а въ улусѣ оставалась у него сестра дѣвица, по имени *Алтынарахъ-золото — чистое*, или *чистое золото*. (24) Она начала Синяго хана поить, кормить и подчивать. Погостивъ у нея, долго ли, коротко ли, Синій ханъ собрался ѣхать и уѣзжая, оставилъ у Алтынарахъ золотой перстень (49), въ которомъ таилась половина его богатырской силы. (50)

А слышалъ прежде Синій ханъ отъ Пѣтушка-богатыря, что, черезъ одну землю отъ Бѣлоукладнаго богатыря, живетъ *Алтынъ-Канъ — золотая кровь*, или *золотой ханъ*, и что у него есть дочь *Алтынарахъ* — чистое золото, которую, когда явится на свѣтъ Соловей-богатырь, тогда возьметъ за себя замужъ.

Синій ханъ, отдавъ перстень Алтынарахъ, — сестрѣ Бѣлаго Уклада, — поѣхалъ теперь къ Алтынъ-Кану. Добѣжалъ и видитъ съ высокаго хребта, что много собралось народу къ Золотому хану на свадьбу его дочери, и Золотой ханъ дѣлаетъ большой пиръ. И видитъ, что Пѣтушокъ-богатырь, который спалъ семь лѣтъ, давно уже ходитъ тамъ и конь его стоитъ

у золотаго столба; а конь Соловья-богатыря также у столба стоитъ, какъ гора большая.

Синій ханъ спустился съ хребта, пріѣхалъ къ Золотому хану, привязалъ своего коня къ столбу и пошелъ въ юрту, гдѣ сидѣлъ Соловей-богатырь. Взошелъ, и Соловей заревѣлъ на него: (51)

— Для чего ты, Синій ханъ, на улицѣ не сряжаешь свадьбы и для чего лѣзешь ты сюда въ юрту?

— Безъ твоего приказанія, отвѣчалъ Синій ханъ, я не знаю, что́ дѣлать. Я только сейчасъ пріѣхалъ и пришелъ спросить тебя объ этомъ.

— Такъ тебѣ надобно еще приказывать? закричалъ Соловей-богатырь, соскочилъ съ мѣста и хлопнулъ разъ по щекѣ Синяго хана. (52)

Синій ханъ чуть съ ногъ не свалился, но удержался, поправился и хлопнулъ по щекѣ самого Соловья-богатыря.

— Я, говоритъ, долго въ долгу не жду и самъ не бываю.

Соловей чуть съ ногъ не свалился, но также поправился. Тогда схватились за руки и выбѣжали изъ юрты, подальше отъ народа, въ степь, гдѣ и стали бороться. Боролись семь дней — не могли побороть другъ друга; отъ семи дней дошло до девяти дней, отъ девяти дней до трехъ лѣтъ, отъ трехъ до семи лѣтъ. Все борются и побороть другъ друга не могутъ. Черезъ семь лѣтъ сталъ Синій ханъ поддаваться, потому-что приставать за него было некому. (53)

Тогда Соловей поднялъ его кверху и ударилъ о землю; но ни ушибить, ни задавить не могъ; началъ копьемъ колоть и саблей рубить, но копье не беретъ и сабля не беретъ, и ничего сдѣлать не можетъ. (53)

Алтынарахъ — невѣста Соловья — увидѣвъ, что женихъ ея не можетъ убить Синяго хана, обернулась соколомъ и полетѣла къ другой Алтынарахъ — сестрѣ Уклада. Прилетѣла къ ней и стала просить золотой перстень Синяго хана; но та не отдаетъ и не вѣритъ ей.

— Зачѣмъ, говоритъ, тебѣ перстень. Ты невѣста Соловья, тебѣ надобно приставать за жениха, а не за Синяго хана.

А у невѣсты Соловья не было охоты итти за него замужъ. Сколько та ни просила перстня, выпросить не могла, и рѣшилась она переночевать въ юртѣ у Алтынарахъ — сестры

Уклада. Ночью обернулась мышью, прогрызла сундукъ и достала перстень, потомъ обернулась соколомъ и улетѣла съ перстнемъ. (37) Долетѣла до мѣста и видитъ, что Соловей все еще не можетъ убить Синяго хана; тогда она бросила сверху перстень въ ротъ Синему хану. Синій ханъ поймалъ перстень, всталъ на ноги здравъ и невредимъ и началъ опять бороться и сражаться съ Соловьемъ. Черезъ три дня Синій ханъ убилъ Соловья-богатыря. Тогда возвратился въ юрту къ Золотому хану, сдѣлалъ свадьбу и женился на его дочери Алтынарахъ,— женился и повезъ ее въ свою землю.

Черезъ девять дней довезъ жену свою Алтынарахъ до своей юрты и дома сдѣлалъ опять свадьбу. Свадьбу дѣлалъ девять дней (6,33) и тогда остановился и пересталъ гулять.

Когда пересталъ гулять, то сталъ ходить за промысломъ, бить звѣрей и птицъ, возить домой и кормитъ жену и народъ свой.

Однажды, переночевавъ ночь, поѣхалъ днемъ за промысломъ. Ѣдетъ и видитъ, стоятъ большіе кусты. Изъ этихъ кустовъ выскочила черная лисица, такая черная съ просѣдью, что сіяетъ-бѣжитъ. Синій ханъ началъ стрѣлять въ нее: выстрѣлитъ подъ-низъ, — она кверху вскочитъ; другой разъ выстрѣлитъ сверху — она присядетъ . . . никакъ попасть не можетъ. Тогда ударилъ своего коня богатырскою плетью, погнался за нею, чтобъ поймать ее руками. Гналъ ее черезъ двѣ чужія земли и увидѣлъ, что среди самой степи отворилась сквозь землю пещера. Лисица (54) вскочила въ эту пещеру, и Синій ханъ за нею, прогналъ ее сквозь землю, спустился на другой свѣтъ и видитъ—на томъ краю такая же земля, какъ и здѣсь. (55) И видитъ тамъ Синій ханъ, что дорога пробита подъ землей въ глубину колѣна. По той дорогѣ побѣжала лисица, и по той же тропѣ погнался за ней и Синій ханъ. Долго ли, коротко ли гналъ онъ лисицу и повстрѣчалъ полкъ народа. Стоитъ народъ, какъ тайга. И началъ народъ стрѣлять въ него. Синій ханъ развирѣпѣлъ и сталъ стрѣлять въ народъ. Стояли на мѣстѣ и сражались девять дней. Черезъ девять дней Синій ханъ опомнился и видитъ, что онъ перебилъ весь народъ; добрый конь его по колѣни въ крови ходитъ, а по мелкимъ ложечкамъ кровь какъ вода бѣжитъ. Истребилъ всѣхъ и видитъ Синій ханъ, что Соловей-богатырь, котораго онъ

убилъ на нашемъ свѣтѣ, пустилъ на него войну на томъ свѣтѣ ([56]) и собралъ народъ, а самъ убѣжалъ. Опомнившись, Синій ханъ погнался за Соловьемъ; бѣжитъ и видитъ, что передъ нимъ скакали два человѣка, гнали другъ друга и оставили два слѣда; а третій слѣдъ оставляетъ конь его.

Гонится дальше Синій ханъ и видитъ, что ѣдетъ къ нему навстрѣчу человѣкъ; всматривается, примѣчаетъ и узнаетъ, что ѣдетъ навстрѣчу, на сивомъ конѣ, Бѣлый Укладъ, котораго на нашемъ свѣтѣ придавило горами. ([36])

Остановились, поздоровались, и сталъ Синій ханъ спрашивать Бѣлаго Уклада:

— Куда ѣздилъ, Укладъ?

— Гнался за Соловьемъ; но тамъ подхватилъ его другой богатырь и угналъ къ черному морю. ([57]) Если онъ убьетъ Соловья, то море потечетъ черной кровью; а если Соловей убьетъ его, то красной. И видѣлъ, говоритъ, я, что море потекло черной кровью; значитъ, Соловей-богатырь убитъ. Не могъ только я дождать, откуда и какой богатырь гналъ его; видно, съ этого свѣта. ([57])

Поговорили, постояли и воротились назадъ, сквозь землю, на нашъ свѣтъ, тѣмъ же ходомъ.

Синій ханъ ѣдетъ и думаетъ:

«Сколько же лѣтъ я странствовалъ подъ землей?» и вздумалъ, что ѣздилъ три года и что конь его и самъ богатырь три года ничего не ѣли. И доѣхали они съ Бѣлымъ Укладомъ до *творила*, или выхода изъ пещеры, и видитъ Синій ханъ, что у него и коня его отъ голода нѣтъ силы подняться изъ пещеры наверхъ. Тогда онъ горько заплакалъ ([11]), долго стоялъ и думалъ, что̀ ему дѣлать.

Укладъ богатырь закричалъ по-звѣриному, засвисталъ по-птичьи, и на крикъ его, откуда ни взялась, прилетѣла тогда птица *Канкырикушъ* — нога-птица. Ее имѣлъ Укладъ у себя, когда жилъ на нашемъ свѣтѣ. ([58])

Нога-птица посадила на себя *Синяго хана* съ конемъ его и вынесла на этотъ свѣтъ. *Бѣлый Укладъ* остался подъ землей, говоря:

— Кудай проклялъ меня, задавилъ горами и мнѣ нельзя жить на вашемъ свѣтѣ.

Синій ханъ доѣхалъ до дому, нашелъ жену здоровою и благополучною и сталъ жить да быть и теперь живетъ; лисицы больше найти не могъ; а нога-птица улетѣла на свою родину, откуда прилетѣла, и больше не являлась. Соловья-богатыря убили и на томъ свѣтѣ; но неизвѣстно, какой богатырь убилъ его, и Богъ его знаетъ. ([59])

ПОЭМА ЧЕТВЕРТАЯ.

АЛЛА КАРТЫГА — БѢЛЫЙ СОКОЛЬЧИКЪ.

Жилъ да былъ *Ах-канъ* бѣлый ханъ съ женою и сыномъ *Алла-Картыга Аоетъ* — Бѣлымъ сокольчикомъ на бѣло-голубомъ конѣ. Вотъ минуло сыну семь лѣтъ, и взялъ его отецъ въ горы и долы, чтобъ показать разныхъ птицъ и звѣрей. Ходили они семь дней по разнымъ землямъ, набили множество птицы, пріѣхали домой и роздали птицу своему народу, каждому по части.

Сталъ Бѣлый ханъ думу думать съ женой, и говоритъ онъ ханшѣ:

— Хочу я показать моему сыну разныя земли, пока я въ силахъ.

— Молодъ сынъ нашъ, отвѣчаетъ ханша: — погоди возить его далеко.

— Я поѣду не одинъ; а возьму съ собой пятьдесятъ лучшихъ богатырей и бояться намъ некого.

— Не потеряй сына; рано ты хочешь везти его въ разныя земли.

Но Бѣлый ханъ не послушалъ жены своей, рано всталъ онъ утромъ, собрался и поѣхалъ съ сыномъ.

Ѣдутъ они семь лѣтъ, оглянулись назадъ и видятъ изъ пятидесяти богатырей остались только двое и сталъ сынъ спрашивать отца:

— Сколько времени мы ѣдемъ, отецъ мой?

— Много мы времени ѣхали, много и проѣхали; теперь остается немного — доѣдемъ.

— Кого мы увидимъ тамъ, куда ѣдемъ и что̀ тамъ есть?

— А вотъ что̀, сынъ, тамъ есть: разные люди, звѣри и птицы и ихъ мы увидимъ.

Проѣхали они девять земель, поднялись на высокія горы и смотрятъ вдаль: вдали море наровнѣ съ небомъ. За моремъ чернѣется и приткнулась къ нему желѣзная гора ([60]); на этой горѣ ничего не видать. Около моря стоитъ богатырская юрта и — никого не видать: ни людей, ни скота; только одинъ позолоченный столбъ стоитъ возлѣ юрты. И спрашиваетъ сынъ у отца:

— Скажи, отецъ, что̀ это такое?

— Здѣсь живетъ богатырь, отвѣчаетъ отецъ.

— Какже этотъ богатырь живетъ, когда у него никого нѣтъ, ни людей, ни скота?

— Когда открылись горы, земля и небо, тогда открылся и Мѣдный богатырь, который живетъ здѣсь. Я прежде имѣлъ съ нимъ дружбу; теперь поѣдемъ, сынъ, къ нему повидаться.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать у него, отецъ?

— Повидаемся и поѣдемъ назадъ.

— А гдѣ же звѣри и птицы, о которыхъ ты сказывалъ?

— Подъ желѣзной горой стоитъ тайга — черный лѣсъ; тамъ есть разные птицы и звѣри.

— Хорошо, отецъ, поѣдемъ туда.

Доѣхали они до Мѣднаго богатыря, привязали богатырскихъ лошадей къ золоченому столбу и пошли въ юрту. Въ этой юртѣ лежалъ богатырь на кровати, съ такими большими глазами, что страшно было и смотрѣть на него. Бѣлый ханъ, войдя въ юрту, сказалъ богатырю:

— Ну, другъ, я обѣщалъ тебѣ отдать сына съ пятьюдесятью богатырями; изъ пятидесяти у меня осталось только двое. Вотъ возьми всѣхъ троихъ.

Сказавъ это, Бѣлый ханъ повернулся и вышелъ вонъ изъ юрты. Сынъ бросился за нимъ, но не могъ отворить дверей, заплакалъ и закричалъ:

— Отецъ, зачѣмъ ты оставилъ меня здѣсь?

Отецъ ничего не отвѣчалъ ему на это, сѣлъ на своего богатырскаго коня и уѣхалъ.

— Не плачь! вскричалъ на мальчика Мѣдный богатырь. — Голосъ его загремѣлъ, какъ громъ; мать-сыра-земля затряслась, и море взволновалось отъ звука.

Сколько времени ѣхалъ Бѣлый ханъ впередъ, столько же и назадъ, и прошло снова семь лѣтъ, пока пріѣхалъ домой.

Не доѣзжая до дома, конь присталъ и самъ тоже, и едва дотащились. Поднялся на послѣднюю гору, увидѣлъ свою землю, сталъ спускаться съ горы, и встрѣтили его свои люди :

— Ахъ , батюшка нашъ Бѣлый ханъ! давно мы тебя не видали! теперь только ты ѣдешь!

Доѣхалъ до дому, встрѣчаетъ его ханша и спрашиваетъ :

— Гдѣ оставилъ ты сына нашего Бѣлаго сокольчика?

— Остался сынъ, отвѣчаетъ мужъ : — пріѣдетъ завтра.

И начала она своего хана подчивать, подчивала много, переночевали ночь; а сына нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Гдѣ же у тебя сынъ?

— Я отдалъ его Мѣдному богатырю съ двумя богатырями.

— Зачѣмъ же ты отдалъ его?

И горько заплакала мать о сынѣ.

Много ли, мало ли прошло времени, и видятъ люди Бѣлаго хана , что ѣдутъ два богатыря. Вышелъ самъ Бѣлый ханъ изъ юрты , смотритъ на высокія горы и видитъ : точно ѣдутъ два богатыря.

— Дома ли Алла-Картыга — Бѣлый сокольчикъ — и богатырскій конь его въ рукахъ ли? взревѣли богатыри съ горы.

— Сына нѣтъ дома, отвѣчалъ имъ отецъ.

Тогда прискакали они съ горы и начали все забирать.

— Оставьте , ребята , не троньте насъ : у насъ съ вами до сихъ поръ не было ссоры, просила ихъ ханша.

Не слушая просьбы , они взяли Ах-Хана съ женою , съ народомъ и скотомъ и погнали ихъ въ свою сторону. Прогнали черезъ три земли до своей земли и къ народу прибавили народъ, а къ скоту прибавили скотъ и стали жить по-прежнему. А были эти богатыри два родные брата : *Айтемусъ* — Мѣсяцъ-богатырь, и *Куйтемусъ* — Солнце-богатырь , оба на рыжихъ коняхъ, или *свѣтлый мѣсяцъ* и *ясное солнце*.

Много ли , мало ли прошло времени , Бѣлый ханъ съ женою ревѣли день и ночь и не могли унять ихъ. Видя, что ихъ нельзя унять, братья-богатыри выкопали яму въ семь саженъ глубиною, посадили ихъ туда съ хлѣбомъ и закрыли сверху, оставивъ только отверстіе, чтобъ они не задохлись; тогда не стало слышно ихъ крика.

Прошло нѣсколько лѣтъ и пронесся слухъ по землѣ, что будетъ всѣмъ кончина и никого не останется на свѣтѣ въ-жи-

выхъ. Собирали Айтемусъ и Куйтемусъ народъ и разспрашивали. Народъ отвѣчалъ:

— Есть объ этомъ слухъ въ народѣ, и видно, правда, что будетъ кончина. Слышно, что есть земля, гдѣ мѣсяцъ и солнышко закатываются; тамъ, далеко, шибко далеко, у моря *Далый* (61) и желѣзной горы, живетъ Мѣдный богатырь. У Мѣднаго богатыря есть семь собакъ на желѣзныхъ цѣпяхъ. Когда онѣ вырвутся, разъ залаютъ и завоютъ, тогда будетъ всѣмъ кончина: и людямъ, и звѣрямъ, и птицамъ. (62)

— Поэтому точно такъ будетъ, если о томъ идетъ молва, говорилъ большой братъ, Айтемусъ, меньшому брату: — такъ вмѣсто того, чтобы лежать, поѣдемъ къ моему другу богатырю. Онъ живетъ отсюда черезъ три земли.

Встали и поѣхали къ нему. Ѣхали много ли, мало ли и пріѣхали. Нашли его дома; а звали этого богатыря *Катонжула Калтыратъ тогъ* — Мухортый богатырь на мухортомъ конѣ.

Накормилъ ихъ Катонжула, попоилъ, почивалъ и сталъ спрашивать:

— Куда вы поѣхали?

— Къ тебѣ, братъ. Слышалъ ли ты, что будетъ всѣмъ кончина?

— А какже слышалъ. И у насъ то же говоритъ народъ. И заплакалъ Мухортый богатырь. Все добро, говоритъ, теперь у насъ даромъ останется, пропадетъ, и некому будетъ имъ пользоваться. (63)

Начали они толковать о всеобщей кончинѣ и сталъ Мухортый богатырь совѣтовать:

— Что же, братцы, поѣдемъ мы черезъ двѣ земли! тамъ живутъ два брата; надобно ихъ спросить.

— Какже зовутъ этихъ братьевъ?

— Старшаго зовутъ *Кулаты Кулатъ тогъ* — Саврасый богатырь на саврасомъ конѣ, а меньшаго — *Джалаты Кугетъ тогъ* — Пламя-богатырь на сивомъ конѣ. Этотъ Пламя-богатырь все знаетъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Поѣдемъ и спросимъ его.

Согласились богатыри ѣхать, вмѣсто того, чтобъ даромъ лежать въ юртѣ; осѣдлали лошадей и поѣхали всѣ трое: Айтемусъ, Куйтемусъ и Катонжула.

Проѣхали двѣ земли и видятъ, много скота и народа у двухъ братьевъ богатырей Кулаты и Джалаты и у каждаго изъ нихъ своя юрта. Подъѣхали къ юртамъ, привязали лошадей къ золотому столбу и вошли въ юрту меньшаго брата, Пламени.

Пламя посадилъ ихъ на кошму, накормилъ, напоилъ и сталъ спрашивать:

— Куда же вы трое поѣхали?

— Къ твоей милости, братецъ!

При этихъ словахъ три богатыря соскочили съ кошмы на ноги и поклонились ему.

— Ты, говорятъ, все знаешь, чтó на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. А если все знаешь и видишь, то скажи и намъ, чтó знаешь и чтò видишь?

— А чтó вы тамъ слышали? громко заревѣлъ богатырь-Пламя.

— Да слышали, говорятъ, что будетъ всеобщая кончина. (64)

— Можетъ ли это быть? возразилъ Пламя. — Слышно будетъ объ этомъ, да не теперь. Есть Мѣдный богатырь на морѣ, гдѣ солнце и мѣсяцъ закатываются. Есть у него семь собакъ; когда онѣ вырвутся, тогда будетъ кончина. А зачѣмъ и кàкъ онѣ вырвутся, пока онъ живъ? Иное дѣло, когда его не будетъ на свѣтѣ, тогда это можетъ статься; но ктожъ его погубитъ? онъ сильный, могучій богатырь, и никто погубить его не можетъ.

Пламя разсердился и выскочилъ изъ юрты на улицу, выскочилъ и смотритъ кругомъ, гдѣ чтò дѣлается; а зналъ онъ языки всѣхъ звѣрей и всѣхъ птицъ. И видитъ онъ, и птицы, и звѣри плачутъ. Тогда повѣрилъ Пламя и подумалъ: «видно, въ-самомъ-дѣлѣ, будетъ кончина». Постоялъ и самъ заплакалъ.

Тогда выскочили къ нему на улицу четыре богатыря и стали спрашивать:

— Чтóжь, Пламя, ты видѣлъ и слышалъ?

— А чтóжь, братцы, видно намъ, въ-самомъ-дѣлѣ, будетъ кончина!

Повернулся богатырь-Пламя, вскочилъ въ юрту, взялъ позолоченный ящикъ о шести замкахъ и шести ключахъ, отворилъ его и выскочили оттуда два сокола. Выскочили и спрашиваютъ:

— Чтò прикажешь, богатырь-Пламя?

— Подымайтесь на небо; посмотрите, чтò тамъ дѣлается и скажите мнѣ.

Соколы поднялись прямо вверхъ, какъ изъ трубы, и стрѣлою улетѣли въ небо. Тогда взялъ Пламя черный сундукъ и отворилъ его: изъ сундука выползли синій змѣй и щука.

— Чтò прикажешь, богатырь-Пламя? спрашивали они.

— Ты, змѣй, иди подъ землю; узнай, что тамъ дѣлается и скажи мнѣ; а ты, щука, иди въ море; узнай, чтò тамъ происходитъ и скажи мнѣ.

Змѣй исчезъ въ землю, какъ стрѣла, а щука уползла по сухому пути до моря и уплыла въ море. За ними выскочилъ изъ сундука горностай.

— Чтò прикажешь, богатырь-Пламя?

— Ты, горностай ступай въ гору; узнай, чтò тамъ дѣлается и скажи мнѣ.

Горностай побѣжалъ въ гору.

Распустилъ всѣхъ, и теперь надобно ожидать, когда всѣ соберутся.

И сидятъ всѣ пять богатырей и ждутъ.

— Ну, говорятъ два брата Айтемусъ и Куйтемусъ: — теперь станемъ всѣ гулять.

— Нѣтъ, говоритъ Пламя: — не время теперь еще гулять: подождемъ, чтò скажутъ посланные.

Но богатыри его не послушали, схватили подъ руки, стали пить айранъ и его поить. Пили они цѣлый день, крѣпко напились и къ вечеру свалились съ ногъ (65); а Пламя пилъ очень мало, все ходилъ онъ цѣлый день, ходилъ и ночь въ печали. Ляжетъ спать — и не спится, опять встанетъ, ходитъ и не спитъ. Проходилъ онъ всю ночь, утромъ — чуть свѣтъ, слышитъ крылья шумятъ; видитъ, соколы летятъ; прилетѣли и сѣли возлѣ него.

— Чтò вы, сокольчики мои, видѣли? спрашиваетъ Пламя.

—Да чтó видѣли! отвѣчаютъ они. — Будетъ теперь всѣмъ

намъ кончина. Мы долетали до бога Кудая и онъ о насъ тужитъ: ходу, говоритъ, теперь намъ не будетъ; — кончина! ([66])

Вылѣзъ змѣй изъ земли, вышла щука изъ моря, горностай прибѣжалъ изъ горъ: плачутъ всѣ и всѣ говорятъ то же самое. Змѣй слышалъ въ землѣ отъ сатаны *Ильхана* (эрликъ хана), щука отъ водяпаго бога *Сугезе*, а горностай отъ лѣснаго *Тагейзе*, что всѣ плачутъ и ждутъ кончины. ([67])

Когда разсвѣтало, проснулись богатыри, и братья Айтемусъ и Куйтемусъ стали снова спрашивать Пламя:

— Чтóжь ты тамъ, Пламя, слышалъ и видѣлъ, скажи?

Пламя отвѣчалъ, что будетъ кончина и не жить больше на свѣтѣ.

— Такъ чтóжь? возразили они. — Мы опять будемъ пить и пьяные не услышимъ, какъ придетъ смерть *(улежъ)*. ([63])

Схватили опять подъ руки *Пламя*, утащили въ юрту и стали пить айранъ; съ утра до вечера сидѣли, пили и къ вечеру опять упали всѣ пьяные, а *Пламя* снова пилъ не много и снова остался трезвый. Ляжетъ онъ спать — съ печали не спится; сядетъ — и не сидится ему, вскочитъ на ноги, все ходитъ да смотритъ: плачутъ всѣ, и звѣри, и птицы, и люди. Передъ свѣтомъ, чуть стало зориться, слышитъ Пламя, гдѣ-то крылья шумятъ, словно птицы летятъ. Видитъ онъ, летятъ два черные ворона — *кускуна*, летятъ высоко, высоко. ([68]) Поднялъ Пламя голову кверху и взревѣлъ къ нимъ ярымъ голосомъ:

— Воротитесь ко мнѣ, черные вóроны?

Они услышали голосъ его, прилетѣли и сѣли оба на позолоченный столбъ.

— Чтò вы, черные вòроны, знаете? куда полетѣли?

— Да куда! Мы вездѣ летаемъ и питаемся по міру.

— Гдѣ же вы живете и на какомъ мѣстѣ держитесь?

— Живемъ мы далеко отсюда, гдѣ солнце и мѣсяцъ закатываются. Тамъ есть широкое море и гора съ небесами ровна. На желѣзной горѣ тамъ растутъ семь желѣзныхъ высокихъ лиственицъ. Подъ самое небо онѣ выросли и уперлись въ него вершинами; на этихъ-то лиственицахъ мы свили гнѣздо свое и живемъ тамъ.

— Если вы тамъ живете, то видѣли ли Мѣднаго богатыря, который живетъ возлѣ моря, подъ желѣзнымъ хребтомъ?

— Какже не видать, какже не знать! мы тамъ выросли и коротко его знаемъ.

— Знаете ли семь собакъ его сѣрыхъ на желѣзныхъ цѣпяхъ? скоро ли онѣ сорвутся съ цѣпей и побѣгутъ?

— Какже не видать, какже не знать! мы видѣли ихъ и знаемъ.

— Побѣжали онѣ что ли? Говорите, что̀ видѣли?

— А видѣли мы и знаемъ: когда Мѣдный богатырь кончится, тогда побѣгутъ и семь собакъ. Былъ у него, давнымъ-давно, какой-то *Бѣлый ханъ* съ сыномъ своимъ *Сокольчикомъ*. Отецъ оставилъ сына у Мѣднаго богатыря, а самъ далъ тягу. И боролся Сокольчикъ съ Мѣднымъ богатыремъ тридцать лѣтъ, боролся и наконецъ поборолъ и убилъ Мѣднаго богатыря. Тогда сорвались собаки съ желѣзныхъ цѣпей; но Сокольчикъноймалъ ихъ однимъ размахомъ руки за семь цѣпей, какъ одну собаку, — поймалъ, надѣлъ на всѣхъ мѣдные оброти (намордники), чтобъ онѣ не лаяли, и привязалъ къ торокамъ своимъ. Мы сами все видѣли это. И видѣли мы, какъ богатырскій конь его стоялъ тридцать лѣтъ привязанъ у столба и до половины боковъ ушелъ въ землю. Мы сами все видѣли это, и полетѣли сюда.

Выслушавъ ихъ, Пламя началъ смотрѣть вокругъ и слышитъ: люди, птицы и звѣри перестали плакать и стало все тихо по-прежнему и по-старому.

«Видно, правду сказали мнѣ вороны», подумалъ онъ. А вороны полетѣли въ свой дальній путь.

Стало свѣтать; проснулись и пьяные богатыри, вышли на улицу и стали спрашивать, что̀ Пламя видѣлъ, что̀ Пламя слышалъ?

— Да видѣлъ и слышалъ много, отвѣчаетъ Пламя. — Но молитесь прежде Кудаю за Бѣлаго Сокольчика; онъ насъ всѣхъ выручилъ.

И разсказалъ имъ все, что̀ говорили во̀роны.

Тогда Айтемусъ и Куйтемусъ горько заплакали.

— Избѣжали мы одной смерти; а теперь отъ Бѣлаго Сокольчика живы не останемся: найдемъ другую смерть.

— О чемъ же вы плачете? Вамъ надобно теперь радоваться.

— Да какже намъ не плакать? Мы взяли въ плѣнъ его отца, мать и весь народъ и угнали къ себѣ домой. Какъ прі-

ѣдетъ Сокольчикъ домой и увидитъ, что тамъ никого нѣтъ, неужели оставитъ насъ въ покоѣ и проститъ за это?

— О чемъ же вы плачете? Вѣдь онъ не вовсе собака или какой-нибудь дуракъ! Вамъ только надобно найти добраго богатыря на добромъ конѣ, сейчасъ отправить его, чтобъ онъ взялъ отъ васъ отца и мать Сокольчика, народъ, скотъ и все его имущество и поскорѣе представилъ домой на свое мѣсто. Сокольчикъ далеко теперь и ранѣе семи лѣтъ не успѣетъ возвратиться домой; а вы до тѣхъ поръ успѣете отдать все, что́ у него отняли.

— Но мы не знаемъ, что́ сдѣлалось съ отцомъ и матерью Сокольчика, живы ли они. Мы посадили ихъ въ землю.

— Ну что́ же дѣлать! Если они умерли, тогда скажете, что были стары, срокъ пришелъ и померли сами; а если они живы, то поскорѣе отправьте со всѣмъ, что́ у нихъ есть, велите гнать изо всѣхъ силъ. Пусть какъ прежде жили, такъ и теперь, чтобъ все было у нихъ по-старому. (69)

Тогда нарядили добраго богатыря на добромъ конѣ и послали, чтобъ онъ исполнилъ все, какъ сказано.

— А вамъ теперь надобно ѣхать къ Сокольчику навстрѣчу и взять съ собою разнаго кушанья: тридцать лѣтъ онъ не ѣлъ и не пилъ и, должно-быть, очень голоденъ. Поѣдете и смотрите кругомъ съ высокихъ горъ: гдѣ увидите его, спѣшите къ нему, кланяйтесь и подчивайте. Такъ училъ Пламя Айтемуса и Куйтемуса.

— Мы хоть и поѣдемъ, отвѣчали оба брата: — но все это будетъ по пустому. Намъ ничего не сговорить съ нимъ, мы не умѣемъ говорить, мы такъ боимся Сокольчика, что передъ нимъ и рта не разинемъ. Поѣдемъ, Пламя, вмѣстѣ съ нами, что́ ты будешь говорить Сокольчику, то послѣ тебя и намъ легко переговаривать.

— Хорошо, отвѣчалъ Пламя: — если такъ, то всѣ поѣдемъ

И поѣхали пять богатырей навстрѣчу Сокольчику, каждаго кушанья навьючили на пять лошадей.

Ѣхали годъ ли, полтора ли и болѣе, все смотрѣли съ высокихъ хребтовъ, что́ видно впереди. Вотъ и видятъ они съ одной высокой горы, что лежитъ позади той горы гладкая и широкая степь, а за степью другой горы не видно. И видятъ они, ѣдетъ Сокольчикъ среди степи. Спустились съ горы, со-

шли съ лошадей и пошли пѣшкомъ встрѣчать его, идутъ и все кланяются.

За полверсты увидѣлъ ихъ Бѣлый Сокольчикъ и вскричалъ громкимъ голосомъ:

— Думалъ я, что не увижу бѣлаго свѣта; а теперь остался живой и васъ вижу.

Горько заплакалъ и слезы, какъ ключъ, потекли изъ глазъ. Слѣзъ съ коня и пришелъ къ нимъ со слезами пѣшкомъ, обнялъ съ плачемъ каждаго обѣнми руками, проплакался хорошенько, и тогда стали его подчивать разными кушаньями и разговорились между собой.

— Откуда вы, братцы, ѣдете и какъ узнали обо мнѣ? спрашивалъ Сокольчикъ.

— Да слышали же не отъ людей, а отъ черныхъ вороновъ, что ты остался живой отъ невѣрныхъ силъ, отвѣчалъ Пламя.

И спрашивалъ Сокольчикъ по порядку всѣхъ богатырей:

— Какъ тебя зовутъ и какъ тебя зовутъ?

— Меня зовутъ Пламя-богатырь на сивомъ конѣ.

— А я Саврасый богатырь, братъ его, на саврасомъ конѣ.

— А я Мухортый богатырь на мухортомъ конѣ.

— А я Мѣсяцъ-богатырь, на рыжемъ конѣ.

— А я Солнце-богатырь, братъ его, и тоже на рыжемъ конѣ.

— А знаете ли, какъ меня зовутъ? Я Бѣлый Сокольчикъ на бѣло-голубомъ конѣ.

— Какже, мы знаемъ тебя и отца твоего.

— А слышали, что меня отецъ отдалъ невѣрной силѣ?

— Да, слыхали.

— А живы ли мой отецъ и мать? они были очень стары.

— Какже, живы остались, отвѣчалъ Пламя. — Безъ тебя, какъ безъ хозяина, чтобъ другіе не угнали ихъ къ себѣ, вотъ эти два брата: Солнце и Мѣсяцъ, взяли и пригнали ихъ къ себѣ *на сохраненіе*, а какъ узнали, что ты остался живъ, отправили ихъ обратно (70). Теперь они должны быть дома. А скажи, Сокольчикъ, зачѣмъ ты ведешь съ собой этихъ семь собакъ?

— А вотъ зачѣмъ: кто ихъ держитъ, тотъ старъ не будетъ и не умретъ; для этого и я ихъ не убилъ на мѣстѣ, а повелъ съ собой. Но какъ вы встрѣтили меня, поподчивали и

сдѣлали добро; то и я заплачу вамъ такимъ же добромъ: подарю каждому изъ васъ по собакѣ и будемъ жить какъ шесть братьевъ, не состарѣемся и не умремъ. (71)

Пять богатырей не отвѣчали на это ничего. Сокольчикъ привязалъ къ сѣдѣльнымъ торокамъ каждаго богатыря по одной собакѣ, а двухъ оставилъ себѣ и сказалъ:

— Не кормите и не поите ихъ: онѣ ничего не ѣдятъ и не пьютъ; а только прикрѣпите хорошенько, чтобы не убѣжали. Если же убѣгутъ, дойдутъ до своего мѣста, гдѣ взяты, снимутъ мѣдные намордники, разъ взлаютъ и разъ взвоютъ (72), тогда будетъ всѣмъ кончина. Слышали ли вы объ этомъ? Смотрите же, прикрѣпите хорошенько.

Тогда Сокольчикъ простился съ богатырями и разъѣхались всѣ по своимъ мѣстамъ.

Въ семь лѣтъ доѣхалъ онъ до своей земли, и видитъ съ высокой горы, какъ прежде жили, такъ и теперь живутъ. «Видно подумалъ онъ, исправно ихъ представили на мѣсто.»

Народъ увидѣлъ его на горѣ и со слезами старый и малый сбѣжались къ юртѣ. Отецъ и мать выбѣжали на улицу встрѣчать сына и оба были такъ стары, что чуть передвигали ноги. Всѣ обрадовались Сокольчику. Мать накормила и напоила его въ юртѣ, разспросила обо всемъ и долго плакала надъ роднымъ дитяткомъ. Сокольчикъ также плакалъ и все разсказалъ матери, какъ боролся тридцать лѣтъ съ Мѣднымъ богатыремъ, какъ не думалъ быть живымъ; но живой воротился къ ней.

Богатырскаго коня онъ отпустилъ въ поле, людямъ своимъ велѣлъ гулять.

— Гуляйте, говоритъ: — теперь семь дней и радуйтесь, что остались живы.

А самъ легъ спать. Семь сутокъ онъ спалъ и семь сутокъ гулялъ его народъ. (73)

Выспался, всталъ, вышелъ на улицу, свистнулъ богатырскимъ посвистомъ — прибѣжалъ богатырскій конь его; осѣдлалъ онъ коня, сѣлъ и поѣхалъ звѣровать въ горы и долы.

Съ утра ѣздилъ до ночи, каждую гору объѣхалъ, много убилъ сохатыхъ и разпаго звѣря, привезъ домой и раздѣлилъ всѣмъ.

— У кого, говоритъ: — нечего ѣсть, берите и ѣшьте; у кого лошади нѣтъ, ловите коней изъ моихъ табуновъ и ѣздите, а пѣшкомъ не ходите; у кого одежды нѣтъ, берите у меня и носите, а босикомъ и голые не ходите. (74)

Одѣлилъ и наградилъ всѣхъ.

И жилъ онъ много ли, мало ли времени, услышалъ, что пять собакъ, подаренныхъ богатырямъ, вырвались отъ нихъ и убѣжали. Тогда срядился Бѣлый Сокольчикъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Поѣхалъ сначала шагомъ, потому-что близъ народа нельзя пускать коня скокомъ: отъ скока коня народъ валится. Отъѣхавъ шагомъ нѣсколько верстъ, поѣхалъ скокомъ, стегнулъ коня до кости — девять земель проскакалъ и все еще удержать не могъ голубаго коня: какъ стрѣла летѣлъ конь его, и глазами не видно, и ушами не слышно. Проѣхалъ всѣ земли, какъ въ зыбкѣ (люлькѣ) качался, и всѣ моря колебались по дорогѣ. Доѣхалъ туда, гдѣ солнце и мѣсяцъ закатываются и жилъ Мѣдный богатырь; увидѣлъ съ горы, что тамъ все такъ же, какъ и прежде было, разрушенная юрта гніетъ, и никого нѣтъ. Смотритъ на другую сторону и видитъ съ другой горы, пять собакъ только теперь добѣгаютъ до мѣста; онъ поспѣлъ туда немного прежде ихъ. Тогда Сокольчикъ поскакалъ къ нимъ навстрѣчу и всѣхъ пять собакъ однимъ размахомъ руки схватилъ за цѣпи, какъ одну собаку, не далъ имъ вилять въ разныя стороны; а у этихъ собакъ языки были мѣдные, а когти желѣзныя. Намордники у всѣхъ оказались цѣлыми.

Схватилъ пять собакъ, привязалъ ихъ къ своимъ торокамъ и тѣмъ же слѣдомъ, которымъ бѣжали сюда собаки, поскакалъ Сокольчикъ къ пяти богатырямъ. Разсердившись, ударилъ коня плетью до кости—конь побѣжалъ сильнѣе прежняго и сколько проѣхалъ земель, самъ Сокольчикъ не знаетъ и сосчитать не могъ.

Прискакалъ къ богатырямъ и смотритъ съ горы: пять богатырей опять ходятъ вмѣстѣ, Пламя впереди ихъ.

Увидѣвъ Сокольчика, они съ поклономъ пошли къ нему навстрѣчу.

— Извини, говорятъ, Сокольчикъ, что мы не знали, какъ прикрѣпить собакъ, испугались и не помнимъ, какъ онѣ убѣжали.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Сокольчикъ: — что для васъ онѣ страшны. Ну, такъ ступайте же за мной: я прикрѣплю вамъ ихъ. Есть Золотая гора, въ ней, подъ утесомъ, есть двери.

Сказавъ это, онъ поѣхалъ съ ними къ Золотой горѣ, пріѣхалъ, отворилъ двери, какъ въ юрту, спряталъ туда собакъ, за золотыя же двери.

— Ну, теперь, говоритъ: — вы пріѣзжайте сюда по очереди, по одному черезъ годъ или черезъ два, и посматривайте, чтобы собаки не процарапали желѣзными когтями дверей.

— Гдѣ имъ теперь процарапать. Мы можемъ не только камнями завалить двери; мы можемъ цѣлый утесъ привалить къ нимъ и тогда намъ будетъ легко смотрѣть за ними.

Пламя просилъ Сокольчика зайти къ нему и поѣсть чего-нибудь.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Сокольчикъ: — мнѣ теперь не доѣды: въ три года я проскакалъ 12 земель, дома никого у меня нѣтъ, смотрѣть за хозяйствомъ некому, сберечь мое добро некому, что́ тамъ дѣлается, я не знаю; пріѣдетъ кто-нибуль и угонитъ всѣхъ людей и скотъ, а взыскать не съ кого. Я доѣду и безъ ѣды.

Сѣлъ и поскакалъ домой. Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхалъ, увидѣлъ съ горы, что все благополучно.

Пришелъ въ юрту, наѣлся, напился и легъ спать.

Выспался, вышелъ къ народу и не велѣлъ обижать другъ друга.

Черезъ нѣсколько лѣтъ слышитъ опять, что всѣ пять собакъ отъ богатырей снова убѣжали.

Разсердился, сѣлъ на коня и поскакалъ скорѣе прежняго.

Пріѣхалъ на то же мѣсто, гдѣ жилъ Мѣдный богатырь; смотритъ собакъ еще нѣтъ; глядитъ на другую гору и видитъ, снова пять собакъ выбѣгаютъ съ горы, откуда прежде выбѣгали. Выхватилъ *джидо* — копье, и *холышь* — саблю, отсѣкъ головы всѣмъ пяти собакамъ, какъ одной собакѣ.

— И безъ васъ, говоритъ: — я буду жить, если Кудай продлитъ мой вѣкъ.

Тогда разсердился на пять богатырей и поскакалъ къ нимъ.

— Они мнѣ, говоритъ: — не даютъ покоя, за мое добро платятъ зломъ.

Они услышали, что Сокольчикъ скачетъ къ нимъ, напились отъ страху допьяна, такъ напились, что и говорить не

могутъ, только кланяются ему. Сокольчикъ прискакалъ, однимъ ударомъ отсѣкъ пять богатырскихъ головъ, какъ одну голову.

— И безъ васъ, говоритъ: — можно жить на свѣтѣ.

Тогда поскакалъ къ Золотой горѣ и видитъ, что ни одного богатырскаго слѣда къ ней не было: богатыри и не думали ходить туда; а собаки процарапали отверстіе въ золотой двери и всѣ убѣжали.

Не заѣзжая обратно къ богатырямъ, поскакалъ прямо домой, ѣхалъ долго ли, коротко ли, но доѣхалъ благополучно,— доѣхалъ и остальнымъ двумъ собакамъ отсѣкъ головы.

— И безъ васъ, говоритъ: — можно жить, если Кудай продлитъ вѣкъ мой.

И сталъ жить да поживать, живетъ и теперь здоровъ и благополучно, холостъ и не женатъ. Отецъ и мать также живутъ помаленьку. А сказывали, что послѣ Сокольчикъ женился, да я объ этомъ не слыхалъ.

Татарскій смыслъ этой поэмы, кромѣ ея аллегоріи, такой, что коварство рано или поздно обнаруживается и наказывается и что для человѣка лучше вѣрить въ Провидѣніе и надѣяться на его милосердіе, нежели на постороннюю помощь. Не заслуживаютъ ли подобныя поэмы уваженія по нравственной ихъ цѣли? Характеръ пьяныхъ богатырей обрисовываетъ характеръ хитраго минусинскаго Татарина настоящаго времени, который вполнѣ сознавая вину свою и видя, что плутни его уже открыты, не думаетъ болѣе оправдываться, а, выпивъ порядочную порцію айрана, чтобъ заглушить страхъ, безмолвно и низко кланяется, надѣясь поклономъ вымолить прощеніе.

ПОЭМА ПЯТАЯ.

КАРАКАНЪ ДЖЕЛУГЪ-ДАЛЕЙ.

Черный ханъ на тепломъ морѣ.

Жилъ да былъ *Черный ханъ*–*Караканъ* возлѣ Теплаго моря, и было ему 60, а старой женѣ его 50 лѣтъ; дѣтей у нихъ не было.

Когда онъ былъ молодъ, тогда былъ сильнымъ, могучимъ богатыремъ и не было другаго богатыря на всемъ бѣломъ свѣтѣ равнаго ему силою; всѣ его знали, и слава о немъ далеко гремѣла въ народѣ.

Но Черный ханъ состарѣлся; однакожь, и на старости лѣтъ, какъ молодой, ѣздилъ за промысломъ — дома сидѣть не любилъ. И сколько онъ за промысломъ ѣздилъ! пріѣхалъ однажды домой, переночевалъ, опять поѣхалъ, ѣздилъ цѣлый день и никто ему не попалъ, ни птица, ни звѣрь; никого не убилъ и къ вечеру возвратился домой.

Когда онъ возвратился домой, старая жена начала ему выговаривать:

— Что ты ѣздишь попустому; никто тебѣ не попадаетъ и никого ты убить не можешь! Развѣ у тебя дома нечего пить и ѣсть?

Черный ханъ разсердился на это, сѣлъ на своего добраго коня и уѣхалъ опять на промыселъ.

Перевалилъ черезъ большой хребетъ и поѣхалъ большой степью; ѣдетъ степью и слышитъ, гдѣ-то птицы кричатъ въ воздухѣ. Онъ поѣхалъ на этотъ крикъ и слышитъ, говорятъ ему птицы:

— Не ты ли славный, могучій богатырь *Черный ханъ*, о которомъ идетъ молва отъ вѣка?

— Я самый! говоритъ Черный ханъ птицамъ.

Тогда двѣ птицы спустились на землю и онъ увидѣлъ, что это были два черные во́рона.

И стали говорить ему во́роны:

— Если это ты, *Черный ханъ*, то черезъ три земли отсюда живетъ *Алтынъ Канъ — Золотой ханъ*. Онъ зоветъ тебя къ себѣ въ гости и проситъ, чтобы ты непремѣнно пріѣхалъ. Золотой ханъ сказалъ намъ: «есть у меня дѣвица; отдаю ее замужъ и хочу, чтобъ Черный ханъ пріѣхалъ на свадьбу.» А дѣвицу зовутъ *Айарахъ — чистый мѣсяцъ*.

Черный ханъ отвѣчалъ на это:

— Тутъ нужно молодыхъ ребятъ, а не нашего брата старика.

— Нѣтъ, Черный ханъ, возразили во́роны: — тебя именно требуютъ и шибко зовутъ.

— Ну, хорошо, если требуютъ, такъ вотъ я сегодня поѣду домой, завтра соберусь и поѣду къ Золотому хану; а вы ступайте въ свое мѣсто, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что буду.

Разъѣхался тогда Черный ханъ съ черными вóронами; цѣлый день ѣздилъ онъ звѣровать — ничего не могъ найти. Пріѣхалъ домой, не сказалъ женѣ ни слова о томъ, чтò видѣлъ и слышалъ на степи. Переночевалъ ночь и сталъ снова собираться на промыселъ; а жена опять начала ворчать на него.

— Что ты повадился ѣздить на старости лѣтъ на охоту? Развѣ нечего тебѣ пить и ѣсть дома? Самъ ты видишь, что звѣря никакого нѣтъ, можетъ-быть, ты же давно перебилъ его; а все ѣздишь и ищешь то, чего нѣтъ. Сидѣлъ бы лучше дома.

Онъ ничего не сказалъ женѣ, молча вышелъ на улицу, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ.

И ѣдетъ онъ по той же стѣпи, по которой вчера ѣхалъ и гдѣ встрѣтились ему два черные вóрона. Ѣдетъ и видитъ, летятъ тѣ же черные вóроны и говорятъ ему:

— Золотой ханъ насъ послалъ звать тебя непремѣнно къ себѣ. Ты, вѣрно, не поѣхалъ бы, еслибъ не встрѣтилъ насъ; а теперь поѣдемъ вмѣстѣ.

— Не поѣду, отвѣчалъ Черный ханъ.

— Если не поѣдешь, то окаменѣешь здѣсь вмѣстѣ съ конемъ твоимъ, возразили вóроны.

— Какже я окаменѣю? Почему вы это знаете?

— Мы вѣрно знаемъ, что окаменѣешь, какъ камень.

Тогда онъ опять воротился домой, пріѣхалъ и разсказалъ старой женѣ своей, что по два дня онъ ѣздилъ за промысломъ и по два дня являлись къ нему вóроны, звали къ Золотому хану, или грозили, что онъ окаменѣетъ.

— Ужь лучше я окаменѣю дома, а не поѣду, добавилъ Черный ханъ.

— Отчего же тебѣ не ѣхать? возразила старая жена. — Къ Золотому хану ѣздятъ люди, а не скоты; ступай и ты, чѣмъ здѣсь понапрасну шататься на звѣриный промыселъ.

Тогда стала поить его айраномъ, пригласила стариковъ сосѣдей, чтобы уговорили мужа ѣхать къ Золотому хану и старики уговаривали.

Когда напоила мужа айраномъ до того, что онъ ничего не понималъ и не чувствовалъ, тогда снарядила его, посадила пьянаго на коня и отправила въ путь-дороженьку, куда глаза глядятъ.

Черный ханъ очувствовался и вытрезвился тогда, когда очень далеко отъѣхалъ отъ дома.

Очувствовавшись, остановилъ своего богатырскаго коня, вспомнилъ, что жена напоила его пьянымъ и сталъ думать:

«Почему же мнѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, не ѣхать къ Золотому хану, когда меня зовутъ и когда всѣ къ нему ѣдутъ?»

Повернулъ коня и поѣхалъ къ нему.

Когда онъ переѣхалъ три земли, поднялся на хребетъ, смотритъ, преширокая степь передъ нимъ разстилается, на этой степи лежитъ царство Золотаго хана, много у него народа и большой городъ.

Спустился Черный ханъ съ хребта и поѣхалъ въ городъ. Ѣдетъ и видитъ, множество богатырскихъ лошадей стоятъ у столбовъ.

И думаетъ онъ:

«Есть ли передъ юртой Золотаго хана у золотаго столба привязанъ къ золотому кольцу чей-нибудь богатырскій конь, то это долженъ быть конь жениха.»

Ѣдетъ и видитъ, что у золотаго столба къ золотому кольцу привязаны два богатырскихъ коня, рыжій и голубой.

«Куда же я своего коня привяжу?» думаетъ онъ.

Думалъ, думалъ, подъѣхалъ, слѣзъ съ своего каряго коня, привязалъ его къ тому же золотому столбу и за то же золотое кольцо.

Привязалъ и пошелъ въ юрту къ Золотому хану. Вошелъ и видитъ, полнехонька юрта богатырей, такъ-что и пройти трудно. Онъ пробрался впередъ, поздоровался съ хозяиномъ и сѣлъ впереди вмѣстѣ съ нимъ.

Золотой ханъ сталъ его подчивать, накормилъ, напоилъ и сталъ спрашивать:

— Что́ ты за человѣкъ?

— Черный ханъ.

— А! ты-то и есть самый Черный ханъ? Слыхалъ про тебя!

Тогда стали подносить Черному хану въ большой чашѣ зеленаго вина, подчуютъ и честятъ его.

Когда сказалъ Черный ханъ, кто онъ такой; тогда ботатыри стали другъ за другомъ говорить:

— Пойду я, посмотрю своего коня.

И другой тоже:

— Пойду я, посмотрю своего коня.

Итакъ всѣ вышли изъ юрты. Остались два богатыря, которые пріѣхали на рыжемъ и голубомъ коняхъ, привязанныхъ къ золотому столбу.

Тогда Черный ханъ сталъ ихъ спрашивать:

— Какіе вы люди? (75)

— Я *Ахмолотъ Агоетъ Тогъ* — Бѣлоукладный богатырь на бѣло-голубомъ конѣ, отвѣчалъ одинъ.

— Я *Канъ Мирrенъ Канъ Бозроетъ Тогъ* — Кровенецъ-богатырь на кровяно-рыжемъ конѣ, отвѣчалъ другой.

Послѣ этого Бѣлоукладный богатырь сталъ Золотаго хана спрашивать.

— Ну, на чтó ты насъ требовалъ? Отдаешь или нѣтъ свою дочь за меня?

— Неужели мнѣ на три части раздѣлить ее? отвѣчалъ Золотой ханъ. — Пойдемте на улицу; тамъ я вамъ разскажу.

И вышли всѣ они на улицу.

На улицѣ Золотой ханъ объявилъ гостямъ:

— По срединѣ этого моря лежитъ, на самомъ днѣ, бѣлый камень величиною съ коня. Кто этотъ камень достанетъ и принесетъ на берегъ, за того отдамъ дочь мою.

Тогда Бѣлый Укладъ богатырь сбросилъ свою хорошую шубу. надѣлъ худенькую шубенку, пошелъ въ море, дошелъ до бѣлаго камня, только съ мѣста пошевелилъ его, но не могъ поднять и нести, и вернулся назадъ.

Послѣ него отправился Кровенецъ-богатырь, надѣлъ худенькую шубенку, дошелъ до бѣлаго камня, взялъ, пронесъ его сажени двѣ и бросилъ, больше тащить не могъ, потомучто тяжелъ былъ бѣлый камень, и вернулся назадъ.

Золотой ханъ обратился къ Черному хану:

— Ну, Черный ханъ, большая слава шла о тебѣ по бѣлому свѣту; теперь твоя очередь итти за камнемъ. Иди-ка ты за нимъ.

— Попробую, отвѣчалъ Черный ханъ. Сила возьметъ — принесу; а не возьметъ такъ назадъ вернусь. Попытка не шутка, спросъ не бѣда.

Надѣлъ худенькую шубенку, пошелъ въ море, дошелъ до бѣлаго камня, взвалилъ его къ себѣ на плечо и понесъ. Но сколько онъ поднимаетъ камня, столько въ морѣ поднимается воды, сколько пронесетъ его впередъ, столько впередъ и прибавится воды, такъ-что гдѣ было сухо, тамъ стала затоплять вода и много затопила юртъ у Золотаго хана.

Золотой ханъ закричалъ Черному хану, чтобы онъ бросилъ камень, что онъ много погубилъ у него народа и скота, и вода все топитъ. Услышавъ этотъ крикъ, Черный ханъ бросилъ камень и вышелъ на берегъ.

— Ну, Черный ханъ, большая слава шла о тебѣ по бѣлому свѣту. Теперь я вѣрю, что ты сильный, могучій богатырь, сказалъ ему Золотой ханъ.

И было собрано у Золотаго хана сорокъ богатырей, и всѣ они стали дивиться и бояться храбрости Чернаго хана.

Послѣ того Золотой ханъ сказалъ:

— Ну, вотъ что́ я вамъ скажу: высоко подъ небесами стоитъ на воздухѣ золотое кольцо. Кто выстрѣлитъ изъ лука и попадетъ стрѣлой прямо въ колечко, а не мимо его, за того отдамъ и дочь мою.

Бѣлый Укладъ и Кровенецъ богатыри отозвались на это:

— Хотя мы не могли принести камня со дна моря, а въ золотое кольцо можемъ попасть.

Выстрѣлилъ Бѣлый Укладъ — задѣлъ кольцо съ боку и стрѣла пролетѣла мимо.

Выстрѣлилъ Кровеной богатырь — задѣлъ кольцо съ другаго боку и его стрѣла также пролетѣла мимо.

Тогда Черный ханъ натянулъ свой тугой лукъ, выстрѣлилъ и его стрѣла пролетѣла прямо въ средину кольца и не задѣла ни того, ни другаго края.

— Ну, Черный ханъ, сказалъ ему ханъ Золотой: — велика твоя слава и прошла далеко; но какъ здѣсь ты славенъ, такъ черезъ три земли отсюда славится *Дизъ Мики Дизъ Сороттоевъ* — Мѣдный богатырь на мѣдномъ соловомъ конѣ. Онъ такъ же знаменитъ силою и храбростью въ тѣхъ земляхъ, какъ ты въ нашихъ. Возьми полкъ народа, поѣзжай воевать съ нимъ и если ты побѣдишь его, тогда отдамъ за тебя и дочь мою. Поѣзжайте съ нимъ и вы, Бѣлый Укладъ и Кровенецъ богатыри; посмотримъ, кто изъ васъ будетъ смѣлѣе.

Бѣлый Укладъ и Кровенецъ отвѣчали на это:

— Пусть кто хочетъ, тотъ и ѣдетъ туда; а мы не только, чтобъ воевать съ Мѣднымъ богатыремъ, мы боимся одного слуха о немъ.

Оба богатыря сѣли на своихъ богатырскихъ коней и ускакали домой.

— Хороши ребята! молвилъ Золотой ханъ: — а еще жениться хотѣли! Ну, а ты, Черный ханъ, ка́къ думаешь? Согласенъ попробовать и помѣряться силой съ Мѣднымъ богатыремъ или нѣтъ?

— Что́жь дѣлать! отвѣчалъ Черный ханъ. — Если я началъ богатырствовать, такъ заодно поѣду воевать и съ нимъ, поѣду одинъ и никого мнѣ не надобно.

Сѣлъ на своего добраго коня, пустилъ во весь махъ по дорогѣ къ Мѣдному богатырю, проскакалъ одну землю, поднялся на хребетъ другой земли и видитъ, широкая стѣпь впереди разстилается и скачетъ по ней навстрѣчу къ нему не то человѣкъ, не то большая гора. Черный ханъ струсилъ и думаетъ:

«Ну, нечего дѣлать; теперь попался я, а вернуться нельзя — не ускачешь.»

И узналъ Черный ханъ, что навстрѣчу ѣдетъ Мѣдный богатырь, и снова думаетъ:

«Завѣдомо ѣхалъ я воевать съ тобой, а ты самъ летишь ко мнѣ навстрѣчу. Нечего дѣлать! дай хоть разъ выстрѣлю; а тамъ, что̀ будетъ, то будетъ.»

Черный ханъ натянулъ свой тугой лукъ, выстрѣлилъ: стрѣла ударила въ Мѣднаго богатыря, щелкнула словно въ камень и отскочила назадъ—не могла пробить богатыря. Когда стрѣла попала въ Мѣднаго богатыря, онъ разсердился, поскакалъ во всю прыть навстрѣчу къ Черному хану, схватилъ его въ одну руку вмѣстѣ съ конемъ, посадилъ ихъ въ свой *курлакъ* — колчанъ, въ который кладутъ стрѣлы, и поѣхалъ по той дорогѣ, по которой ѣхалъ Черный ханъ, къ Золотому хану.

Пустилъ во весь духъ своего богатырскаго коня, доскакалъ до Золотаго хана и закричалъ ему, какъ сильный громъ, такъ-что земля затряслась и Золотой ханъ испугался:

— Что ты, Золотой ханъ, только маешь людей и не отдаешь своей дочери замужъ? Возьми своего Чернаго хана и играй при мнѣ свадьбу.

Мѣдный богатырь вытащилъ при этомъ Чернаго хана изъ курлака и отдалъ его Золотому хану. Золотой ханъ отдалъ дочь свою за Чернаго хана и сталъ играть свадьбу при Мѣдномъ богатырѣ.

Свадьбу сыграли. Мѣдный богатырь сѣлъ на коня и ускакалъ въ свою землю; а Черный ханъ, женившись другой разъ, сталъ жить да поживать у Золотаго хана и домой ему ѣхать нельзя.

Черезъ годъ Кудай далъ ему мальчика — сына. Прожилъ Черный ханъ три года сряду и забылъ свою старую жену; а мальчикъ не ходитъ ни къ отцу, ни къ матери; все живетъ у Золотаго хана, который полюбилъ его, какъ родное дитя, поитъ, кормитъ и наблюдаетъ.

Черезъ три года стало сыну два года и сдѣлалъ ему дѣдушка лукъ и стрѣлы. Сталъ мальчишка на охоту ходить и пострѣливать маленькихъ птичекъ; потомъ на отцовскомъ конѣ сталъ ѣздить въ горы и назадъ для прогулки. Прошелъ еще годъ — минуло сыну три года.

Однажды утромъ онъ сѣлъ на отцовскаго коня и поднялся на высокій хребетъ; видитъ, за хребтомъ широкая степь разстилается. Посреди степи дымъ густой вьетъ столбомъ подъ самыя небеса и не видно, горитъ ли что такое, или что-нибудь иное тамъ дѣлается.

Мальчишка спустился съ хребта и поѣхалъ туда, гдѣ идетъ дымъ столбомъ; подъѣзжаетъ и видитъ слѣдъ: чей-то богатырскій конь ступилъ на камень и проступился одной ногой на печатную сажень. Изъ этого слѣда огонь и дымъ бьютъ столбомъ.

Мальчикъ поворотилъ коня, пріѣхалъ домой и разсказалъ отцу, что онъ видѣлъ слѣдъ коня, изъ-подъ котораго огонь и дымъ бьютъ столбомъ.

— Напрасно ты ѣздилъ въ эту сторону, куда и люди не ѣздятъ; тебѣ не слѣдуетъ смотрѣть такія вещи и ѣздить туда, отвѣчалъ ему отецъ и строго запретилъ подобныя поѣздки.

Но на другой день сынъ, не сказавъ ни слова, сѣлъ на своего богатырскаго коня и поѣхалъ опять на то же мѣсто; подъѣхалъ

и видитъ тамъ, гдѣ вчера горѣлъ огонь, онъ погасъ; а въ другомъ мѣстѣ, рядомъ съ прежнимъ, такой же конскій слѣдъ на камнѣ и изъ камня пышетъ огонь и клубитъ дымъ больше вчерашняго.

Привязавъ своего коня, мальчикъ сошелъ съ горы, спрятался за лѣсину и сталъ высматривать, кто такой здѣсь ѣздитъ и отчего огонь горитъ въ камнѣ. Ему послышалось, что кто-то ѣдетъ позади его; онъ оглянулся и видитъ, что къ нему ѣдетъ молодой парень семи лѣтъ на рыжемъ конѣ, а его коня въ поводу ведетъ. Молодой парень подъѣхалъ къ мальчику, сорвалъ прутъ съ дерева, началъ бить мальчика прутомъ, приговаривая:

— Кто женился на молодой женѣ, тому не надобно забывать своей земли, а ѣхать домой на свою землю. Не надобно дѣлать такъ, чтобы жить на чужой землѣ и забыть свой домъ.

Билъ, билъ, привязалъ мальчика въ торока къ его же коню и пустилъ домой, сказавъ ребенку:

— Если я еще пріѣду, а вы не уѣдете обратно домой, то прибью всѣхъ васъ.

Самъ уѣхалъ прочь; а мальчика богатырскій конь привезъ къ Черному хану, отцу его. Ребенокъ сидѣлъ въ торокахъ и горько плакалъ; отецъ и мать услышали плачъ, выбѣжали изъ юрты, отвязали сына и стали спрашивать:

— Кто и за что̀ его билъ? кто привязалъ его?

Мальчикъ разсказалъ все, какъ было дѣло, какъ молодой человѣкъ на рыжемъ конѣ сѣкъ его прутомъ, приговаривая: «кто взялъ молодую жену, тому надобно ѣхать домой, а не въ чужой землѣ жить», — не зная самъ куда домой и кому надобно ѣхать; но отецъ его спохватился и понялъ, въ чемъ дѣло.

— Да, надобно же, въ-самомъ дѣлѣ, ѣхать домой (76)! молвилъ Черный ханъ и началъ собираться. — Собравшись поѣхалъ домой съ женою и сыномъ. Тесть далъ ему приданое и людей для услуги.

Они проѣхали три земли. Сынишка Чернаго хана ѣхалъ впередъ и видитъ небольшое озеро, по озеру плаваютъ три гуся; онъ сталъ прицѣливаться, чтобы убить гусей; но въ это время, съ другой стороны озера, молодой парень на рыжемъ конѣ выстрѣлилъ прежде его и одной стрѣлой убилъ

всѣхъ гусей, схватилъ ихъ и убѣжалъ. Сынишка разсердился, узнавъ его и говоря:

— Ну, счастье твое, что я еще малъ. Будь я побольше, и я не далъ бы тебѣ этого сдѣлать.

Погнался за молодымъ парнемъ на рыжемъ конѣ; гонится за нимъ — догнать не можетъ и отстать не можетъ, кричитъ:

— Отдай гусей; мои гуси!

Поднялся на большой хребетъ и видитъ: за хребтомъ большая степь разстилается возлѣ моря. На этой степи владѣніе отца его, Чернаго хана: народъ, скотъ и юрты; и видитъ: молодой парень поспѣлъ въ юрту раньше его, доѣхалъ, привязалъ своего рыжаго потнаго коня къ богатырскому столбу у юрты, и узналъ мальчишка, что эта юрта отца его, Чернаго хана.

Спустился мальчишка въ степь, пріѣхалъ къ юртѣ, привязалъ къ тому же столбу своего коня и самъ пошелъ въ юрту. Вошелъ и видитъ: старуха, первая жена Чернаго хана, сидитъ въ юртѣ и молодой парень тутъ же и ѣстъ возлѣ нея.

Молодой парень посадилъ мальчика возлѣ себя.

— Ну, говоритъ, братишка: — гдѣ же твой отецъ остался?

— Ѣдетъ позади.

— Ты мнѣ родной братъ. Не тебя ли я сѣкъ прутомъ подъ горой у лѣсины?

— Меня.

— А видѣлъ ты конскій слѣдъ на камнѣ и камень огнемъ горѣлъ?

— Видѣлъ.

— Это слѣдъ моего рыжаго бѣгуна.

Старая жена Чернаго хана послѣ отъѣзда мужа осталась беременною и родила ему сына, котораго и назвала *Канъ Акколышъ Канъ Бозроетъ Тогъ* — Кровяная сабля на рыжемъ кровяномъ конѣ.

Меньшаго брата теперь назвали: *Ай Толый Канъ Бозроетъ Тогъ* — Полный мѣсяцъ на рыжемъ конѣ.

Пріѣхалъ домой и Черный ханъ. Молодой женѣ поставили другую, новую богатырскую юрту, возлѣ юрты старой жены, — и поселились они вмѣстѣ на житье, только въ разныхъ юртахъ.

Старая жена приняла другаго сына, какъ своего роднаго дѣтища, полюбила его и онъ не выходилъ изъ ея юрты; а Черный ханъ обрадовался, что у него есть другой сынъ отъ старой жены, и другъ друга ничѣмъ не упрекали.

Ночь переночевали, утромъ встали, срядились, и оба брата поѣхали на промыселъ.

Большой братъ сталъ говорить малому:

— На концѣ этого моря, гдѣ оно вышло, есть черный Таскылъ. Теперь мы съ тобой разъѣдемся, поѣдемъ туда и тамъ опять съѣдемся. Кто пріѣдетъ раньше, долженъ ждать цѣлый день брата и не уѣзжать.

Тогда они разъѣхались: одинъ поѣхалъ по этой, другой по той сторонѣ моря.

Старшій братъ въ тотъ же день доѣхалъ до чернаго Таскыла, переночевалъ и сталъ дожидать меньшаго брата. Прошелъ день, а брата нѣтъ; смотритъ и нигдѣ его не видно; сталъ ночь ждать, брата все нѣтъ; прождалъ до полудня и подумалъ, не уѣхалъ ли братъ его домой, сѣлъ на коня и поскакалъ домой.

Пріѣхалъ домой и сталъ спрашивать, не вернулся ли меньшой братъ.

— Нѣтъ, отвѣчали ему: — съ тѣхъ поръ не бывалъ, какъ ускакалъ съ тобой.

Отецъ и мать, разспросивъ его, стали выговаривать:

— Гдѣ потерялъ ты меньшаго брата?

Заплакалъ старшій братъ и поѣхалъ искать его той же дорогой; ѣдетъ и видитъ слѣды: гдѣ была птица убита, гдѣ былъ звѣрь застрѣленъ.

Не доѣхавъ немного до чернаго Таскыла, видитъ слѣдъ, какъ богатырскій конь его брата повернулся на заднихъ ногахъ и всборонилъ землю и видитъ слѣдъ другаго богатырскаго коня, и оба слѣда пошли прочь отъ моря; а настрѣленные птицы и звѣри, брошенные, лежатъ на мѣстѣ.

Старшій братъ догадался, что какой-то сильный, могучій богатырь увелъ брата, и поѣхалъ онъ по этому слѣду.

Поднялся на хребетъ, видитъ широкую степь и на этой степи дорога взрыта, какъ-будто много богатырскихъ коней пробѣжало по ней.

Спустился съ хребта и смотритъ: въ-самомъ-дѣлѣ, много конскихъ копытъ прошло по степи, тогда-какъ сначала былъ только одинъ слѣдъ. Поѣхалъ онъ по этимъ слѣдамъ дальше по горамъ и лугамъ и видитъ, сороки, вороны летаютъ и много побитыхъ людей лежитъ по степи.

Доѣдетъ, посмотритъ, не братъ ли его лежитъ: нѣтъ! лежитъ другой человѣкъ, и лежатъ они кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ головы, кто разсѣченъ пополамъ съ конемъ.

Нѣсколько мѣстъ проскакалъ онъ далѣе, поднялся на высокій хребетъ и видитъ: за хребтомъ лежитъ широкая степь. На той степи много богатырей борются и дерутся; а по срединѣ ихъ меньшой братъ его и всѣ они принимаются за его брата. Тогда стегнулъ онъ до кости богатырскаго коня, закричалъ брату:

— Оставь, братъ, хоть одного на мою долю!

И поскакалъ къ нему. Но пока онъ ѣхалъ, пока пріѣхалъ, братъ его перебилъ всѣхъ богатырей — ни одного не оставилъ.

— Отчего ты мнѣ не оставилъ ни одного богатыря? сталъ онъ спрашивать меньшаго брата.

— А кто зналъ, что ты пріѣдешь! отвѣчалъ меньшой братъ.

— Какіе же это люди и какіе богатыри? спросилъ старшій.

— А есть идолъ о тридцати головахъ; у него тридцать сыновей. Этихъ сыновей я всѣхъ перебилъ за то, что они увезли меня отъ моря. Сначала взялъ коня моего за поводъ одинъ самый большой братъ, сильный, могучій богатырь, и увелъ сюда; а на степи встрѣтили остальные.

Оба брата послѣ этого воротились домой и пріѣхали благополучно.

Переночевавъ, старшій братъ сталъ снова сряжаться и говорить меньшому брату:

— Ну, братъ ты мой любезный, оставайся хозяйничать дома; а я поѣду черезъ шесть земель; тамъ живетъ сильный, могучій Мѣдный богатырь, который отца нашего посадилъ въ курлакъ вмѣстѣ съ конемъ. Съ этимъ богатыремъ я хочу помѣряться силой.

— Ну, чтожь! говоритъ меньшой братъ: — съѣзди и помѣряйся съ нимъ силой.

Старшій братъ срядился, сѣлъ на своего добраго коня и пустилъ его махомъ, какъ изъ лука стрѣла, черезъ шесть зе-

мель скакалъ безъ устали, только мать-сыра-земля тряслась, море колыхалось; большія горы перескакивалъ, а малыя конь хвостомъ застилалъ. Не пыхнулъ богатырскій конь и удержать его не могъ. Доскакалъ онъ до владѣнія Мѣднаго богатыря, поднялся на высокій хребетъ и видитъ съ хребта: у юрты Мѣднаго богатыря, гдѣ онъ привязывалъ къ золотому столбу своего богатырскаго коня, коня его нѣтъ у столба.

Спустился съ хребта старшій братъ, подъѣхалъ къ юртѣ, привязалъ своего коня къ золотому столбу, а самъ вошелъ въ юрту, поздоровался съ женой Мѣднаго богатыря и узналъ, что хозяина нѣтъ дома.

Жена Мѣднаго богатыря начала его кормить и поить. Напоила, накормила, поднесла араки, и тогда Кровяная сабля разговорился съ ней.

— Куда уѣхалъ твой хозяинъ?

— Онъ уѣхалъ черезъ семь разныхъ земель. Посреди всего этого свѣта, на самой серединѣ его, есть земля и живетъ въ этой землѣ сильный, могучій богатырь *Буры Мергень Кара Буратъ Тогъ* — Сивый богатырь на сивомъ конѣ. Слава этого богатыря далеко прошла, и поѣхалъ мой мужъ къ нему побороться и попробовать его силу. (77)

Жена Мѣднаго богатыря, стала въ свою очередь, спрашивать гостя:

— Куда же тебя судьба несетъ?

И сталъ Кровяная сабля отвѣчать, что поѣхалъ сюда къ богатырю силу свою попробовать; но не успѣлъ онъ кончить рѣчи, какъ дверь отворилась, и, откуда ни взялась, въ юрту вошла красавица-дѣвица. Тогда онъ перемѣнилъ свою рѣчь и сталъ говорить, что есть у него меньшой братъ — *Полный мѣсяцъ*, и онъ пріѣхалъ сватать за него эту дѣвицу.

А была это дочь Мѣднаго богатыря. Когда Кровяная сабля сказалъ эти слова, жена Мѣднаго богатыря отвѣчала:

— За когожь отдать, какъ не за васъ! Но жаль, что отца нѣтъ дома. Три года, какъ онъ уѣхалъ и не возвращался; не знаемъ, живъ онъ или нѣтъ.

А красавица-дѣвица, только-что вошла въ юрту, повернулась и вышла. Сидитъ Кровяная сабля въ юртѣ съ женою Мѣднаго богатыря; они пьютъ, разговариваютъ и слышатъ, что мать-сыра-земля затряслась. Вышли на улицу посмотрѣть,

что́ это значитъ, и видятъ, конь Мѣднаго богатыря скачетъ подъ сѣдломъ, а хозяина нѣтъ на немъ. Тогда жена его сказала Кровяной саблѣ:

— Съѣзди-ка ты, Кровяная сабля, посмотри и провѣдай, что́ съ нимъ случилось.

И думаетъ Кровяная сабла, ѣхать или нѣтъ. Вздумалъ и поѣхалъ тѣмъ слѣдомъ, которымъ бѣжалъ богатырскій конь. Проѣхалъ всѣ земли и видитъ только, что Сивый богатырь убилъ Мѣднаго богатыря и онъ, Кровяная сабля, чуть-чуть не захватилъ его въ-живыхъ. Пріѣхалъ на это мѣсто, видитъ, что Сиваго богатыря тутъ нѣтъ; смотритъ и видитъ, что скачетъ къ нему навстрѣчу какой-то человѣкъ, дождался его, и когда тотъ подъѣхалъ, онъ увидѣлъ, что подъѣхалъ *Ахтазъ Шабдыротъ Тогъ* — Плѣшивый богатырь на игренемъ конѣ. И сталъ у него спрашивать:

— Что́ ты за человѣкъ?

— Я служу Сивому богатырю.

— А кто убилъ здѣсь Мѣднаго богатыря?

— Да мы убили его съ Сивымъ богатыремъ. Онъ пріѣхалъ сюда попробовать съ нимъ силу. А ловко попадешься ты, и тебя убьемъ, и ты не уйдешь.

Тогда начали спорить и ссориться между собою, соскочили съ лошадей, ударили другъ друга по щекамъ ([78]) и стали бороться и дра̀ться.

Боролись до девяти дней — не могли сбросить другъ друга; черезъ девять дней Кровяная сабля поборолъ Плѣшиваго богатыря, сбросилъ на землю и убилъ.

Но только-что онъ убилъ его, прискакалъ Сивый богатырь, хотѣлъ схватить Плѣшиваго и отнять у Кровяной сабли, но не успѣлъ помочь, и Кровяная сабля, ударивъ о́-земь Плѣшиваго, прежде успѣлъ убить его.

Тогда Кровяная сабля сталъ бороться съ Сивымъ богатыремъ. Стали другъ друга побрасывать, мать-сыра-земля начала трястись, бѣлое море колебаться и стоячій лѣсъ сталъ колоться на пню отъ силы этого перебрасыванія. Если другъ друга хватятъ за руку, то кусокъ мяса выдерутъ. Такъ боролись они до девяти дней, но не могли ничего сдѣлать, и отъ девяти дней боролись три года. Черезъ три года Кровяная сабля свалилъ Сиваго богатыря и тутъ же убилъ его.

Убивъ богатыря, Кровяная сабля поѣхалъ въ его улусъ. У него былъ старый отецъ *Бороканъ* — Сивый ханъ, и старая мать *Моичкиндзе* (по-русски трудно перевести, но похоже на маленькіе шейные корольки).

Пріѣхавъ въ улусъ Сиваго богатыря, Кровяная сабля подъѣхалъ къ юртѣ его, привязалъ коня къ столбу и пошелъ въ юрту.

Навстрѣчу ему вышли отецъ и мать, стали кланяться въ ноги и просить слезно и усердно.

— Одинъ сынъ былъ у насъ и ты убилъ его, Кровяная сабля! Мы остались стары, бездѣтны и безпомощны. Оживи намъ его и отдай.

Собрался народъ и сталъ просить о томъ же.

«Оживить его или нѣтъ», подумалъ Кровяная сабля и рѣшился.

— Ну, говоритъ старикамъ и народу: — я могу оживить его, съ-тѣмъ, чтобы онъ былъ мнѣ всегда слугою и положу я знакъ на немъ.

— Пусть онъ будетъ твоимъ слугою, только былъ бы живымъ.

Кровяная сабля сѣлъ на коня и поѣхалъ оживлять Сиваго богатыря. У него была съ собою живая вода и мертвая. Онъ обмылъ его водою и налилъ въ ротъ; тогда Сивый богатырь ожилъ, сталъ лучше прежняго, поклонился въ ноги Кровяной саблѣ, поздоровался и поблагодарилъ.

Кровяная сабля велѣлъ ему встать прямо передъ собою, снялъ съ руки свой золотой перстень и положилъ на лбу Сиваго богатыря знакъ этимъ перстнемъ.

— Если тебя будутъ спрашивать, чей ты, скажи, что ты принадлежишь Кровяной саблѣ. (79)

— Лучше бы ты не оживлялъ меня, вмѣсто того, чтобы класть на мнѣ знакъ позора, отвѣчалъ Сивый богатырь, и горько заплакалъ.

— Когда ты мнѣ будешь очень нуженъ, тогда будь готовъ навсегда служить. И какъ я оживилъ тебя, такъ ты ступай теперь и оживи моего друга Мѣднаго богатыря, сказалъ Кровяная сабля и самъ поѣхалъ въ улусъ къ Сивому хану.

У Сиваго хана все было уже приготовлено на золотомъ столѣ: питья и закуски.

Въ то время, какъ Кровяная сабля входилъ въ юрту Сиваго хана, Сивый богатырь оживилъ Мѣднаго богатыря. Оба пріѣхали къ нимъ же, вошли въ юрту. Сталъ Мѣдный богатырь кланяться въ ноги Кровяной саблѣ и сказалъ ему:

— Ты оживилъ меня, Кровяная сабля. Я самъ за это отслужу тебѣ службу; но скажи, отъ кого ты узналъ, что я уѣхалъ сюда, и какъ нашелъ меня?

— Я пріѣхалъ къ тебѣ, отвѣчалъ Кровяная сабля: — сидѣлъ въ твоей юртѣ, разговаривалъ съ твоей женой, ѣлъ твою хлѣбъ-соль и спрашивалъ о тебѣ, какъ вдругъ прибѣжалъ твой богатырскій конь съ сѣдломъ безъ сѣдока и поѣхалъ я по слѣду узнавать, гдѣ ты остался и чтó съ тобою случилось. А пріѣхалъ я къ тебѣ посватать твою дочь за меньшаго моего брата.

Сивый ханъ очень сильно ихъ подчивалъ; долго они засидѣлись у него, наконецъ, переночевавъ, стали собираться.

— Услужилъ ты мнѣ, сказалъ Сивый богатырь Кровяной саблѣ: — долженъ и я отслужить тебѣ за это службу; постараюсь.

— Не оставляй меня въ нуждѣ, отвѣчалъ Кровяная сабля, сѣлъ на коней съ Мѣднымъ богатыремъ и поѣхалъ къ нему въ улусъ; а конь Мѣднаго богатыря воротился изъ дому вслѣдъ за Кровяной саблей.

Доѣхали до улуса Мѣднаго богатыря, привязали коней и вошли въ юрту. Жена Мѣднаго богатыря стала ихъ подчивать. Много ли, мало ли они выпили вина, сталъ Кровяная сабля сватать тогда дочь Мѣднаго богатыря за меньшаго своего брата.

— За когожь отдать, какъ не за васъ! отвѣчалъ Мѣдный богатырь. — Пусть пріѣдетъ меньшой твой братъ.

И положили они срокъ: черезъ девять дней пріѣхать ему къ Мѣдному богатырю. Тогда распростились. Кровяная сабля вышелъ, сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ домой посылать брата.

Доѣхалъ до дома, вошелъ въ юрту и видитъ, всѣ дома: отецъ, мать и меньшой братъ.

— Гдѣ ты былъ столько времени? стала спрашивать его мать.

— А былъ черезъ шесть земель, у Мѣднаго богатыря и высваталъ дочь за меньшаго брата; потомъ доѣзжалъ, черезъ семь земель, до Сиваго богатыря, съ которымъ воевалъ три года. Оттого я долго и замѣшкался, что ѣздилъ далеко.

Срядивъ меньшаго брата, отправилъ къ Мѣдному богатырю и наказалъ вернуться черезъ семь дней, когда будетъ благополученъ, а долго не мѣшкать.

Отправивъ брата, легъ спать, спалъ три дня и три ночи и ни разу не просыпался. Проснулся поутру, осѣдлалъ своего богатырскаго коня и поѣхалъ за промысломъ. Съ утра до вечера ѣздилъ, набилъ много птицъ и звѣрей, привезъ домой и сталъ подчивать свой народъ.

Черезъ семь дней пріѣхалъ и меньшой братъ его, вмѣстѣ съ невѣстой; ихъ провожали шесть мужчинъ и шесть женщинъ. Доѣхавъ до дому, поставилъ себѣ особую юрту и сталъ играть свадьбу. А свадьбу игралъ богатырь Полный мѣсяцъ на рыжемъ конѣ до девяти дней.

Черезъ девять дней, когда свадьбу отпраздновали, сталъ большой братъ говорить меньшому:

— Что мы будемъ дѣлать теперь? Поѣдемъ на три года: насъ люди не видали и мы людей не видали. Ты поѣзжай на восходъ солнца, а я поѣду на западъ и будемъ ѣздить, пока достанетъ конской силы, а черезъ три года вернемся и встрѣтимся дома. Кто изъ насъ пріѣдетъ прежде домой, долженъ ѣхать искать другаго брата и должно найти другъ друга. Я ли пріѣду прежде, поѣду тебя искать; если ты пріѣдешь прежде, то поѣдешь меня искать.

Согласились, потолковали, срядились и поѣхали: меньшой братъ поѣхалъ на востокъ, а большой на западъ. Разъѣхались, ударили своихъ добрыхъ коней и пустили ихъ въ-махъ. Мать-сыра-земля затряслась; изъ подъ-ногъ копоть, какъ туманъ, пошла по свѣту.

Кровяная сабля ѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ, проѣхалъ много земель, видѣлъ много разныхъ богатырей—никто не могъ побороть его и думалъ онъ:

«Неужели я не найду богатыря, равнаго себѣ по силамъ, съ которымъ бы я могъ побороться?»

Ѣхалъ онъ долго ли, коротко ли, сколько лѣтъ, не помнитъ, поднялся на большой хребетъ и видитъ за хребтомъ

земля сошлась съ небомъ, колышутся небо и земля: то небо поднимется, то опять сойдется, какъ-будто отворится и затворится дверь. И думаетъ онъ, стоя на хребтѣ:

«Ну, видно, дальше некуда ѣхать. Надобно вернуться. Три года давно, чай, прошли.»

Поворотивъ коня, поѣхалъ домой другой дорогой, для того, не попадетъ ли навстрѣчу сильный, могучій богатырь, съ которымъ можно бы помѣряться силой.

Нѣсколько времени онъ ѣхалъ, проѣхалъ горы и долы, поднялся на большой хребетъ, сосѣдній къ дому, и видитъ съ хребта, гдѣ были юрты отцовскія, все пусто, нѣтъ ни юртъ, ни народа, ни скота, — и видитъ, по другую сторону степи, на другой большой хребетъ поднялся меньшой братъ его и также ѣдетъ къ дому.

Спустились оба съ хребтовъ, съѣхались, поздоровались и сталъ меньшой братъ спрашивать большаго:

— Далеко ѣздилъ?

— А ѣздилъ я до того мѣста, гдѣ небо съ землей сошлось. А ты далеко ли ѣздилъ?

— И я доѣзжалъ до такого же мѣста, гдѣ небо и земля сошлись и дороги дальше не было. Вотъ мы ѣздимъ съ тобою по свѣту, ищемъ богатырей силами помѣряться; а безъ насъ, посмотри, богатыри къ намъ пришли въ гости, завоевали нашихъ отцовъ и угнали къ себѣ домой съ народомъ и скотомъ.

Оба брата ходятъ и смотрятъ, давно ли народъ угнанъ, и видятъ, прошло не больше двухъ дней (80), и тамъ, гдѣ были юрты, курятся еще огни. Тогда поднялись они на большой хребетъ и стали смотрѣть, въ которую сторону народъ уведенъ съ табунами и видятъ, что одинъ слѣдъ пошелъ на востокъ, другой на западъ; поровну разбиты народъ и табуны и уведены въ двѣ противныя стороны.

Тогда оба брата разъѣхались въ погоню за похитителями.

Меньшой братъ перескакалъ черезъ нѣсколько хребтовъ по слѣду, поднялся на большой хребетъ и видитъ степь, и по степи одинъ богатырь гонитъ народъ и табуны. Меньшой братъ закричалъ ему:

— Зачѣмъ ты гонишь чужой скотъ и народъ?

Богатырь не обернулся и не хотѣлъ даже отвѣчать ему.

Полный мпсяцъ, догнавъ его, ударилъ плетью по крыльцамъ. Богатырь обернулся и сказалъ:

— Когда хозяина нѣтъ дома, тогда скотъ его угоняютъ съ пустоплесья. Я нарочно пріѣзжалъ къ тебѣ помѣряться силой. Васъ два брата, и насъ два же брата. Твоего старшаго зовутъ Кровяной саблей, и моего старшаго также зовутъ *Кровяной саблей — Канъ Акколышь Канъ Бозроетъ Тогъ;* тебя зовутъ *Полнымъ мпсяцемъ*, а меня — *Кровяными брызгами на рыжемъ конп — Канъ Толый Канъ Бозроетъ Тогъ.*

— Отецъ твой и мать твоя не помогали мнѣ скотъ наживать, а ты смѣешь гнать его! отвѣчалъ Полный мѣсяцъ.

— Такъ и надобно; впередъ будешь сидѣть дома, отозвался богатырь Кровяныя брызги.

Полный мѣсяцъ разсердился на это и ударилъ его по щекѣ; тогда и Кровяныя брызги въ свою очередь разсердился и также ударилъ его по щекѣ.

Соскочили съ коней и стали бороться. Три раза вдругъ повернулись вокругъ и оборвали кушаки. Побѣжали къ лошадямъ своимъ, отвязали чумбуры, подпоясались ими.

Стали опять бороться — мать-сыра-земля погнулась, и боролись они три года.

Старшій братъ догналъ другаго богатыря со скотомъ, началъ съ нимъ бороться и боролись также три года, день и ночь, такъ-что мать-сыра-земля тряслась все это время.

Черезъ три года Полный мѣсяцъ сборолъ и бросилъ на землю Кровяныя брызги; въ то же время и старшій братъ Кровяная сабля сборолъ и бросилъ на землю своего противника; оба убили ихъ въ одно время и перебили ногой спины въ трехъ мѣстахъ.

Тогда оглянулся Полный мѣсяцъ, чтобъ посмотрѣть, куда ушелъ скотъ его, и видитъ, что скотъ давнымъ-давно ушелъ съ народомъ домой на свое мѣсто.

Сѣлъ на своего добраго коня, воротился домой, поднялся на большой хребетъ, послѣдній къ дому, и видитъ, что по другую сторону степи старшій братъ его также поднялся на хребетъ и спускается домой. И оба видятъ съ хребтовъ, что тамъ, гдѣ прежде жилъ ихъ отецъ съ семьей, народомъ и скотомъ, опять поставлены юрты и живутъ они по-старому, какъ жили прежде.

Спустились съ горъ, пріѣхали домой, вошли въ юрту, поздоровались, поѣли, легли оба вмѣстѣ спать и спали трои сутки, не просыпаясь ни разу.

Черезъ три дня проснулись оба брата и старшій сказалъ меньшому:

— Я слышалъ, что черезъ семь земель живетъ Царь-дѣвица. Думаю ѣхать къ ней и больше никуда не поѣду. Говорятъ, что эта Царь-дѣвица сильный и могучій богатырь. Она ѣздитъ въ повозкѣ о сорока колесахъ, запрягаетъ сорокъ вороныхъ богатырскихъ лошадей и когда ѣдетъ, мать-сыра-земля трясется и море волнуется. Сколько есть на свѣтѣ богатырей, всѣ въ плѣну у нея. Какъ ты, братъ, присовѣтуешь мнѣ — ѣхать или не ѣхать къ этой Царь-дѣвицѣ?

— Самъ ты знаешь. Ты старшій братъ и умнѣе меня.

— Поѣду!

Вышелъ на улицу старшій братъ, осѣдлалъ своего добраго коня и сказалъ меньшому:

— Ну, оставайся, братъ, домовничать и хозяйничать; далеко отъ дома никуда не уѣзжай, береги отца и мать и жди меня черезъ три года, — не ранѣе; а не буду черезъ три года, жди черезъ семь лѣтъ; а не буду черезъ семь лѣтъ, тогда поѣзжай отыскивать; значитъ, не будетъ меня въ-живыхъ на свѣтѣ.

Сѣлъ на своего добраго коня, стегнулъ плетью и поскакалъ черезъ горы и долы. Проскакалъ въ-махъ черезъ семь земель и добраго коня удержать не могъ. Смотритъ впередъ: передъ нимъ большой хребетъ, поднялся на него и видитъ: большая рѣка впала въ бѣлое море и возлѣ бѣлаго моря кочевье Царь-дѣвицы: много юртъ, народа и скота. Кругомъ царицыной юрты стоятъ шестьдесятъ богатырей на караулѣ, съ копьями и саблями; а повозки о сорока колесахъ и сорока вороныхъ лошадей нѣтъ возлѣ юрты; значитъ, дома нѣтъ Царь-дѣвицы.

Нашъ богатырь спустился съ хребта, привязалъ коня возлѣ юрты къ золотому столбу и пошелъ въ юрту; но шестьдесятъ богатырей сказали ему:

— У насъ безъ спроса не входятъ въ юрту.

— Какой же вы народъ! отвѣчалъ богатырь Кровяная сабля. — Неужели мнѣ ходить по улицѣ и ждать хозяина?

Онъ оттолкнулъ отъ юрты всѣхъ шестьдесятъ богатырей, которые близко подошли и хотѣли загородить ему дорогу, и, видя, что никто изъ нихъ не смѣетъ больше подойти, вошелъ въ юрту, вошелъ и видитъ — сидятъ въ юртѣ семь дѣвицъ и стоитъ золотая кровать.

Кровяная сабля поздоровался съ дѣвицами и сталъ садиться на золотую кровать; но дѣвицы сказали ему:

— Не садись, большой братъ, на золотую кровать.

— Для чегожь она сдѣлана, какъ не для того, чтобъ сидѣть на ней? спросилъ онъ и сѣлъ на нее. ([81])

Дѣвицы замолчали. Кровяная сабля сталъ разспрашивать:

— Чья эта юрта и чья земля въ этой сторонѣ?

Мы боимся и по имени назвать того, чья эта юрта и чья земля и никогда не называемъ, отвѣчали дѣвицы.

— Какой же это человѣкъ, что вы боитесь назвать по имени? Развѣ ханъ или дѣвка какая?

— Какъ ты смѣешь такъ называть, когда мы и назвать боимся по имени! и добавили, что точно такъ и зовутъ ее Царь-дѣвицей.

— Кудажь она уѣхала?

— Она уѣхала осматривать свои земли, плѣненныхъ богатырей и собирать ясакъ. Если гдѣ родится у богатыря сынъ или богатырскій конь, она беретъ ихъ себѣ и увозитъ домой.

— А давно ли уѣхала?

— Да въ прошломъ годѣ и ныньче ждемъ домой: пора ей скоро возвратиться.

Посидѣвъ немного въ юртѣ, онъ вышелъ на улицу и видитъ, мать-сыра-земля трясется, большіе таскылы покачиваются, море колышется, словно громъ гремитъ вдали, и видитъ, ѣдетъ Царь-дѣвица.

Тогда отвязалъ Кровяная сабля плеть отъ сѣдла богатырскаго коня своего, взялъ ее въ руку, спряталъ за пазуху, ушелъ обратно въ юрту, сѣлъ на золотомъ стулѣ и сталъ ждать Царь-дѣвицы.

Царь-дѣвица прискакала къ юртѣ и стала бранить своихъ богатырей:

— Чей конь у столба стоитъ, кого вы впустили въ юрту мою? А голосъ ея былъ словно громъ.

Пали на колѣни всѣ шестьдесятъ богатырей и отвѣчали:

— Мы не знаемъ, кто пріѣхалъ, привязалъ коня къ столбу, насъ прогналъ всѣхъ отъ юрты, самъ вошелъ въ нее и теперь тамъ сидитъ.

Царь-дѣвица вошла въ юрту, сѣла на свою золотую кровать, не смотритъ на Кровяную саблю и говоритъ:

— Чья эта собака сидитъ на золотомъ стулѣ? Идите, мои шестьдесятъ богатырей и выбросьте эту собаку изъ юрты.

— Эта собака твоя же, сидитъ и хочетъ тебя же кусать, сказалъ Кровяная сабля, вскочилъ со стула, схватилъ Царь-дѣвицу за волосы, потащилъ къ дверямъ, вынулъ плеть изъ-за пазухи и, когда Царь-дѣвица упала съ кровати, не далъ ей времени поправиться и на ноги встать, вытащилъ изъ юрты и принялся бить плетью. Бьетъ ее плетью до кости, кость до мозгу; бьетъ и тащитъ отъ юрты въ чистую степь, не даетъ ей отдыха.

Много онъ билъ ее, такъ-что Царь-дѣвица начала просить его:

— Будетъ, братъ, драться; отпусти, будемъ мириться.

— А ты сколько прибила богатырей на своемъ вѣку! Отпустила ли ты хоть одного изъ нихъ? Ты дѣвица и, рано ли, поздно ли, будешь женщиной; твое ли дѣло воевать съ богатырями и сколько ихъ плачется на тебя! Какже тебя отпустить? Тебя убить все равно, что́ убить птицу. (82)

И до тѣхъ поръ онъ билъ ее, пока изъ нея выбѣжала вся черная кровь и побѣжала красная. Богатырской силы въ ней нисколько не осталось; онъ всю ее выколотилъ; осталась только сила дѣвичья, осталось одно дыханье, а голоса не стало и была она безъ чувствъ. Тогда онъ потащилъ ее къ бѣлому морю, началъ мыть, вымылъ всю, вытеръ живой водой и далъ напиться этой воды. Она поправилась, раны зажили и стала лучше прежняго. (83)

Тогда вскричалъ отъ моря семи дѣвицамъ, чтобы принесли новое платье для Царь-дѣвицы. Когда платье было принесено и стали одѣвать ее, Кровяная сабля ушелъ въ юрту и сѣлъ опять на золотой стулъ.

Семь дѣвицъ одѣли и привели Царь-дѣвицу также въ юрту. Тогда стала она ставить разныя кушанья на золотой столъ,

стала подчивать богатыря, звать большимъ братомъ и разспрашивать:

— Скажись, кто ты, большой братъ?

— Я Кровяная сабля! отвѣчалъ онъ.

— Такъ ты-то и есть Кровяная сабля! Я слыхала о тебѣ, большой братъ!

— Думаешь ли ты, Царь-дѣвица, итти замужъ?

Царь-дѣвица ничего не отвѣчала на это, отворила золотой ящикъ, вынула изъ него листъ бумаги, величиною съ потникъ, стала читать, прочитала и отдала Кровяной саблѣ. ([28])

Кровяная сабля, въ свою очередь, сталъ читать бумагу, читаетъ и видитъ, что въ ней написано, что эта Царь-дѣвица ему суженая.

— Такъ что̀ же, сказалъ богатырь; — зачѣмъ дѣло стало?

Царь-дѣвица ничего не отвѣчала, вышла изъ юрты на улицу и сказала шестидесяти богатырямъ:

— Ей вы, шестьдесятъ моихъ богатырей! играйте свадьбу мою; я выхожу замужъ за богатыря Кровяную саблю.

Богатыри срядили свадьбу, стали играть ее и играли семь сутокъ.

Послѣ свадьбы Кровяная сабля сказалъ всѣмъ богатырямъ, которыхъ много было въ плѣну у Царь-дѣвицы:

— Ступайте домой, кто откуда пришелъ; вы мнѣ не нужны и я распускаю всѣхъ васъ.

Всѣ богатыри разъѣхались.

Кровяная сабля забралъ все, что̀ было у Царь-дѣвицы: имѣніе, скотъ и людей, повезъ и погналъ къ себѣ домой, взялъ жену и поѣхалъ съ ней верхомъ.

Долго ли, коротко ли они ѣхали, поднялись на большой хребетъ и видятъ, какъ остался жить меньшой братъ съ отцомъ и матерью, такъ и живутъ благополучно. ([84])

Спустились съ хребта, пріѣхали домой. Кровяная сабля поставилъ свою новую большую юрту, сталъ играть опять свадьбу и игралъ ее девять дней. Черезъ девять дней стали жить да быть и теперь живутъ всѣ вмѣстѣ, и богато и весело. ([85])

Послѣ этого старый Татаринъ Сюрей пѣлъ еще двѣ поэмы, одну подъ названіемъ: *Ай Какъ Оётъ Тогъ* — Мѣсяцъ и кукуш-

ка на голубомъ конѣ; но однѣ и тѣ же степи, одни и тѣ же хребты, обычаи, вѣрованья слышались въ этой поэмѣ, а потому я оставилъ ее безъ перевода.

Другую поэму пѣлъ онъ о рѣкѣ Абаканѣ, впадающей въ Енисей, изъ которой видно, что Абаканъ назывался въ-древности *Алаиртъ*, что на берегу его жилъ сильный, могучій богатырь *Аба-Канъ* — Медвѣжья кровь, или Медвѣдь-ханъ, который на богатырскомъ конѣ своемъ перескакивалъ рѣку съ берега на берегъ, не замочивъ копытъ коня и не спрашивая перевозовъ; что только однажды въ водополь, при широкомъ разливѣ рѣки, конь богатыря Абакана не могъ перепрыгнуть ее, сѣлъ задними ногами въ воду, и богатырь свалился. Въ память этаго происшествія *Алаиртъ* получилъ названіе *Абакана*.

Я полагаю, что приведенныхъ пяти поэмъ достаточно для того, чтобы ознакомиться съ поэзіею, нравами, понятіями, историческими и географическими познаніями и преданіями кочеваго Татарина минусинскихъ степей. А если къ этому прибавить описаніе шаманства его и древностей края съ его могилами, курганами и городками, надписями на утесахъ и могильныхъ камняхъ, древними вещами золотаго и желѣзнаго вѣка, находимыми въ нѣдрахъ земли, — то понятіе наше о народѣ будетъ, по-возможности, довольно полное. Я дополню только то, что всѣ переданныя мною поэмы не простыя сказки, но героическія народныя поэмы; что всѣ онѣ воспѣваются мѣрно, на извѣстные голоса, имѣютъ свой тактъ и размѣръ, хотя однообразный, но народный; бойкимъ поэтомъ могутъ быть переведены на русскій языкъ стихами, и если мы найдемъ къ нимъ ключъ, то можемъ даже опредѣлить мѣсто, гдѣ жили богатыри, куда они путешествовали, съ кѣмъ и гдѣ воевали. Тогда, можетъ-быть, будемъ въ-состояніи, пополнить наши познанія объ Азіятской Россіи и прежнихъ ея обитателяхъ, потому-что хотя въ этихъ поэмахъ много поэтическаго вымысла, какъ узоровъ на ткани, но разберите ткань и вы увидите ея основу, отдѣлите вымыселъ, и вы найдете въ разсказахъ историческую истину. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, я понимаю это дѣло.

Шаманство и древности я постараюсь изложить въ другихъ статьяхъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

---

(1) На берегу *бѣлаго* моря и проч. надобно понимать: на берегу *западнаго* моря жилъ да былъ *западный* ханъ. Не будетъ ли это западное море для минусинскихъ Татаръ Аральское? Если же мы, при опредѣленіи цвѣта морей, будемъ придерживаться буддійской космологіи и примемъ *бѣлое* море — *Цаганъ*, за восточное, *голубое* — *Индранила*, *Кукэ* за южное, *красное* — *Падмарага*, *Улаганъ* за западное, и *желтое* — *Карката*, *Шира Далай* за сѣверное: то не будемъ имѣть возможности опредѣлить положеніе чернаго моря.

(2) Выраженіе: *то ли они богатыри были, то ли нѣтъ?* взято буквально съ подлинника, и въ немъ, кромѣ вопроса, заключается недоумѣніе, потому-что всякій богатырь долженъ былъ имѣть непремѣнно имя; а безъ имени не могло быть и богатыря. Съ другой стороны, предводители пришедшаго войска должны быть богатырями, а не простыми людьми, слѣдовательно, и должны бы имѣть имена. Если же пришли люди безъ имени, то, значитъ, не богатыри. Но здѣсь снова рождается недоумѣніе: у богатыря, по татарскимъ понятіямъ и законамъ, и дѣти должны родиться богатырями; то на какомъ же основаніи два сына богатыря *Канъ Миргена* могли быть безъ имени, т.-е. простыми людьми, тогда-какъ третій, меньшой, имѣлъ имя? Татарская поэма предлагаетъ здѣсь загадку, неразрѣшимую для татарскаго ума, которую объясняютъ намъ, однакожь, другія поэмы.

(3) *Торока* — сумы у татарскихъ сѣделъ.

(4) Преждевременная возмужалость богатырей едва ли не доказываетъ происхожденія поэмъ изъ Индіи или вообще изъ южныхъ странъ, гдѣ люди мужаютъ ранѣе, нежели на сѣверѣ.

(5) Разумные люди и у татарскихъ богатырей имѣли свою цѣну.

(6) Значитъ, древніе шаманы имѣли не по одному бубну, и что бубенъ, одинъ изъ древнѣйшихъ инструментовъ, игралъ важную роль въ религіозной музыкѣ у всѣхъ народовъ Азіи. Кромѣ-того число девять имѣетъ особое значеніе и силу. Нѣкоторые дикари шаманскаго исповѣданія считаютъ девять небесъ, раскинутыхъ другъ надъ другомъ сводами, или шатрами. Девять покровителей *Сулдэ* — исполнителей небесной воли у Монголовъ; девять воеводъ Чингисхана и девять бунчуковъ его знамени. Девять звѣздъ, называемыхъ девятью бѣлыми старцами. Девять разнозвучныхъ мѣдныхъ тарелочекъ, укрѣпленныхъ въ стоячей рамѣ, въ три ряда, по три тарелки въ каждомъ ряду, составляютъ извѣстный инструментъ *дударма*, употребляемый при идолослуженіи въ ламайскихъ кумирняхъ, въ которые бьютъ деревянной искривленной палочкой — *дакюръ*, весьма вѣроятно, ведетъ свое происхожденіе отъ девяти шаманскихъ бубновъ. Въ 33 примѣчаніи мы увидимъ, какую роль играетъ число девять въ поэмахъ Татаръ.

(7) Въ этихъ словахъ видно чувство мести за насиліе, чувство оскорбленнаго самолюбія и прямой, короткій богатырскій разсчетъ.

(8) Слѣдовательно, татарскіе богатыри имѣли бороды; племена же монгольскія бо́льшею частію не отличаются изобиліемъ бородъ.

(9) Богатырскія лошади, такъ же, какъ и сами богатыри, являлись на свѣтъ особенно, не смѣшиваясь съ простыми существами.

(10) Эти глубоко пробитыя тропы, знакъ продолжительной и частой ѣзды по одной дорогѣ, можно видѣть въ Сибири. Мнѣ случалось встрѣчать въ горахъ Абакана и Енисея тропы болѣе полутора аршина глубиною.

(11) Слезы, по мнѣнію Татаръ, высшая степень чувствительности и скорби.

(12) Слово *полкъ* встрѣчается во всѣхъ поэмахъ: оно означаетъ не только военную дружину, но всю команду или народонаселеніе, принадлежавшее богатырю, и въ этомъ смыслѣ говорится: *полкъ народа*.

(13) *Ах-Канъ* жилъ на бѣломъ морѣ, а *Соръ-Канъ* — за бѣлымъ моремъ; но между ними было девять земель разстоянія. Эти *бѣлыя* моря нельзя считать однимъ моремъ; но изъ поэмъ видно, что ихъ было много, и что имя *бѣлое* было не собственное, но общее, и указывало только на страну свѣта, въ которой совершались подвиги богатырей.

(14) Предостереженіе противъ излишняго и часто вреднаго любопытства. Всѣ поэмы Татаръ имѣютъ нравственную цѣль и осуждаютъ пороки.

(15) Изъ этого видно, что шаманы не пользовались особеннымъ уваженіемъ, не имѣли никакой власти, наравнѣ съ другими подвергались казни, по волѣ богатырей, и употреблялись, въ-случаѣ надобности, какъ предсказатели для узнанія будущаго.

(16) Выраженія *заглянулъ* и *спросилъ* надобно понимать не буквально; а извѣстно, что шаманъ во время своего шаманства посѣщаетъ всѣ мѣста, разговариваетъ со всѣми умственно, сидя въ юртѣ, умственно достаетъ, отъ кого или откуда нужно, требуемую или просимую вещь,

которая, будто бы, является или осуществляется въ рукахъ его въ своемъ натуральномъ видѣ и передается просителямъ.

(17) Всѣ моря въ татарскихъ поэмахъ имѣютъ вершину, или истокъ и устье.

(18) Разсказы о сіяющихъ или свѣтящихся камняхъ можно услышать въ Сибири не отъ однихъ Татаръ, но и отъ русскихъ крестьянъ, которые убѣждены, что подобный камень нашедшему его приноситъ неизмѣнное счастье на всю жизнь и во всѣхъ дѣлахъ, какъ талисманъ. Владѣющему свѣтящимся камнемъ стóитъ только пожелать чего-нибудь, и всѣ желанія его немедленно исполняются, какъ говорится въ сказкахъ, по щучьему велѣнью, по моему прошенью. Камни эти, будто бы, попадаются счастливцамъ въ глухихъ лѣсахъ и трудно проходимыхъ болотахъ.

(19) *Кудай* — богъ минусинскихъ Татаръ, какъ Бурханъ у Монголовъ и Бурятъ, или, какъ называютъ его Татары, *святыя мощи*. Это выраженіе взято у буддистовъ. Въ моей монгольской миѳологіи я имѣю изображеніе хранителя *мощей Шакямуни;* но я не могъ дознать, какъ понимаютъ они это выраженіе.

(20) Выраженіе *ночью* указываетъ, что и въ-древности шаманство производилось ночью, а не днемъ, какъ это дѣлается и нынѣ у Татаръ. Изъ сравненія шаманскихъ обычаевъ древнихъ и настоящихъ мы увидимъ, что они передаются, почти не измѣняясь, изъ рода въ родъ.

(21) Праздность, значитъ, была высшею наградою за услугу и, какъ наслажденіе, высоко цѣнилась лежебоками.

(22) Это выраженіе показываетъ, что татарскія поэмы или преданія приписываютъ глубокую древность своему шаманству.

(23) Золото, серебро, мѣдь и желѣзо играютъ весьма важную роль въ поэмахъ Татаръ и вообще эти металлы пользуются особеннымъ уваженіемъ, особенно золото.

(24) Названіе *чистое золото* и *чистое серебро* означаетъ высшую степень красоты женщины, которую Татары не воспѣваютъ такъ великолѣпно, какъ наши сочинители, и вообще у первыхъ мало обращается вниманія на женщинъ, которыя являются на второмъ планѣ, подчиненными и услуживающими мужчинамъ, иногда интригующими, но всегда возбуждающими мало участія.

(25) Стыдливость признается добродѣтелью и украшеніемъ женщины у Татаръ.

(26) Обычай жить въ разныхъ юртахъ, по которому отецъ не можетъ проводить ночей подъ одною кровлею со взрослою, хотя и незамужнею дочерью, исполняется и нынѣ, какъ бы въ охрану дѣвической стыдливости.

(27) Черта гостепріимства выказывается и у Татаръ, и правило: напой, накорми, потомъ разспроси, мы находимъ во всѣхъ поэмахъ, и, дѣйствительно, прежде всего должно утолить голодъ и жажду проголодавшагося странника.

(28) Слово *чажинъ* правильнѣе перевести листъ бумаги. Это слово доказываетъ, что нѣкоторые богатыри были грамотные и умѣли читать; а если мы припомнимъ, что шаманы въ-древности имѣли богослужебныя книги, которыя, будто бы истреблены у нихъ Шакямуніемъ, основателемъ буддизма, и съ тѣхъ поръ шаманы остались безграмотными, то поэму эту надобно отнести къ глубокой древности. Въ татарскихъ поэмахъ говорится о бумагахъ значительной величины и замѣтно мнѣніе, что чѣмъ болѣе листъ бумаги, тѣмъ должно быть важнѣе написанное, чтò указываетъ нѣкоторымъ образомъ на обычаи Китая, которыхъ въ настоящее время придерживаются и западные Европейцы, печатая свои объявленія на огромныхъ листахъ. Далѣе мы находимъ, что въ подобныхъ бумагахъ всегда заключались предреченія, или предопредѣленія смертнымъ, которые должны были буквально исполнять написанное, такъ-что если бы какой-нибудь шарлатанъ написалъ, что такой-то богатырь женится на такой-то невѣстѣ, то можно быть увѣреннымъ, что этотъ богатырь, прочитая *чажинъ*, непремѣнно на ней женится, потому-что въ этомъ видѣли волю предопредѣленія, или судьбы, которую должно исполнить.

(29) Во всѣхъ поэмахъ мы находимъ, что свадьбы сопутствовались одними только пирами и играми, и нигдѣ не встрѣчаемъ никакихъ религіозныхъ обрядовъ; слѣдовательно, ихъ и не было. *Сдѣлать свадьбу* значило созвать гостей и задать пиръ на весь міръ, послѣ игръ и гулянья войти въ приготовленную юрту, гдѣ ожидала невѣста, и безъ церемоніи вступить въ права мужа, послѣ чего степь безусловно признавала, что богатырь женился.

(30) Большой *желѣзный домъ* — это адъ шамановъ и адъ буддистовъ; но разница между ними въ томъ, что шаманскій желѣзный адъ, о девяти углахъ, безъ дверей и оконъ, помѣщается на небѣ и раздувается сорока мѣхами, а у буддистовъ всѣ ады помѣщаются въ преисподней — *Таму* (темнота, тьма), или *Наракъ*, въ числѣ которыхъ пятая область первой части, или *горячаго ада (Халагунъ Таму)*, составляетъ желѣзный домъ, имѣющій двойную ограду, изъ которой существа, заключенныя въ эту область и подверженныя ужаснымъ мукамъ, не могутъ освободиться до истеченія положеннаго числа 8000 лѣтъ, въ которыхъ каждый день заключаетъ въ себѣ всю жизнь *Тегрісовъ,* извѣстныхъ подъ именемъ *Хубилганъ Дуръ Баясукчи* (см. Буддійскую космологію г. Ковалевскаго). Какъ шаманство древнѣе буддизма и буддійская религія многое приняла отъ шаманской, то и мысль о желѣзномъ домѣ, по мнѣнію моему, принадлежитъ шаманству и отъ него заимствована буддизмомъ, а не наоборотъ. Въ этой поэмѣ мы также видимъ, что своячина Бѣлаго Луня, *чистое серебро*, должна бы, если не прежде, то, по-крайней-мѣрѣ, наравнѣ съ нимъ, подвергнуться наказанію въ аду, потому-что она первая вызвала Луня на борьбу, однакожь, ее не взяли въ адъ; почему же? не доказываетъ ли это пренебреженія Татаръ и ихъ Кудая къ женщинѣ, какъ обыкновенной и уже извѣстной искусительницѣ, которую не стòитъ мучить и въ аду, какъ созданіе несовершенное, и что богатырь дол-

женъ быть умнѣе женщины и не поддаваться ея искушенію; а за то, что онъ поддался, Кудай и распорядился прожарить его въ желѣзномъ домѣ.

(31) Татары не описываютъ въ своихъ поэмахъ вида посланниковъ Кудая, или адскихъ стражей; но они должны быть такіе же, какъ *Эрлики* у буддистовъ.

(32) *Огнемъ берется* — подлинное, буквальное выраженіе поэмы. Его нельзя перевести словами накаливается или горитъ, потому-что желѣзо не горитъ, какъ дерево; а выраженіе *огнемъ берется* значитъ, что желѣзо такъ накалилось, что отъ него пышетъ пламенемъ.

(33) Число девять и здѣсь имѣетъ то же значеніе, какъ объяснено въ 6 прим. Девять дней въ девяти-угольномъ аду, девять дней пьянства при свадьбахъ, девять дней борьбы, по девяти богатырскихъ лошадей и девяти кольчугъ у сильныхъ богатырей, девять бѣлыхъ птичекъ, подругъ смерти, и проч.

(34) Изъ этого видно, что Кудай изображается старикомъ съ палкой.

(35) Лунь былъ наказанъ Кудаемъ за борьбу съ сестрою жены своей потому, что эта борьба съ дѣвицей, кромѣ-того, что она неприлична, могла, по мнѣнію Татаръ, разгорячить кровь и привести ихъ, какъ дикарей, къ дальнѣйшему нарушенію правъ и союза родственнаго, что̀ не одобряется Кудаемъ и въ предупрежденіе чего на будущее время онъ наказалъ Луня; а за воспоминаніе его о родителяхъ и желаніе увидѣться съ ними передъ смертью, что̀ доказывало дѣтскую любовь, Кудай простилъ грѣшника. Вотъ нравственный смыслъ поэмы.

(36) Конь богатыря — неразлучный спутникъ его за могилой, въ раю и въ аду, и оттого, послѣ смерти Татаръ, и понынѣ на могилѣ ихъ убиваютъ любимыхъ лошадей, съ тою мыслію, что онѣ будутъ служить имъ и въ будущей жизни.

(37) Обращеніе *камня въ лебедя* и принятіе на себя вообще разныхъ видовъ указываетъ на превращенія и переселенія душъ изъ одного существа въ другое. Мысль о происхожденіи человѣка отъ камня или земли, при содѣйствіи *Кудая*, древняя мысль. Изъ этихъ примѣчаній къ первой поэмѣ видны нѣкоторыя религіозныя понятія Татаръ и связь ихъ съ буддизмомъ, доказывающая, что вѣрованія и обычаи азіятскихъ народовъ заимствованы ими другъ отъ друга.

(38) Высокія горы вообще называются у Татаръ *таскылами*, а горы, постоянно покрытыя снѣгомъ — *Ах-таскылами* — бѣлыми горами. *Тайга* — дремучій лѣсъ, трущоба.

(39) Высокія горы раздѣляли владѣнія богатырей, какъ замѣчается во всѣхъ поэмахъ.

(40) Замѣчательно, что это выраженіе мы находимъ въ сказкахъ почти всѣхъ народовъ.

(41) Мысль о сростаніи и оживленіи человѣка встрѣчается въ описаніи буддійскихъ адовъ.

(42) Въ татарскихъ поэмахъ всѣ животныя разговариваютъ съ человѣкомъ.

(43) Вторая поэма доказываетъ, что Кудай наказываетъ человѣка за хвастовство, гордость и жестокость обращенія съ женою лишеніемъ его богатырскаго потомства.

(44) Татары не имѣютъ такого подробнаго распредѣленія цвѣтовъ и понятія о нихъ, какъ мы, и потому *Кокъ Канъ Кокъ Тылый* правильнѣе было бы перевести *голубой ханъ на голубомъ морѣ*, а придерживаясь моего замѣчанія — *восточный* ханъ на *восточномъ* морѣ; но я удержалъ собственныя слова толкователей, у которыхъ, между-прочимъ, и голубое небо называется синимъ, иногда сивымъ, потому-что эти цвѣта они смѣшиваютъ; а въ добавокъ лошади синей шерсти не бываютъ, а подобную масть мы называемъ мышиною или голубою.

(45) Молоко и нынѣ признается у Татаръ очистительнымъ средствомъ.

(46) *Чего видѣлъ и чего слышалъ* — подлинное выраженіе, вмѣсто что̀ видѣлъ и слышалъ.

(47) Поэма не объясняетъ, за что богатырь былъ подвергнутъ Кудаемъ такому наказанію; но сжиманіе человѣка между двухъ горъ также принадлежитъ къ адскимъ областямъ и у буддистовъ. Разница въ томъ, что у шаманцевъ сжимаютъ однажды, и сжатый поступаетъ на тотъ свѣтъ, гдѣ пользуется жизнію; а у буддистовъ въ третьей области первой части горячаго ада, низвергнутые туда попадаютъ между двухъ желѣзныхъ горъ, которыми сжимаются наподобіе перевесья у овцы; потомъ *Эрлики*, приведя грѣшника въ прежнее положеніе, опять возобновляютъ мученія. Такое наказаніе продолжается двѣ тысячи лѣтъ, въ которыхъ каждый день равняется цѣлой жизни *безбранныхъ Тегріевъ*, которыхъ одинъ день жизни состоитъ изъ двухсотъ нашихъ лѣтъ. (См. Буд. косм.)

(48) Это изложеніе неясно; но такъ оно выражено въ подлинникѣ.

(49) Перстни, какъ залогъ любви, водились и у древнихъ обитателей Сибири.

(50) Подобныя преданія, приписывающія силу вещи, сохраняются почти у всѣхъ народовъ. Это напоминаетъ о талисманахъ.

(51) Въ татарскихъ поэмахъ, какъ и въ нашихъ сказкахъ, богатыри растутъ не по днямъ, а по часамъ.

(52) Здѣсь видна заносчивость богатырей, и что, безъ позволенія старшихъ, младшіе не должны были входить къ нимъ въ юрту.

(53) Это нѣкоторымъ образомъ указываетъ, что богатыри не лично боролись въ-продолженіе стольких лѣтъ, но вели междоусобную войну. Принявъ это ратоборство въ послѣднемъ смыслѣ и сравнивая съ нѣкоторыми европейскими поэмами и сказками, мы найдемъ въ тѣхъ и другихъ много общаго и, между-прочимъ, преданіе о такихъ герояхъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было убить, какъ только поразить въ пяту или задушить на воздухѣ, приподнявъ отъ земли, и проч. Едва ли не всѣ эти преданія вышли изъ одного источника, изъ одной колыбели человѣчества. У Буддистовъ раненые въ голову *Тегріи*, или *Асуріи*, во время

междоусобнаго сраженія, лишаются жизни; но прочіе члены ихъ тѣла, хотя бы изрублены были, снова вылечиваются.

(54) Въ буддійской космологіи находимъ, что въ аду бѣсы, въ видѣ *лисицъ*, бѣгутъ впереди грѣшниковъ, оглушая воздухъ пронзительнымъ крикомъ. Если мы допустимъ, что такой же бѣсъ въ видѣ лисицы заманивалъ богатыря на тотъ свѣтъ, то это, значитъ, исполнилось по распоряженію Кудая, въ наказаніе за убійство Соловья-богатыря и нарушеніе предсказанія Кудая.

(55) Это намекаетъ на шарообразность земли, о которой Татары не имѣютъ, впрочемъ, понятія; а по понятіямъ буддистовъ земля состоитъ изъ обширной горизонтальной плоскости, въ срединѣ которой находится гора *Сумэру*, и около нея обращаются солнце, луна и звѣзды въ атмосферѣ, имѣющей сорокъ тысячъ миль высоты.

(56) Значитъ, месть за обиду возбуждается и за гробомъ.

(57) На томъ свѣтѣ у шаманцевъ есть моря, взаимныя войны и вторичная смерть.

(58) Изъ этого видно, что не однѣ лошади, но все то, что служило людямъ въ здѣшней жизни, не отказывается служить имъ и за могилой, и смерть не прекращаетъ ихъ вліянія на живыхъ существъ, отнимая только право являться въ нашъ міръ. Птица *Канкырикушь*, или *нога птица*, напоминаетъ птицу *Гаруду*, или *Гаруди*, у буддистовъ. Птицы съ желѣзными клёвами терзаютъ несчастныхъ грѣшниковъ въ аду въ лѣсу мечей. У нѣкоторыхъ Монголовъ и бурятъ шаманской вѣры въ образѣ птицы является злой духъ *Элье*, предвѣщая бѣдствія. У минусинскихъ Татаръ *маленькая златоголовая птичка* охраняетъ табуны. Нога птица есть въ сказкахъ и сибирскихъ крестьянъ; но я не могъ узнать подробностей объ этой птицѣ.

(59) Изъ этой поэмы видны, во-первыхъ, понятія Татаръ о жизни замогильной; во вторыхъ, что предреченія Кудая не во всѣхъ отношеніяхъ сбываются, — слѣдовательно, по понятіямъ Татаръ, онъ не всемогущъ.

(60) *Желѣзная гора* заимствована у буддистовъ, у которыхъ, при образованіи земли изъ моря во время бури, изъ верхнихъ волнъ произошла гора *Сумеру*, изъ среднихъ семь *золотыхъ горъ*, изъ послѣднихъ *одна желѣзная*, окружающая цвѣтное соленое море. Четырехугольная *золотая скала* (Алтанъ Хаданъ) находится въ двадцати миляхъ на сѣверъ отъ *Благовонной* горы и принадлежитъ *Асуріямъ*.

(61) *Далый, далей, далай* выговариваются различно, но вообще означаютъ по-русски *море*. Солнце и мѣсяцъ закатываются на западѣ; слѣдовательно, Мѣдный богатырь и Желѣзная гора были также на западѣ.

(62) Разсказъ о семи сѣрыхъ собакахъ на желѣзныхъ цѣпяхъ съ мѣдными языками и желѣзными когтями заимствованъ также отъ буддистовъ, у которыхъ собаки съ желѣзными зубьями терзаютъ остатки несчастныхъ грѣшниковъ въ адскомъ лѣсу мечей.

(63) Странный характеръ татарскихъ поэмъ. У нихъ богатыри не заботятся о жизни замогильной, раскаяніи и спасеніи души, а только о

сбереженіи вещественности, и этотъ характеръ внушенъ шаманствомъ и нынѣшнимъ поколѣніямъ, которыя вполнѣ вѣрятъ, что они и за могилой будутъ пользоваться тѣми благами, которыя доставляетъ вещественное богатство.

(64) Это подтверждаетъ пословицу, что *слухомъ земля полнится.*

(65) Здѣсь выказывается сильная наклонность Татаръ къ пьянству не только съ радости, но и съ горя.

(66) Эта поэма доказываетъ понятіе Татаръ о кончинѣ міра, и что она не зависитъ отъ Кудая; а есть существа могущественнѣе его, которыя распоряжаются судьбою міра; ему же приписываютъ только сострадание въ этомъ случаѣ о людяхъ.

(67) Въ статьѣ о шаманствѣ минусинскихъ Татаръ всѣ эти боги будутъ объясвены.

(68) Воронъ — *Кускунъ* — сопутствуетъ и принадлежитъ шаманамъ.

(69) Изъ этихъ словъ видно понятіе Татаръ о справедливости.

(70) Здѣсь проглядываетъ униженіе передъ сильнымъ, трусость, коварство и ложь, которыя составляютъ характеръ минусинскаго Татарина, и вообще всѣ поэмы весьма вѣрно очерчиваютъ понятія, нравы, обычаи и правила этого народа.

(71) Возмездіе и оцѣнка гостепріимства.

(72) У насъ простой народъ вѣритъ, что если воетъ собака, то непремѣнно предвѣщаетъ чью-нибудь гибель, и приговариваютъ, чтобъ она выла на *свою голову.*

(73) Надобно отмѣтить также сильную наклонность Татаръ къ гулянкѣ, праздности и безпечности.

(74) Это напоминаетъ, во-первыхъ, что Татары не любятъ ходить пѣшкомъ; а во-вторыхъ, понятіе буддистовъ о добродѣтеляхъ, ведущихъ ко спасенію.

(75) Подлинное выраженіе. Въ Сибири спрашиваютъ: кто ты такой? чей ты? чьихъ ты пишешься? чейчь вычь? какой ты эдакой? что́ ты за человѣкъ такой? и проч.

(76) Это обстоятельство показываетъ, что хотя многоженство допущено у минусинскихъ Татаръ шаманскаго закона, но не позволяется бросать роднаго кочевья, прежнихъ женъ и жить въ чужой землѣ.

(77) У буддистовъ посреди земли лежитъ гора *Сумеру.*

(78) Видно, что всегда такъ начиналось единоборство богатырей. Рыцари бросали другъ другу перчатки въ лице или къ ногамъ; а здѣсь, по неимѣнію, видно, перчатокъ, напрямикъ били по щекамъ.

(79) Богатыри имѣли понятіе о печатяхъ и носили перстни съ изображеніями.

(80) Татары и всѣ дикари Сибири по формѣ, величинѣ и свѣжести слѣда узнаютъ не только то животное, которому принадлежалъ слѣдъ, но и самое время, когда онъ проложенъ — вчера или нѣсколько дней назадъ. Они отыскиваютъ и узнаютъ слѣды даже въ травѣ, по разнымъ признакамъ, и тщательно изучаютъ это дѣло, имѣя необходимость отыскивать потерявшіеся табуны или звѣря на промыслѣ.

(81) Здѣсь выказывается столкновеніе обычаевъ, нравовъ и понятій невѣжественнаго дикаря съ образованностью.

(82) Татарскіе обычаи не допускаютъ, чтобъ дѣвицы богатырствовали и проливали кровь людей,

(83) Воинственность, по мнѣнію Татаръ, неприлична дѣвушкѣ, лишаетъ ее лучшаго украшенія — женственной красоты, и потому молодыя Татарки, воспитанныя въ правилахъ, изложенныхъ въ народныхъ поэмахъ, ведутъ себя скромно, не дерутся и даже не ссорятся, особенно съ мужчинами; а пятая поэма учитъ не браться не за свое дѣло и за то, что не слѣдуетъ дѣлать. потому-что женщина создана не для богатырства, а для тихой семейной жизни.

(84) Въ татарскихъ поэмахъ герои ихъ и семейства живутъ до скончанія вѣка благополучно и даже не умираютъ, потому-что Татары чрезвычайно боятся смерти не только за себя, но и за своихъ любимцевъ, и желали бы, чтобы всѣ они жили не умирая.

(85) Татары не любятъ дѣлиться, но живутъ вмѣстѣ семействами въ одномъ кочевьѣ, имѣя все общее.

Всѣ эти поэмы, кромѣ нравственнаго смысла, заключаютъ смыслъ иносказательный, и видно, что онѣ не принадлежатъ къ изобрѣтенію настоящаго Татарина, потому-что въ нихъ говорится о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ не имѣетъ нынѣ никакого понятія. Кромѣ-того, онѣ обдуманы и заимствованы изъ другихъ источниковъ, отъ другихъ народовъ и религіозныхъ ихъ понятій, — слѣдовательно, всего вѣроятнѣе, что, идя отъ глубокой древности и передаваясь изъ рода въ родъ, хотя исказились, но сохранились до нашего времени, удержавъ историческую основу свою.

КУРСЪ БУДДІЙСКАГО УЧЕНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ МОНГОЛЬСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга, которую я предлагаю вниманію читателей, въ подлинникѣ носитъ названіе: *устныя наставленія Маньджушрія.* Это названіе, какъ и многія другія названія буддійскихъ книгъ, не имѣетъ почти никакаго отношенія къ содержанію самой книги. Называя книгу свою этимъ именемъ, авторъ хотѣлъ, кажется, высказать только то, что онъ слѣдуетъ въ началахъ своего ученія знаменитому тибетскому буддисту Зункавѣ, почитаемому перерожденцемъ Маньджушрія. (¹) По содержанію своему эта книга есть руководство къ пути боди. А это значитъ то же, что *курсъ буддійскаго философско-аскетическаго ученія.*

Боди у брахмановъ означало и разумъ, и актъ держать свой

(¹) Маньджушри есть баснословное лице, почитаемое у буддистовъ покровителемъ мудрости и краснорѣчія. Имя *Маньджушри* санскритское; по переводу Монголовъ означаетъ *благозвучный.* Его изображаютъ буддисты держащимъ въ правой рукѣ обнаженный мечъ (мудрости), а въ лѣвой — голубой лотусъ, съ помѣщенною на немъ книжкою, или просто книжку, какъ изображенъ онъ на заглавномъ листѣ *устныхъ наставленій Маньджушрія.*

разумъ устремленнымъ къ познанію истиннаго Бога; у буддистовъ же, какъ замѣчаетъ Бюрнуфъ, боди (Bodhi) означаетъ вмѣстѣ и состояніе, и разумъ будды, что́, однакоже, сходится къ одному и тому же, потому-что состояніе, свойственное буддѣ, есть состояніе существа разумнаго и всезнающаго. (2)

Для поясненія этого опредѣленія должно присовокупить, что *будда*, по понятіямъ буддистовъ, есть такое существо, которое путемъ нравственныхъ и созерцательныхъ подвиговъ достигло свободы отъ закона перерожденій и слилось съ сущностію вещей, или съ отвлеченнымъ чистымъ бытіемъ. Это отвлеченное бытіе, называемое у буддистовъ *пустотою*, совпадаетъ съ представленіемъ новѣйшихъ нѣмецкихъ пантеистовъ о *чистомъ бытіи*.

Въ немъ отрицается все то, что́ составляетъ содержаніе въ представленіи дѣйствительнаго бытія, и потому чистое *бытіе*, или буддійская пустота, есть тоже, что́ *небытіе*, *ничто*. Оно, по словамъ буддистовъ, *ни есть, ни нѣтъ; ни одно, ни другое*. (3) *Каково ничто, таково истинное бытіе, а что̀ не таково, то глупость*. (4) *Истинная сущность есть «нѣтъ», и потому не подлежитъ исчисленію, какъ два, три и проч*. (5) Сливаясь съ этимъ бытіемъ, или превращаясь въ отвлеченное бытіе, будда дѣлается такимъ же, каково и отвлеченное бытіе: о немъ нельзя сказать ни «есть», ни «нѣтъ». Въ этомъ состояніи, по выраженію буддистовъ, онъ существуетъ по способу несуществованія. Въ то же время и разумъ его долженъ доходить до такого же состоянія: для него исчезаетъ все то, что́ мыслится въ дѣйствительномъ бытіи, и отождествляются всѣ противоположности въ мышленіи: единое и многое, *я* и *не я*, *есть* и *нѣтъ*. *Воистину пришедшіе* (т.-е. будды) *очами мудрости не видятъ ни одного предмета. Для истинно духовныхъ очей всѣ предметы представляются свѣтоносными, непредставимыми, совершенно чуждыми рожденія и уничтоженія*. (6) Словомъ, *будда*, какъ въ бытіи своемъ, такъ и въ

---

(2) Introduction à l'Histore du Buddhisme Indien, p. 295.

(3) Алтанъ гэрэлъ. 29.

(4) Найманъ Мингату. 11.

(5) Тамъ же. 408.

(6) Алтанъ гэрэлъ. 89.

своемъ сознаніи, дѣлается такимъ отвлеченіемъ, въ которомъ нѣтъ ничего, что бы могло быть мыслимо, и потому, по выраженію буддистовъ, послѣ того, какъ существо дѣлается буддою, нить рѣчи о немъ прерывается.

Между-тѣмъ, это состояніе, которое, по самому существу дѣла, ничѣмъ не можетъ быть опредѣлено, кромѣ отрицанія всего мыслимаго, есть послѣдняя, высшая цѣль стремленія буддистовъ, есть *боди*. Буддисты во всемъ мірѣ, не исключая и высшихъ областей его, гдѣ они помѣщаютъ небожителей и боговъ разныхъ народовъ и религій, видятъ вѣчныя страданія, отъ которыхъ можно освободиться, только достигнувъ этого, также безотраднаго, состоянія *боди*. Они сравниваютъ существованіе въ мірѣ съ тяжелымъ сновидѣніемъ, отъ котораго можно пробудиться только въ состояніи будды.

Но состояніе будды есть самая высшая цѣль стремленія буддистовъ; между-тѣмъ, по ихъ теоріи, пока человѣкъ достигнетъ этой цѣли, долженъ пройти много различныхъ умственныхъ и нравственныхъ состояній, въ которыхъ онъ, не усматривая еще послѣдней цѣли, стремится къ цѣлямъ ближайшимъ, служащимъ какъ бы ступенями для достиженія окончательнаго *боди*. Эти частныя цѣли также называются *боди*, и, такимъ-образомъ, прежде, нежели существо достигнетъ состоянія будды, оно послѣдовательно должно стремиться къ *боди*-шраваковъ, или слушателей, къ *боди*-пратіековъ и къ *боди*-бодисатвъ. Съ этой послѣдней ступени, на которой буддистъ исполняетъ во всей тонкости всѣ предписанія морали и доходитъ до высшихъ созерцаній, онъ переходитъ къ состоянію будды.

Послѣдовательнымъ путемъ практики и размышленій довести человѣка до высшаго умственнаго и моральнаго состоянія, или до состоянія бодисатвы, составляетъ задачу буддійскихъ сочиненій о пути къ *боди*. Такова задача и нашего автора. Для поясненія значенія этого ученія въ цѣлой массѣ буддійскихъ понятій, считаю нужнымъ высказать нѣсколько общихъ положеній о буддизмѣ.

Наблюдая буддизмъ въ его древнѣйшихъ памятникахъ, мы видимъ, что въ самомъ началѣ своемъ онъ былъ не болѣе, какъ философскою школою въ духѣ обыкновенныхъ индѣйскихъ школъ. Это было обыкновенное въ Индіи общество

нищенствующихъ аскетовъ, сосредоточенное около одного лица, которое оно признавало за своего учителя. Этотъ учитель былъ Шакія, происходившій изъ касты Кшатріевъ. То, что въ началѣ видимымъ образомъ отдѣлило учениковъ Шакія отъ послѣдователей другихъ школъ — это было строгое предписаніе его своимъ ученикамъ быть всегда опрятно, хотя и нищенски одѣтыми, въ однообразную желто-красную мантію, вопреки обыкновенію другихъ аскетовъ, старавшихся превзойти другъ друга въ неряшествѣ и разныхъ неблагопристойностяхъ. Въ то же время онъ обязалъ своихъ аскетовъ соблюдать множество внѣшнихъ правилъ, имѣвшихъ цѣлію сдѣлать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ людьми благопристойными и вмѣстѣ строгими аскетами: такихъ правилъ нынѣ насчитывается до трехсотъ-шестидесяти-четырехъ.

Со стороны теоретическихъ началъ его общество отличалось тѣмъ, что не признавало авторитета вѣдъ, очистительной силы брахманскихъ обрядовъ, а главное — не признавало ненарушимыхъ правъ кастъ. Шакія принималъ въ свое общество всѣхъ безъ различія, никому не отказывалъ въ ученіи и отдавалъ преимущество умственнымъ достоинствамъ и нравственнымъ заслугамъ. Это послѣднее начало, прямо противоположное вѣковымъ предразсудкамъ Индѣйцевъ, въ-послѣдствіи навлекло на его послѣдователей ужасныя гоненія и, истребивъ буддизмъ въ Индіи, способствовало его распространенію по всей Азіи.

Причина, почему общество буддистовъ получило иную судьбу въ-сравненіи съ другими индѣйскими школами, обыкновенно не переживавшими своего наставника, и сохранилось даже среди кровавыхъ гоненій, воздвигнутыхъ противъ него брахманами, заключалось въ особенномъ устройствѣ этого общества, болѣе правильномъ и твердомъ, чѣмъ всѣ другія индѣйскія аскетическія общества. Шакія не сосредоточилъ, подобно другимъ учителямъ, на себѣ одномъ всей связи своего общества, а далъ ему внутреннюю связь, усвоивъ право испытывать и принимать новыхъ членовъ, извергать виновныхъ цѣлому собранію аскетовъ. Кромѣ-того, онъ еще при жизни своей назначилъ имъ главу, своего преемника. Поэтому общество его получило самостоятельное единство и не разсыпалось по смерти своего основателя. Каждогодныя собранія

общества, на которыхъ обсуживались начала ученія и поведенія членовъ общества, а также и гоненія на это общество брахмановъ весьма способствовали къ укрѣпленію его организаціи.

Шакія былъ начальникъ и учитель своего общества аскетовъ. Со смертію его начальство перешло къ другому видимому главѣ; но учительство сдѣлалось правомъ всѣхъ его учениковъ, которые своимъ новымъ ученикамъ передавали ученіе своего перваго учителя Шакія. Еще при жизни Шакія новички поручались для наставленій старшимъ членамъ его общества; по смерти же его это сдѣлалось непремѣннымъ и необходимымъ правиломъ, строго соблюдающимся и нынѣ. Въ настоящее время право учить новичковъ получаетъ тотъ, кто провелъ десять лѣтъ въ званіи полнаго аскета; а это званіе дается обществомъ полныхъ аскетовъ по долговременномъ испытаніи. Такимъ-образомъ, по смерти Шакія старшіе члены общества заступили для новичковъ мѣсто своего учителя. Цѣлость преподаваемаго ими ученія поддерживалась собраніями аскетовъ и записями поученій Шакія.

Ближайшіе ученики Шакія, равно-какъ и ихъ ученики, были аскеты, дававшіе на всю жизнь обѣтъ безбрачія и нищенства; а потому ученіе Шакія сохранялось въ опредѣленныхъ рамкахъ общества аскетовъ. Но въ то же время буддійскіе учители, по примѣру и завѣщанію Шакія, должны были проповѣдывать первоначальныя положенія ученія и публично народу. Пріобрѣтая постепенно, такимъ-образомъ, поклонниковъ своего ученія изъ міряпъ, это общество аскетовъ мало-по-малу превратилось въ общество народныхъ учителей и потомъ въ жрецовъ. Первоначальное правило Шакія — не возставать прямо противъ общепринятыхъ вѣрованій, скоро обратилось въ правило потакать всѣмъ народнымъ повѣріямъ и предразсудкамъ. Такимъ-образомъ, принятъ былъ буддистами полный комплектъ индѣйскихъ боговъ, которыхъ, впрочемъ, они, примѣнительно къ началамъ своего ученія, низвели на степень обыкновенныхъ существъ, подчиненныхъ закону перерожденій, хотя и допустили всѣ тѣ понятія о ихъ силѣ и вліяніи, которымъ вѣрилъ народъ. За этимъ естественно послѣдовало установленіе обрядовъ, процессій, жертвоприношеній, заклинаній и проч. Такимъ-образомъ, общество Шакія

превратилось въ народныхъ жрецовъ, хотя во внутреннемъ своемъ устройствѣ не переставало быть обществомъ аскетовъ, разумѣется, уже не такъ строгихъ, каковы были его первые члены. Матеріальныя выгоды, послѣдовавшія за этимъ, должны были скрѣплять и увеличивать это общество; а потому оно скоро такъ размножилось, что начало грозить уничтоженіемъ кастѣ брахмановъ. Вытѣсненный изъ Индіи страшными гоненіями, буддизмъ еще болѣе долженъ былъ увеличить и оразнообразить популярныя начала своего ученія, стараясь вездѣ примѣняться къ народнымъ вѣрованіямъ: это положило внѣшнее различіе между буддистами разныхъ странъ. (7)

Такимъ-образомъ, въ буддизмѣ должно видѣть двѣ различныя стороны: буддизмъ внутренній—философско-аскетическій, и буддизмъ внѣшній—популярно-религіозный. Первый имѣетъ задачею сдѣлать аскетовъ буддами, или, что̀ то же, руководствовать ихъ по пути къ *боди*, второй старается привлечь народъ къ почтенію аскетовъ и образовать религіозное тѣло. Первый представляетъ морально-философскую систему, приписываемую Шакію, второй — неправильную массу разнородныхъ понятій, частію заимствованныхъ изъ другихъ религій, частію придуманныхъ буддистами съ цѣлію поддерживать несознательную набожность народа, питая его суевѣрія. Значитъ тема нашего автора касается самой существенной части буддійскаго ученія. Мы замѣтили выше, что философско-аскетическое ученіе Шакія было ввѣрено имъ преемственному преданію. Самъ Шакія ничего не писалъ, и то, что̀ выдается нынѣ за его ученіе, перешло чрезъ длинный рядъ преемственныхъ учителей. А потому здѣсь имѣетъ мѣсто вопросъ: точно ли

(7) Распространеніе буддизма въ различныхъ странахъ не имѣло вліянія на внутреннее устройство буддійскаго общества аскетовъ и на его ученіе. Но и оно потерпѣло распаденіе на школы, хотя совершенно отъ другой причины, именно: отъ мнѣній и толкованій различныхъ буддійскихъ учителей, которыя одними принимались, другими отвергались. Притомъ, многія изъ этихъ школъ образовались до разсѣянія буддизма по различнымъ странамъ. Поэтому мы видимъ въ одной и той же странѣ, напримѣръ, въ Тибетѣ, различныя школы, составляющія одно іерархическое тѣло; значитъ, раздѣленіе буддизма на школы не параллельно раздѣленію его по народамъ и обрядамъ.

нынѣшнее ученіе о пути къ *боди* есть подлинное философско-аскетическое ученіе Шакія?

Нашъ авторъ принимаетъ два авторитета: слова Шакія, записанныя его учениками, и мнѣнія и толкованія позднѣйшихъ буддійскихъ учителей. Послѣднія онъ сравниваетъ съ сыномъ, родившимся послѣ смерти отца. Но законный ли это сынъ—не совсѣмъ ясно. Да и самыя слова Шакія, записанныя его учениками, не слишкомъ твердый авторитетъ, потому-что они записывались чрезъ долгое время. Нѣкоторыя поученія появились написанными не ранее 400 лѣтъ послѣ смерти Шакія. Притомъ, и древнѣйшія изъ нихъ носятъ очевидные слѣды многихъ послѣдовательныхъ редакцій. Все это показываетъ, что настоящее ученіе буддистовъ не можетъ быть признано строго подлиннымъ ученіемъ Шакія.

Но нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, что Шакія преподавалъ только мораль, а метафизика придумана уже его учениками, потому-что нельзя представить морали безъ метафизики. Всякое моральное положеніе получаетъ свою силу и обязательность только отъ теоретическаго начала, изъ котораго оно выведено. Притомъ, метафизика и мораль у буддистовъ никогда не существовали въ раздѣльномъ видѣ. Сочиненія, которыя называются нынѣ метафизическими, занимаются такъ же, какъ и другія сочиненія, изложеніемъ морали, только болѣе утонченной и созерцательной. По свойству самой морали, мы находимъ въ этихъ сочиненіяхъ, среди морали, утонченнѣйшія и высшія начала метафизики; но это не исключительная принадлежность ихъ: и другія сочиненія, излагающія мораль болѣе популярную, также проникнуты метафизическими началами, хотя и не столь въ утонченномъ видѣ. Позднее появленіе сочиненій, называемыхъ метафизическими (о праджня парамитѣ) также не можетъ быть вѣрнымъ знакомъ того, что начала этихъ сочиненій не принадлежали Шакію, потому-что самое устройство общества буддійскихъ аскетовъ таково, что въ немъ должны долго сохраняться преданія. Преемственное учительство, конечно, должно было вести къ развитію и измѣненію началъ Шакія, но частыя собранія аскетовъ, на которыхъ обсуживались ученіе и поведеніе членовъ общества, должны были удерживать новыхъ мыслителей въ началахъ перваго ихъ учителя. Наконецъ, если мы

строго будемъ держаться порядка по времени и признавать достовѣрными свидѣтелями только древнѣйшія писанія буддистовъ, то и тогда придемъ къ такому же результату. Самыя древнія сочиненія заключаютъ въ себѣ публичныя поученія Шакія, въ которыхъ онъ обыкновенно разсказываетъ какую-нибудь легенду изъ древнихъ перерожденій. Обыкновенный выводъ изъ его разсказовъ тотъ, что за добромъ слѣдуетъ награда, а за зломъ наказаніе. Но какимъ образомъ сцѣпляются добро и награда, зло и наказаніе, объ этомъ онъ не говоритъ ни слова и всегда представляетъ дѣло такъ, чтобы это сцѣпленіе казалось естественнымъ слѣдствіемъ, а не дѣйствіемъ какой-нибудь внѣшней силы. Это показываетъ, что Шакія имѣлъ уже свой собственный пантеистическій взглядъ, по которому судьба перерожденій зависѣла только отъ умственнаго и нравственнаго состоянія существа, а не отъ дѣйствія внѣшней силы боговъ, что́ совершенно противно ученію брахманскому. Если къ этому присовокупимъ еще то, что въ этихъ древнѣйшихъ легендахъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ понятія о буддѣ, о нирванѣ, о различныхъ степеняхъ буддійскихъ совершенствъ и проч., то дѣлается очевиднымъ, что въ умѣ Шакія было уже готово свое особенное философское понятіе о бытіи и свойствахъ духовныхъ существъ и о порядкѣ и конечныхъ результатахъ ихъ духовнаго развитія; а въ этомъ и состоитъ вся буддійская философія, которая, по выраженію одного Китайца, не касается ни неба, ни земли, ни четырехъ странъ, а испытуетъ только одно сердце человѣческое.

Итакъ, по нашему мнѣнію, можно остановиться на слѣдующемъ вѣроятномъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленномъ понятіи: сочиненіе автора устныхъ наставленій Маньджушрія, основанное на авторитетѣ текстовъ, выдаваемыхъ за поученія Шакія, и авторитетѣ мнѣній и толкованій знаменитыхъ буддистовъ, представляетъ ученіе Шакія, развитое его учениками, записавшими его поученія, и объясненное позднѣйшими учителями и толковниками, въ той мѣрѣ справедливо, въ какой справедливо понятіе о себѣ тибетскихъ буддистовъ, считающихъ себя *центральными въ воззрѣніяхъ* (Тубъ-удзэлтэлъ). ([8]) Точное же указаніе того, что́ въ этомъ ученіи при-

---

([8]) Въ Хайби Джуннай, въ отдѣленіи Дубта (груб-мта) сказано: «Слѣ-

надлежитъ самому Шакію, и что произошло въ-послѣдствіи, можетъ быть плодомъ только ближайшаго изученія началъ различныхъ буддійскихъ школъ.

Порядокъ изложенія въ настоящемъ сочиненіи, какъ мы замѣтили выше, основанъ на различіи нравственнаго состоянія лицъ, которыхъ должно руководить къ пути *боди*. Обыкновенно буддисты насчитываютъ четыре такихъ состояній.

Первое изъ этихъ состояній, самое низшее, называется прерваннымъ разрядомъ. Это такое состояніе, когда существо предано исключительно заботамъ о настоящей жизни и не помышляетъ о будущей. Такое существо стоитъ на степени животнаго и нисколько не на пути къ *боди;* а потому въ буддійской системѣ и нѣтъ особеннаго отдѣла о пути для такихъ существъ. Они только призываются къ этому пути угрозами подвергнуться въ будущемъ ужасамъ перерожденія въ аду.

Второй разрядъ составляютъ тѣ существа, которыя помышляютъ болѣе о будущемъ, чѣмъ о настоящемъ, и стараются добродѣтелями настоящей жизни заслужить счастливое перерожденіе въ будущемъ. Въ существѣ дѣла и эти существа не на пути къ *боди*, потому-что они не помышляютъ еще о *пустотѣ*, а ищутъ мірскихъ наслажденій, хотя и въ будущей жизни. Но такъ-какъ они для этого заботятся о добродѣтели, то они пролагаютъ себѣ путь къ дальнѣйшимъ буддійскимъ совершенствамъ; а потому буддійское ученіе принимаетъ ихъ подъ свое водительство. Они называются малыми существами, или *шраваками*, т.-е. слушателями.

«дующіе въ своемъ ученіи могущественному льву рѣчи, рыканіемъ о «глубокой и тонкой связи причинъ побѣждающему собраніе звѣрей, про«тивно ему говорящихъ, называются отдѣленными, внутренними, буд«дистами, держащимися справедливаго ученія, держащимися вѣчнаго «порядка Шакяликовъ. Всѣ эти названія имѣютъ одинъ смыслъ. Между «ними различаются: держащіеся многоразличнаго (Vâibhâchikas), держащіеся сутръ (Sâutrântckas), держащіеся только духа (Iôgâtchâras) и дер«жащіеся центральныхъ воззрѣній Madhyamikas).» Но это только четыре главныя школы, которыя имѣютъ еще весьма много подраздѣленій. На эти раздѣленія и подраздѣленія буддистовъ нельзя, однако, переносить того взгляда о религіозныхъ сектахъ, какой встрѣчается у насъ. Буддизмъ не отличается исключительностію и въ-отношеніи къ другимъ религіямъ, а между собственными ихъ сектами совершенное братство, какъ это видно изъ приведеннаго отрывка.

Третій разрядъ составляютъ тѣ лица, которыя сознаютъ, что весь міръ есть страданіе, что и высшія состоянія небожителей не свободны отъ своего рода страданій, и потому они чувствуютъ желаніе освободиться совершенно отъ міра и погрузиться въ пустоту. Но пока они стремятся къ пустотѣ только для избѣжанія личныхъ страданій въ мірѣ, они еще не свободны отъ пристрастія къ своему *я;* а потому они, хотя и стремятся къ пустотѣ, но стоятъ еще не на должномъ пути истинныхъ буддистовъ. Такія существа называются *средними*, или *пратіекабуддами*, буддами одинокими, или индивидуальными, т.-е. помышляющими о пріобрѣтеніи достоинства будды только для себя. [9]

Четвертый разрядъ составляютъ *высшія существа*, бодисатвы. Эти лица во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣютъ въ виду не личную пользу, а пользу ближнихъ. Когда они стремятся къ достиженію *боди*, то единственно для того, чтобы, достигнувъ достоинства *будды*, пріобрѣсть возможность оказывать дѣятельную помощь другимъ существамъ. Отказавшись отъ эгоизма въ дѣйствіяхъ своихъ, при помощи созерцанія они мало-по-малу доходятъ до совершеннаго отрицанія своего *я* и до сознанія всеобщаго тождества вещей, до *пустоты*.

Изложеніе нравственныхъ и теоретическихъ началъ ученія для каждаго изъ трехъ послѣднихъ разрядовъ называется

---

(9) Въ опредѣленіи этого разряда у буддистовъ есть разногласіе. Сочиненіе Тонилхуйнъ чимэкъ (украшеніе спасенія), изданное г. Ковалевскимъ въ его «Монгольской Христоматіи», подъ названіемъ буддійскаго катехизиса, приписываетъ пратіекабуддамъ слѣдующія свойства: «они особенно отличаются гордостію, скрываютъ своего учителя и любятъ жить въ уединеніи одиноко».

Но особенная гордость, приписываемая имъ авторомъ буддійскаго катехизиса, противорѣчитъ понятію о нихъ, какъ существахъ высшихъ шраваковъ. Это понятіе о ихъ гордости, вѣроятно, произошло отъ одностороннаго пониманія термина *пратіека*, переводимаго Монголами: отдѣльно, особенно, самъ собою, или самъ *для* себя. Бюрнуфъ вдается въ другую крайность: онъ видитъ въ пратіекабуддахъ дѣйствительныхъ буддъ, только не занимающихся спасеніемъ людей. Но буддисты прямо говорятъ, что, по способамъ, свойственнымъ пратіекамъ, нельзя достигнуть *боди*, и что состояніе ихъ есть только приготовленіе къ состоянію бодисатвы, который одинъ стоитъ на вѣрномъ пути къ достиженію *боди*.

тремя средствами для достиженія *боди*: средствами шраваковъ, пратіекабуддъ и бодисатвъ. Эти *три средства*, по ученію буддистовъ, несмотря на то, что каждый разрядъ существъ стремится къ своей цѣли, ведутъ къ одной общей цѣли — къ *боди*, и потому въ-существѣ своемъ составляютъ одинъ путь.

Единство этихъ трехъ средствъ буддисты объясняютъ слѣдующими двумя сравненіями: у одного богатаго человѣка загорѣлся домъ, въ которомъ находились его малолѣтныя дѣти. Видя опасность и разсуждая, что силою онъ не можетъ спасти всѣхъ, отецъ сначала старается вызвать дѣтей, объясняя имъ опасность, въ которой они находятся; но дѣти не понимаютъ, что́ такое пожаръ, и, увлекшись играми, не слушаютъ отца. Тогда онъ прибѣгъ къ хитрости и говоритъ имъ: «Дѣти! я вамъ приготовилъ самыя лучшія игрушки, какихъ вы еще не имѣли: коляски, запряженныя слонами, коляски, запряженныя козами и сайгаками. Они стоятъ у дверей дома. Бѣгите скорѣе: я вамъ раздамъ каждому любое.» На этотъ зовъ дѣти выбѣжали, и отецъ, въ радости о ихъ спасеніи, даетъ каждому по совершеннѣйшей коляскѣ, запряженной слономъ, потому-что онъ былъ богатъ и не хотѣлъ, чтобы его дѣти имѣли плохія игрушки. Здѣсь горящій домъ есть міръ; отецъ — будда; игрушки — различныя цѣли, къ которымъ стремятся низшія, среднія и высшія существа; а совершеннѣйшія и для всѣхъ одинаковыя игрушки — *боди*. ([10])

Другое сравненіе: караванъ купцовъ отправился въ далекую сторону за драгоцѣнностями. Дорога длинна и трудна: утомясь путемъ и не видя цѣли своего путешествія, купцы вздумали вернуться назадъ. Тогда предводитель этого каравана, обладавшій волшебною силою, показываетъ имъ вдали чудесный городъ и увѣряетъ, что это цѣль ихъ путешествія. Купцы собираютъ послѣднія силы, достигаютъ этого города и останавливаются въ немъ отдохнуть отъ пути. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, когда прошлыя трудности забылись, волшебный городъ исчезаетъ, и предводитель каравана предлагаетъ имъ снова путь, увѣряя, что цѣль не далека. Когда они снова утомляются, онъ опять создаетъ имъ волшебный городъ

([10]) Цаганъ линхуа 36—38.

и, такимъ-образомъ, мало-по-малу доводитъ до истинной цѣли путешествія. Здѣсь частныя цѣли шраваковъ и пратіековъ представлены въ-видѣ отдыховъ на пути въ волшебныхъ городахъ. (11)

Изъ этихъ сравненій видно, что, раздѣляя путь боди на три послѣдовательныя пути, буддисты имѣютъ въ-виду, съ одной стороны, возбудить дѣятельность людей разсѣянныхъ, указывая имъ ближайшія и соотвѣтственныя ихъ наклонностямъ цѣли, съ другой стороны — успокоить тѣхъ, которые, не будучи въ-состояніи сдѣлаться философами и аскетами, могли притти въ отчаяніе достигнуть высшаго буддійскаго совершенства. Эти послѣднія, выполняя въ этой жизни только путь малыхъ, могутъ надѣяться получить лучшее перерожденіе, при благопріятнѣйшихъ условіяхъ котораго имъ удобнѣе будетъ продолжать путь къ *боди*. Отсюда видно также, что система изложенія ученія по тремъ разрядамъ существъ внѣшняя, а не внутренняя. Поэтому, при такомъ изложеніи, неизбѣжны повторенія. На низшей, на средней или на высшей степени буддійскаго совершенства предполагается наставляемое лице. Правила, даваемыя въ руководство его дѣятельности, должны быть одни и тѣ же начала буддійской морали. Различіе заключается только въ изложеніи ихъ, примѣненномъ къ умственному состоянію лицъ. Шраваки моральныя положенія буддизма принимаютъ на-вѣру, какъ внѣшнія законоположенія. Пратіеки, или среднія существа, доводятся до знанія отрицательныхъ началъ буддійской философіи и морали — до сознанія пустоты и ничтожества всего. А бодисатвы возвышаются до разумнаго сознанія буддійскихъ моральныхъ предписаній и тѣхъ философскихъ началъ, которыя, по ихъ взгляду, могутъ быть названы положительными.

Буддисты единогласно приписываютъ разграниченіе этихъ трехъ средствъ самому основателю буддизма — Шакію. И, дѣйствительно, разсматривая древнѣйшіе памятники буддійской литературы, мы видимъ, что Шакія старался держаться того правила, чтобы каждому лицу преподавать ученіе примѣнительно къ его состоянію. Когда онъ говорилъ публично народу, онъ обыкновенно развивалъ только ту мысль, что за

(11) Тамъ же. 90—94.

добродѣтелью слѣдуетъ награда, а за порокомъ — наказаніе. Когда же онъ бесѣдовалъ наединѣ съ учениками, онъ раскрывалъ имъ высшія начала своей моральной метафизики. Между самими учениками, съ самаго ранняго времени, также установилось различіе: были шраманеры, или новички, шраваки и великіе шраваки, или старцы (ставиры). ([12]) Все это показываетъ, что въ преподаваніи ученія своего онъ держался послѣдовательности; а потому, если онъ и не имѣлъ точно такой системы въ преподаваніи своего ученія, какая ему приписывается нынѣ, то не могъ не имѣть какой-нибудь системы, болѣе или менѣе близкой къ настоящей.

Для ближайшаго ознакомленія съ идеею и планомъ этого сочиненія, приведемъ краткое перечисленіе излагаемыхъ въ немъ предметовъ.

Обычное вступленіе въ книгу и собственно введеніе, излагающее тему, ея значеніе и основаніе плана.

Часть приготовительная: о необходимыхъ условіяхъ къ слушанію ученія: о вѣрѣ и рѣшимости, объ учителѣ и отношеніи къ нему ученика.

Часть существенная: о порядкѣ упражненія духа.

I. Предварительныя размышленія о цѣнности перерожденія въ человѣка, которымъ, поэтому, не должно пренебрегать, а надобно употреблять его на пользу.

II. Усвоеніе самаго существа ученія:

А. *Путь малыхъ существъ.*

a) Размышленія, ведущія къ настроенію духа, приличному малымъ существамъ: 1) о смерти и невѣчности, 2) объ ужасахъ злыхъ перерожденій въ животныхъ, въ биритовъ и въ аду.

b) О средствахъ достигнуть радостей въ будущемъ перерожденіи:

1) О вѣрѣ и благоговѣніи предъ буддою, ученіемъ и духовенствомъ.

2) О десяти добрыхъ и злыхъ дѣлахъ и ихъ послѣдствіяхъ.

([12]) Слово *ставира* Монголы переводятъ не *старцемъ*, какъ объясняетъ его Бюрнуфъ, а *твердо существующимъ* (батуда акчи).

Б. *Путь среднихъ существъ.*

a) Размышленія о мученіяхъ въ мірѣ, ведущія къ настроенію духа, приличному среднимъ существамъ: 1) размышленіе о страданіяхъ и источникѣ всего (суетѣ), 2) о 12 причинахъ, послѣдовательно производящихъ настоящее человѣческое состояніе.

b) Объ обязанностяхъ среднихъ существъ.

В. *Путь великихъ существъ.*

1) О возбужденіи въ себѣ мысли *боди*. Возбужденіе въ себѣ стремленія къ боди по методѣ Джово и Шандидевы. Форменное принятіе намѣренія стремиться къ *боди*.

2) О выполненіи *боди* на самомъ дѣлѣ: a) дѣйствіями для собственнаго усовершенія: благотворительностію, выполненіемъ обѣтовъ, терпѣніемъ, прилежаніемъ, созерцаніемъ и мудростію. ([13])

b) О дѣйствованіи на пользу другихъ и заключеніе книги.

Кромѣ главнаго текста, авторъ по-мѣстамъ вставляетъ стихотворенія, темою которыхъ всегда бываетъ поэтическое изображеніе тѣхъ мыслей, которыя излагаются въ ближайшихъ отдѣлахъ.

Изъ этого краткаго перечисленія предметовъ, излагаемыхъ въ предлагаемомъ вниманію читателей сочиненіи, видно, что оно обнимаетъ всѣ важнѣйшіе пункты философскаго ученія буддистовъ, имѣющаго ближайшее отношеніе къ аскетической практикѣ. А потому я надѣюсь, что читатель получитъ изъ этой книги довольно подробное понятіе о началахъ буддійской философіи и о характерѣ ихъ моральнаго ученія. Между-тѣмъ, я постараюсь тѣ мѣста, въ которыхъ авторъ слишкомъ кратокъ и теменъ, пояснить на основаніи другихъ буддійскихъ сочиненій.

Чтò касается до способа изложенія, то авторъ вообще строгъ и послѣдователенъ, сколько это можно ожидать отъ азіатскаго ученаго. Онъ замѣтно старается показать свою ученость и основательность, цитуя на каждомъ шагу различ-

---

([13]) Эта статья самая обширная; въ ней заключается все существенное ученіе. Въ статьѣ о мудрости предлагается размышленіе для уясненія себѣ пустоты и несуществованія *я*, ни въ личностяхъ, ни въ предметахъ.

ныя сочиненія, такъ-что отъ себя бо́льшею частію предлагаетъ только толкованіе. Поэтому сочиненіе это можетъ служить образчикомъ тибетскихъ ученыхъ сочиненій. Авторъ хотѣлъ показать и поэтическій свой талантъ, но не совсѣмъ удачно: его поэзія слишкомъ тяжела. Впрочемъ, это общій недостатокъ буддійской поэзіи.

Слогъ автора довольно труденъ. Онъ любитъ чрезвычайно длинные періоды, которые у него часто тянутся на нѣсколькихъ страницахъ и заключаютъ въ себѣ множество разнородныхъ мыслей. При этомъ въ развитіи частныхъ мыслей онъ иногда довольствуется намеками и лаконическими выраженіями. Но бо́льшую часть трудностей должно признать относительными. Неполныя фразы и намеки на чуждыя намъ понятія, а также и восточный образъ выраженія дѣлаютъ для насъ рѣчь автора темною, тогда-какъ для буддиста и Тибетца въ этомъ не можетъ быть никакихъ трудностей.

Въ концѣ книги сказано, что она на монгольскій языкъ переведена, но не упомянуто, съ какого языка. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что она первоначально написана на языкѣ тибетскомъ. Годъ, въ который написана книга, названъ мужескимъ лѣтомъ земли и собаки. Принимая въ соображеніе то, что въ книгѣ упоминается Лу-бсанъ-Джамцо, 5-й далай-лама, родившійся въ 1617, и русскую помѣтку на книгѣ: 1822 годъ, мы находимъ, что годъ написанія этой книги долженъ быть одинъ изъ трехъ: 1658, 1718 или 1778. Вѣроятнѣе, это былъ 1718 годъ. Во-всякомъ-случаѣ, сочиненіе это относится къ новѣйшей тибетской литературѣ и изображаетъ буддизмъ въ ближайшей къ намъ эпохѣ. Въ движеній азіатскихъ понятій двѣсти лѣтъ ничего не значатъ.

УСТНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ МАНЬДЖУШРІЯ.

Проявившійся отъ дракона, поднявшаго луну двухъ собраній (заслугъ для себя и для другихъ) (*), шествующихъ по мудрости и разуму, на чудно раскинувшихся вѣтвяхъ и листьяхъ поразительныхъ умозаключеній и сравненій произраставшій превосходнѣйшіе, стовкусные плоды всевѣдѣнія, лама всѣхъ существъ и другъ солнца, владыка всякаго собиранія (заслугъ) да подастъ благое! (1)

Хвала тѣмъ, кто искусенъ погружаться въ море упражненія въ глубокомъ и обширномъ ученіи и выплывать черепахою проповѣдей, диспутовъ и сочиненій и кто бѣлою славою вознесся надъ міромъ, какъ двухъ родовъ великая колесница! (2)

Чуденъ и Адиша (3), въ прохладныхъ областяхъ снѣжнаго царства (т.-е. Тибета), лучами солнца ученія о великихъ средствахъ (къ достиженію *боди*) разогнавшій тьму превратнаго пониманія и вмѣстѣ съ тѣмъ озарившій свѣтомъ вѣру могущественнаго (т.-е. будды), — Адиша, котораго сочиненія, верхъ разума, давно всѣ обыкли полагать на маковкѣ знамени слушанія, помышленія и созерцанія, и которыя повсюду распространены, какъ исполненныя всегда нужныхъ, желанныхъ и желанія насыщающихъ наставленій.

(*) Дополненія, замѣтки и поясненія, поставленныя въ скобкахъ, принадлежатъ русскому переводчику.

Лишь только махнетъ великимъ стоконечнымъ скипетромъ тонкаго и точнаго изслѣдованія, побѣждающій идущихъ въ океанъ ложныхъ ученій по слѣдамъ милліоновъ системъ, исполненныхъ зла и ошибокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ снимающій бремя чрева слабыхъ, зачавшихъ по наклонности къ несправедливымъ спорамъ, высочайшій, владыка дакиніс (4), пламенѣющій славою мудрости, чистоты и добродѣтели, всевѣдущій Зункава — да побѣждаетъ онъ!

Въ то время, какъ чудныя дѣла побѣдителей (т.-е. буддъ) скрывались на западной горѣ препятствій отъ суеты, вышедшій изъ земледержца (т.-е. изъ океана) востока низкоразумныхъ, всеобнимающій учитель Бромъ (5), другъ жасмина, ты украшеніе маковки! Ты въ началѣ, срединѣ и концѣ исполненъ блеска добродѣтели и ворочаешь властію въ безчисленныхъ пріобрѣтеніяхъ высочайшихъ свойствъ, потому-что вошелъ тебѣ въ горло благозвучный (т.-е. Маньджушрій, покровитель мудрости и краснорѣчія): ты источникъ четырехъ самобытныхъ свойствъ, другъ добродѣтели (т.-е. духовный наставникъ), подъ освѣжающими лучами бѣлыхъ дѣлъ котораго развилась мать, носящая луну прекрасныхъ наставленій. Пришелъ отъ моря Мапамъ (т.-е. изъ Индіи) драгоцѣнность-царь, владыка настоящей и будущей пользы и блаженства, благотворитель, избавляющій отъ бѣдности и страданій въ этомъ и томъ мірѣ, а главное—другъ и защитникъ пятисотъ (родовъ существъ) Дивангира (6), и отъ него чрезъ твое (Брома) посредство пролились въ море разума великія рѣки наставленій не-сур-пы, Бодвы и Джанавы. (7)

Оцѣнить массу достоинствъ столь важныхъ поученій такъ же трудно, какъ трудно достигнуть противоположной стороны сердца *боди* (буддійскаго духовнаго совершенства). Каждый разъ, какъ я помыслю объ этомъ, слагаю передъ сердцемъ лотосы рукъ (т.-е. ладони).

Образъ пути сына побѣдителей (т.-е. будды) широкъ, какъ небо; смыслъ мнѣній о бытіи тонокъ, какъ атомы: поэтому такому, какъ я, взять на себя ношу рѣчи значитъ то же, что вымѣрять сокровищницу водъ орѣховою скорлупою. А посему я только въ видѣ припоминанія книгъ и взявъ въ руководство читанныя наставленія въ той мѣрѣ, какъ я самъ понялъ по-

ученія высшихъ, полныя преданій, смѣшаю сокъ нектара въ ларчикѣ драгоцѣнности-книги.

То, что̀ совокупляя въ одно безпрерывное пружину всѣхъ повелѣній во благѣ ходящихъ (т.-е буддъ), двигаетъ счастливцевъ въ страну буддъ, есть руководство для порядка пути трехъ родовъ существъ. При усвоеніи его изучающій долженъ слушать духовнаго наставника, который бы имѣлъ непрерывное преданіе. На этотъ случай въ Хоюръ-екэ-тэргэнъ *(двѣ великія колесницы*, названіе книги) сказано: «то, что̀ называется: совершеннѣйшее преемство, глубокій взглядъ и широкая «стезя поступковъ, и тотъ, о которомъ говорится: чтобы пре«подать въ чистотѣ ученіе, показывающій величіе въ дѣй«ствіяхъ — это исполненный всякихъ наставленій, принятыхъ «отъ совершеннѣйшаго будды, чрезъ посредство непрерывнаго «ряда великихъ учителей.» Вникая въ смыслъ этихъ словъ, мы видимъ, что возможность принять, такимъ-образомъ, ученіе весьма велика. Что̀ касается до порядка преемства ученія, начиная отъ всеобщаго учителя, сына царя Аригунъ-идэгэту (Шакямунія будды), до царя ученія великаго Зункавы, то, какъ выяснено въ *Мурунъ-дээргэйнъ дзальбириль (въ молитвахъ, излагающихъ порядокъ пути)*, великіе учители безъ всякаго замѣшательства или въ преемственномъ порядкѣ. Послѣ же Зункавы мудрые ученики и распространители вѣры и ученія этого великаго ламы размножились, какъ звѣзды небесныя, какъ лице земли. Когда поэтому порядокъ преемства ученія въ такомъ количествѣ и размѣрѣ, то нынѣ не будетъ конца исчисленію, если взяться перечислять только ламъ каждаго монастыря безъ показанія промежуточнаго преемства.

Такимъ-образомъ, въ преемствѣ того, что̀ я съ великимъ тщаніемъ выслушивалъ и передумывалъ для пополненія пропусковъ въ содержаніи этого ученія и для основнаго руководства, начиная отъ Ши-рабъ-ши-нингъ (*) до ближайшаго моего ламы, принятіе десницы высоко пришедшаго (т.-е. Шакямунія

(*) Ши-рабъ-ши-нингъ въ молитвахъ буддійскихъ предшествуетъ далай-ламамъ. Это, вѣроятно, какое-нибудь замѣчательное іерархическое лице въ Тибетѣ, предшествовавшее далай-ламамъ, значитъ, жившее не позже XIV столѣтія.

будды) совершенно чисто, и, какъ сказано, отрадный сердцу уголокъ земли.

О томъ, какъ должно, сообразуясь съ мѣстомъ и временемъ, очищать домъ (для принятія наставника) и проч., въ *Илагу-ксану-юмъ (мать побѣдителей*, метафизическій сборникъ), сказано: «должно оказывать почести преподающему и ученію». Согласно съ этимъ ученіемъ, нужно для наставника приготовить возвышенное сѣдалище, львиный тронъ и проч. Вообще должно почитать его, какъ будду. Изъ книги *Гадзарунъ джирукэнъ (сердце земли)*: «кто однажды почувствовалъ бла-«гоговѣніе къ наставнику, тотъ, конечно, будетъ слушать уче-«ніе съ вѣрою: посему не должно осмѣивать или охуждать «наставника. Что касается до почестей ему, то существо ихъ «заключается въ изрѣченіи: смотри на него какъ на будду; а «посему и въ подробностяхъ не должно погрѣшать противъ «этого начала и не подпадать подъ вліяніе насмѣшки....» (*)

. . . .

Такъ-какъ сказано, что спокойно и безъ усилія непристойно учиться, то при принятіи великаго и малаго, въ началѣ, срединѣ и концѣ, не пятнаясь грязію своемудрствованія, должно тщательно вникать умомъ. Это великая пружина.

Для того, чтобы пріобрѣсти, на пользу всѣхъ, безчисленныхъ, какъ предѣлы неба, существъ, высочайшее достоинство совершеннѣйшаго будды, нужно усвоить всю массу глубокаго и обширнаго ученія, преподаннаго во благѣ ходящимъ учителемъ (т.-е. буддою), изъ дверей слушанія, помышленія и созерцанія порядка ученія о великихъ средствахъ (для достиженія *боди*), или, что тоже, (усвоить) поученія славнаго производителя свѣта (т.-е. Дивангиры, или Адиши), соединившаго вмѣстѣ рѣки наставленій надежды *Нагарджуены* и *Дурбэль-угэя*, собственною силою, что недоступно для другихъ учителей, открывшихъ чертежъ колесницы (т.-е. составившихъ системы), (усвоить) сознавая достоинство двухъ родовъ слова (т.-е. мнѣній и толкованій), появившагося послѣ побѣдителя (т.-е. будды), какъ сынъ по смерти отца. Это ученіе очищаетъ недостатки этого и будущаго міра и есть источникъ радостей.

(*) Здѣсь экземпляръ, съ котораго дѣлается переводъ, поврежденъ, и потому нѣсколько строкъ опущено.

Сказано: слушая это ученіе, узнаютъ законъ; слушая его, удаляются отъ грѣховъ; слушая его, оставляютъ непотребное; слушая его, получаютъ *нирвану*.» (8)

Во-первыхъ, объ усвоенія чрезъ слушаніе. Въ книгахъ сказано: «тщательно слушай и принимай мыслію». Итакъ, оставивъ три порока опрокинутаго, оскверненнаго и изломаннаго сосуда (9), должно имѣть слѣдующія шесть представленій: смотрѣть на себя, какъ на больнаго; на учителя, какъ на врача; на ученіе, какъ на лекарство; на усвоеніе ученія, какъ на выздоровленіе; вѣрить, что во истину пришедшій (т.-е. будда) есть верховный изъ рождающихся; законъ ученія будетъ вѣчно существовать, и проч. Кратко сказать, нужно слушать ученіе, выяснивъ для себя всѣ побужденія, всѣ правила слушанія, вообще и въ подробностяхъ.

Объ ученіи, которое должно слушать въ *Ојону эгэшиклелъ*, сказано: «Порядокъ пути *боди*, основанный на правильномъ «преемствѣ преданія отъ Нагарджуны и Дурбелъ-угэя, этихъ «украшеній маковки всѣхъ мудрецовъ Джамбутиба (10), между «нами, существами, сіяющихъ славою, безъ остатка напояетъ «нужды желаній всѣхъ земнородныхъ, и потому онъ (поря-«докъ пути боди) царь драгоцѣнностей — наставленій. Въ немъ «собираются тысячи рѣкъ превосходныхъ текстовъ, и потому «онъ величественное море ученія. Онъ даетъ связное понятіе «о всей вѣрѣ; его прекрасныя слова произращаютъ назиданія; «онъ доставляетъ легкое знаніе воззрѣній побѣдителей и ох-«раняетъ отъ стремнинъ преступленій. А потому какой разсу-«дительный человѣкъ не предается всею душею порядку пути «(къ *боди*) трехъ земнородныхъ? Кто не предается этому вер-«ховному наставленію, котораго держатся множество индѣй-«скихъ и тибетскихъ мудрецовъ и счастливцевъ?» Итакъ, это единственный путь, по которому проходятъ всѣ во благѣ ходящіе (т.-е. будды) трехъ временъ (настоящаго, прошедшаго и будущаго). Это сокращеніе и пружина массы 84 тысячъ поученій (*), прекрасно изрѣченныхъ несравненнымъ предводителемъ сыномъ Аригунъ-идэгэту (Шакямуніемъ-буддою), вполнѣ объясненныхъ великими колесницами двухъ родовъ (т.-е. Нагарджуною и Дурбэлъ-угэемъ) и утвержденныхъ про-

(*) Этотъ счетъ едва ли имѣетъ какое-нибудь основаніе.

повѣдію имъ послѣдовавшихъ пандитъ (ученыхъ). Все, что владыки мудрыхъ принимали въ свой умъ, славный *Гакца тэнгэри Дивангира* (т.-е. *Адиша*) безошибочно совокупилъ въ наставленіяхъ для усвоенія порядка пути трехъ родовъ земнородныхъ и развилъ, сочинивъ *Боди-мурунъ-дзула* (*свѣчу пути боди)* и проч. Вслѣдствіе этого принявшіе его начала прославились подъ именемъ имѣющихъ поученія и практическія наставленія Джово (Адиша) (разумѣется секта Кадамовъ). Они, держащіе безъ ущерба порядокъ мудрости, чистоты и добродѣтели, наполнили жилища снѣжныхъ (т.-е. Тибетцевъ), какъ небо покрываетъ землю. Потомъ для очищенія того, что вслѣдстіе препонъ времени непонятно или запачкано нечистотою превратнаго пониманія, великая колесница, какъ бы вторая, сдѣлалась извѣстною чрезъ царя ученія Зункаву Маньджушрія, пляшущаго (т.-е. явившагося) во образѣ человѣка, который преподалъ великій и малый путь боди и проч.; многое дополнилъ и утвердилъ.

Эти великія книги прекраснаго ученія не ограничиваются только легкимъ разборомъ того, что должно принимать и отвергать, увлекаясь только одною какою-нибудь стороною вѣры въ пониманіи великихъ и малыхъ средствъ. Объ этомъ *Бояну садунъ-вакши* (Бромъ) сказалъ: «мой лама (Адиша) понималъ, «что всю вѣру нужно принимать четвероякимъ путемъ». Это согласно и съ существомъ дѣла. Кто не почувствовалъ изъ глубины сердца ужаса трехъ злыхъ перерожденій (въ аду, въ чудовище и въ животное) и въ чьей душѣ еще не родилось отвращеніе и желаніе освободиться отъ нихъ, какъ узнику отъ оковъ темницы, въ томъ не можетъ родиться, показанное въ отдѣлѣ среднихъ земнородныхъ, непритворное настроеніе духа: быть чуждымъ желанія всѣхъ благъ и радостей высшихъ перерожденій, небожительскихъ и людскихъ, смотрѣть на весь порядокъ круговращенія (т.-е. міра перерожденій), какъ на средину пылающаго костра, и желать рѣшительно выйти изъ круговращенія. Когда же нѣтъ желанія выйти изъ круговращенія, какъ можетъ родиться въ душѣ великое и непритворное милосердіе, помышляющее единственно о другихъ? А когда еще не родилось въ душѣ великое милосердіе, возможно ли возбудить въ себѣ мысль *боди* и упражняться по шести парамитамъ (самымъ высшимъ сред-

ствамъ къ достиженію *боди)?* Таковой бодисатва (т.-е. выполняющій самыя высшія средства) подобенъ лотусу неба (т.-е. великъ, какъ небо). Если такъ, то тѣ, напримѣръ, наставленія, которыя относятся къ средствамъ освободиться отъ злыхъ перерожденій, и тѣ, которыя относятся къ тому, чтобы, оставивъ себя, заботиться единственно о пользѣ другихъ, на словахъ могутъ показаться какъ бы совершенно отдѣльными; но въ цѣлой связи всѣ прекрасныя поученія, какъ причины и послѣдствія, какъ главный путь и вѣтви, должны помогать однѣ другимъ для того, чтобы сдѣлать какое-нибудь существо буддою. А потому первое достоинство этого рода сочиненій то, что они раскрываютъ вѣру въ ея цѣломъ объемѣ.

Относительно усвоенія смысла ученія: изъ *Гурбанъ-эрдэнійнъ угэсунъ барилдулга (связь словъ трехъ драгоцѣнностей)*: «кто хотя много слышалъ, но бѣденъ знаніемъ, тотъ стра«даетъ тѣмъ, что прекрасныя слова не обратились въ немъ въ «практическія наставленія». Объ этой несообразности, когда отъ усвоенія ученія вѣры не является знаніе пружины выполненія вѣры, какъ отъ причины слѣдствіе, великій Іогачари (*) сказалъ также: «Усвоившимъ ученіе я не назову того, кто «пріобрѣлъ убѣжденіе въ ученіи какой-нибудь книги величи«ною въ ладонь, а скажу это объ томъ, кто всѣ прекрасныя «слова понялъ, какъ практическія наставленія.» Итакъ, хотя нѣтъ ни одного средства выполненія, начиная съ достиженія высшаго перерожденія, или наслажденія какими-нибудь благами, которое бы не заключалось въ безпорочныхъ повелѣніяхъ будды, или прямо, или изъ дверей какого-нибудь вывода, но такъ-какъ они глубоки и важны и потому трудно помѣстить ихъ въ умѣ, то все ясно показано въ великихъ изложеніяхъ мнѣній и толкованій; а потому нѣтъ ни малѣйшаго наставленія, предназначеннаго для усвоенія, которое бы не было преподано въ основныхъ текстахъ, и въ мнѣніяхъ, и толкованіяхъ. Но вся сущность обширно преподаннаго въ нихъ ученія сведена и сокращена въ предварительномъ, сред-

---

(*) Іогачари значитъ созерцатель. Это не собственное имя, а почетный эпитетъ ученика Адиши, бывшаго послѣ смерти Адиши начальникомъ монастыря Ратена. Собственное имя его было Джанг-тчуб-ринченъ.

немъ и окончательномъ порядкѣ пути къ достиженію боди, и потому, кто пріобрѣлъ убѣжденіе въ этомъ порядкѣ пути, въ томъ всѣ прекрасныя поученія перешли въ практическія наставленія. Это второе достоинство этого рода сочиненій.

Такъ-какъ можно все ученіе усвоить, какъ практическое наставленіе, изучивъ только чрезъ слушаніе и размышленіе основные тексты, мнѣнія и толкованія, то какая надобность сочинять *Свѣчу пути*, *Порядокъ пути спасенія* и прочія такого рода сочиненія? По власти времени сила ума укрощаемыхъ (т.-е. наставляемыхъ на пути боди) постоянно ослабѣваетъ и разумѣніе сущности дѣлается труднымъ; притомъ книги чрезвычайно размножились, и потому трудно избѣжать пропусковъ. Вслѣдствіе этого, основываясь на наставленіяхъ, принятыхъ отъ совершеннѣйшаго будды, чрезъ непрерывный рядъ великихъ, сокращаютъ все ученіе въ сочиненіяхъ *о порядкѣ пути (боди)* и проч. Но не должно думать, чтобы въ этихъ сочиненіяхъ были излишки или недостатки, такъ-какъ въ нихъ нельзя заключить всей обширности словъ и содержанія 84 тысячъ поученій (будды) и проч. Всѣ слова собирать не нужно, а содержаніе все заключается въ нихъ. Такъ, вмѣсто огромной массы 25 лекарствъ излечивается горячка маленькою частичкою, обладающею свойствами 25 лекарствъ, и потому массу всѣхъ 25 лекарствъ употреблять не нужно. Такимъ же образомъ, опираясь только на наставленія ламы, пріобрѣтаютъ съ легкостію знаніе воззрѣній побѣдителя (т.-е. будды). Это третіе достоинство этого рода сочиненій.

Въ основныхъ текстахъ, мнѣніяхъ и толкованіяхъ показанъ только путь добродѣтели, но не говорится ничего о противодѣйствіяхъ препятствіямъ на этомъ пути и о томъ, что должно быть избѣгаемо на пути отъ земнородныхъ до страны буддъ; въ этихъ же сочиненіяхъ преподано содержаніе всѣхъ прекрасныхъ текстовъ и закрываются двери всякаго зла. Въ-особенности устраняются всѣ поводы ко грѣху презрѣнія ученія, о которомъ въ книгѣ *Тэинъ тэгэрмедукчи букуну хуріянхуй (все перемалывающее собраніе всего)* сказано: «Маньджушрій! Грѣхъ презрѣнія ученія тонокъ. Маньджушрій! Кто «въ ученіи, преподанномъ во истину пришедшимъ (т.-е. буддою), нѣкоторое признаетъ хорошимъ, а нѣкоторое худымъ, «тотъ презираетъ ученіе. Такимъ-образомъ, въ томъ, что

сами собою устраняются поводы ко грѣху, заключается четвертое достоинство этого рода сочиненій.

Въ усвоеніи этого ученія, исполненнаго четырехъ достоинствъ, различаютъ приготовительное, существенное и окончательное. Поелику въ порядкѣ пути трехъ родовъ земнородныхъ все предшествующее служитъ приготовительнымъ для послѣдующаго, то, принявъ за главное путь высшихъ земнородныхъ, должно будетъ отнести къ приготовительному все предшествующее, даже путь среднихъ. Но такъ-какъ есть между ними общее: упражненіе духа и проч., то такое раздѣленіе нейдетъ. Сказано, что во всѣхъ подраздѣленіяхъ упражненій въ добродѣтели вообще упражняются въ великихъ средствахъ и особенно въ средствахъ алмазныхъ (т.-е. въ таинственныхъ изрѣченіяхъ). А если такъ, то, относительно ученія о таинственныхъ изрѣченіяхъ, все относящееся къ поступкамъ будетъ приготовительнымъ. А поэтому нужно различать приготовительное отъ существеннаго, всмотрясь въ лице того, что̀ въ направленіи руководства главное. Въ-противномъ-случаѣ, стремясь къ дальней горѣ, будешь принимать ее за ближнюю, и стремясь къ ближней будешь принимать ее за дальнюю. Такимъ-образомъ, многіе блуждаютъ по ложному пути, не понимая существа дѣла. Такъ-какъ принявшій десницу и полное преданій ученіе высшихъ (т.-е. наставника) долженъ быть признанъ корнемъ, то все, начиная съ ученія о трудности пріобрѣсти удобное перерожденіе до возвышенныхъ воззрѣній, долженъ принять за существенное (въ пути къ боди).

Стихи, относящіеся къ этому отдѣлу.

Кто, освободясь отъ пороковъ оскверненнаго сосуда и вытянувъ уши, тщательно слушалъ изъ дверей устъ въ совершенствѣ держащаго (т.-е. духовнаго наставника) благозвучіе ученія святыхъ, тотъ пріобрѣлъ это за сокровища добродѣтели, собранныя въ-продолженіе калпы (періода міра). Это ученіе, исполненное четырехъ достоинствъ, этотъ сокъ сердца всѣхъ индѣйскихъ и тибетскихъ мудрецовъ есть путь, которому трудно пріискать другаго брата, который былъ бы такой же нектаръ, помогающій безъ различія и высшимъ и низшимъ существамъ. Счастливцы, узнавъ этотъ путь, верховный изъ путей, удаливъ безполезныя заботы этой жизни, охраняютъ

свой корень (т.-е. духъ) отъ возврата пристрастій и скуки. Вдали отъ людской суеты, въ пустынѣ, среди лѣса, за оградою цвѣтовъ, въ маленькомъ домѣ, гдѣ можно помѣститься только съ другомъ тѣни, тамъ, гдѣ, кромѣ звуковъ отъ лежаходящей (т.-е. воды), текущей съ легкимъ журчаніемъ, и вольноходящихъ животныхъ, нѣтъ этихъ терновъ созерцанія, безпокойныхъ словъ, производителей трехъ золъ (пристрастія, гнѣва и глупости), въ рубищѣ, скудно питаясь милостынею, не оскверненные нечистотою порока, памятуя о бѣлой добродѣтели, они идутъ къ вершинѣ потребнаго для достиженія вѣчнаго блаженства тѣла, языка и мысли.

ЧАСТЬ ПРИГОТОВИТЕЛЬНАЯ.

О КОРНѢ ПУТИ, ОПОРѢ НА ДРУГА ДОБРОДѢТЕЛИ.

Здѣсь два предмета: 1) объ усвоеніи предварительнаго упованія и рѣшимости, 2) о томъ, какъ должно опираться на друга добродѣтели (т.-е. наставника).

1.

Нѣкоторые ученые говорятъ: «такъ-какъ начало всякаго «ученія есть единственно опора на друга добродѣтели, то «кромѣ этого и не должно быть ничего приготовительнаго», и это многіе принимаютъ за чистыя начала. Но еслибъ это было такъ, то поелику тотъ, кто, изучая наставленія объ опорѣ на друга добродѣтели, приготовляется къ порядку пути боди, есть укрощаемый, слѣдуетъ допустить, что укрощаемымъ можетъ быть и не уповающій на три драгоцѣнности. (11) Таковой же укрощаемый, потому самому, что не уповаетъ на три драгоцѣнности, не входитъ въ разрядъ внутреннихъ, или буддистовъ. Джово-Адиша и Шаандева (основатель одного подраздѣленія секты Мадьямика) принимали, что внѣшніе и внутренніе (не-буддисты и буддисты) различаются упованіемъ, и въ подраздѣленіяхъ порядка пути *боди* сказано: «великія двери, чрезъ которыя входятъ въ вѣру, есть упованіе».

Другіе говорятъ: хотя упованіе и нужно, но рѣшимость здѣсь нейдетъ, потому-что послѣ того, какъ укрощаемый

опрется на друга добродѣтели, будетъ слѣдовать отдѣлъ ученія для малыхъ существъ. Но и это нельзя принять за сообразное. Вмѣсто-того, чтобы въ отдѣлѣ ученія для малыхъ существъ преподавать и то, что нужно собственно для малыхъ, и то, что нужно для всѣхъ вообще существъ, лучше въ этомъ приготовительномъ отдѣлѣ изложить все то, что не касается только малыхъ существъ, ищущихъ въ будущемъ только высшаго перерожденія, а относится къ общему ученію и служитъ какъ бы почвою для основанія пути и высшихъ и среднихъ существъ. Сказано, что для введенія новичковъ въ существо высшаго, совершеннѣйшій буда преподалъ способъ въ видѣ лѣстницы. И еще: «если бы ученіе, относящееся къ низшимъ и «среднимъ существамъ, было только приготовительнымъ для «высшихъ, то, такъ-какъ требовалось бы только установить «на путь высшихъ, какая была бы надобность низшія и сред«нія средства называть порядкомъ общаго пути?» Поэтому лице, которому преподается ученіе въ настоящемъ отдѣлѣ, есть укрощаемый (руководимый къ боди) для великихъ средствъ, но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, такой, который предварительно долженъ пройти состояніе малыхъ существъ. А если такъ, то причислить сюда статью о рѣшимости не только не будетъ вредно, но и весьма хорошо. Мой высокій лама, принявъ за основаніе текстъ руководства *Рашіяну алтанъ хайлумалъ (расплавленное золото нектара)*, соблаговолилъ дополнить порядкомъ двухъ путей, и потому у него *упованіе* и *рѣшимость* ясны. Въ основныхъ текстахъ не говорится ясно объ *упованіи* и *рѣшимости*, относящихся къ приготовительному отдѣлу. Поэтому многіе, не видавъ руководствъ, сами не видали и не слыхали о связи ученія, а, между-тѣмъ, усиливаются поучать. По ихъ разумѣнію, это справедливо.

Итакъ, во-первыхъ, объ упованіи: изъ *Сайшіяху дзукистай сайшіялунъ мактагалъ (хвалебный гимнъ, которымъ пристойно восхвалять):* «Есть ли такое бѣдствіе, изъ котораго ты (будда), «не извлекалъ существа, и есть ли такое благо въ мірѣ, котораго ты не доставлялъ?» Итакъ, значитъ, нѣтъ никакого спасенія существъ отъ страданій въ этой и будущей жизни и нѣтъ никакого наслажденія благами бытія и достиженія цѣлей, которыя происходили бы не отъ силы будды, а отъ какой-нибудь другой причины. Поэтому исполненный первѣй-

шихъ достоинствъ есть будда. Но эти его высокія достоинства произошли отъ истинъ *ограниченія* и *пути* (12); выполняющій же надлежащимъ образомъ эти истины долженъ относиться за наставленіями къ духовнымъ лицамъ высшихъ или низшихъ степеней. А поэтому и должно прежде всего возбудить въ себѣ самое живое упованіе на этихъ верховныхъ покровителей (т.-е. на будду, ученіе и духовенство) и просить ихъ отнынѣ до тѣхъ поръ, пока не получишь достоинства будды, быть защитниками, покровителями и друзьями. Должно также съ чувствомъ и трепетомъ вѣровать, что они съ радостію явились быть твоею защитою и упованіемъ. По силѣ этой вѣры, эти защитники, такъ-какъ они обладаютъ высшими совершенствами вниманія, сострадавія и могущества, явятся, наподобіе птицъ, парящихъ по небу, принять подъ свою защиту укрощаемаго. Это составляетъ сокъ въ связи условій. А поэтому и сказано: кто живо вѣруетъ, предъ тѣмъ не по вѣрѣ только, но на самомъ дѣлѣ присутствуетъ могущественный (т.-е. будда). Но не должно употреблять слова упованія подобно тому, какъ употребляются таинственныя изрѣченія. Повторять слова упованія безъ разумѣнія ихъ смысла значитъ только затворить ворота пустыхъ словъ.

Узнавъ, такимъ-образомъ, своихъ покровителей, какимъ-образомъ уповающій на нихъ долженъ возбуждать въ себѣ чувство упованія? По силѣ дѣлъ и суеты, погрязая въ безпредѣльномъ и глубокомъ морѣ круговращенія и страданій, подъ тяжестію трехъ золъ (пристрастія, гнѣва и глупости), должно чувствовать такой же страхъ, какъ бы сейчасъ готовъ былъ убить тебя кровожадный врагъ. Сознавая же, что силою освободить отъ этой опасности обладаютъ только три драгоцѣнности (будда, ученіе и духовенство), должно благоговѣть предъ ними, желать проявить въ себѣ ихъ высокія достоинства и возбуждать въ себѣ такое упованіе, чтобъ говорить: радость или страданіе, добро или зло, что бы ни было — вы вѣдайте. Такъ-какъ у самого нѣтъ могущества по силѣ милосердія спасти отъ страданій всѣ существа, должно молиться о нихъ (о всѣхъ существахъ) тремъ драгоцѣнностямъ, чтобъ онѣ были ихъ защитою и опорою.

Изъ дверей убѣжденія въ этомъ должно говорить слѣдующее: «начиная съ сего времени до тѣхъ поръ, пока я и всѣ

«существа, число коихъ равно предѣламъ неба, не достигнемъ «сердца боди, уповаю на славныхъ и великихъ ламъ; уповаю «на совершеннѣйшихъ буддъ; уповаю на высочайшее ученіе, «уповаю на святое духовенство.» Это нужно повторять, считая какъ бы по четкамъ, по меньшей мѣрѣ 21 разъ, по большей до 300 разъ, болѣе, или менѣе — произвольно. Кто сначала тороплявъ въ приготовленіяхъ къ добродѣтели, это знакъ, что онъ не умѣетъ усвоять; а еще сказано: «кто сначала долго мѣшкаетъ, тому легко попасть подъ вліяніе или ослабленія, или чрезмѣрнаго усердія, а кто къ этому привыкнетъ, тому трудно послѣ исправить себя». А поэтому умѣренно увеличивай число. Если будешь постоянно отрывать хвостъ излишняго расположенія къ подвигамъ, не потеряешь впослѣдствіи расположенія ни къ какому подвигу: иначе, можетъ случиться то, что лишь увидишь коверъ (на который садятся созерцать), какъ-будто позоветъ тебя на рвоту. Итакъ, съ самаго начала весьма важно не доходить до отвращенія къ тому, что бьетъ по носу.

Наконецъ, по усвоеніи упованія, нужно изъ дверей живаго чувства сказать 7 или 21 разъ и проч., смотря по обстоятельствамъ, слѣдующее: «уповаю на ламу и на три драгоцѣнности. А вы благословите мой корень (духъ). Особенно благословите на то, чтобы въ моемъ корнѣ скоро родился порядокъ пути трехъ родовъ существъ». Это дѣло первой важности, для того, чтобы силою молитвы высочайшему предмету, тремъ драгоцѣнностямъ, родилось въ душѣ желаніе подняться снизу. А поэтому есть наставленіе: когда сила мысли бываетъ такъ слаба, что слушаешь — слова не запоминаются, мыслишь — смысла не понимаешь, созерцаешь — ничто въ корнѣ не рождается, тогда должно опираться на внѣшную силу.

Итакъ, сознавъ необходимость упованія, должно упражняться въ тѣхъ наставленіяхъ объ упованіи, которыя здѣсь кратко преподаны. А отсюда, какъ слѣдствіе, вытекаетъ то, что должно собирать собраніе (заслугъ) изъ дверей почитанія (т.-е должно поклоняться, приносить жертвы и проч.). Какъ однимъ камнемъ, брошеннымъ изъ пращи, за одинъ разъ можно прогнать сто птицъ, такъ, вслѣдствіе упованія и молитвы, вначалѣ, силою высочайшихъ предметовъ (т.-е. трехъ

драгоцѣнностей), родятся въ корнѣ всѣ пути (т.-е. одинъ за другимъ: низшій, средній и высшій, къ достиженію боди).

О рѣшимости. Рѣшимость должно выражать въ слѣдующихъ словахъ: «постараюсь, для пользы всѣхъ существъ, получить достоинство совершеннѣйшаго будды и для сего усвою порядокъ пути трехъ родовъ земнородныхъ». Представляя въ умѣ смыслъ этихъ словъ, должно проговорить ихъ языкомъ трижды или семь разъ, сколько нужно. Это дѣло первой важности, чтобы, вслѣдствіе рѣшимости, всѣ добродѣтели восхожденія послужили основаніемъ для полученія достоинства будды.

2.

Корень дѣйствительнаго пути, существенное въ приготовительномъ отдѣлѣ, о томъ, какъ должно опираться на друга добродѣтели.

Въ *судуръ аймакунъ чимэкъ* (украшеніе отдѣленія сутръ): «Должно опираться, какъ на друга добродѣтели, на того, кто «благонравенъ, кротокъ, совершенно успокоенъ, усердно заботится о достоинствахъ, богатъ практическими наставленіями, «въ совершенствѣ понимаетъ существо вещей, искусенъ въ «словѣ, исполненъ любви и презираетъ скуку и утомленіе». Итакъ, тотъ, на кого должно опираться, другъ добродѣтели, долженъ обладать слѣдующими совершенствами: онъ, совершенно укротивъ свой корень изъ дверей трехъ превосходныхъ упражненій, обладаетъ достоинствами многократно слышавшихъ наставленія, понимаетъ непремѣнную сущность, обладаетъ совершенствомъ наставленій мудрости, несравненно превосходитъ своихъ учениковъ достоинствами, умѣетъ надлежащимъ образомъ раскрывать смыслъ наставленій, по строгости своего вниканія пріятенъ для ушей укрощаемыхъ, искусенъ водительствовать на истинномъ пути, не заботясь о пользѣ, почестяхъ и проч., онъ исполненъ любви и сострадапія къ страждущимъ существамъ, силенъ и усерденъ дѣйствовать на пользу ближнихъ, не скучаетъ и не утомляется непрестаннымъ преподаваніемъ ученія и терпѣливъ въ перенесеніи тяжести трудныхъ подвиговъ. Исполненный таковыхъ достоинствъ высокій лама обладаетъ сосудомъ преподаванія высочайшаго ученія.

Объ укрощаемомъ (т.-е объ ученикѣ) въ *Дурбэнъ дзагуту* (въ четырехсотенной) сказано: «укрощаемый долженъ быть «внимательнымъ, разумнымъ, жаждущимъ ученія и обладающимъ сосудомъ слушанія». Итакъ, ученикъ долженъ быть далекъ отъ односторонности: отъ пристрастія къ своимъ и ненависти къ чужимъ; онъ долженъ быть уменъ, чтобы различать доброе и худое ученіе, что̀ нужно принимать и что̀ отвергать; онъ долженъ быть исполненъ чрезвычайнаго рвенія къ высочайшему ученію; долженъ вѣрить преподающему и наилучшимъ образомъ устремлять свою мысль: таковыми пятью достоинствами долженъ обладать ученикъ. Если свести вмѣстѣ такого ученика и такого учителя, то, какъ двукрылая птица не затрудняется летать по небу, не будетъ трудности въ выполненіи совершенной переправы (черезъ море перерожденій).

Въ отношеніи обладающаго такими свойствами ученика къ другу добродѣтели нужно различать: отношеніе по мысли и отношеніе по дѣйствіямъ.

Отношеніе по мысли. Изъ *Эрдэни дзулайнъ токтоголъ* (уставъ драгоцѣнной лампады): «Первоначальное благоговѣніе «плодотворно, какъ мать. Оно хранитъ и умножаетъ всѣ достоинства; уничтожаетъ сомнѣнія и переправляетъ черезъ «рѣки затрудненій. Благоговѣніе можно сравнить съ городомъ «счастія. Благоговѣніе — чистая вода, очищающая духъ. Оно «уничтожаетъ гордость и есть корень вѣрованія. Благоговѣніе «лучше имущества, денегъ и ногъ. Оно руки для собиранія «добродѣтели». Согласно этому ученію, необходимо возбудить въ себѣ неотторгаемое благоговѣніе къ своему другу добродѣтели и смотрѣть на него, какъ на освободившагося отъ всѣхъ недостатковъ и исполненнаго всякихъ совершенствъ.

Но такъ-какъ, по силѣ пристрастія къ преніямъ, ламы смѣшиваютъ въ себѣ совершенства съ недостатками, и такъ-какъ вообще на взглядъ укрощаемыхъ, еще не очистившихъ собственныхъ дѣлъ, представляется въ смѣси добро и зло, то прежде всего нужно заграждать мысль, соблазняющуюся недостатками. Когда заградится эта мысль, тогда лама будетъ представляться исполненнымъ всѣхъ совершенствъ. Когда искусный врачъ даетъ сильное лекарство, сначала скрытыя болѣзни приходятъ въ движеніе и на нѣкоторое время яв-

ляются усиленные болѣзненные припадки, а потомъ уже все успокоивается. Подобно этому, для очищенія мысли, соблазняющейся недостатками ламы, сначала нужно живѣе представить тѣ дѣйствія его, которыя представляются порочными. Когда мы не обращаемъ особеннаго вниманія на поступки какого-нибудь давно намъ извѣстнаго лица, друга, недруга или безразличнаго, они представляются намъ смутно и въ насъ не происходитъ отъ вліянія ихъ никакихъ явленій трехъ золъ (пристрастія, гнѣва и глупости). Но если мы начнемъ разбирать явленія, какъ бы подстерегая соблазны, добрыя и худыя ихъ дѣйствія представятся намъ не какъ давно кончившимися, а какъ бы сейчасъ совершающимися, и возбудятъ въ насъ пріятныя или непріятныя ощущенія. Подобнымъ образомъ, когда будешь представлять форму тѣла своего великаго и славнаго ламы, звукъ его голоса, глубину мысли, великое и малое, — словомъ, все, начиная съ мелочей: походки, одежды, манеры кушать и пр., до самыхъ возвышенныхъ дѣйствій,—все, какъ оно есть: хорошее, худое или безразличное, и когда представишь все это въ надлежащемъ видѣ, явится такое живое представленіе, какъ будто все это, хорошее и худое, сейчасъ совершается. Итакъ, размышляй, пока не достигнешь такого представленія.

Послѣ того въ тебѣ родится такое раздумье: представляется, что у ламы есть недостатки. Но на самомъ ли дѣлѣ есть то, что представляется мнѣ? Если нѣтъ, то почему же это представляется?

Затѣмъ размышляй такъ: у него, у высокаго ламы, возможно ли, чтобъ былъ такой-то порокъ или такой-то недостатокъ? Это я самъ, находясь въ-продолженіе безчисленныхъ перерожденій подъ вліяніемъ препятствій отъ дѣлъ и суеты, вижу то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Отъ обмана чувствъ бѣлоснѣжная гора представляется голубоватою; для глазъ, пораженныхъ болѣзнію желчи, и раковина представляется желтою. Какое различіе между этимъ и моими представленіями о недостаткахъ ламы? И еще: почему знать, можетъ-быть, онъ намѣренно показываетъ въ себѣ тѣ или другія несовершенства, имѣя въ-виду, по способу примѣнительности, доставить пользу одушевленнымъ существамъ, подверженнымъ вліянію трехъ золъ. Размышляй такимъ образомъ чаще.

Но такъ-какъ недостаточно останавливаться на размышленіяхъ, основанныхъ только на довѣріи, какъ свойственно глупымъ и созерцателямъ, то нужно получить убѣжденіе въ этомъ изъ разсмотрѣнія примѣровъ и причинъ.

Совершеннѣйшій будда, покончивъ всѣ недостатки, былъ исполненъ всѣхъ совершенствъ; но и съ нимъ саинъ-одонъ-Девадата (двоюродный братъ и врагъ Шакія-муни) и другіе противники его дѣлали то, что казалось, будто въ немъ куча недостатковъ и пороковъ. Хутукта Дурбэлъ-угэй видѣлъ переправителя Майтарія ([13]) въ-видѣ суки, вертѣвшей хвостомъ. Свѣтъ учитель Буддаджнана видѣлъ своего духовнаго наставника Маньджушрія въ-видѣ женатаго стараго тойна, который, обвивъ свою голову священными одеждами, раскапывалъ землю, варилъ въ ямѣ разныхъ животныхъ и жарилъ живьемъ рыбу. И Гецулъ-чембо видѣлъВачиръ-гахай-экэ въ-видѣ женщины, у которой на шеѣ была язва. Въ книгѣ *Эцэгэ-кубэгунъ дэулгалдуксанъ* (встрѣча отца съ сыномъ) сказано: «И востину пришедшіе (т.-е. будды) для пользы «существъ являются въ-видѣ *шимнуса*» (соблазнителя, или дьявола.)

Когда ты будешь думать, что между этими примѣрами и тѣмъ, что̀ ты видишь въ своемъ ламѣ, нѣтъ различія, тогда, какъ-будто сквозь отверстіе, проникнетъ солнечный лучъ въ темноту: все, что̀ казалось въ ламѣ возмутительнымъ и чернымъ, представится безпорочнымъ и яснымъ. Этимъ путемъ размышленій и новички могутъ достигнуть до твердаго убѣжденія. Если, такимъ-образомъ, увѣришься, что твой лама свободенъ отъ недостатковъ, и въ силу этой увѣренности сознаешь его исполненнымъ всякихъ достоинствъ, это будетъ значить: побѣдить могуществомъ твердости своего духа совершенства и недостатки того друга, съ которымъ оставалось только разстаться.

Размышляй чаще и со всѣмъ напряженіемъ мысли о достоинствахъ своего друга добродѣтели, какія только въ немъ есть: что онъ мудръ, непороченъ, уменъ, или, по-крайней-мѣрѣ, мало пристрастенъ къ предметамъ, хорошій чтецъ и проч.; размышляй, что вотъ и вотъ какія у него высокія достоинства. Вслѣдствіе этого, хотя бы и были въ немъ какіе-нибудь недостатки: жадность къ вещамъ, малоученость и

проч., они, подавленные этими размышленіями, сдѣлаются какъ бы невидимыми. Такъ, луна во время ущерба хотя и восходитъ на небо, но отъ солнечнаго свѣта не бываетъ видима. Закрывать для себя сколько возможно недостатки своего учителя и умножать въ себѣ благоговѣніе къ его достоинствамъ, даже малымъ это корень собранія заслугъ и мудрости; а потому это великая пружина. Такое высокое, не отторгаемое благоговѣніе, хотя бы тебѣ самому не принесло дѣйствительной пользы отъ плодовъ ученія, будетъ полезно для тѣхъ, которые будутъ слышать только хорошую славу.

Для возбуженія въ себѣ вѣры весьма полезно воспоминать цѣну ученія. Для сего размышляй слѣдующимъ образомъ: хотя бы будды, очистившіеся отъ всѣхъ пороковъ и обладающіе всѣми достоинствами, были безчисленны, какъ песокъ рѣки Ганга, но, по моему низкому жребію, я недостоинъ слышать ученіе отъ нихъ. Во благѣ ходящіе (т.-е. будды) всѣхъ трехъ временъ, для руководства лживыхъ, грубыхъ и трудноукротимыхъ существъ, являются на землю, перемѣняя собственный образъ на простой видъ. Поэтому мой великій лама, при отсутствіи въ немъ недостатковъ и полнотѣ достоинствъ, ничемъ не отличается отъ будды, а для меня собственно даже выше буддъ. Вообще, будды, не отторгаясь отъ блаженнаго *отвлеченнаго бытія*, для пользы бодисатвъ и другихъ немногихъ существъ, показываютъ бытіе *совершенной радости*. Но такъ-какъ и этотъ видъ не удобенъ для шраваковъ, пратіековъ и простонародія, то на Джамбутибѣ (на землѣ) они являются развивать и наставлять людей на путь переправы, въ формахъ бытія *измѣняемаго*. (14) Эти будды хотя не отвергаютъ никого, ни близкаго, ни далекаго, но, подобно тому, какъ въ пещеру, обращенную къ сѣверу, не проникаютъ лучи солнца, по силѣ собственныхъ дѣлъ и своей участи, я не удостоился встрѣтиться съ ними и быть сосудомъ для принятія нектара ихъ ученія. А потому я до сихъ поръ вращался и вкушалъ страданія въ безпредѣльномъ круговращеніи. Да и нынѣ, когда я достигъ перерожденія въ человѣка, еслибъ я не сошелся съ этимъ высокимъ другомъ добродѣтели, я скитался бы тамъ, гдѣ нѣтъ возможности услышать даже и звукъ трехъ драгоцѣнностей (т.-е. о буддѣ, ученіи и духовенствѣ). Теперь же, хотя бы я встрѣтился съ дѣйствительнымъ буд-

дою, мнѣ нѣтъ основанія итти прочь отъ своего учителя. Мой другъ добродѣтели передаетъ мнѣ глубокое и обширное ученіе будды. Только бы я самъ былъ въ-состояніи усвоить, нѣтъ сомнѣнія, что я достигну освобожденія (отъ перерожденій) и всевѣдѣнія. Если высоко цѣнится заслуга тѣхъ, кто въ настоящей жизни спасаетъ отъ враговъ, болѣзней и проч. или раздаетъ пищу, одежду, имущество, то для оцѣнки заслуги того, кто спасаетъ отъ общихъ и частныхъ мученій въ круговращеніи и доставляетъ вѣчное, высочайшее блаженство, мало наполнить золотомъ всѣ три тысячемірія. ([15]) Итакъ, собственно для меня заслуги моего ламы несомнѣнно болѣе заслугъ всѣхъ буддъ трехъ временъ.

Таковую вѣру и благоговѣніе передумавъ въ сердцѣ до дна своихъ костей, созерцай до тѣхъ поръ, пока всѣ волоски на тѣлѣ твоемъ зашевелятся и изъ глазъ польются слезы. Если желаешь это распространить, дѣлай въ родѣ объясненія, какъ показано въ *Модонь-дзукіялъ (деревянныя украшенія)*, благозвучные стихи: «это мой другъ добродѣтели, преподающій «ученіе», и проч.

Отношеніе по дѣйствіямъ. Въ *Ламайнъ-табинъ-дукца* сказано: «какая нужда здѣсь много говорить? Дѣлай все, что ра«дуетъ ламу, и тщательно вникай, чтобы избѣжать всего, что «не радуетъ его.» Итакъ, нужно только исполнять все, что радуетъ ламу, и оставлять все, что не радуетъ его. Потому въ древности всеобщій учитель (будда Шакямуній), для того, чтобы выслушать одинъ куплетъ, втыкалъ въ свое свѣтлое тѣло 1,000 свѣчъ, прокалывалъ его 1,000 гвоздями, отдавалъ дѣтей, жену, подданныхъ и все имущество (все это было въ его прежнихъ перерожденіяхъ); также Насуда-уйлакчи бодисатва почиталъ хутукту Арія-дарму; Наро (учитель Марбы) почиталъ Дуло; Великій Джово Адиша, чтобы увидѣть мысль *боди* у ламы Сэръ-линъ-па, претерпѣлъ трудности на великомъ морѣ; Бромъ почиталъ Джово; Сэ (бсэ) почиталъ Брома; Мила (или Мид-ла, р. 1040) Марбу (р. 1012), и проч. Въ жизнеописаніяхъ древнихъ великихъ ламъ безчисленное множество примѣровъ, какъ они переносили разныя трудности, не щадя ничего — ни себя, ни имущества.

А лама, хотя бы онъ на имущество и проч. вовсе не смотрѣлъ, въ настоящемъ случаѣ поступитъ такъ, какъ-будто онъ

дорожить этимъ. Это съ тою цѣлію, чтобы доставить случай укрощаемому сдѣлать доброе дѣло. Потому-что когда ты поднесешь что-нибудь ламѣ, это то же, какъ бы вѣчно приносилъ дары всѣмъ буддамъ. Это есть собраніе заслугъ приношенія и высшее совершенство между собраніями.

Итакъ, чтобы выполнить главнѣйшее въ собраніи заслугъ, должно отдавать все, что есть дорогаго у тебя. Хотя бы лама потребовалъ чего-нибудь труднаго и какъ бы вовсе неисполнимаго, надобно думать: безъ-сомнѣнія, рѣдкій для меня этотъ день, и рѣшиться на все не колеблясь. Если ты что-нибудь не исполнишь, когда въ-самомъ-дѣлѣ будетъ что-нибудь невозможное, или если что-нибудь не можешь надлежащимъ образомъ исполнить, извиняйся словами. Для сего нужно быть находчивымъ въ словахъ. Но никогда не должно слова ламы оставлять безъ вниманія.

Главное, въ чемъ совершенство выполненія, состоитъ въ томъ, чтобы радовать ламу. А потому все, что ни будетъ преподано, нужно укоренять въ себѣ чрезъ слушаніе, размышленіе и созерцаніе. Если не такимъ образомъ ты будешь относиться къ своему наставнику, это будетъ источникомъ всякаго зла, а если такимъ образомъ, это будетъ источникомъ собранія заслугъ. Подобное преподано въ *Модонъ дзукіялунъ эдуръ*, *Вачирбани дуръ обишикъ угуксэнъ тантра* и другихъ поученіяхъ, мнѣніяхъ и толкованіяхъ.

Убѣдясь въ предъидущемъ ученіи, нужно выполнить его на самомъ дѣлѣ, а не въ однихъ только словахъ. Но такъ-какъ новички не могутъ, подобно Насуда-уйлакчи, отдавать безъ сожалѣнія все, не щадя и собственной своей жизни, то относительно такихъ предметовъ, которые не могутъ выполнить на самомъ дѣлѣ, они должны полагать обѣты (исполнить въ другомъ перерожденіи); а то, что могутъ выполнить, должны усвоять, примѣняясь къ мѣсту и времени. Такая примѣнительность не нужна только для усвоенія самаго руководства.

Усвоеніе предъидущаго ученія, въ подраздѣленіяхъ порядка пути *боди*, называется краткимъ изложеніемъ образа собиранія: это дѣйствительный смыслъ сего отдѣла, и потому это ученіе должно быть принято за существенное въ усвоеніи отношенія къ учителю по дѣйствіямъ. Въ старинныхъ руководствахъ это называлось приготовленіемъ къ опорѣ на друга

добродѣтели. Но хотя это полагается въ началѣ, однако, самое это приготовленіе посредствомъ предъидущихъ размышленій должно быть отнесено къ собранію заслугъ. Нынѣ этого не представляютъ въ такомъ видѣ: это было только въ біографіи Сэрлинг-па (учителя Адиши).

Очистивъ и осѣнивъ мѣсто, растели для высочайшей рѣдкости (т.-е. ламы и, въ-видѣ его, самого будды) основаніе тѣла, слова и мысли и приготовь, какое можешь, угощеніе. Въ старанныхъ руководствахъ преподавалось, что должно начинать молитвы, очистившись таинственнымъ изрѣченіемъ *собавы*. Въ сочиненіи *Меньджушри-дэр-лунг-прак-ба-лодой-джамцо* основной лама (т.-е. дѣйствительный наставникъ) принимается за Маньджушрія и въ молитвахъ многократно повторяется лій (16). Въ другихъ руководствахъ представляютъ ламу Чидакчи Эркэту (эпитетъ будды: значитъ — могущественный владыка) или Вачиръ-дарою; представляютъ ламъ, расположенными въ-видѣ будды мандрала, среди множества листьевъ падмы (лотуса), и окруженными съ правой и лѣвой сторонъ сѣдалищами въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ это бываетъ при служеніи въ капищахъ. Но такъ-какъ въ этомъ примѣшаны пріемы, относящіеся къ таинственнымъ изрѣченіямъ, то все это нимало не сообразно съ характеромъ настоящихъ упражненій.

Здѣсь относящееся до умственнаго созерцанія ламы, такъ же, какъ показано въ Утачіинъ-судуръ, должно состоять въ освященіи мѣста и вещей и въ призываніи гостей. А потому сначала должно произносить молитвы: «*истина трехъ драгоцѣнностей.... Благословеніе будды и бодисатвъ.... Выполнившій двоякое собраніе заслугъ и совершенно очистившій духовное существо свое.... Силою моею благоговѣнія и вѣры освятится мѣсто, тронъ и проч.... Вся земля чиста ...*» и проч. Потомъ, соотвѣтственно этому освященію мѣста и предметовъ, вообрази мѣсто ровное, какъ ладонь, и на немъ драгоцѣнный престолъ, поддерживаемый львами; по правую и лѣвую сторону его также драгоцѣнныя сѣдалища, по числу ламъ, со всѣхъ сторонъ украшенныя превосходною рѣзьбою. Затѣмъ призывай словами молитвъ: «Не отторгаясь отъ чистаго духовнаго средоточія, подобнаго расплавленному золоту, взирающіе по безпредѣльному милосердію на существа десяти странъ и распро-

«страняющіе дѣла сына побѣдителей (т.-е. будды), ламы трехъ «временъ, соблаговолите притти на сіе мѣсто».... и еще: «защита всѣхъ безъ изъятія существъ», и проч. Потомъ представь съ вѣрою, что, вслѣдствіе этого призыванія, явился въ лицѣ твоего ламы самъ несравненный учитель царь Шакя (Шакямуни), окруженный ламами корня широкихъ поступковъ и корня глубокихъ воззрѣній, а около нихъ, какъ группы облаковъ, духовныя лица трехъ средствъ, низшихъ и высшихъ, какъ показано въ повѣсти о прекрасной дѣвѣ изъ Магады; представь, что они явились и сѣли на готовыхъ (т.-е. воображаемыхъ) для нихъ сѣдалищахъ. Далѣе вообрази купальню, наполненную благовонными водами, а себя представь въ числѣ ста, тысячи, десяти тысячъ, сколько можешь представить, и вообрази, что вы (т.-е. ученикъ, воображающій себя во множественномъ числѣ, для бо́льшей торжественности) держите драгоцѣнные сосуды, наполненные благовонною водою. Затѣмъ предлагай омовеніе словами стиховъ: «Едва только «встрѣтились».... и проч., «хотя тѣло, слово и мысль побѣди«телей не причастны суетѣ».... и проч.; также стихами, примѣненными къ шести парамитамъ (средства спасенія, о которыхъ будетъ говориться въ послѣдней части этого сочиненія) и проч., пространно или кратко, примѣняясь къ случаю. Хотя эти являющіяся (въ воображеніи) лица въ-существѣ дѣла не могутъ быть осквернены какою-нибудь нечистотою, но это дѣлается для очищенія того, что́ представляется нечистымъ на взглядъ неочищеннаго зрѣнія одушевленныхъ существъ. Все это, что сказано объ омовеніи, окропленіи, выравниваніи и очищеніи мѣста, о восхваленіи и проч., должно исполнять на самомъ дѣлѣ, когда ты находишься предъ лицемъ ламы; въ-замѣнъ же этого, есть средство радовать ламу изъ дверей приношенія ему подарковъ, о чемъ говорилось выше. Наконецъ упрашивай прибывшихъ (въ воображеніи) лицъ дольше посидѣть въ собраніи, въ силу ихъ милосердія къ тебѣ и другимъ существамъ, предлагая имъ эссенціи, наполняющія всѣ три міра благовоніемъ, мягкія, легкія и свѣтлыя ризы небожителей и прочее (тоже воображаемое).

Изъ семивѣтвенныхъ дѣйствій, заключающихъ въ себѣ пружину собранія (заслугъ) и очищенія, первое: *поклоненіе*. Оно состоитъ въ тѣлесномъ поклоненіи, соединенномъ съ не-

отторгаемымъ стремленіемъ мысли къ предметамъ упованія. Поклоненіе должно дѣлать, начиная съ несравненнаго предводителя и учителя, совершеннѣйшаго будды, каждому изъ всѣхъ прославленныхъ ламъ, преемственно получавшихъ корень широкихъ поступковъ и глубокихъ воззрѣній, до ближайшаго ламы. При поклоненіи произноси слѣдующую молитву: «молюсь всеславнымъ ламамъ: свѣту великому мудрецу Ширабъ-ши-нингъ, всевѣдущему Гендунъ-руб-ба (1-й далай-лама, основавшій въ 1447 году монастырь Даши-хлумбо), и проявившему совершенство трехъ свойствъ Оръ-бу-санъ. Молюсь тремъ великимъ друзьямъ добродѣтели: благозвучному, улыбающемуся Гэндунъ-Джамцо (2-й далай-лама, р. 1476 г.), солнцу рѣчи Гэликъ-бал-сан-бу, и мудрому небожителю тойну (буддійской монахъ) Соднамъ-балъ-сану. Молюсь тремъ великимъ мудрецамъ: держащему лотусъ въ рукѣ свѣту Соднамъ-Джамцо (3-й далай-лама, р. 1543 г.), источающему рѣки глубомысленныхъ наставленій Чой-бал-сану, и владыкѣ и сокровищницѣ всего высокаго, свѣту Цад-ду-ри-ва. Молюсь славному несравненными словами, называемому Шри-губ-ди, владыкѣ языка Лу-бсанъ-джамцо (5-й далай-лама, р. 1617 г.), съ сонмомъ вседержащихъ (т.-е. ламъ), принявшихъ дѣйствительное преданіе и обладающихъ сокровищницею глубокаго, обширнаго и великаго ученія.» Эту молитву повторяй съ каждымъ поклоненіемъ. Должно также поклоняться всѣмъ призваннымъ сынамъ побѣдителей, словами: «кто бы ни былъ и сколько бы ни было».... и проч.

Между почестями первое мѣсто занимаетъ *мандралъ*. (17) *Мандралъ* долженъ быть сдѣланъ изъ драгоцѣннаго матеріала, но за недостаткомъ можетъ быть сдѣланъ и изъ каменной плиты. Для устроенія на немъ кучекъ *(цомбо)* нужно приготовить зерна и проч. Первоначальное число кучекъ должно быть тридцать-семь, но, по произволу, можно и только семь. Обходи его отъ 21 раза до ста и возноси, соображая стремленіе мысли съ словами.

Въ настоящее время нѣкоторые, для собранія заслугъ, не принесши на самомъ дѣлѣ ни одного зерна и нисколько не утомляя ни тѣла своего, ни языка, говорятъ: мы вѣруемъ и непрестанно созерцаемъ. Къ такимъ можно отнести слова Бодвы: «Въ чашу поганой раковины положивъ дикое *куджи*

«(благовонная трава), ты называешь это сандальною, камфар«ною и шафранною водою: ужели слѣпой можетъ закружить «голову зрячимъ?» Когда у тебя есть что́ принести въ даръ, если ты, по скупости или небрежности, принесешь худшее, или мало, или вовсе ничего не принесешь, это только тѣмъ и кончится, что ты выведешь наружу внутреннiе признаки недостатка въ тебѣ благоговѣнiя къ ученiю и къ лицу учащему. Въ настоящее время истиннымъ образомъ принимающiе и усвояющiе ученiе рѣдки, какъ дневныя звѣзды. А если есть нѣкоторые, занимающiеся ученiемъ, то они, подобно двуногимъ (т.-е. людямъ) страны Чуда, не сходятся съ людьми и говорятъ: мы не будемъ въ усвоенiи ученiя примѣняться къ глупцамъ, и съ гордостiю и наглостiю не хотятъ уважать ни ученiя, ни преемства ламъ. Они подобны нѣкоторымъ мелкимъ царямъ страны Ганьджи, которые убьютъ своего отца и бьютъ въ бубны, хвалясь, что побѣдили. Очень много такихъ; но не должно допускать въ себѣ такого хвастовства и дерзости.

Кромѣ *мандрала* другiя почести: подноси разныхъ родовъ воду въ чашахъ, балдахины, увеселяй разными удовольствiями, музыкой. Также, изъ дверей приличныхъ стиховъ, подноси удовольствiя для пяти желанiй, семь родовъ царскихъ наслажденiй и проч. При дальнѣйшемъ ходѣ дѣла и упражненiй, когда ты, по-поводу легкихъ успѣховъ въ чемъ-нибудь, на самомъ дѣлѣ или мысленно поднесешь какiе-нибудь дары: цвѣты, четки и проч., то смотри на это такъ: лица, которымъ ты это приносишь, чужды всякаго пристрастiя къ чему-нибудь; но они насладились изъ дверей великой радости твоимъ приношенiемъ, чтобы доставить тебѣ случай выполнить собранiе (заслугъ).

Далѣе: «по силѣ пристрастiя, гнѣва и глупости».... и прочими формулами дѣлай покаянiе изъ дверей противодѣйствiя препятствiямъ и грѣхамъ, собираемымъ изъ отверзтiй троихъ воротъ (т.-е. тѣла, языка и мысли.)

Если ты будешь словами: «всѣ побѣдители и бодисатвы десяти странъ».... и проч., стремиться къ блаженству сорадованiя всѣмъ корнямъ добродѣтели земнородныхъ и хутуктъ, то ты наравнѣ съ ними насладишься сдѣланными ими добродѣтелями.

Словами: «какiя только есть свѣчи мiра десяти странъ

«(т.-е. будды)».... и проч., должно просить ихъ вертѣть колесо ученія, и словами: «тѣ, которые желаютъ показать нирвану «(т.-е. умереть)».... и проч., должно просить ихъ не уходить изъ страны плача (т.-е. изъ міра). Преподано также: должно укрѣплять въ себѣ увѣренность, что они снизошли на твою молитву.

Сверхъ исчисленныхъ выше шести вѣтвей: поклоненія, почтенія, покаянія и проч., есть еще вѣтвь: предназначать всѣ заслуги (отъ исполненія предъидущихъ) для *боди*. Какъ капля воды, павшая въ море, до тѣхъ поръ не уничтожится, пока не истощится самое море, такъ и добродѣтель, предназначенная для *боди*, не потеряется, пока не достигнетъ *боди*. Итакъ, въ этомъ предназначеніи своихъ заслугъ для *боди* заключается пружина несмѣшиванія и чрезвычайнаго увеличиванія добродѣтели.

Въ старинныхъ руководствахъ преподавалось: дѣлай общее покаяніе и проч. Хотя это и нужно для совершеннѣйшаго выполненія исчисленныхъ выше вѣтвей, но такъ-какъ ниже будетъ объ этомъ сказано пространнѣе, то, въ-видахъ облегченія начала, въ настоящихъ руководствахъ этого не дѣлаютъ.

Все, начиная съ преподаннаго выше, предварительнаго и существеннаго, до возвышеннаго воззрѣнія, имѣетъ такой точный порядокъ, что предъидущее предназначается для послѣдующаго и потому, пространно или кратко будетъ преподано, необходимо должно быть усвоено. Поэтому, если, подобно нынѣшнимъ торопливымъ въ принятіи, будешь разсуждать по своему усмотрѣнію: какая въ томъ или другомъ нужда, то вся связь добродѣтели будетъ нечистою. Это преподается въ порядкахъ великаго и малаго пути. А потому великая пружина заключается въ томъ, чтобы разумные тщательно во все вникали. Но, и при этомъ вникаціи, всѣ тѣ, которые, не относясь къ другу добродѣтели, надѣются усвоить (порядокъ пути *боди*), сдѣлавъ своимъ ламою книгу, только напрасно утомляютъ себя на усвоеніи ложной добродѣтели.

Строгимъ карауломъ вниканія не должно допускать ни въ чемъ ни излишества, ни недостатковъ. Изъ дверей этого начала къ главному нужно прилагать все вниманіе, а въ промежуткахъ заниматься объясненіями и проч.

Сказано, что если будешь разсуждать: какая нужда въ мысли? приростъ достоинствъ чрезвычайно уменьшится. А потому нужно вникать, начиная отъ опоры на друга добродѣтели до стремленія къ мысли *боди*, гдѣ нужно преимущественно стараться изслѣдовать, и гдѣ, какъ, напримѣръ, въ стремленіи къ *успокоенному состоянію*, нужно только усвоять. Такъ, относительно опоры на друга добродѣтели: размышленіе о достоинствахъ ламы и проч., будетъ изслѣдованіе; а когда наконецъ, устранивъ всѣ зацѣпки, будешь возбуждать въ себѣ благоговѣніе, это будетъ усвоеніе. Въ пружинѣ стремленія къ *успокоенному состоянію:* частое размышленіе есть изслѣдованіе, а существованіе на кончикѣ (созерцаніе) есть усвоеніе. Когда предаются подвигамъ, не зная этого разграниченія и не дѣлая изслѣдованія и проч., тогда не можетъ быть надлежащихъ подвиговъ. И въ *судуръ-аймагунъ-чимэкъ* сказано: «основываясь сначала на услышанномъ, надлежащимъ обра-«зомъ дѣйствуй мыслію: вслѣдствіе надлежащаго дѣйствова-«нія мыслію постигнется истинная сущность и явится пре-«мудрость». Подобное весьма пространно преподано въ обширныхъ текстахъ.

Стихи на матерію отдѣла.

О! если почитается и называется великою заслугою то, когда даютъ пищу томимому голодомъ и жаждою или защищаютъ отъ угнетеній врага, то кто можетъ оцѣнить заслугу слова въ совершенствѣ держащаго (т.-е. ламы),—слова, избавляющаго отъ всѣхъ ужасовъ мученій въ безпредѣльномъ круговращеніи и какъ бы на ладони руки показывающаго драгоцѣнность вѣчныхъ радостей? Если трудно пріобрѣсть совершенство успокоеннаго состоянія, то какъ должно быть трудно пріобрѣсть достоинство будды, освобожденнаго отъ всѣхъ недостатковъ и обладающаго всѣми совершенствами! Кто доставляетъ эту великую славу, которую трудно пріобрѣсть и въ-продолженіе длиннаго числа калповъ (періодовъ міра), тотъ дѣйствительный образъ всѣхъ побѣдителей, трехъ временъ. Когда ты собственные свои недостатки принимаешь за дѣйствія ламы, сознавай, что это твои недостатки и отвергай, какъ ядъ, мысль порицать ламу. На все, что ни дѣлаетъ лама, смотрѣть чистымъ взглядомъ, съ наилучшей стороны, и во все,

что́ ни преподаетъ лама, вѣровать и все исполнять — это великая пружина для того, чтобы всѣ дѣла твои были дѣлами добродѣтельными и началомъ для достиженія радости совершенія всего, чего ни пожелаешь.

ЧАСТЬ СУЩЕСТВЕННАЯ.

О порядкѣ упражненія духа.

Здѣсь два предмета: 1) размышленія объ удобномъ (для пути къ *боди*) перерожденіи, ведущія къ усвоенію существа ученія, и 2) усвоеніе самаго существа ученія.

1) Размышленіе объ удобномъ перерожденіи.

Здѣсь три предмета: 1) сознать, что ты пріобрѣлъ удобное перерожденіе, 2) оцѣнить его важность и 3) размыслить о трудности пріобрѣсть его

1.

Изъ *Садуна-дзакируксанъ:* «принять ложныя воззрѣнія, «родиться или животнымъ, или биритомъ (чудовищемъ), или «въ аду, родиться на предѣлахъ свѣта, гдѣ нѣтъ ученія побѣ«дителей, сдѣлаться *тэрсомъ* (противникомъ буддизма), быть «глупымъ и нѣмымъ, родиться долговѣчнымъ *тенгріемъ* (небо«жителемъ) — это восемь несчастій, восемь неудобныхъ (для «пути къ *боди*) перерожденій. Получивъ свободное отъ всего «этого перерожденіе, стремись къ тому, чтобы больше не рож«даться.» Итакъ, перерожденіе, свободное отъ восьми показанныхъ выше неудобствъ, т.-е. свободное отъ ложныхъ воззрѣній, не въ странахъ злыхъ перерожденій, не на предѣлахъ земли, куда не приходилъ будда, не глупымъ и нѣмымъ, не долговѣчнымъ небожителемъ, есть потому перерожденіе, имѣющее восемь удобствъ. Быть человѣкомъ, родиться въ срединѣ (т.-е. въ Индіи), быть одареннымъ всѣми о́рганами чувствъ, не имѣть превратнаго направленія дѣлъ и быть благоговѣйнымъ — это еще пять удобствъ собственныхъ своихъ. Что явился будда и еще не вышелъ изъ страны плача (не умеръ), что самъ онъ или его шраваки (слушатели) проповѣдуютъ ученіе и вслѣдствіе этого вѣра существуетъ не осла-

бѣвая, что вслѣдствіе проповѣди многіе пріобрѣли плоды и, видя это, ты находишь для себя пособія и примѣръ — это составляетъ еще пять удобствъ, зависящихъ отъ другихъ. Итого восемьнадцать удобствъ Итакъ, ты пріобрѣлъ перерожденіе, обладающее восемьнадцатью удобствами. Но на это не довольно небрежно взглянуть, а нужно все внимательно пересмотрѣть, обративъ внутрь (то-есть приложивъ къ себѣ). Что ты, родившись человѣкомъ, и тѣмъ самымъ избѣгъ неудобствъ трехъ злыхъ перерожденій, на этомъ нѣтъ нужды останавливаться. Если ты знаешь о настоящихъ и будущихъ перерожденіяхъ, о дѣлахъ и ихъ послѣдствіяхъ и вѣруешь въ три драгоцѣнности, это значитъ, что ты свободенъ отъ превратныхъ воззрѣній. Такъ-какъ нынѣ явился четвертый будда калпы вѣры, могущественный Шакія, и существуетъ его вѣра, это значитъ, что и ученіе побѣдителей существуетъ. Въ снѣжномъ Тибетѣ хотя недостаетъ (въ-сравненіи съ Индіею) четырехъ удобствъ, но такъ-какъ есть отцы гэлюны (священники или полные аскеты буддійскіе), то въ существѣ дѣла и Тибетъ также средина (Индія). Если ты знаешь хотя нѣсколько словъ и мыслей вѣры, значитъ ты не глупъ и не нѣмъ. И, слѣдовательно, ты обладаешь первыми восемью удобствами.

Вообще, ты родился человѣкомъ, но главное — въ знаменитомъ ученіемъ Срединномъ царствѣ, одаренъ всѣми пятью органами чувствъ, не дѣлалъ пяти безвыходныхъ дѣлъ и пріобрѣлъ благоговѣніе къ тремъ драгоцѣнностямъ: значитъ, ты обладаешь и пятью собственными удобствами.

Изъ удобствъ, зависящихъ отъ встрѣчи съ другими, первыя четыре хотя трудно показать наглядно, но въ-существѣ дѣла ты обладаешь и ими: будда въ міръ приходилъ и преподалъ высокое ученіе; преподанная имъ вѣра существуетъ неослабно; послѣдователи этой вѣры, хозяева благотворительности, доставляютъ тебѣ пищею и одеждою надлежащее пособіе. Итакъ, считая, вмѣстѣ съ этими послѣдними удобствами, ты пріобрѣлъ перерожденіе въ человѣка, обладающее восемьнадцатью удобствами.

Подобнымъ образомъ ты долженъ вникать, точно ли ты обладаешь всѣми удобствами, или нѣтъ, и, когда найдешь, что обладаешь, созерцай это, пока не родится въ тебѣ живѣйшей радости. Сказано: въ нынѣшнее невнимательное время многіе

думають о себѣ, что они люди и, притомъ, обладающіе всѣми удобствами; но если внимательно разсмотрѣть, то окажется, что весьма многіе не обладаютъ всѣми исчисленными выше удобствами.

2.

Хотя ты и будешь радоваться тому, что обладаешь всѣми удобствами, но если не вникнешь въ то, почему должно этому радоваться, то ты пріобрѣлъ для себя безполезную вещь; это тѣмъ только и кончится, что ты порадуешься. Но нужно сдѣлать это полезнымъ и важнымъ. Объ этомъ въ *Шаби-дуръ-дгакируксанъ* сказано: «Чтó такое эта великая сила духа, пріобрѣтаемая человѣкомъ, служащая основаніемъ для пути во «благѣ ходящихъ и дающая возможность быть предводите«лемъ существъ? это то, чего не имѣютъ ни небожители, ни «драконы, ни ассуріи, ни обладатели разума Кинари, ни маху«раги». ([18]) Итакъ, родившіеся въ злыхъ перерожденіяхъ, потому-что вкушаютъ послѣдствія грѣховныхъ дѣлъ, имѣютъ весьма малую возможность собирать (добрыя) дѣла; наслаждаясь послѣдствіями добрыхъ дѣлъ, небожители также имѣютъ малую силу собирать дѣла; люди же имѣютъ великую силу и удобство накоплять дѣла, какъ добрыя, такъ и злыя,—особенно тѣ, которые рождаются на Джамбутибѣ (въ Индіи). Это жители страны широкихъ дѣлъ, и потому, когда они заботятся о томъ, чтобы безошибочно принимать и отвергать, перерожденіе ихъ бываетъ основаніемъ для перерожденій въ высокихъ тэнгріевъ и въ человѣка, и для полученія *нирваны, шраваковъ и пратіековъ* (то-есть они могутъ умереть уже достигнувъ степени совершенства *шраваковъ и пратіековъ*); они могутъ родить въ себѣ мысль, подвигнуть существа въ страну во благѣ ходящихъ (буддъ), достигнуть проявленія въ себѣ совершенствъ будды. А потому ты, пріобрѣтшій это перерожденіе, пріобрѣлъ нѣчто такое, чтó несравненно драгоцѣннѣе *Чиндамани* (талисмана, насыщающаго желаніе). Итакъ, сознавая, что ты нашелъ нѣчто такое, чего не находилъ отъ вѣка, созерцай это до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь такой же радости, какую почувствовалъ бы нищій, нашедшій сокровища.

3.

Трудность пріобрѣсть человѣческое перерожденіе разсмотримъ изъ дверей сравненія, основанія и существа дѣла.

1) Изъ *Чарія-аватори:* «пріобрѣсть перерожденіе со всѣми «удобствами (*для* пути *боди*) такъ же трудно, какъ трудно шеѣ «черепахи попасть въ ярмо, плавающее по морю. Золотое ярмо «съ однимъ отверстіемъ, носимое вѣтромъ, плаваетъ по вели«кому морю; а со дна моря однажды въ столѣтіе поднимается «на поверхность его слѣпая черепаха. Сколько вѣроятности «попасть шеѣ черепахи прямо въ отверстіе ярма, столько же «вѣроятности получить когда-нибудь перерожденіе со всѣми удобствами.» Вотъ еще яснѣйшее сравненіе: если горсть гороху бросить въ твердую и гладкую стѣну, то будетъ чрезвычайная рѣдкость, когда горошина удержится на стѣнѣ. Изъ безчисленныхъ бывшихъ перерожденій твоихъ, перерожденія безъ удобствъ — это горошины, отскакивающія отъ стѣны; а перерожденіе въ человѣка и при всѣхъ удобствахъ — это горошина, приставшая къ стѣнѣ. Если будешь размышлять о смыслѣ этого сравненія, примѣняя его къ вѣроятности встрѣтиться съ благопріятными условіями (*для* пути къ *боди*), ты увидишь, что, за исключеніемъ нынѣшняго счастливаго случая, всѣ прочіе какъ бы пали на скалу, и въ тебѣ родится непритворное чувство радости и вмѣстѣ страха.

2) Трудность пріобрѣсти человѣческое перерожденіе, усматриваемая изъ дверей причинъ.

Вообще, чтобы получить перерожденіе въ спокойное существо (то-есть не въ животное, не въ бирита и не въ аду, а въ человѣка, тэнгрія и проч.), нужно сохранить болѣе, чѣмъ одинъ какой-нибудь обѣтъ; но чтобы пріобрѣсть человѣческое перерожденіе со всѣми удобствами, нужно въ благотворительности находить наслажданіе, а въ сохраненіи обѣтовъ спокойствіе; сдѣлавъ обѣты основаніемъ и сопровождая ихъ благотворительностію и прочими добродѣтелями, нужно скрѣплять все это чистымъ желаніемъ (votum). Но въ странахъ злыхъ перерожденій трудно родиться даже мысли благой; небожители разсѣеваются въ наслажденіяхъ пищею безсмертія и чувственными удовольствіями; а въ странахъ людей не просвѣщенныхъ не услышишь и звука ученія. Но эти послѣднія

страны подобны кучѣ овса, а страна, гдѣ распространено ученіе, только одно овсяное зерно. Если обратимся къ Тибету, и здѣсь, среди многихъ десятковъ тысячъ народа, рѣшившіеся хранить обѣты чрезвычайно рѣдки; а между этими послѣдними, выполняющіе три, показанныя выше, основанія (то-есть благотворительность, обѣты и благожеланія) рѣдки, какъ дневныя звѣзды. Замѣчая это внѣ себя, если обратимся внутрь и посмотримъ на себя, то увидимъ, что труды для будущей жизни ограничиваются только нѣкоторымъ расположеніемъ вѣровать, и это только, какъ отдыхъ мысли: поводы насчитывать подвиги добродѣтели чрезвычайно рѣдки, а грѣхи непрестанно накопляются. Потому, если въ настоящей жизни не устроимъ твердой опоры, послѣ уже не пріобрѣтемъ перерожденія въ человѣка. Кто говоритъ: «пріобрѣтемъ», тотъ похожъ на человѣка, который весною только попахалъ, а осенью уже ждетъ сбора овса (не посѣявъ). Созерцай это, пока не почувствуешь, какъ это глупо.

Трудность пріобрѣсть человѣческое перерожденіе, усматриваемая изъ дверей существа дѣла.

Представь себѣ, какое несмѣтное множество однихъ насѣкомыхъ бываетъ въ лѣтнее время. Но *биритовъ* (чудовищъ) болѣе, чѣмъ животныхъ (подъ общимъ именемъ животныхъ разумѣются и насѣкомыя), а страдающихъ въ аду болѣе, чѣмъ *биритовъ*. Если возьмемъ во вниманіе животныхъ, находящихся въ странахъ, или исключительно населенныхъ, не въ темныхъ промежуткахъ между частями міра, то число разсѣянныхъ по землѣ животныхъ, въ-сравненіи съ ними, окажется весьма малымъ. Но самыхъ малѣйшихъ животныхъ, которыхъ едва можно видѣть, иногда скопляется столько, что ихъ нельзя помѣстить въ кругъ, составленный десятью человѣками. Какъ бы ни умножилось число людей въ какомъ-нибудь городѣ, оно не можетъ значительно превзойти числа 100 тысячъ; но маленькихъ насѣкомыхъ скопляется бесчисленное множество. Впрочемъ, это не нужно много сличать и сравнивать: и глупый, и умный, — всё это ясно видятъ (то-есть, что число людей въ-сравненіи съ другими существами незначительно).

Число людей, между другими существами, имѣющими спокойное перерожденіе, мало; но между самими людьми мало та-

кихъ, которые встрѣчаются съ ученіемъ, а между послѣдними еще много такихъ, которые, если слушаютъ, словъ не запоминаютъ, если мыслятъ, смысла не понимаютъ, если созерцаютъ, ничто въ ихъ душѣ не рождается. Изъ тѣхъ, которые одарены способностію слушать, мыслить и созерцать, еще многіе отвлекаются заботами о настоящей жизни. Итакъ, одаренное всѣми удобствами, настоящее твое перерожденіе есть чрезвычайная рѣдкость въ мірѣ чувственныхъ желаній. Это должно созерцать до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь, что ты обладаешь превосходною вещію.

Стихи на матерію отдѣла.

Хотя ты во многихъ прежнихъ перерожденіяхъ и наслаждался благами Сансары (міра), но нынѣ ты видишь, что все это плачевныя страданія. Если, и послѣ этого, пищу, драгоцѣнности и имущество настоящей жизни ты будешь считать рѣдкостію и сердечно любить ихъ, то ты дуракъ, и впередъ твой порядокъ будетъ такой же. Бѣлизна, чернота и пестрота восьми предметовъ ([19]) — это три великіе бѣса. Когда они живутъ въ нашемъ сердцѣ, мы страданіе считаемъ наслажденіемъ и развѣваемъ по-вѣтру вѣчно-нужное. Нынѣ я получилъ во власть свою корабль всѣхъ удобствъ, основаніе для достиженія блаженства и добродѣтели (то-есть человѣческое перерожденіе): если я не достигну на немъ драгоцѣнной страны и снова поворочу въ круговращеніе, пусть сгніютъ артеріи моего сердца.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Буддисты обыкновенно начинаютъ свои книги какимъ-нибудь хвалебнымъ воззваніемъ. Древнѣйшая формула этого воззванія: *поклоняюсь буддѣ; поклоняюсь ученію; поклоняюсь духовенству.* Она въ монгольскихъ переводахъ приводится всегда на санскритскомъ языкѣ. Позднѣйшіе писатели вмѣсто этой краткой формулы, заключающей въ себѣ коренное исповѣданіе буддистовъ, стали употреблять болѣе или менѣе пространныя воззванія къ буддѣ или какимъ-нибудь другимъ знаменитымъ у буддистовъ лицамъ. Здѣсь, въ первомъ воззваніи, авторъ не поименовалъ лица, къ которому относится его воззваніе; но эпитеты: *лама всѣхъ существъ* и *другъ солнца*, указываютъ на Çакія (*), или Шакямуни (отшельникъ изъ Çакіевъ), основателя буддійскаго ученія. Время жизни этого лица точно неизвѣстно. По китайскимъ сказаніямъ, онъ родился въ 1027 году до Р. Х. У Тибетцевъ до 14 разныхъ счисленій. Г. Ковалевскій въ своемъ лексиконѣ при имени Шакямуни поставилъ цифру: 543 по Р. Х. Это уже слишкомъ поздно: очевидно, здѣсь ошибка. Должно полагать, что онъ хотѣлъ сказать: до Р. Х., и обозначить этою цифрою смерть Шакія. Это счисленіе выводится на основаніи данныхъ, находящихся въ Махавансѣ, и было доказываемо Шмидтомъ въ сочиненіи Ueber das Mahajana und Pradschna Paramita der Bauden. 1830. О лицѣ Шакямуни мы имѣемъ мало историческихъ свѣдѣній, несмотря на множество его біографій. Онъ происходилъ изъ касты кшатріевъ (военной) и изъ царской фамиліи Шакіевъ. Сначала онъ былъ женатъ, но скоро бѣжалъ отъ отца и женъ и предался созерцательной жизни. Потомъ онъ является нищенствующимъ аскетомъ, окруженнымъ учениками и публично проповѣдующимъ свое ученіе. Мы говорили во введеніи объ образованномъ имъ обществѣ аскетовъ мужчинъ. Но онъ образовалъ также общество аскетовъ и изъ женщинъ. Онъ умеръ на 81 году жизни. Изъ древнѣйшихъ памятниковъ не видно, чтобы онъ

(*) Ç выражаетъ санскритское небное s. Тибетцы и Монголы замѣняютъ его буквою *ш*

имѣлъ въ-виду образовать религію Онъ училъ только какъ аскетъ и философъ, и мы не можемъ укорить его въ какихъ-нибудь особенныхъ разсчетахъ, побудившихъ его для мірскихъ цѣлей образовать общество. Что изъ его общества образовалась религія и что онъ сдѣлался предметомъ поклоненія, это было такое послѣдствіе, какого онъ самъ не могъ предвидѣть.

(2) Здѣсь разумѣются два знаменитые буддиста: *Нагарджуна* и *Дурбэлъ-угэй*, имѣвшіе особенное вліяніе на развитіе буддійской метафизики. Первый считается основателемъ школы Мадьямика (центральныхъ воззрѣній); второй почитается основателемъ школы Іогачаровъ (держащихся только духа). Г. Ковалевскій въ своемъ лексиконѣ (подъ словомъ Дурбэлъ-угэй) называетъ ихъ родными братьями; но буддійская хронологическая таблица (Шашину-Цэцэкъ) рожденіе перваго изъ нихъ полагаетъ въ 453 г. до Р. Х., а втораго — въ 19 году по Р. Х. Значитъ, авторъ таблицы не считаетъ ихъ братьями.

(3) Адиша или Джово Адиша, или просто Джово и Джу, знаменитый буддистъ, родившійся въ Индіи въ 982 году по Р. Х. Послѣдніе годы жизни (21 годъ) онъ провелъ въ Тибетѣ и оставилъ здѣсь послѣ себя много учениковъ. Онъ основалъ монастырь Ньетанъ, въ которомъ и умеръ въ лѣто *овцы*, на 74 году жизни (1055 г.). Авторъ нашъ называетъ его соединившимъ вмѣстѣ рѣки наставленій Нагарджуны и Дурбэлъ-угэя.

(4) Докинисы — миѳологическія существа женскаго пола. Имъ приписываютъ знаніе таинственныхъ изрѣченій. Въ этомъ смыслѣ Зункава, какъ знатокъ этихъ изрѣченій, считается ихъ владыкою. Онъ родился 1357 (по Шашину-Цэцэкъ). Это лице, называемое царемъ ученія, въ чрезвычайномъ почетѣ у Тибетцевъ и Монголовъ.

(5) Бромъ, называемый также Буяну-садунъ-бакши, одинъ изъ трехъ приближеннѣйшихъ учениковъ Джово Адиши, родился въ 1004 году, жилъ 61 годъ. Онъ былъ убашика, т.-е. міряниъ, но, какъ знатокъ ученія, окружалъ себя учениками и основалъ въ Тибетѣ секту Кадамовъ (бкагдамсъ) или Джу-кадамовъ (монг. Джоко-Озарликъ-убадистанъ, хранящія предписанія и совѣты Джово), отличающуюся строгостію исполненія предписаній буддійской духовной дисциплины. Онъ основалъ также монастырь Ратенъ (Ра-сгрэнгъ). Ковалевскій называетъ его въ своемъ лексиконѣ наставникомъ, а не ученикомъ Джу-адиши; но это, вѣроятно, ошибка.

(6) Дивангира — баснословный будда, по словамъ Мани-Гамбумъ, воплощавшійся, когда жизнь человѣческая продолжалась 10,000 лѣтъ. Надобно замѣтить, что буддисты не хотятъ видѣть въ Шакямуніѣ перваго основателя своего ученія, а только возстановителя. Чтобы представить свое ученіе не новымъ изобрѣтеніемъ, а существующимъ вѣчно, они допускаютъ существованіе буддъ до Шакямунія. Болѣе принятое мнѣніе то, что Шакямуній былъ 4-мъ буддою, но Мани-Гамбумъ считаетъ его пятымъ, а другіе даже седьмымъ. Но одно то, что предшествующіе ему будды являлись въ баснословныя времена, уже показываетъ, что эти лица вовсе не историческія. Здѣсь подъ именемъ Дивангиры разумѣется Адиша, котораго почитаютъ перерожденцемъ этого будды. У буддистовъ обыкновенно всякое

замѣчательное лицо почитается перерожденіемъ какого-нибудь *будды* или болисатвы.

(7) Не-сур-па (сне-сур-па), вѣроятно, тоже лицо, что Неу-сур-па (снеу-сур-па), ученикъ Гонбавы, ученика Адиши. Бодва ученикъ Брома, прославившійся искусствомъ преподавать ученіе въ притчахъ. Джанава (написано Сбія-мнга-ва; но это, вѣроятно, тоже Сбія-снга-ва) учился сначала у Адиши, а потомъ у Брома.

(8) *Нирвана* — слово санскритское. По переводу Монголовъ оно означаетъ освобожденіе отъ страданій; но Бюрнуфъ доказываетъ, что слово это означаетъ *уничтоженіе*. *Нирваною* называютъ то состояніе, когда существо, освободясь отъ закона перерожденій, погружается въ пустоту: это — буддійское блаженство. Понятіе Нирвана весьма близко къ понятію *боди*: кто не достигъ боди, тотъ не можетъ быть *нирваною*. Различіе между ними только въ томъ, что *боди* разсматривается какъ духовное совершенство, а нирвана — какъ результатъ этого совершенства. *Боди* человѣкъ можетъ достигнуть при жизни, но *нирваною* дѣлается достигшій *боди* уже по смерти. Отсюда нирвана означаетъ также *смерть*, когда говорится о буддахъ, а потомъ изъ вѣжливости и о разныхъ уважаемыхъ лицахъ: царяхъ, знаменитыхъ ламахъ и проч.

(9) Здѣсь указывается на сравненіе, подробно раскрытое въ Ринченъ-бумби. Вотъ оно: «Объ оставленіи порока опрокинутаго сосуда. Сколько «ни будешь лить на опрокинутый сосудъ воду или что-нибудь другое, въ «сосудъ ничего не нальется. Подобно этому, если во время проповѣди «ученія будешь спать или дремать, развлеченъ чѣмъ-нибудь другимъ или «будешь предаваться созерцанію, не произойдетъ въ душѣ никакихъ по-«знаній. А посему, подобно тому, какъ вливаютъ воду въ сосудъ, повер-«нувъ его отверстіемъ кверху, неразсѣянно, съ бодростію мысли должно «слушать ученіе, оставивъ сонъ, дремоту и прочіе пороки. Объ оставленіи «порока изломаннаго сосуда. Сколько ни будешь лить въ изломанный со-«судъ, все тотчасъ же будетъ вытекать и ничто не удержится въ немъ. «Подобно этому, хотя выслушаешь нѣсколько ученія, но если не будешь «оберегать его воспоминаніемъ, тотчасъ же все забудешь и въ душѣ ни-«чего не удержится. Поэтому, когда выслушаешь какое-нибудь ученіе, «какъ бы замазывая поврежденный сосудъ, закрѣпляй его припоминаніемъ, «и, не обращаясь съ нимъ небрежно, заботься о немъ мыслящимъ умомъ. «Объ оставленіи порока оскверненнаго сосуда. Какую пищу ни положишь «въ оскверненный сосудъ, нельзя будетъ ею наслаждаться. Когда ты бу-«дешь слушать и обдумывать ученіе изъ желанія славы знатока, изъ же-«ланія ставить другихъ втупикъ предъ собраніемъ народа, изъ желанія «пользы и почестей, изъ соревнованія, зависти и проч., все это будетъ «слушаніе нечистое, а потому оно никогда не доведетъ тебя до достиже-«нія *боди*, и все это слушаніе и размышленіе будетъ грѣхомъ. Такое уче-«ніе не принесетъ пользы ни тебѣ, ни другимъ; а потому, будешь ли ты «слушать или размышлять, должно оставить всѣ интересы настоящей «жизни и слушать ученіе съ благоговѣніемъ и вѣрою, подобно тому, какъ «вливаютъ въ сосудъ пищу, сначала вымывъ его.»

(10) По буддійскому представленію, нашъ ближайшій міръ состоитъ изъ четырехъ частей, *тибъ* (сан. *Двипа*). Эти части свѣта расположены на одной плоскости по четыремъ сторонамъ горы Сумэру, находящейся въ средоточіи нашего міра, и раздѣлены морями. Три изъ этихъ частей свѣта вмѣстѣ съ горою Сумэру чисто баснословны. Дѣйствительный міръ только Джамбутибъ — это нашъ міръ, въ средоточіи котораго стоитъ *магада*. Названіе Джамбутибъ Чихула-кэрэклекчи-шастра объясняетъ слѣдующимъ образомъ. «Въ морѣ Мипанъ растетъ дерево, называемое Джамбудати. На этомъ деревѣ растутъ вкусные плоды величиною съ цвѣтокъ лотуса. Когда эти плоды созрѣваютъ и падаютъ въ море, отъ паденія ихъ слышится звукъ *Джамбу*. Отъ этого и произошло названіе Джамбутибъ.

(11) У Буддистовъ, по философскимъ началамъ ихъ ученія, не должно быть никакого предмета поклоненія. И дѣйствительно, мы увидимъ, что самъ Шакія не училъ никакому богопочтенію. Но его послѣдователи не могли во всей строгости держаться атеизма своего учителя, когда начали заботиться о пріобрѣтеніи себѣ уваженія у народа. А потому, чтобы не измѣнить слишкомъ началамъ ученія и удовлетворить потребностямъ народа, придумали поклоняться буддѣ, ученію и духовенству. Въ названіи этихъ трехъ предметовъ *тремя драгоцѣнностями*, триратна очевидно, примѣненіе къ браманскому *тримурти* (Брама, вишну и Шиву), для замѣны которыхъ и придуманы три драгоцѣнности. Въ этомъ случаѣ подъ *буддою* разумѣется неопредѣленное лице, не Шакія, а будда вообще или достоинство будды; равнымъ-образомъ подъ духовенствомъ разумѣются не какія-нибудь опредѣленныя ближайшія лица, а общая идея духовнаго сословія. А потому въ этомъ случаѣ буддисты поклоняются чисто отвлеченнымъ понятіямъ. Но очевидно, что поклоняясь отвлеченнымъ понятіямъ, нельзя не поклоняться и тѣмъ лицамъ и вещамъ, которыя подходятъ подъ это общее понятіе. А потому не только идея будды, не только истина или ученіе и идея духовнаго сана заслуживаютъ поклоненія, но должно поклоняться всякому буддѣ, всякой книгѣ, въ которой, имъ кажется, заключена истина, и всякому духовному лицу. Такимъ-образомъ, буддизмъ изъ отвлеченныхъ своихъ понятій, въ ближайшемъ ихъ приложеніи, спускается въ фетишизмъ и антрополатрію. Буддійскіе жрецы имѣютъ свою выгоду особенно усиливать идею поклоненія духовенству, и потому они открыто проповѣдуютъ, что самая первая заслуга для мірянина — оказывать всякое почтеніе духовнымъ лицамъ. Отсюда объясняется огромное количество у буддистовъ духовныхъ лицъ, число которыхъ едва ли менѣе 5-й части всѣхъ поклонниковъ буддизма. Ниже, въ разсужденіи объ отношеніи ученика къ учителю, читатель увидитъ образчикъ тѣхъ уловокъ, какими буддійскіе ламы стараются возвысить свое значеніе и пріобрѣсть уваженіе народа, даже несмотря на свои пороки. Своекорыстныя побужденія, направляющія въ этомъ случаѣ разсужденія ламъ, очевидны; но нельзя не согласиться, что они умѣютъ искусно достигать своихъ цѣлей, даже прямо говорятъ о матеріальныхъ подаркахъ, во имя безкорыстныхъ началъ ученія.

(12) Шакія въ началѣ своей проповѣди раскрывалъ: 1) что вездѣ стра-

даніе, 2) откуда оно происходитъ, 3) должно избѣгать его, и 4) какъ его избѣгать. Это ученіе извѣстно подъ именемъ четырехъ истинъ: истины страданія, истины источника всего, истины ограниченія и истины пути. Подробно онѣ изложены авторомъ въ отдѣлѣ *среднихъ существъ*.

(13) Мы замѣтили выше, что буддисты не считаютъ Шакія первымъ буддою, основателемъ буддизма. Но они не считаютъ его и послѣднимъ: по ихъ ученію, въ-продолженіе настоящаго періода міроздавія должно притти на землю 1,000 буддъ, которыхъ имена извѣстны впередъ. Слѣдующій будда будетъ Майтари. Онъ явится на землѣ обыкновеннымъ путемъ рожденія, и непремѣнно въ Индіи, въ то время, когда вѣра Шакія придетъ въ упадокъ, и снова возстановитъ ее впредь до такого случая. Въ настоящее время онъ находится въ баснословной Тушитъ, гдѣ вертитъ колесо ученія для назиданія небожителей. На эту должность опредѣлилъ его самъ Шакія, когда отправлялся на землю, чтобы сдѣлаться буддою. Мысль объ этихъ будущихъ буддахъ, если только она принадлежитъ самому Шакію, показываетъ, что онъ видѣлъ неограниченное развитіе мысли человѣческой и то, что рано или поздно его начала устарѣютъ и явятся новые мыслители, которые на его основаніи станутъ выше его. А потому, не желая ветхими началами своего ученія препятствовать ходу новыхъ мыслителей, онъ назначилъ себѣ цѣлыхъ 1,000 преемниковъ такихъ же философовъ, которые, въ свое время, ставъ выше понятій современниковъ, на долгое время пріобрѣтутъ у толпы авторитетъ учителей. Съ этимъ согласно то понятіе о буддахъ, что они, возстановляя ученіе своихъ предшественниковъ, съ тѣмъ вмѣстѣ приносятъ и новое.

(14) *Отвлеченное бытіе* есть состояніе будды въ самомъ себѣ безъ отношенія къ другимъ существамъ. Это — будда, какъ духовное существо, не подлежащее опредѣленіямъ. Два другія бытія суть его проявленія, или воплощенія. Двойственность ихъ основана на томъ разсужденіи, что будда, являясь въ матеріальныхъ формахъ въ выборѣ формы можетъ руководиться двумя началами: или избираетъ совершеннѣйшую матеріальную форму, приличную его духовнымъ совершенствамъ, это — *бытіе совершенной радости*, въ описаніи котораго буддисты насчитываютъ 32 признака и 80 отличій. Всѣ эти признаки матеріальные и мелочные: къ 32 признакамъ относятся: 1) руки и ноги, украшенные изображеніемъ колесъ, 2) ноги, подобныя ногамъ черепахи, 3) пальцы, соединенныя перепонкою, 4) руки и ноги нѣжныя, какъ у дѣтей, 5) голова поднята, 6) пальцы длинные, 7) пяты широкія, 8) тѣло большое и прямое, 9) чашечки колѣнъ неявственныя, 10) маленькіе волоски на тѣлѣ обращены кверху, 11) тонкія части рукъ и ногъ, какъ у козы, 12) рука длинная и прекрасная, 13) сокровенное скрыто внутри, 14) кожа златоцвѣтная, 15) мягкая и нѣжная, 16) вихри слѣва направо, 17) лице, украшенное бакенбардами, 18) грудь львиная, 19) кость пястья круглая, и проч. 80 отличій въ томъ же родѣ: ногти мѣдно-цвѣтные, блестящіе и выпуклые, пальцы пухленькіе, ровные и постепенно утончающіеся, и проч. Въ такой формѣ идеальной индѣйской красоты будда является только въ небесныхъ областяхъ предъ немногими лицами, стоящими на высшихъ степеняхъ буддій-

скаго совершенства. Для земныхъ же существъ такая красота была бы слишкомъ поразительна, и потому будда, являясь здѣсь, не принимаетъ на себя совершеннѣйшей матеріальной формы, свойственной его духовнымъ совершенствамъ, а принимаетъ неопредѣленно многоразличныя формы, примѣняясь къ духовному состоянію тѣхъ лицъ, съ которыми онъ здѣсь имѣетъ дѣло Ученіе объ отношеніи между собою этихъ трехъ формъ бытія будды подробно раскрыто въ одной главѣ Алтанъ-гэрэлъ. Эта статья весьма замѣчательна описаніемъ отвлеченнаго бытія будды: здѣсь высказывается очень много любопытныхъ положеній, дающихъ понятіе о томъ, какъ буддисты смотрятъ на бытіе духовныхъ существъ, отрѣшенныхъ отъ міра и слившихся съ вѣчною сущностію вещей. Но Бюрнуфъ не нашелъ этой статьи, равно-какъ и другихъ статей, касающихся философіи въ санскритскомъ подлинникѣ Алтанъ-гэрэла, имѣющемся въ Парижѣ, и пришелъ къ заключенію, что эта книга, вѣроятно, имѣла двѣ редакціи. Это предположеніе его оправдалось поступившимъ недавно въ библіотеку Императорскаго Казанскаго Университета экземпляромъ Алтанъ-гэрэла на калмыцкомъ языкѣ, въ которомъ также нѣтъ философскихъ главъ. Это показываетъ, что монгольскимъ буддистамъ извѣстна и та редакція этой книги, подлинникъ которой былъ въ рукахъ Бюрнуфа.

(15) Буддисты представляютъ подобные нашему, низшіе міры, расположенные на одной плоскости, въ видѣ шахматной доски. Счисленіе трехъ тысячъ міровъ начинается съ нашего міра Кругомъ этого міра расположена тысяча такихъ же міровъ. Это — первая или малая тысяча. Кругомъ этой тысячи расположена тысяча такихъ тысячъ міровъ. Это — вторая средняя тысяча міровъ. Далѣе слѣдуетъ великая тысяча, состоящая изъ тысячи среднихъ тысячъ міровъ. Итого всѣхъ міровъ, ровныхъ нашему, будетъ 1,001,001,000. Между этими мірами, окаймленными горами, находятся темные промежутки, заселенные исключительно животными. Подъ мірами расположенъ адъ, а надъ мірами расположены области небожителей, этажами, расширяющимися кверху, такъ-что представляютъ опрокинутую пирамиду, вершина которой падаетъ на гору Сумэру, находящуюся въ средоточіи нашего міра.

(16) У буддистовъ многимъ миѳологическимъ лицамъ усвоены различныя таинственныя изрѣченія, называемыя Джирукэну тарки, сердечными таинственными изрѣченіями. Таково, напримѣръ, извѣстное изрѣченіе омъ-мани-падъ-мэ-хомъ, называемое сердечнымъ таинственнымъ изрѣченіемъ Хоншимъ бодисатвы. Здѣсь слово *дій* указываетъ на подобное сердечное изрѣченіе Маньджушріи. Вполнѣ оно произносится такъ: омъ-а-ра-ба-за-на-дій.

(17) *Мандралъ* санскритское слово, означающее *кругъ*. У буддистовъ такъ называется священная вещица, родъ круглаго подноса, на срединѣ котораго дѣлается изображеніе горы Сумэру. Дѣлая жертвоприношеніе въ честь кого нибудь, раскладываютъ по немъ кучки изъ зеренъ, называемыя тибетскимъ словомъ *цомбо*, куча Число этихъ кучекъ опредѣляется словами читаемой молитвы, въ которой пересказываются различныя буддійскія миѳологическія понятія. Всѣхъ понятій насчитывается 37. Но число

кучекъ можно сокращать на семь, полагая кучки не въ честь каждаго предмета, а въ честь группъ. Такъ, вмѣсто-того, чтобы раскладывать 7 кучекъ въ честь 7 *буддійскихъ драгоцѣнностей*, кладутъ въ честь этой группы только одну кучку. Такое раскладываніе зеренъ повторяютъ нѣсколько разъ, подсыпая на кучки зеренъ, и снова перечитываютъ молитву.

(18) Небожители, по-санскритски *дева*, имѣютъ у буддистовъ множество степеней. По счету Чихула-кэрэклекчи: въ мірѣ вожделенія 6 родовъ тэнгріевъ, въ мірѣ видимомъ 17 и въ мірѣ невидимомъ 4. Въ росписаніи этихъ родовъ небожителей буддисты стараются представить постепенный переходъ отъ грубѣйшаго матеріальнаго міра къ міру чисто духовному. Небожители нашего міра, *міра чувственныхъ желаній*, не только, подобно намъ имѣютъ тѣло, но у нихъ есть также и различіе половъ, что и составляетъ особенный характеръ нашего міра. Въ шести родахъ небожителей, принадлежащихъ этому міру, буддисты хотятъ представить послѣдовательно утончающіяся отношенія между полами. Низшій родъ небожителей, 33 небожителя подъ начальствомъ Хормусты (Ормузда), обитающіе на вершинѣ горы Сумэру, во всемъ подобны намъ. Въ слѣдующей, высшей области мужъ и жена только обнимаются; въ слѣдующей затѣмъ области только пожимаютъ другъ другу руки; далѣе обмѣниваются улыбками и, наконецъ, въ послѣдней только обмѣниваются взглядами. Въ слѣдующемъ мірѣ, *мірѣ видимомъ*, небожители также имѣютъ тѣло, но уже нѣтъ различія половъ, и рожденіе происходитъ чудеснымъ образомъ. Послѣдній міръ — *невидимый*. Всѣ области міровъ расположены одна надъ другою этажами, и потому міръ имѣетъ 27 этажей, раздѣляемыхъ, по показанному различію, на *три міра:* чувственный, видимый и невидимый. *Ассуріи* обитаютъ на основаніи горы Сумэру, подъ водою, и находятся въ вѣчной враждѣ съ обитателями вершины горы — 33 небожителями. Тибетское ихъ названіе Хла-минъ, означаетъ не небожитель. Но санскритское *Асура*, по словамъ *Угэйнъ-сангъ*, буквально означаетъ не имѣющій водки: *сура* водка и *а* отрицаніе. *Драконы* обитаютъ на горахъ, окружающихъ гору Сумэру. *Киннари* и *Махараги* не имѣютъ опредѣленнаго мѣста. Существа эти признаются по силѣ своей высшими человѣка, и то злыми, то добрыми. *Кинъ-нара* съ санскритскаго означаетъ: что за человѣкъ? а по переводу *Угэинъ-сангъ:* что это? человѣкъ, что ли? *Махораги* значитъ по переводу Монголовъ: *имѣющій большое чрево.*

(19) Восемь мірскихъ предметовъ: полезное и безполезное, удовольствіе и мученіе, пріятность и непріятность, похвала и злословіе.

О РЕЛИГІИ НЕКРЕЩЕНЫХЪ ЧЕРЕМИСЪ, КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Религіозныя вѣрованія некрещеныхъ черемисъ.

Всѣ религіозныя вѣрованія некрещеныхъ Черемисъ, Казанской губерніи, заключаются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Богъ единъ; но люди вѣруютъ ему различно, такъ-что каждый народъ имѣетъ свою вѣру, подобно, какъ каждое дерево въ лѣсу имѣетъ свои листья и цвѣтъ. На землѣ вѣръ 77, потому-что люди говорятъ 77 языками.

2) Вѣры всѣ угодны Богу, потому-что онъ самъ каждому народу далъ свою вѣру, и перемѣна народной вѣры есть такое преступленіе, которое не остается безъ наказанія.

3) Изъ обитающихъ на землѣ народовъ; Черемисы должны поклоняться благому существу — Юмо-ланъ (Богу), и злому Кереметь-ланъ (кереметю).

А. Юма есть творецъ міра и человѣка и управляетъ вселенною, почему называется Куружа (Вседержитель). Христіане его называютъ ветхимъ деньми — онъ Юма (сѣдой Богъ). У него есть семья (Юманъ ишъ) и въ-отношеніи къ ней онъ называется кугу́ Юма (набо́льшій Богъ).

Каждый членъ семьи Юмы устрояетъ, по волѣ Кугу Юмы, счастіе Черемисъ. Семью Юмы составляютъ:

а) Юманъ аба̀ (божія мать), отъ которой зависитъ продолженіе жизни человѣческой (шу́лю-шумъ пуа̀ — даетъ дыханіе).

б) Мла́ндэ-аба (земная мать), которая управляетъ землею (мла̀ндэмъ куча̀),

в) Кю́дюрчи Юма (богъ грома), который сохраняетъ домашнюю скотину черемисскую (волюкомъ арала̀).

г) Тюнчи́ Юма (небесный богъ), управляющій небесами.

д) Шо́че́нъ аба (мать рожденія), отъ которой зависитъ оплодотвореніе черемисскихъ супруговъ и размноженіе домашней скотины ихъ.

Юма и каждый изъ сказанныхъ членовъ семьи его имѣютъ у себя по пу́рукшо (благому духу), которые производятъ пищу для Черемисъ и домашней скотины ихъ, и по са́кче (докладчику), которые возвѣщаютъ юмѣ и семьѣ его о нуждахъ и желаніяхъ Черемисъ.

В. Кереметь собезначаленъ и совѣченъ Юмѣ и есть меньшой братъ Юмы. Онъ долженъ былъ служить Юмѣ, при твореніи міра и человѣка; но, по гордости, онъ самъ захотѣлъ дѣлать то же, что́ дѣлалъ Юма, а такъ-какъ силами онъ не равенъ Юмѣ, то лишь только искажалъ творенія Юмы. Такъ, когда Юма захотѣлъ сотворить сушь, то онъ приказалъ Кереметю, плававшему по водамъ въ видѣ селезня, достать земли изъ-подъ воды. Кереметь хотя исполнилъ приказаніе Юмы, но не всю землю, которую захватилъ, отдалъ Юмѣ, а часть удержалъ у себя во рту. Почему, когда Юма, дунувъ на поданную Кереметемъ землю, велѣлъ ей покрыть воды, то и Кереметь выхаркнулъ удержанную землю. Куда онъ харкалъ, тамъ явились горы.

Юма, сотворивъ тѣло человѣка, пошелъ въ другое мѣсто, для сотворенія души; а чтобы Кереметь, въ отсутствіе его, не насмѣялся надъ твореніемъ его, велѣлъ псу, который былъ созданъ безъ шерсти, караулить тѣло. По удаленіи Юмы, Кереметь не замедлилъ явиться у бездушнаго тѣла. Чтобы склонить ккраулившаго оное пса на свою сторону, онъ произвелъ такой холодъ, что песъ чуть-чуть не замерзъ; а когда Кереметь далъ ему шерсть, то онъ въ благодарность допустилъ его къ тѣлу. Кереметь изъ зависти охаркалъ его, чѣмъ самымъ и положилъ въ немъ зародышъ всѣхъ болѣзней.

Докладчиковъ (са́кче) — своего и семьи своей — Юма сотворилъ изъ нѣкотораго камня, находящагося на небѣ. Именно онъ ударялъ въ этотъ камень молотомъ; послѣ каждаго удара

вылетали изъ него искры, которыя обращались въ сакчевъ. По окончаніи этого дѣла Юма легъ отдохнуть и заснулъ. Кереметь, подсматривавшій за дѣлами Юмы, во время сна его, также началъ бить въ этотъ камень; но, вмѣсто добрыхъ сакчевъ, у него явились частные керемети, которые, подобно ему, зложелательствуютъ Черемисамъ.

4) Юмѣ и семьѣ его Черемисы должны поклоняться, потому-что отъ нихъ совершенно зависятъ счастіе и довольство ихъ; а причиною того, что Черемисы поклоняются и Кереметю, есть оплошность родоначальника черемисскаго, которая состояла въ томъ, что этотъ дозволилъ Кереметю обмануть себя. Дѣло это было такъ:

Когда умножились на землѣ люди и раздѣлились на племена, то Юма рѣшился назначить каждому племени свой образъ богопочтенія. Почему онъ велѣлъ своему пурукшо созвать въ одно мѣсто начальниковъ поколѣній, для чего назначилъ одинъ день. Кереметь и здѣсь вмѣшался въ дѣло Юмы. Онъ черемисскаго родоначальника, когда этотъ шелъ въ назначенное мѣсто, остановилъ, явясь ему въ видѣ человѣка, и дотого занялъ его разговорами о разныхъ предметахъ, что онъ пропустилъ срокъ, въ который долженъ былъ явиться къ Юмѣ за вѣрою. Разставшись съ Кереметемъ, онъ поспѣшилъ-было къ назначенному мѣсту, но, не доходя до него, встрѣтилъ родоначальника другаго племени, который возвѣстилъ ему, что Юма уже роздалъ вѣры. «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры?» спросилъ съ изумленіемъ Черемисянинъ. Родоначальникъ другаго племени въ отвѣтъ ему на это сказалъ: «Юма, въ наказаніе за то, что ты, презрѣвъ его приказаніе, занялся пустою бесѣдою съ Кереметемъ, велѣлъ тебѣ поклоняться Кереметю.» — «Такъ кланяйся же мнѣ», прибавилъ и Кереметь, слетѣвъ къ разговаривавшимъ съ березы въ-видѣ селезня. «Ты вѣдь слышалъ, что самъ Юма велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ.» — И Черемисы должны были начать кланяться Кереметю.

5) Юма благодѣльствуютъ Черемисамъ не по любви и милосердію, а смотря по степени ихъ усердія къ народной вѣрѣ и по-мѣрѣ готовности жертвовать ему и членамъ семьи его угодныя имъ животныя, изъ домашней скотины. Въ противномъ случаѣ, онъ побиваетъ градомъ поля ихъ, не даетъ урожая, посылаетъ на нихъ болѣзни и разнаго рода несчастія.

Равнымъ-образомъ и Кереметь перестаетъ мѣшать благодѣяніямъ Юмы достигать до Черемисъ, если они приносятъ ему въ жертву жеребятъ и утокъ.

Народная же вѣра черемисская состоитъ въ томъ, что Черемисы, по опредѣленію Юмы,

а) Въ пятокъ ничего не должны работать, для себя самихъ. Почему у Черемисъ даже печи въ пятокъ начинаютъ топиться уже послѣ полудня.

б) Во время цвѣтенія хлѣба не должны рыть землю, рубить дерева, косить травы, а женщины ихъ не должны красить нитокъ.

в) Весною, предъ посѣвомъ яроваго хлѣба, должны совершать *агга парѐмъ* (праздникъ пашни), въ Петровъ день — *сюрѐмъ* (праздникъ послѣ унавоживанья полей), осенью — *парѐмъ у кѝндинъ* (праздникъ новаго хлѣба), т.-е. изъ новаго хлѣба состряпать употребляемыя кушанья, посвятить Юмѣ, въ благодарность за урожай хлѣба; наканунѣ новаго года совершить такъ-называемое *шо̀росъ іолъ* (овечья нога).

Если Черемисамъ въ несчастіяхъ и случающихся съ ними болѣзняхъ не помогаютъ обыкновенныя средства, то, для умилостивленія разгнѣваннаго Юмы, они должны приносить ему и членамъ семьи его жертвы, изъ домашней скотины. Именно кугу̀ Юмѣ должны приносить трехгодовалаго, неѣзжаннаго одношерстнаго жеребца; Юманъ абѣ, Мла̀ндэ-абѣ, Кю̀люрчи Юмѣ, Тюнчи-Юмѣ, Шо̀ченъ абѣ — каждому по коровѣ; пурукшамъ ихъ — по гусю, а сакчамъ — по уткѣ.

Жертвы эти бываютъ: *общія* — отъ всей деревни черемисской, или нѣсколькихъ деревень вмѣстѣ и даже уѣздовъ, Кугу Юмѣ и всей семьѣ его; *частныя* — отъ одного семейства, нѣкоторымъ членамъ семьи Юмы. Первыя бываютъ по-случаю или долговременнаго всеобщаго неурожая, или продолжительной засухи, или ненастья; а послѣднія — по-случаю болѣзней, свирѣпствующихъ въ семействѣ, или несчастныхъ обстоятельствъ домашнихъ, когда, напримѣръ, у Черемисянина волки истребляютъ домашній скотъ, воры похищаютъ достояніе, или падаетъ скотъ.

Примѣч. Въ нынѣшнее время некрещеные Черемисы во время болѣзней своихъ прибѣгаютъ еще съ молитвами своими къ Св. Николаю, Варсонофію и Казанской Божіей Матери: для

сего они въ честь ихъ колютъ жеребятъ. Жеребяты эти закалаются и въ лѣсу, и въ домахъ; мясо ихъ съѣдается, а кожа и кости сожигаются. Обреченнаго въ жертву жеребенка закалаетъ или хозяинъ дома, или сосѣдъ его, если хозяинъ самъ нездоровъ. Хозяйка для этой жертвы сама печетъ лепешки.

Св. Николаю, Варсанофію и Казанской Божіей Матери они придали также сакчевъ. Этимъ сакчамъ приносятся въ жертву зайцы.

6) Черемисы и по смерти будутъ жить такъ же, какъ живутъ до смерти. Почему у нихъ съ мертвыми въ гробъ кладутъ тѣ орудія, которыми умершіе здѣсь пріобрѣтали себѣ содержаніе, дабы на томъ свѣтѣ они могли продолжать свои промыслы; по погребеніи умершихъ на могилахъ ихъ оставляются разныя кушанья и питья, а во дни поминовеній нарочно стряпаются, чтобы умершіе не голодали на томъ свѣтѣ.

По смерти Черемисы должны явиться на судъ къ кіяматъ тюре (адскому судью), который разбираетъ дѣла ихъ и, смотря по качеству ихъ, опредѣляетъ имъ родъ жизни. Судъ этотъ состоитъ въ томъ, что онъ заставляетъ умершаго Черемисянина проходить по жердинкамъ, тонкимъ, какъ соломенка, лежащимъ надъ котломъ съ кипящею смолою. Не дѣлавшій зла другимъ, т.-е., кто не убивалъ людей, не портилъ другихъ или чужой скотъ, не воровалъ, не обманывалъ, не платилъ зломъ за зло, сдѣланное ему другимъ, по этимъ жердинкамъ проходитъ безъ боязни и не споткнувшись; а злодѣй непремѣнно упадетъ въ котелъ съ смолою. Послѣдствіемъ этого бываетъ или спокойная, или мучительная жизнь Черемиса на томъ свѣтѣ.

II. Религіозные обряды некрещеныхъ Черемисъ.

Постоянныя годовыя мольбища у некрещеныхъ Черемисъ совершаются слѣдующимъ образомъ:

а) *Агга паремъ*. Въ день торжества его, утромъ, всѣ домохозяева деревни выходятъ, въ чистыхъ одеждахъ, въ яровое поле, съ блинами, кашею или яичницею, пивомъ или медомъ. По собраніи всѣхъ, картъ (жрецъ) раскладываетъ огонь, отъ котораго каждый изъ присутствующихъ зажигаетъ восковую свѣчу и прилѣпляетъ ее къ своимъ питьямъ и кушаньямъ. Послѣ сего всѣ, вслѣдъ за картомъ, не снимая шапокъ, кла-

няются въ землю на востокъ и просятъ у Юмы урожая хлѣбу. По окончаніи молитвы, всякій по частичкѣ отъ своего приноса бросаетъ въ огонь. Когда части эти сгорятъ, то огонь тушатъ, и всѣ расходятся по домамъ, унося съ собою посвященныя Юмѣ питья и кушанья и тамъ съ домашними потребляютъ ихъ.

б) Въ день *сюрема* утромъ закалаютъ въ честь Юмы лошадь, гуся и утку, и мясо ихъ варятъ въ котлахъ. Свареное мясо дѣлится по ровной части между участвовавшими въ покупкѣ животныхъ. Каждый участникъ, получивъ свою долю, немедля уноситъ ее въ свой домъ и кладетъ съ прочими припасами (пивомъ или виномъ и блинами) на столъ среди двора, въ ожиданіи прибытія къ себѣ жрецовъ. Послѣ-того, какъ всѣ участвующіе разойдутся по домамъ, жрецы начинаютъ сожигать кожи, внутренности и кости заколотыхъ животныхъ; а, между-тѣмъ, нѣсколько молодыхъ мужчинъ и ребятъ, держа въ рукахъ по березкѣ (аршина въ три длиною), скачутъ на лошадяхъ около того мѣста. Когда все назначенное къ сожженію сгоритъ, жрецы, въ-сопровожденіи молодыхъ мужчинъ и ребятъ, посѣщаютъ почередно дома, гдѣ есть жертвенное мясо, для прочтенія молитвы надъ нимъ и прочими припасами. Въ то время, какъ жрецы читаютъ молитвы, молодые мужчины, сидя на лошадяхъ, преклоняютъ березки на столъ и играютъ въ дудки, сдѣланныя изъ липовой коры. По уходѣ жрецовъ со свитою, все семейство того дома разрѣшаетъ на мнимо-освѣщенныя питья и кушанья.

в) Для празднованія *у киндинъ паре́ма* (онъ же въ нѣкоторыхъ деревняхъ называется *кишлянъ* — праздникъ киселя, потому-что для него тамъ готовится, между прочими кушаньями, и кисель) каждое семейство готовитъ изъ новаго хлѣба хлѣбъ, кашу и пиво. Въ день праздника весь припасъ ставится на столъ; къ хлѣбу прилѣпляется восковая свѣча, а въ передній уголъ три свѣчи, въ честь Юмы, мла̀ндэ абы, и юманъ абы; хозяинъ дома со всею семьею встаетъ на колѣни предъ припасомъ, благодаритъ Юму за урожай въ прошломъ лѣтѣ и проситъ его, чтобы онъ и впредь не лишилъ его своего благодѣянія. По окончаніи молитвы всѣ ѣдятъ хлѣбъ, кашу (и кисель) и пьютъ пиво. Наканунѣ этого праздника всѣ моются въ банѣ, а въ самый праздникъ одѣваются въ бѣлыя одежды.

г) Къ *шдрокъ-іолъ* въ каждомъ домѣ готовятся три ведра пива и блины. Ночью подъ новый годъ двадцать и болѣе молодыхъ парней и дѣвокъ ходятъ со двора на дворъ по овчарнямъ и, хватая за ноги овецъ, кричатъ изъ всей силы: *Юма! ну икъ іяшишъ, кокъ іяшимъ пачàмъ.* Боже! дай одногодовалыхъ, двугодовалыхъ ягнятъ. Послѣ-того они приходятъ въ избу и ѣдятъ блины и пьютъ пиво.

Изъ временныхъ мольбищъ, общія жертвоприношенія всегда совершаются по общему совѣту опытнѣйшихъ стариковъ одной или нѣсколькихъ деревень. Когда на общемъ совѣтѣ рѣшится, что надобно совершить общее мольбище, то прежде всего опредѣляютъ, сколько животныхъ принести въ жертву; потомъ выбираютъ мѣсто для жертвоприношенія; участниковъ въ жертвоприношеніи облагаютъ извѣстною, по расчисленію, суммою, для покупки животныхъ; очищаютъ отъ хлама мѣсто для жертвоприношенія; извѣщаютъ жителей сосѣдственныхъ деревень о времени и мѣстѣ мольбища, съ-тѣмъ, не пожелаетъ ли кто и изъ нихъ участвовать въ жертвоприношеніи; ко времени мольбища, на общій счетъ, варятъ пиво, медъ и покупаютъ вино.

Когда же только одному семейству должно принести Юмѣ жертву, то начальникъ его прежде всего даетъ обѣщаніе совершить назначенную ворожцомъ жертву. Для того онъ беретъ часть муки, для печенія лепешекъ, и часть денегъ, для покупки обреченнаго животнаго, и въ холщевомъ мѣшечкѣ, съ уздою обѣщаннаго животнаго, подвѣшиваетъ въ клети, приговаривая: смотри, вотъ я тебѣ приготовляю жертву. Послѣ-того онъ выбираетъ мѣсто для жертвоприношенія въ лѣсу (на мѣстѣ этомъ должна быть хорошая вода); дерево, близъ котораго будетъ жертвоприношеніе, обвязываетъ берестою, чѣмъ и даетъ знать всѣмъ, что на семъ мѣстѣ нельзя рубить деревъ, или обращаться невѣжественно. Знающіе объ этомъ и близко не подходятъ къ нему.

Когда назначенныя въ жертву животныя всѣ готовы, то имѣющіе участвовать въ жертвоприношеніи наканунѣ дня, въ который начнется жертвоприношеніе, моются въ банѣ и надѣваютъ бѣлыя рубахи. Въ день жертвоприношенія, съ восходомъ солнца, жрецы приводятъ въ опредѣленное мѣсто всю скотину, которую назначено заколоть, и привязываютъ ее къ

деревьямъ; изъ участвующихъ же каждый идетъ туда, неся съ собою восковую свѣчу, чашку и ложку. По собраніи всѣхъ, жрецы начинаютъ выбирать, изъ приготовленной, годную къ жертвѣ скотину (годность эта узнается чрезъ воду: если скотина, бывъ окачена водою, встрепенется, то ее принимаетъ то божество, которому должно принести ее), а присутствующіе, между-тѣмъ, стоятъ въ глубокомъ молчаніи и благоговѣніи. Послѣ выбора всѣ становятся на колѣни и молятся Юмѣ, чтобы онъ принялъ жертву и ниспослалъ присутствующимъ здоровье. Когда кончится эта молитва, то изъ жрецовъ одни начинаютъ колоть скотину, а другіе разводятъ огонь, приготовляютъ котлы для варенія мяса, варятъ его; участвующіе же зажигаютъ свѣчи и прилѣпляютъ ихъ къ столу, нарочно сдѣланному для этого изъ липы (свѣчи эти горятъ до окончанія жертвы, т.-е., пока вся назначенная скотина не переколется и не съѣстся). Свареное мясо дѣлится на части, по числу присутствующихъ, и раздается имъ, и когда каждый получитъ свою часть, то опять всѣ встаютъ на колѣни и молятся Юмѣ о принятіи жертвы; жрецы, между-тѣмъ, бросаютъ въ огонь кожи, кости и внутренности. Наконецъ, когда все брошенное въ огнѣ сгоритъ, молящіеся встаютъ и начинаютъ ѣсть жертвенное мясо.

Если кто изъ участвующихъ въ жертвоприношеніи, по болѣзни или по другимъ причинамъ, не можетъ быть при немъ, то присутствующіе къ такимъ приносятъ на домъ слѣдующую имъ часть жертвеннаго мяса, гдѣ они, помолясь, ѣдятъ его съ благоговѣніемъ.

Когда жертву приноситъ одно семейство, то оно обязано жертвенное мясо предлагать всѣмъ жителямъ своей деревни и своимъ родственникамъ. Тотъ, кому угодно принять его, уноситъ въ свой домъ и съ своею семьею употребляетъ, какъ святыню, съ благоговѣніемъ, очистивъ себя предварительно постомъ.

О временныхъ мольбищахъ надобно замѣтить.

1) Когда приносится общая жертва, то мольбище продолжается три дня сряду.

2) Во время этихъ мольбищъ, участвующіе въ нихъ, не занимаются никакими работами.

3) Лепешки, съ которыми съѣдается жертвенное мясо,

должны стряпать однѣ незамужнія и чистыя женщины — старухи и вдовицы.

4) При жертвоприношеніяхъ могутъ быть и женщины и дѣти, и наравнѣ съ мужчинами и взрослыми ѣсть жертвенное мясо.

5) Приготовленные къ общей жертвѣ пиво и прочіе хмѣльные напитки, до окончанія жертвы, хранятся у картовъ въ домѣ. Ихъ выпиваютъ здѣсь одни старики. Изъ нихъ на мѣсто жертвоприношенія приносится только ведро пива, которое, по свареніи жертвеннаго мяса, выливается въ огонь.

III. Поминки умершихъ.

Въ среду на четвертокъ Страстной недѣли и въ Семикъ некрещеные Черемисы поминаютъ умершихъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Дни эти у нихъ называются *сортà кèче* (день, въ который ставятся свѣчи).

Къ этимъ днямъ они готовятъ для умершихъ блины, сухаго судака, три ведра пива и шкаликъ вина. Весь этотъ припасъ ставится на столѣ; возлѣ него поставляются пустая чашка съ ложками и пустое ведро съ ковшомъ. Въ чашкѣ прилѣпляется столько грошовыхъ восковыхъ свѣчь, сколько поминается умершихъ. Изъ участвующихъ въ поминовеніи каждый отламываетъ отъ блиновъ по кусочку и кладетъ въ пустую чашку, а пиво отливаетъ въ ведро, приговаривая: *шýжо* (пусть дойдетъ до того умершаго, котораго я поминаю). Когда всѣхъ умершихъ перепомянутъ, то куски блиновъ и отлитое пиво выбрасываютъ собакамъ, а остатки употребляютъ сами. Если во время ѣды собаки между собою грызутся, то изъ этого замѣчаютъ, что умершіе на томъ свѣтѣ живутъ хорошо.

IV. Карты (жрецы).

Картами у некрещеныхъ Черемисъ называются тѣ старики, которые при мольбищахъ ихъ читаютъ молитвы и закалываютъ обрекаемыхъ въ жертву животныхъ.

Въ карты избираются, общимъ совѣтомъ, старики, 60-ти и болѣе лѣтъ, отличающіеся знаніемъ черемисскихъ божествъ, степенною жизнію и умѣньемъ говорить скоро и бойко. Въ случаѣ недостатка такихъ стариковъ въ одной или нѣсколькихъ изъ сосѣднихъ деревень, должность картовъ возлагается

на людей среднихъ лѣтъ, если они имѣютъ показанныя качества.

Карты, пока несутъ это званіе, даютъ имена рождающимся дѣтямъ, совершаютъ браки и погребаютъ умершихъ.

Чтобы назначить имя новорожденному, картъ или беретъ дитя на руки, когда оно плачетъ, и качаетъ его, перебирая черемисскія имена: при которомъ имени дитя перестаетъ плакать, то и дается ему; или высѣкаетъ изъ кремня огонь, также перебирая имена черемисскія: въ этомъ случаѣ дается то имя, при которомъ загорается трутъ. При бракахъ же и похоронахъ картъ только проситъ Юму, чтобы онъ осыпалъ вступающихъ въ бракъ земнымъ счастіемъ, а умершаго удержалъ, чтобы онъ не безпокоилъ остающихся на землѣ родныхъ своихъ и знакомыхъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ КАСТРЕНА

О ЛОПАРЯХЪ, КАРЕЛАХЪ, САМОѢДАХЪ И ОСТЯКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ЕГО ПУТЕВЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ 1838—1844 г.

(M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844 im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg. 1853.) (*)

Книга, заглавіе которой выписано выше, содержитъ въ себѣ много любопытныхъ и въ высшей степени занимательныхъ для этнографа подробностей объ инородцахъ нашихъ. Нѣмецкій переводчикъ, академикъ Шифнеръ, самъ глубокій знатокъ этого дѣла, выразился въ предисловіи къ своему переводу, что надѣется имъ оказать немаловажную услугу этнографіи. Но это сочиненіе Кастрена писано безъ всякой системы: оно составилось изъ писемъ покойнаго къ его друзьямъ, во время его путешествій; слѣдовательно, рядомъ съ наблюденіями чисто учеными, въ немъ встрѣчается и много подробностей чисто литературныхъ, не имѣющихъ никакого интереса для этнографа, какъ, напримѣръ, легкихъ и живыхъ

(*) Въ томъ же году вышелъ и другой нѣмецкій переводъ этого посмертнаго изданія Кастрена: Matthias Alexander Castren's Reisen im Norden. Aus den Schwedischen übersetzt von Henrik Helms. Mit einer Karte von dem nordischen Russland. Leipzig 1853.

описаній природы, путевыхъ впечатлѣній автора, занимательныхъ болѣе въ біографическомъ отношеніи, для характеристики самого путешественника, который, въ то же время, былъ даровитымъ литераторомъ своей родины. Всѣ такія подробности были опущены при настоящемъ извлеченіи.

Въ книгѣ этой описаны три путешествія Кастрена. Первое было предпринято имъ въ 1838 г. Еще студентомъ Кастренъ основательно изучилъ, теоретически и практически, финскій языкъ и началъ заниматься сродными съ нимъ лопарскимъ и эстонскимъ нарѣчіями. Вскорѣ онъ убѣдился въ необходимости путешествія по разнымъ краямъ Европы и Азіи. Но встрѣченныя имъ препятствія, казалось, совершенно разсѣяли его мечты, какъ одинъ другъ его, докторъ *Эрстремъ*, предложилъ ему лѣтомъ 1838 года отправиться вмѣстѣ по Финской Лапландіи. Вскорѣ къ нимъ еще присоединились *Бланкъ*, магистръ естественной исторіи, и пасторъ *Дурхманъ*. 13 іюня выступили они изъ Торнео, мѣста жительства Эрстрема.

I. Путешествіе по Лапландіи.

Изъ деревни *Пельдовуома* Кастренъ и товарищи его взяли съ собою двухъ крестьянъ *Эрика* и *Ессіэ* въ проводники.

«Дождь лилъ почти безъ перерыва весь первый день нашего пути, когда мы, говоритъ Кастренъ, проѣзжали по рѣкѣ Пельдаёки. Только къ вечеру прочистилось небо и выглянуло изъ-за тучъ; живительный блескъ разлился по темной поверхности воды, освѣтились цвѣты и деревья. Рыбы показались изъ воды и пернатыя повылетали, щебеча, изъ своихъ гнѣздъ. Чувство радости проникло также и въ нашъ кружокъ. Сидя на рулѣ, запѣлъ Эрикъ на старинный однообразный напѣвъ о чудесныхъ походахъ Вэйнэмэйнена въ Похъёлу, о прекрасной дочери Лоухи и т. д. Съ удивленіемъ услыхавъ въ предѣлахъ Лапландіи звуки, все рѣже и рѣже раздающіеся въ самой Финляндіи, сталъ Кастренъ распрашивать Эрика о происхожденіи жителей Пельдовуомы и узналъ отъ него, что родъ его начало свое ведетъ изъ богатой пѣснями Кареліи. Предка своего, поселившагося въ Лапландіи, называлъ онъ *Айсари*, у котораго,

утверждалъ онъ, былъ сынъ *Пэйвіэ*, пріобрѣтшій въ Финской Лапландіи громкую славу вмѣстѣ съ тремя сыновьями своими. Эрикъ обѣщалъ разсказать на ночномъ привалѣ о чудесныхъ подвигахъ рода Пэйвіэ; но, передъ передачею его разсказовъ, позволяемъ себѣ сообщить слѣдующее извлеченіе изъ «Описанія Торнеосской и Кемьской Лапландіи», составленнаго въ 1672 г. пасторомъ магистромъ Торнеусомъ (Tornäus).

«Въ одной деревнѣ Пэльдо-Ерфъ жилъ одинъ Лопарь, Пэдеръ-Пэйвіэ, честный, зажиточный и богобоязненный Лопарь. Онъ былъ убитъ два года тому назадъ. У него много было сыновей. Задолго прежде онъ вѣрно служилъ вмѣстѣ со всѣми домочадцами своему *Сейдъ* и почиталъ его. Разъ приключилась ему бѣда: стало падать много оленей. Вотъ призвалъ онъ себѣ на помощь Сейду, усердно молился; но ничто не помогало: олени все падали. Наконецъ пошелъ онъ со всѣми сыновьями къ идолу и взялъ съ собою множество хворосту; убравъ идола свѣжимъ ельникомъ, приноситъ ему въ жертву шкуры, рога и головы павшихъ оленей, и отецъ и сыновья на колѣнахъ усердно молили Сейду, чтобъ онъ открылся имъ какимъ бы ни было знаменіемъ, если онъ по истинѣ Богъ. Но какъ никакого знаменія не послѣдовало, хотя они цѣлый день молились ему, подобно жрецамъ Ваала (I Цар., 18), то, наконецъ, они встали и побросали весь принесенный съ собою хворостъ на идола и подожгли его. Такъ они низвергли кумира всей деревни. И когда язычники хотѣли убить его, онъ отвѣчалъ имъ, подобно Гедеону (Книга Судей, 6). Лопарь Пэйвіэ такъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ, что когда злодѣи пошли противъ него, напередъ объявивъ, что хотятъ его околдовать, то онъ началъ противъ нихъ пѣть Trones och Fader vårs sånger и проч. Потомъ онъ сожигалъ всѣ Сейды, гдѣ ихъ ни находилъ, и старшаго сына своего, именемъ *Вуолабба*, послалъ на житье въ извѣстную лопарскую деревню Энаръ, которая тремъ князьямъ повинна данью, чтобы и тамъ истребить всѣ кумиры и Сейды, чего въ той деревнѣ было много. Вуолабба все такъ и сдѣлалъ, почему и принужденъ былъ бѣжать въ королевство Норвежское, гдѣ и понынѣ живетъ.»

Изъ этихъ словъ Торнеуса очевидно, что родъ Пэйвіэ, вопреки свидѣтельству разскащика, происходитъ отъ Ло-

парей, въ чемъ и сами они торжественно удостовѣряютъ. Родъ этотъ, какъ говоритъ Торнеусъ, прославилъ имя свое въ славной борьбѣ за христіанство. Тоже признаетъ и преданіе; но, по его свидѣтельству, Пэйвіэ съ тремя сыновьями своими отличился и многими богатырскими дѣлами и особенно битвами съ русскими Карелами, которые въ преданіяхъ Лопарей обыкновенно являются подъ именемъ Русскихъ. Съ своей стороны и Карелы хранятъ память о воинскихъ подвигахъ рода Пэйвіэ, и въ самой Калевалѣ *Пэйвилэ* и *Пэйвэнъ пойка* упоминаются, какъ враги народа Калева. Хотя, конечно, преданія Лопарей и Карелъ объ этомъ родѣ имѣютъ уже миѳическій оттѣнокъ, тѣмъ-не-менѣе нечего сомнѣваться въ ихъ исторической основѣ, такъ-какъ исторически извѣстно, что Карелы прежде безпрерывно предпринимали походы въ Лапландію.

Объ отцѣ Пэйвіэ Эрикъ зналъ немного, развѣ то, что онъ былъ сильнымъ богатыремъ въ войнахъ съ Карелами, «которые большими толпами ходили въ Лапландію для грабежей и разбоевъ, разными муками выпытывали у жителей, гдѣ зарыты ихъ клады, и не ворочались назадъ, не переполнивши лодокъ своихъ серебромъ и другими дорогими вещами.» Пэйвіэ былъ особенно подверженъ хищничеству Кареловъ, такъ-какъ обладалъ непомѣрными сокровищами. Главное его богатство состояло въ оленяхъ: они были такъ многочисленны, что для ухода за ними онъ держалъ тридцать работниковъ и столько же работницъ. Кромѣ-того, у него былъ огромный запасъ серебра, что не задолго до своей смерти онъ зарылъ въ землю, такъ-что никто впослѣдствіи не могъ сыскать его.

Изъ трехъ сыновей *Пэйвіэ*, *Олофъ*, по словамъ разсказщика, былъ самый знаменитый. Высокій, сильный и храбрый, какъ отецъ, онъ также поставилъ себѣ задачею жизни борьбу съ русскими Карелами. Одинъ богатырскій подвигъ Олофа противъ нихъ изобразилъ Эрикъ въ такихъ словахъ: «Однажды Олофъ задумалъ итти куда-то и, между-тѣмъ, опасаясь прихода непріятеля на свою землю, притащилъ на скалу огромнѣйшее дерево и положилъ его передъ своимъ шалашемъ, а женѣ приказалъ говорить непріятелю: «нашъ сынъ принесъ это сюда.» Вотъ вскорѣ затѣмъ пришла шайка Русскихъ, и тотчасъ замѣтили они это бревно. Не могли понять они, какъ оно взобралось на такую крутую скалу, и пытали о

томъ молодую жену Олофа. Она отвѣчала, какъ мужъ приказалъ. Удивились Русскіе, что такая молодая баба родила такого сильнаго богатыря, и отъ грабежа удержались. Междутѣмъ, рѣшили они ожидать прихода Олофа и, во что̀ бы то ни стало, лишить его жизни. Но какъ пришелъ Олофъ, никто не посмѣлъ его тронуть. Но все-таки хвалились Русскіе, что въ ихъ землѣ есть такой богатырь, что одолѣетъ Олофа, и звали его съ собою въ Россію помѣряться силами съ карельскимъ богатыремъ. Олофъ вызовъ принялъ и пошелъ съ Русскими въ землю ихъ. Какъ сошлись оба богатыря, то стали здороваться, пожимая другъ другу руки, при чемъ Русскій крѣпко сдавилъ руку Олофа. Тогда Олофъ схватилъ своего сопротивника за туловище и кинулъ его наземь. Русскій поднялся и накинулся на Олофа, но снова былъ брошенъ наземь. Олофъ предостерегъ его не пытать больше своего счастія; но Русскій съ яростью на него бросился. Олофъ опрокинулъ его въ третій разъ и избавилъ его отъ труда подыматься.»

Въ доказательство силы Олофа передалъ Эрикъ еще другіе разсказы. Одинъ изъ нихъ гласитъ такъ: «Разъ Олофъ ворочался съ рыбнаго лова и на озерѣ Энаре настигнутъ былъ противнымъ вѣтромъ и непогодою. Опасаясь грести противъ волнъ, грозившихъ потопить его лодку, нагруженную сѣтями и рыбою, рѣшился онъ пристать къ берегу. Приставъ, взвалилъ онъ тяжелую лодку на плечи и понесъ ее на себѣ.» Другой разсказъ былъ слѣдующаго содержанія: «Разъ Олофъ ходилъ по лѣсу, видитъ — Стало силится поднять камень. А камень былъ такой неслыханной величины, что Стало поднять его не могъ, почему сталъ его тихо ворочать. Притаясь, поглядывалъ Олофъ на усилія Стала, наконецъ вышелъ изъ своей засады, посмѣялся безсилью Стала и перенесъ камень на мѣсто, куда слѣдовало. Со страха бросился Стало бѣжать. Олофъ сначала далъ ему время бѣжать, потомъ разсерчалъ и пустился въ догонку за нимъ. Добѣжавъ до рѣки Нейды, перескочилъ Стало на другой берегъ и думалъ, что теперь онъ спокоенъ. Но и Олофъ перепрыгнулъ вслѣдъ за нимъ и положилъ его на мѣстѣ.» Къ разсказу этому слѣдуетъ прибавить, что *Сталокъ (Stalok* множ. ч. отъ *Stalo)* у Лопарей совершенно соотвѣтствуетъ *jättar* (великанамъ) Шведовъ, *jättilaiset* и hiidet (въ единств. *hiisi)* Финновъ. *Сталы* рисуются обыкновѐнно

у Лопарей племенемъ дикимъ, людоѣдами. Во время язычества они въ большомъ числѣ были распространены по всей Лапландіи, по введеніи же христіанства удалились на острова приморскіе.

Олофъ явилъ также множество удивительныхъ примѣровъ своего проворства. Такъ, однажды, на бѣгу за хвостъ поймалъ онъ волка, гонявшагося за его стадомъ оленей, и убилъ объ скалу. Въ другой разъ охотился онъ за дикими оленями вмѣстѣ съ вѣрнымъ своимъ слугою и постояннымъ работникомъ *Валле*, и когда промчалась передъ ними самка дикаго оленя съ теленкомъ, то Олофъ намѣренно пропустилъ ихъ. Когда Валле сталъ за то упрекать своего хозяина въ его неумѣстной хвастливости, то Олофъ погнался за оленями, самку убилъ, а теленка поймалъ живаго. Эту ничтожную для него добычу подарилъ онъ работнику, такъ-какъ у Олофа было въ обычаѣ не гоняться за оленями, если они не въ большомъ стадѣ.

Чтó говоритъ Торнеусъ о *Пэйвіэ*, отцѣ, или, какъ онъ называетъ его, *Пэдеръ Пэйвіэ*, и объ его обращеніи въ христіанство, то почти то же самое разсказывалъ Эрикъ объ его сынѣ Олофѣ. Сперва долго онъ былъ ревностнымъ язычникомъ; но когда слово новаго ученія коснулось его уха, то онъ рѣшился испытать своихъ старыхъ боговъ. Онъ ударилъ по волшебному инструменту, чтобы узнать по звуку колокольчиковъ объ исходѣ предположенной имъ охоты. Инструментъ предвѣщалъ удачу, охота тѣмъ-не-менѣе не удалась. Въ другой резъ сталъ онъ въ дождливую погоду разводить огонь и призвалъ всѣхъ своихъ Сейдъ на помощь. Но его желаніе не исполнялось. Вотъ помолился онъ истинному Богу, и тотчасъ получилъ огонь. Послѣ этихъ испытаній Олофъ сжегъ всѣ заколдованные инструменты и истребилъ своихъ Сейдъ и всѣ языческіе памятники, которымъ прежде поклонялся.

О другомъ сынѣ Пэйвіэ, *Исаакѣ*, разсказывалъ Эрикъ, что онъ былъ ловкимъ стрѣлкомъ. Онъ стрѣлялъ такъ мѣтко, что попадалъ въ рыбу (Salmo thymallus), когда она выглядывала изъ поверхности воды. Также воевалъ онъ съ такъ-называемыми Русскими, противъ которыхъ много совершилъ блестящихъ богатырскихъ подвиговъ, изъ которыхъ, по разсказу Эрика, Кастренъ отмѣтилъ слѣдующій. «Во главѣ шайки Русскихъ, опустошавшихъ Лапландію, былъ одинъ съ головы до ногъ

вооруженный руской молодецъ. Вроня его такъ стѣсняла, что самъ онъ и ложки не могъ поднести ко рту, а всегда кормилъ его рабъ. Вотъ Исаакъ и натянулъ свой лукъ, и, когда рабъ подносилъ ему ложку ко рту, пустилъ онъ свою стрѣлу, и угодила она молодцу прямо въ глотку.»

Имя третьяго сына Пэйвіэ было *Іоаннъ*. О немъ сказывалъ Эрикъ, что то былъ одинъ изъ могучихъ волшебниковъ, которые теперь перевелись на бѣломъ свѣтѣ. Свое волшебное искусство онъ нерѣдко обращалъ противъ Русскихъ, приходившихъ грабить ихъ страну. Однажды заставили они его вести ихъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагали большую добычу. *Іоаннъ* повелъ ихъ по крутизнѣ скалы *Палласъ*, и силою чаръ его въ пропасти загудѣли колокола, зажглись огни и привидѣлись имъ цѣлыя деревни. «Сюда ведетъ дорога — прибавилъ Іоаннъ — и, чтобы никто не заблудился въ темнотѣ ночи, я пойду передъ вами съ огнемъ въ рукахъ.» Потомъ бросилъ онъ свой свѣтильникъ въ пропасть, а самъ невидимкой остановился на скалѣ. Русскіе всѣ, слѣдовавшіе за огнемъ, попадали въ пропасть.

Послѣдній разсказъ во всеобщемъ ходу и у Лопарей и у Финновъ, но не всегда относится къ сыну Пэйвіэ, но чаще къ другому извѣстному богатырю, который называется у Финновъ *Лаурукайненъ*, у Лопарей *Лаурукаджъ*. О немъ Эрикъ зналъ много преданій. Его рѣчь была обращена къ Кастрену:

«Какъ будешь ты въ настоящей Лапландіи, то узнаешь, что Лопари проводники отличные. Съ дѣтства рыскаютъ они словно псы, знаютъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ каждый камешекъ, каждое деревцо, каждый ключъ Но никогда никого еще не было, кто бы такъ зналъ Лапландію, какъ Лаурукайненъ. Потому-то Русскіе въ своихъ набѣгахъ и старались имъ пользоваться. И Лаурукайненъ не отказывался быть ихъ вожакомъ. Уменъ онъ былъ: всегда такъ дѣло улаживалъ, что Русскіе не миновали никогда постыдной смерти, лишь только попадались ему на руки. Однажды взялся онъ провести ихъ по озеру *Оунасъяреи* (Ounasjärwi). Въ дорогѣ Русскіе проголодались и просились у Лаурукайнена пристать къ одному островку. Утоливъ здѣсь свой голодъ, завалились они спать, но прежде поставили сторожей къ своимъ лодкамъ. Ихъ было семь (по другимъ, три), всѣ были нагружены припасами и на-

грабленными вещами. На бѣду Русскимъ, сторожа ихъ заснули. Вотъ Лаурукайненъ и сноситъ въ лодку все, что́ Русскіе забрали съ собою на берегъ: и топоры, и мечи, и котлы, и припасы. Тутъ спустилъ онъ лодку на воду и едва успѣлъ вскочить на одну изъ нихъ, какъ въ тотъ же мигъ проснулся сторожъ. Хватился онъ тутъ за свой мечъ, но его нѣтъ. Обезоруженный, вскочилъ онъ въ воду и ухватился за ближнюю лодку, ту самую, гдѣ сидѣлъ Лаурукайненъ. Тотъ взялъ мечъ и отрубилъ своему неиріятелю пять пальцевъ, которые, вмѣстѣ съ золотымъ кольцомъ, упали въ лодку. Сторожъ поднялъ страшный шумъ; но Лаурукайненъ былъ уже по серединѣ озера, когда Русскіе поспѣли къ берегу. Въ горѣ Русскіе стали умолять Лаурукайнена о помилованіи: «Пріѣзжай сюда, милый братецъ: здѣсь поѣшь каши съ шведскимъ масломъ своею ложкою (по другимъ, ложкою своего хозяина).» Лаурукайненъ отвѣчалъ: «Есть у меня и каша, и мука.» Видя, что просьбы не помогаютъ, одинъ изъ нихъ закричалъ: «Пріѣзжай сюда: мы вольемъ тебѣ въ глотку растопленнаго олова.» Послѣ этого Лаурукайненъ девять дней и девять ночей объѣзжалъ кругомъ острова и стерегъ Русскихъ, чтобы не ушли куда. Какъ присталъ онъ на десятый день къ берегу, то всѣ Русскіе уже повымерли, кромѣ одного, и тотъ едва двигалъ головою. Островъ, гдѣ случилось это происшествіе, понынѣ слыветъ Карельскимъ (Karjalan saari).

«Въ другой разъ — продолжалъ Эрикъ — Русскіе взяли себѣ Лаурукайнена въ гребцы для проѣзда внизъ по Патсъёки. Ка́къ подъѣхали они поближе къ находящемуся тутъ водопаду, Лаурукайненъ связа́лъ ихъ всѣ семь лодокъ вмѣстѣ и велѣлъ имъ лечь лицомъ ко дну, чтобъ не притти въ ужасъ отъ страшнаго шума. Не подозрѣвая никакой хитрости, Русскіе довѣрчиво исполнили его приказъ. Тутъ Лаурукайненъ направилъ лодки прямо къ берегу, самъ вскочилъ на подводный камень, а Русскіе всѣ погибли въ водопадѣ.

«При другомъ обстоятельствѣ онъ навелъ лодку съ Русскими на подводный камень. Лодка въ-дребезги, и Русскіе погибли до единаго: Лаурукайненъ спасся и на этотъ разъ, такъ-какъ ярость волнъ, или по-фински *weden ärimys*, не совладала съ нимъ.

«Послѣ такихъ молодецкихъ подвиговъ Лаурукайненъ

сталъ такъ ненавистенъ Русскимъ, что они рѣшились, во что́ бы то ни стало, лишить его жизни. Только послѣ долгихъ трудностей и множества неудачъ посчастливилось имъ. Однажды они накрыли его въ его клѣти и были увѣрены, что теперь онъ въ ихъ рукахъ. Передъ избою Русскіе съ нетерпѣніемъ дожидались, когда онъ выйдетъ, и вынуждали его къ тому угрозами. Но Лаурукайненъ вовсе не торопился, а, съ величайшимъ хладнокровіемъ, набивалъ изъ мяса чучелу, наряжая ее въ свой тулупъ; а Русскіе тѣмъ временемъ кричали все громче и грозили, что ворвутся къ нему въ избу, если онъ самъ къ нимъ не выйдетъ. Наконецъ Лаурукайненъ выбросилъ къ нимъ на землю чучелу въ тулупѣ. Русскіе кинулись на нее съ копьями, принявъ ее за самого Лаурукайнена. Пользуясь суматохой, Лаурукайненъ выбѣжалъ и такъ околдовалъ Русскихъ, что они, думая убить Лаурукайнена, побивали другъ друга и погибли всѣ до послѣдняго человѣка.»

Этотъ же разсказъ слышалъ Кастренъ послѣ и отъ многихъ другихъ, съ тою только разницею, что Лаурукайненъ набилъ свой тулупъ пухомъ, кинулъ его имъ, а самъ давай бѣжать, когда Русскіе покрылись облаками пуха.

Едва Эрикъ окончилъ свой разсказъ о Лаурукайненѣ, какъ приблизились путешественники къ небольшому озеру, именемъ *Сейдаерви*. Отъ Эрика узнавъ его названіе, Кастренъ замѣтилъ, что озеру надо скорѣе прозываться Сайвоерви, такъ-какъ вода была весьма чиста. И, по разсказамъ Лопарей, такія озера часто носятъ это прозвище, основанное на давнишнемъ у нихъ представленіи, что въ озерахъ этихъ живутъ божества, называемыя Сайво; о нихъ говорятъ, что онѣ въ своихъ водахъ запрещаютъ ловъ рыбакамъ, почему всякъ, кто пытаетъ въ нихъ свое счастье, старается обмануть боговъ тихою греблею. Это замѣчаніе Эрикъ пропустилъ безъ всякаго вниманія, оставаясь при своемъ убѣжденіи, что настоящее имя озеру Сейдаерви, и по той причинѣ, что на возвышавшемся налѣво отъ насъ мысу стоялъ прежде лопарскій Сейда. Кумиръ принадлежалъ славному волшебнику, по имени *Ломпсоло*, у котораго, съ его помощью, всегда былъ богатый ловъ. На противоположномъ берегу устроилъ себѣ тоню другой волшебникъ; но у него не было никакого Сейды, и ловля потому была неудачна. Желая

переманить къ себѣ счастье, онъ, въ то время, когда Ломпсоло спалъ, перевезъ къ себѣ его кумиръ. Теперь все пошло наоборотъ: у него ловъ всегда счастливый, а къ Ломпсолѣ, прежними удачами обязанному своему Сейдѣ, ни рыбки. Но Ломпсоло такъ дѣло не оставилъ. Онъ досталъ себѣ новаго Сейду, и опять пошла къ нему вся рыба, пока второй волшебникъ снова не похитилъ у него Сейды. Чтобы положить конецъ этой распрѣ, уговорились оба волшебника сойтись на ближней горѣ и вступить въ поединокъ, избравъ оружіемъ однѣ волшебныя чары и заговоры. Ломпсоло, отправляясь на назначенное мѣсто, оборотился въ оленя, чтобы противникъ его не призналъ. Но второй, уже дожидавшійся его, какъ-только увидѣлъ, что по горѣ скачетъ олень, закричалъ ему издалеча: «Ты Ломпсоло.» Не пытая далѣе своего счастья, Ломпсоло призналъ себя побѣжденнымъ и убѣжалъ, понявъ, что, безъ помощи Сейды, нельзя мириться съ противникомъ.»

На дальнѣйшемъ пути своемъ нашъ путешественникъ сошелся съ однимъ рыбакомъ, который, послѣ приличныхъ угощеній, сообщилъ нѣсколько любопытныхъ разсказовъ. Къ несчастью, водка же лишила ихъ необходимой связи. Наименѣе перепуталъ онъ слѣдующій разсказъ о *Іоаннѣ Пэйвіэ* и о славномъ волшебникѣ, по имени *Торагасъ*.

«Одна вѣдьма изъ Русской Лапландіи, именемъ *Кирсти Ноухтуа*, отправилась въ Киттилэ, чтобы согнать на свою землю всѣхъ дикихъ оленей. *Пэйвіэ*, знавшій ея умыселъ, посылаетъ *Торагаса* въ Ивалоёки околдовать тамъ вѣдьму и задержать оленей. Какъ пришелъ туда Торагасъ, сталъ онъ прилежно слѣдить за оленями: онъ подозрѣвалъ, что вѣдьма оборотится въ оленя. Но въ цѣломъ стадѣ не нашлось, по его мнѣнію, ни одного оленя, котораго можно бы было почесть за оборотня *Кирсти*. Всего менѣе казался ему подозрительнымъ одинъ тощій, хромоногій и дурно сложенный олень. Только ужь когда увидѣлъ онъ, что, между-тѣмъ, какъ прочіе олени переплывали рѣчку, этотъ же послѣдній нырялъ въ ней, только тогда убѣдился онъ, что это и была вѣдьма. Но когда они достигли противоположнаго берега, то Торагасъ уже ничего не могъ сдѣлать. Вернулся онъ назадъ къ Пэйвіэ и все разсказалъ ему. Тотъ посылаетъ Торагаса въ Русскую Лапландію, чтобы хорошенько разузнать о названьи, качествахъ и проч.

этой вѣдьмы. Когда Торагасъ исполнилъ порученіе къ его удовольствію, онъ могъ уже силою своихъ волшебныхъ чаръ вернуть назадъ этихъ оленей. Дѣйствительно, они помчались съ такимъ топотомъ, что Торагасъ уже на разстояніи шестнадцати верстъ слышалъ ихъ шаги.

Подобнаго содержанія была бо́льшая часть разсказовъ, сообщенныхъ Кастрену рыбакомъ. Они гласили о дѣлахъ извѣстнѣйшихъ шамановъ, и особенно восхвалялась способность старинныхъ шамановъ оборачиваться въ кого или во что́ бы ни было. Повѣрье о такой силѣ шамановъ нѣкогда было распространено повсюду, и въ Финляндіи, и въ-особенности въ Лапландіи, гдѣ доселѣ еще не совершенно исчезло. По-крайности наши финскіе Лопари увѣряютъ, что въ Русской Лапландіи есть шаманы, которые, подобно́ Пэйвіэ, Торагасу и др., оборачиваются въ оленей, медвѣдей, волковъ, рыбъ, птицъ и т. д. Въ подобномъ превращеніи шаманъ называется *Вироладжъ* у Лопарей, *Виролайненъ* у Финновъ, что́ собственно означаетъ Эста. Рыбакъ пропѣлъ Кастрену одну финскую пѣсню, которая говоритъ о множествѣ подобныхъ превращеній. Такъ-какъ пѣсня эта лишена всякой внутренней связи, то содержаніе ея передается вкратцѣ. Пѣсня начинается жалобами одного волшебника *Каркіаса* о приключившейся бѣдѣ съ его родиною: колдовствомъ своимъ Торагасъ угналъ изъ нея всѣхъ дикихъ оленей въ Киттилэ. Далѣе описывается позоръ Каркіаса, понесенный имъ отъ «злаго недруга». Торагасъ убилъ его и бросилъ въ озеро. Но здѣсь Каркіасъ снова ожилъ и нѣсколько лѣтъ пробылъ здѣсь въ измѣненномъ видѣ, подъ кожею одной щуки. Потомъ Торагасъ поймалъ эту щуку и три года держалъ ее въ своемъ анбарѣ вмѣстѣ съ Каркіасомъ. Освободясь отъ нея, Каркіасъ снова принялъ человѣческій видъ, но однажды на охотѣ былъ пойманъ Торагасомъ и снова былъ убитъ. Послѣ того Каркіасъ ожилъ отъ пѣсни, но уже въ могилѣ. Здѣсь вспомнилъ онъ о своемъ сынѣ и лишь только выразилъ желаніе съ нимъ повидаться, тотчасъ же прилетѣлъ къ нему сынъ въ видѣ глухаря. Разсердясь на то, что сынъ сравнялся съ нимъ въ колдовствѣ, Каркіасъ закидалъ его упреками. Озлобленный сынъ улетѣлъ. Отецъ оборотился въ гоголя, погнался за сыномъ, настигъ и вернулъ его назадъ. Тутъ отецъ и сынъ

вступаютъ въ крѣпкую перебранку, окончившуюся тѣмъ, что сынъ навсегда покинулъ отца.

Вѣрные нашему обѣщанію, опускаемъ множество подробностей о личныхъ приключеніяхъ нашего путешественника, какъ не представляющихъ ни малѣйшаго интереса для этнографа, и переходимъ прямо къ слѣдующимъ занимательнымъ страницамъ.

Наши путешественники прибыли въ деревню *Ютуа*. То была первая видѣнная ими лопарская деревня.

«Видъ лопарской деревни — говоритъ Кастренъ — нельзя назвать пріятнымъ, по-крайности въ лѣтнее время. По землѣ повсюду валяются рыбьи кишки, кожа, протухлая рыба и всевозможная нечистота. Я вынесъ не безъ отвращенія эту первую картину, какъ предстояла другая еще ужаснѣе. Сквозь щель юрты пропалзываетъ пара людей, покрытыхъ грязью и гадинами такъ, что содрогаешься при одномъ взглядѣ на нихъ. Сами глядятъ они на это обстоятельство очень равнодушно. Учтивость требуетъ, чтобъ каждый изъ обитателей юрты, не исключая малыхъ ребятъ, привѣтствовалъ путника пожатіемъ руки. Какъ окончится въ совершенномъ молчаніи эта церемонія, то всегда почти задаются слѣдующіе вопросы: «Мирно ли въ землѣ? Какъ здоровье Царя, епископа, губернатора?» Въ Юутуа, кромѣ-того, спросили меня, гдѣ моя родина, и, узнавъ, что она далеко за горами, спросилъ меня одинъ Лопарь, не родомъ ли я изъ той земли, гдѣ табакъ растетъ? Это напомнило мнѣ Гётевское «Kennst du das Land, wo die Citronen blühn?»

Болтая съ мужиками, Кастренъ замѣтилъ необыкновенное движеніе между бабами. Удивительно было, съ какою быстротою эти короткія и неуклюжія особы перебѣгали отъ одной юрты къ другой. Послѣ всей этой суматохи путешественники были приглашены въ небольшой темный шалашъ, обязанный служить горницею. Бланкъ и Кастренъ приняли приглашеніе безтрепетно; но Дурхманъ ушелъ еще прежде въ лѣсъ, гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ прежде, чѣмъ рѣшился подойти къ этому грязному гнѣзду. Тѣмъ временемъ Кастренъ отлично выспался въ шалашѣ и всталъ такимъ бодрымъ, что даже пошелъ въ юрту.

Эта юрта, какъ вообще юрты энарскихъ Лопарей, была по-

ставлена такимъ образомъ, что основанie, или фундаментъ, былъ четырехугольникъ, составленный изъ четырехъ вмѣстѣ сложенныхъ бревенъ; верхняя же часть имѣла пирамидальную форму и состояла изъ досокъ. Въ деревнѣ Утсъёки, по недостатку лѣса, нижнее отдѣленie выкладываютъ камнемъ, а для сбереженiя всю палатку обкладываютъ торфомъ. Тамъ у палатокъ и форма не пирамидальная, а округленная, родъ полушара. Что́ касается устройства палатки, въ Лапландiи вездѣ почти оно одинаково. Въ длину, т.-е между дверьми и задней стѣной, проходятъ два параллельныя бревна вдоль всей палатки; они пересѣкаются двумя другими бревнами, проходящими въ ширину отъ одной стѣны до другой. Палатка дѣлится на нѣсколько отдѣленiй. Изъ нихъ три ближнiя къ дверямъ предназначаются для сохраненiя дровъ, обуви и домашней утвари, три заднiя же отдѣленiя — для съѣстныхъ припасовъ и для чистыхъ работъ. Самое среднее изъ трехъ среднихъ отдѣленiй, расположенное подъ дымнымъ окномъ, служитъ для очага. Направо отъ очага — мѣсто для хозяина и хозяйки, налѣво помѣщается прочее населенie дома. Если семья очень велика, то младшie члены помѣщаются тогда въ остальныхъ отдѣленiяхъ.

Но палатка не составляетъ еще единственнаго строенiя энарскихъ Лопарей. Они строятъ всегда одну или нѣсколько небольшихъ клѣтей для рыбы, утверждая ихъ на высокихъ шестахъ, для сбереженiя отъ волковъ, лисицъ и медвѣдей. Зажиточный Лопарь имѣетъ кромѣ того избу, но лѣтомъ въ ней не живетъ.

При приходѣ своемъ въ Ютуа путешественники застали Лопарей въ ихъ обыденной одеждѣ; но вскорѣ они одѣлись попраздничному. И мужики и бабы сняли свои черныя *peski*, лѣтнюю верхнюю одежду, родъ рубашки изъ оленьей кожи, надѣвъ тоже верхнее платье, только суконное. На него у женщинъ надѣвается корсетъ, а на шею навязывается простой холстяной воротникъ, длинные концы котораго падаютъ на грудь и образуютъ родъ кармана. Оба пола носятъ богато украшенный съ серебряными или мѣдными застежками поясъ. Весьма любопытенъ головной уборъ женщинъ; онъ особенно отличается однимъ украшенiемъ на макушкѣ, въ два вершка вышиною. У мужчинъ онъ не представляетъ ничего опредѣленнаго. Оба

пола носятъ башмаки и порты изъ выдѣланной мягкой оленьей шерсти. Болѣе подробное описаніе одежды Лопарей сообщилъ А. М. Шёгренъ, въ сочиненіи своемъ «Anteckningar om församlingarna i Kemi Lappmark», стр. 244 и слѣд. У Кастрена прибавлено только, что какъ мужчины, такъ и женщины зимою носятъ верхнюю одежду изъ оленьей шкуры, которая, такъ же, какъ и peski, такъ плотно обтягиваетъ тѣло и снабжена только однимъ и столь малымъ отверстіемъ, что съ непривычки и надѣвать и снимать это платье можно только съ величайшимъ трудомъ.

Что́ касается наружности Лопарей, то извѣстно, что ростомъ они весьма низки, а въ очертаніи лица подходятъ къ монгольскому типу: лобъ низкій, выдавшіяся впередъ скулы, узкіе глаза и т. д. По характеру это народъ лѣнивый, забитый, угрюмый. Его бранятъ за его завистливый, тяжелый и сварливый характеръ и за другія съ нимъ соединенныя качества, а хвалятъ за набожность, услужливость, гостепріимство, за богобоязненность и честность.

Въ Энарѣ богатое рыбою озеро обратило Лопарей отъ ихъ первоначальной, тяжелой пастушеской жизни къ болѣе спокойному образу жизни рыбака. Теперь — говоритъ Кастренъ — по всей энарской Лапландіи не найдется ни одного горнаго или кочующаго Лопаря, который бы занимался только одними оленями; теперь Лопарь или рыбакъ, или такъ-называемый лѣсной Лопарь, который лѣтомъ занимается рыбною ловлею, а зимою ходитъ за оленями. Однако, уже и лѣсные Лопари начинаютъ преимущественно заниматься рыболовствомъ и покидаютъ своихъ оленей, сбытъ которыхъ, по собственному признанію жителей, становится все труднѣе. Содержаніе оленей для лѣснаго Лопаря и потому тяжело, что олени весною не идутъ къ берегамъ Ледовитаго моря, какъ у горнаго Лопаря, но и зиму и лѣто пасутся въ лѣсахъ и, слѣдовательно, нуждаются въ большомъ присмотрѣ, не то заплутаютъ, одичаютъ, станутъ добычею волковъ или исчезнутъ въ многочисленныхъ стадахъ горныхъ Лопарей. Чѣмъ больше труда и времени посвящаетъ Лопарь рыболовству, тѣмъ ему менѣе возможности для необходимаго ухода за оленями. Такимъ-образомъ, неволя, ранѣе или позже, дѣлаетъ лѣснаго Лопаря рыбакомъ, и такое превращеніе

произошло въ весьма короткое время не только въ приходѣ Энарскомъ, но и Утсъёкскомъ. Вообще во всей нашей Финской Лапландіи по большей части уже пройдено Лопарями два первыхъ поприща дикости, они покинули горы и лѣса, или, другими словами, перестали быть горными и лѣсными Лопарями. Настоящее ихъ занятіе рыболовство, и не далеко уже время, когда они всѣ откажутся отъ дикой жизни и станутъ поселенцами.

Что касается до большихъ подробностей о бытѣ Лопарей, живущихъ въ Финской Лапландіи и особенно въ Энарскомъ округѣ, то полагаемъ, что слѣдующій очеркъ не будетъ лишенъ занимательности. Въ однообразной жизни Лопаря весна — важнѣйшее время года. Около этого времени Лопари-рыболовы изъ Утсъёки и Энаре, иногда и крестьяне изъ Соданкюле, отправляются къ Норвежскому берегу, по старому обычаю, въ одинъ округъ, такъ-называемый «Faelleds-District», на рыбную ловлю. При ловлѣ соблюдается такой обычай, что два или три нашихъ мужика сговариваются съ норвежскимъ рыбакомъ, который владѣетъ лодкою и рыболовными снастями, одну половину улова оставляютъ за рыбакомъ, а другую дѣлятъ между собою. Отъ этого улова какъ норвежскій, такъ и финскій рыбакъ уступаетъ духовенству десятину, на мѣстѣ взимаемую купцами, которые лѣто проживаютъ въ гаваняхъ и промѣниваютъ у рыбака его уловъ на муку. Лопари сильно бранятъ этихъ торговцевъ за ихъ безсовѣстныя прижимки и за счастье считаютъ, когда могутъ сбыть свою рыбу Русскимъ, которые во множествѣ съѣзжаются на ярмонку, бывающую въ гаваняхъ съ іюля до конца августа мѣсяца. Если полагаться на показанія Лопарей, то въ цѣнахъ норвежскихъ и русскихъ торговцевъ существуетъ такое отношеніе: за вагу (т.-е. 165 фунтовъ) муки требуетъ Норвежецъ пять вагъ свѣжей и одну вагу сушеной рыбы, тогда-какъ Русскій даетъ одну вагу муки за $2^1/_2$ ваги свѣжей рыбы и одну вагу, восемь марокъ муки за одну вагу сушеной рыбы. Но немногіе изъ финскихъ Лопарей могутъ пользоваться выгодами торга съ Русскими, потому-что они изъ гаваней уходятъ домой обыкновенно около Иванова дня. Въ эту пору Лопари наши начинаютъ ловъ въ своихъ озерахъ, которыя тѣмъ временемъ освобождаются ото льда.

Тутъ начинается для Лопаря золотое время, о которомъ зимою вспоминаетъ онъ, какъ о потерянномъ раѣ, какъ о высшемъ на землѣ блаженствѣ, когда, съ сытымъ желудкомъ и укрытый отъ комаровъ, засыпаетъ онъ въ своей палаткѣ, не думая о завтрашнемъ днѣ. Этого блаженства не промѣняетъ, конечно, Лопарь на сокровища половины свѣта. Но иногда обстоятельства нарушаютъ въ нѣкоторой степени его покой. Разъ или два въ лѣто ему приходится переходить отъ одного озера къ другому. Такіе переходы достаются почти каждому энарскому Лопарю-рыболову. Здѣсь, по долголѣтней давности, завладѣли Лопари множествомъ небольшихъ озеръ, и вслѣдъ за тѣмъ временемъ, когда рыба мечетъ икру, и ловъ начинается въ томъ или другомъ озерѣ. Часто соединены озера только малымъ протокомъ, и тогда переходъ совершается со всѣми удобствами на лодкѣ; если же озеро не имѣетъ между собою никакого соединенія, тогда Лопарю выпадаетъ тяжкій трудъ волокомъ тащить свою лодку со всѣми сѣтями, съ разною кладью и проч.

Съ окончаніемъ лѣта переходятъ Лопари въ свои зимнія избы, кормясь въ лѣто сбереженнымъ запасомъ, который всегда почти состоитъ изъ сушеной рыбы; ея, впрочемъ, никогда не хватаетъ на потребности длинной зимы. Осенняя ловля изъподо льда не удовлетворитъ и насущной потребности. Потому гораздо выгоднѣе охота особенно за дикими оленями, продолжающаяся всю осень съ Воздвиженья до Всѣхъ Святыхъ и весною, съ Рожества Богородицы, пока ледъ не растаетъ. Еще въ старину ловля оленей составляла выгодный промыселъ для Лопарей, на чтó была и особая охота, теперь уже неупотребительная, называвшаяся wuomen. Такъ описываетъ ее Торнеусъ: «Вуоменъ устроивается такимъ образомъ. На пустой, гладкой и безлѣсной равнинѣ, одной или нѣсколькихъ миль въ длину и столько же въ ширину, охотникъ ставитъ высокіе столбы, quasi duo cornua, сначала разставляетъ ихъ съ большими промежутками, потомъ все ближе и ближе и къ каждому столбу прибиваетъ черное, страшное чучело, чтобы тѣмъ испугать оленя. Поближе къ этимъ angustiora устроивается высокій частоколъ, черезъ который олень не въ-состояніи перепрыгнуть. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, in angustissimo, устроенъ скатъ съ пятью ступенями, а за нимъ плетень, изъ ко-

тораго уже ни одна тварь живая не вылѣзетъ. Устроивъ такую засаду, Лопарь рыщетъ по горамъ и гдѣ найдетъ стадо оленей, сгоняетъ его въ ту сторону, гдѣ вуоменъ. Вступивъ въ эту городьбу, олень не выбѣгаетъ промежду столбовъ, пугаясь чучелъ. Да и позади его толпа народа слѣдитъ за нимъ и не даетъ ему вернуться назадъ, впрочемъ, дозволяя ему ѣсть по дорогѣ мохъ, останавливаться и ложиться; но лишь только подойдутъ олени *ad angustiora* и *angustissima*, то люди быстро кидаются на нихъ и сгоняютъ ихъ in praecipitium: отсюда уже имъ не выбраться. Такъ они и остаются тамъ *in suo carcere*. Потомъ Лопарь убиваетъ ихъ всѣхъ, большихъ и малыхъ, и такъ истребляетъ цѣлое стадо, за что остальные Лопари ненавидятъ такого.» По разсказамъ Лопарей, прежде также ловили оленей въ ямахъ, и вѣроятно, что попадающіяся въ Финляндіи такъ-называемыя лопарскія могилы и есть по бо́льшей части старыя оленьи ямы. Обычай ловить дикихъ оленей сѣтями удержался и понынѣ. Теперь же Лопарь ходитъ обыкновенно на оленей со своею винтовкою, и Кастренъ слышалъ отъ Лопарей, что въ осень и лѣто они нерѣдко убиваютъ отъ 30 до 40 штукъ. Но какъ ни прибыленъ этотъ промыселъ, все же онъ недостаточенъ для существованія. Лучшимъ средствомъ у Лопаря-рыболова для покрытія его зимнихъ издержекъ прежде была продажа водки горнымъ Лопарямъ. Всю муку, что́ удавалось получить Лопарю-рыболову въ бытность его въ гаваняхъ, отдавалъ онъ финскимъ поселенцамъ-винокурамъ, а за водку получалъ оленье мясо отъ горныхъ Лопарей, которые зимою въ большомъ числѣ проживаютъ въ Энаре. Обыкновенная цѣна за штофъ водки—олень, за полштофа—самка. Такъ-какъ Лопарь-рыболовъ не особенно страстный любитель крѣпкихъ напитковъ, то весьма понятно, что продажа водки доставляла ему огромную выгоду. Но отъ развращающаго дѣйствія водки торгъ этимъ товаромъ въ послѣднее время совершенно запрещенъ въ нашей Финской Лапландіи. Что́ вслѣдствіе того потеряли энарскіе Лопари во внѣшнихъ выгодахъ, то вознаградится современемъ лучшимъ и исправнѣйшимъ образомъ жизни.»

Изъ деревни Ютуа Кастренъ съ товарищами далѣе продолжалъ свой путь. Вскорѣ очутились они въ настоящей странѣ

оленя. «И вдоль и поперегъ — пишетъ Кастренъ — не видали мы ничего, кромѣ мха, этого жалкаго произрастенія, при видѣ котораго я совершенно нѣмѣлъ. Длинныя болота, прерывающія скалы, тоже не располагаютъ духъ къ радости. Къ довершенію всего намъ достался въ вожаки Лопарь изъ Ютуа весьма скупой на слова: съ нимъ невозможно было завести рѣчи. Насупясь и что-то ворча про себя, шелъ онъ передъ нами съ своею ношею на спинѣ, и ни водка, ни ласковое слово не склоняли его къ удовлетворительнымъ отвѣтамъ; онъ только угощалъ насъ любимымъ лопарскимъ выраженіемъ: «не знаю, право, не знаю.» Это выраженіе употребляетъ Лопарь во всѣхъ своихъ рѣчахъ, не придавая ему никакого значенія. Однажды при-случаѣ Кастренъ спросилъ у одного Лопаря, давно ли живетъ онъ на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, и получилъ отвѣтъ: «Не знаю, право.... уже девятый годъ.

Впрочемъ, нашъ путешественникъ не всегда былъ несчастливъ на вожаковъ. Въ деревнѣ Тангуа, финской колоніи, взялъ онъ себѣ въ вожаки одного мужика, проводить до церкви Соданкюле и оттуда къ озеру Кемь, гдѣ и былъ конецъ его путешествія. На этотъ разъ мужикъ попался болтливый, не умолкалъ всю дорогу. «Богатымъ матеріаломъ для разсказовъ послужили ему противнаго вида змѣи, попадавшіяся въ Соданкюле почти на каждомъ шагу, но вовсе незамѣтныя въ собственной Лапландіи.» Не передавая ни одного изъ этихъ разсказовъ въ подробности, Кастренъ всѣ главныя черты ихъ излагаетъ въ слѣдующемъ сжатомъ очеркѣ. «Какъ люди, такъ и змѣи живутъ въ общинѣ, управляясь своими законами и обычаями. Въ каждой общинѣ есть свой начальникъ и покорные ему исполнители. Разъ въ годъ змѣи въ каждой общинѣ собираются на сеймъ (Käräjät), въ опредѣленномъ для того мѣстѣ. При этомъ случаѣ всякій подчиненный имѣетъ право подавать свои жалобы начальнику. Начальникъ змѣй чинитъ судъ и расправу не только змѣямъ, но простираетъ свою власть и далѣе этого круга. Между-прочимъ, онъ опредѣляетъ извѣстныя наказанія людямъ и другимъ тварямъ, умертвившимъ ли одного изъ его подчиненныхъ, или оскорбившимъ ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

«Замѣчательно, что тѣ же представленія о змѣяхъ въ боль-

шомъ ходу и у сибирскихъ, сродныхъ Финнамъ, племенахъ. У этихъ народцевъ господствуетъ, кажется, извѣстное почитаніе змѣй. По-крайности извѣстно то, что ихъ шаманы въ высшей степени почитаютъ власть змѣй, и потому-то носятъ на своей одеждѣ тонкіе жгутики изъ конскаго волоса наподобіе змѣй. Финскіе шаманы, сколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ такихъ знаменательныхъ символовъ; но и у нихъ есть разные колдовскіе предметы, которые невольно указываютъ на вѣру въ сверхъестественную силу змѣй. Изъ этихъ знаковъ упомянемъ мимоходомъ слѣдующіе:

1) *Судной камень змѣй* (Käärmehen käräjäkiwi), котораго находятъ на скалахъ во время жатвы, въ ту пору, когда змѣи возвращаются съ своего собранія. Камень этотъ шаманы считаютъ весьма хорошимъ пособіемъ въ дѣлахъ судебныхъ.

2) *Змѣиная кишка* (Käärmehen suoli) дается лошади въ пищѣ и въ питьѣ, чтобы она держалась въ тѣлѣ.

3) *Змѣиное горло*. Черезъ него шаманъ процѣживаетъ воду въ ротъ больныхъ горломъ.

4) *Змѣиный зубъ* прикладываетъ шаманъ къ больнымъ мѣстамъ, когда нашептываетъ свои заговоры.

5) *Трава*, которую змѣя держитъ во рту, когда плыветъ, иначе утонетъ. Эта трава даетъ силу кусать самое твердое желѣзо. Ей также придаютъ силу охранительную въ дѣлахъ судебныхъ.»

Путешественники наши прибыли въ приходъ Соданкюле. Товарищи Кастрена пошли въ церковь, гдѣ въ то время шла служба, а онъ занялся въ приходскомъ архивѣ, желая получить свѣдѣнія о происхожденіи жителей этого прихода. Окончательнымъ результатомъ этихъ развѣдокъ было полное убѣжденіе въ томъ, что «большая часть этого населенія родомъ Лопари, съ теченіемъ времени принявшіе языкъ и обычаи Финновъ. Въ-отношеніи языка онъ слышалъ нѣсколько идіотизмовъ, но въ бытѣ нельзя было замѣтить разницы между старыми и новыми жителями.

Поселяне въ Соданкюле, что касается ихъ быта, всѣ хлѣбопашцы, и хотя ихъ усилія въ этомъ отношеніи рѣдко увѣнчиваются успѣхомъ, но тѣмъ-не-менѣе, считая это богоугоднымъ дѣломъ, каждый годъ пашутъ они небольшую полосу земли. Пренебрегать земледѣліемъ, по ихъ мнѣнію, то же самое

что́ быть Лопаремъ или язычникомъ, и они твердо убѣждены, что этому занятію природа не положила никакой границы. Если моро́зная ночь истребитъ ихъ сѣмена, то въ этомъ они видятъ справедливую кару Провидѣнія. Къ несчастію, почти каждый годъ постигаетъ ихъ это наказаніе, и если иногда и избѣгаютъ его, то обыкновенно потому, что преждевременно снимаютъ хлѣбъ.

Кромѣ хлѣбопашества жители прихода Соданкюле занимаются также охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, но послѣдними промыслами безъ достаточной ревности и энергіи. Сколько я знаю мѣстность, то мнѣ кажется, что Соданкюле весьма удобно для скотоводства, но не смѣю рѣшить, можно ли этимъ путемъ достичь значительныхъ прибылей. Вообще же этотъ приходъ относительно внѣшняго благосостоянія — одно изъ самыхъ жалкихъ мѣстъ во всей Финляндіи. Здѣсь принуждены жители питаться травою, и бывали примѣры, что имъ случалось вырывать изъ земли падаль и пожирать полусгнившее мясо.

Изъ этой несчастной мѣстности спустимся внизъ по рр. Киттиненъ и Кеми, въ Кемитрескъ, лежащій нѣсколько южнѣе. Этотъ приходъ еще въ весьма недавнее время также былъ населенъ Лопарями, которые мало-по-малу приняли языкъ, нравы и обычаи Финновъ. Объ этомъ превращеніи *Н. Феллльманъ* говоритъ, въ своемъ донесеніи Синоду, что первые проповѣдники Слова Божія въ Кемьской Лапландіи, *Яковъ Лаподіусъ* и *Исаія Мансвети*, научивъ Лопарей финскому языку, утверждали ихъ въ христіанской вѣрѣ на чистомъ остботническомъ финскомъ языкѣ, достали имъ финскія книги и учили ихъ дѣтей грамотѣ. Далѣе говорится въ томъ же документѣ: «Такъ-какъ дѣдъ мой покойной Исаія Мансвети весьма затруднялся наученіемъ Лопарей финскому языку, то, пользуясь представившимся удобнымъ случаемъ основать здѣсь колонію, онъ объявилъ вызовъ, по которому различные поселенцы отправились изъ приходовъ Ийо и Улео; одни изъ нихъ поселились въ Кемитрескѣ, другіе далѣе распространились по Лапландіи, и хотя Лопари сначала ихъ хотѣли прогнать, но королевскій намѣстникъ утвердилъ за ними всѣ колоніи. Эти поселенцы, все Финны, народъ хорошій и благочестивый, принесли весьма значительную пользу моему

покойному дѣду, и его проповѣди; они своими ежедневными сношеніями научили Лопарей не только финскому языку, но и примѣромъ своимъ помогли имъ отказаться отъ ихъ идолослуженія, выучиться грамотѣ и получить правильныя понятія объ истинномъ христіанствѣ. Въ то же время измѣнили Лопари и свой образъ жизни, стали строить себѣ дома, разводить скотъ и заниматься земледѣліемъ; потомъ, породнившись съ переселенцами, бо́льшею частью оставили свой языкъ и стали говорить по фински между собою и съ дѣтьми своими.»

Во время путешествія Кастрена во всей общинѣ Кемитрескъ не было ни одного Лопаря, но какъ въ Соданкюле, такъ и тутъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ *Куолаерви*, жители напоминали свое лопарское происхожденіе нѣкоторыми особенностями языка, а также и наружностью. Въ образѣ жизни здѣсь такая же нравственность, какъ и во многихъ южныхъ частяхъ страны.

Еще болѣе привлекаютъ вниманіе своею нравственностью и внѣшнимъ благосостояніемъ приходы Рованіеми и Кеми, которые въ старину тоже были населены Лопарями, впослѣдствіи бо́льшую часть своего населенія получили изъ русской Кареліи, или изъ древней Біарміи. Жители этихъ приходовъ всѣ безъ исключенія земледѣльцы; но какъ отъ общихъ физическихъ препятствій, такъ особенно отъ холоднаго климата хлѣбопашество не можетъ имѣть значительнаго успѣха. Зато здѣсь очень прибыльна ловля семги, а также и скотоводство составляетъ важный источникъ благосостоянія. Наконецъ, крестьяне въ Кеми и Рованіеми наслѣдовали отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ, такъ-называемыхъ Біармійцевъ, большую охоту къ торговымъ предпріятіямъ; они не любятъ проводить времени въ праздности и въ спячкѣ, лежа на печи, но вѣчно рыщутъ себѣ по торговымъ дорогамъ и нерѣдко доходятъ до Стокгольма и Петербурга. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ обстоятельствѣ надо видѣть причины рѣдкой нравственности, которою отличаются жители этого края. Такъ понятны становятся и необыкновенная ихъ смѣлость, смѣтливость, рѣшительность и энергія во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Быть-можетъ, и нѣкоторыя мѣстныя обстоятельства развили въ нихъ эти отличительныя черты. Рѣка Кемь въ нижнемъ своемъ

теченіи весьма быстра и полноводна, полна шумящими потоками и водопадами; плаваніе этой рѣкою вверхъ и внизъ сопряжено съ большими опасностями и требуетъ не только однихъ тѣлесныхъ усилій, но и большой смѣтливости и смѣлости духа. Принявъ же во вниманіе, что мѣстные жители бо́льшую часть своей жизни проводятъ на этой рѣкѣ, Кастренъ утверждалъ, что это обстоятельство имѣло немаловажное вліяніе на ихъ характеръ.

Прежде чѣмъ заключимъ наши выписки изъ перваго путешествія по Лапландіи, позволимъ себѣ обратиться нѣсколько назадъ и привести очеркъ духовнаго состоянія энарскихъ Лопарей; для бо́льшей же ясности приведемъ и одно мѣсто изъ другаго сочиненія того же автора. Для того, чтобы не развлекать вниманія читателя, мы и берегли это мѣсто подъ конецъ. Кастренъ говоритъ, что, будучи въ церкви, въ Энарѣ онъ не могъ надивиться той глубокой набожности Лопарей, съ какою они присутствуютъ при богослуженіи: почти два дня безпрерывно то въ церкви, то въ своихъ избахъ проводили они въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ были просвѣщены, что знали наизусть почти весь Новый Завѣтъ, и во время литургіи я замѣтилъ, что ни одинъ Лопарь при пѣніи псалмовъ не заглядывалъ въ свой молитвенникъ. Того же нельзя сказать о Финнахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, весьма достойно замѣчанія, что здѣсь Лопари могли усвоить себѣ такія познанія въ религіи, хотя въ-теченіе многихъ лѣтъ они были вовсе безъ пастора. Крещены они были во времена католическія; но древнѣйшія даже церкви въ Лапландіи выстроены въ царствованіе Карла IX, на собственный счетъ жителей, около 1600 г. Между-тѣмъ, все раздавались жалобы на малое богопознаніе Лопарей, и *Нильсъ Феллъманъ*, въ своемъ донесеніи синодальному капитулу въ Або, представленномъ въ 1751 г., говоритъ, что они, какъ погибшія овцы, блуждали во тмѣ язычества до временъ королевы Христины, наклонные къ колдовству и суевѣріямъ, поклонялись каменнымъ и деревяннымъ идоламъ и даже имъ приносили въ жертву своихъ дѣтей.

Съ той поры исчезло у Лопарей даже самое воспоминаніе о язычествѣ. Ихъ древніе боги: Аія (Aija, по-фински Äjiä, *Икко*), Акка (по-фински Akka, Ämmä), Туона (по-фински

Tuoni) и т. п., едва извѣстны намъ по именамъ. Всѣ знаютъ вышеупомянутые «каменные и деревянные идолы», или *Сейды*, которыхъ Лопари почитали въ древности, какъ пенатовъ. О деревянныхъ Сейдахъ слышалъ я, что они имѣли образъ человѣческій и такія же формы, какъ теперь у Остяковъ, Вогуличей и у другихъ отдаленныхъ вѣтвей Финскаго племени. Такіе идолы недавно еще были найдены у Капеллы Терволы, въ Кемскомъ приходѣ, гдѣ они были извѣстны подъ именемъ *Молекитовъ*. Это названіе, вѣроятно, дано пасторами, желавшими тѣмъ показать, что Сейдамъ, такъ же, какъ идоламъ Молоха, приносились человѣческія жертвы — догадка, далеко еще, впрочемъ, подверженная сомнѣнію. Что касается до такъ-называемыхъ *каменныхъ Сейдъ*, то преданія говорятъ, что большею частью то были естественные, замѣчательные только по своей величинѣ, или по внѣшнему своему виду, камни. Въ краяхъ Лапландіи, населенныхъ Финнами, тамъ-исамъ камни эти называются *kenttä-kiwet*, изъ финск. сл. *kenttä*, становище, и *kiwi* (множ. ч. *kiwet*), *камень*. Это названіе намѣкаетъ на то, что ясно, впрочемъ, и изъ другихъ обстоятельствъ, что Сейды были пенатами Лопарей. Но, обращаясь къ ихъ формѣ, надо сказать, что и между каменными Сейдами были обдѣланные рукою человѣческою. Онѣ состояли изъ груды вмѣстѣ сложенныхъ камней, изъ которыхъ одни представляли голову, другіе плечи, грудь и другія части тѣла.

Такого рода Сейду случилось Кастрену видѣть на озерѣ Энаре въ поѣздку нашу въ деревню Кюре. Лопари питали великій страхъ къ этому божеству, съ ужасомъ указывали на темныя пятна отъ крови и жира на его поверхности, которыми истуканъ въ прежнія времена украшался, и, кажется, они и понынѣ представляютъ себѣ, что въ немъ пробываетъ злой духъ — говоритъ Кастренъ.

Почитая вопросъ о Сейдахъ весьма занимательнымъ, рѣшаемся привести довольно большую выписку изъ соч. Кастрена «Чтенія о Финской Миѳологіи» (M. Alexander Castrén's Vorlesungen über die Finische Mythologie ans d. Schwed übertragen u. mit Anmerk. begleit von *A. Schiefner*. St. Petersb. 1853). Тамъ, въ 3-й главѣ, исполненной весьма любопытныхъ мыслей и замѣчаній, онъ говоритъ въ началѣ, что большинство алтайскихъ народовъ представляетъ себѣ идоловъ,

не какъ внѣшніе образы, символы божества, имѣющаго свое самобытное, независимое отъ своего изображенія существованіе. Нѣтъ, они представляютъ себѣ, что «божество живетъ въ изображеніи, или, такъ-сказать, воплощено въ немъ». По ихъ воззрѣнію, идолы и есть настоящіе боги и въ-состояніи даровать человѣку здоровье, благосостояніе и другія житейскія блага.

Почитаются, какъ боги, и отдѣльные предметы природы, напр., деревья, камни и т. д. Только такимъ предметамъ поклоняется низшій класъ народа, не посвященный въ таинства волшебства. Мудрецы, или шаманы, пользуются передъ остальными людьми тѣмъ преимуществомъ, что входятъ въ сношенія съ духами, получаютъ отъ нихъ совѣты и помощь и даже могутъ принудить ихъ къ выполненію своихъ желаній. Для простаго человѣка міръ духовъ совершенно заключенъ: онъ не можетъ, какъ шаманъ, вызвать ихъ изъ мрака и призвать ихъ въ свое присутствіе. При такихъ отношеніяхъ человѣкъ не можетъ никогда разсчитывать на ихъ помощь, ибо бóльшая часть дикихъ народовъ считаютъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы духи могли услышать молитву человѣка, если онъ не стоитъ съ ними лицомъ къ лицу. По этой-то причинѣ Самоѣды и другіе алтайскіе народы считаютъ безполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ. Эти боги далеко, далеко живутъ отъ смертныхъ: какъ возможно, чтобы они слышали слабыя мольбы человѣка? Эта рѣчь постоянно на устахъ дикихъ сѣверной Сибири. Они никакого понятія не имѣютъ о духовномъ общеніи боговъ съ людьми, и если тамъ-и-сямъ слышишь, что сильный богъ неба и обращаетъ вниманіе на дѣла смертнаго, награждаетъ его добрые поступки и наказываетъ злые и т. д., то все не вѣрятъ они тому, чтобы слабый человѣкъ могъ вступить съ нимъ въ духовное общеніе. Религіозныя представленія древнихъ Финновъ какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ гораздо выше, ибо они увѣрены, что человѣкъ въ молитвахъ приближается къ богамъ, находятся ли они на облакахъ, въ глубинѣ морской или въ лонѣ земли; они питаютъ притомъ радостную надежду, что слово ихъ дойдетъ до скрытыхъ отъ ихъ глазъ боговъ, и что есть между ними нѣжные, человѣколюбивые, которые самое живое участіе

принимаютъ въ печаляхъ человѣка и съ готовностью исполняютъ его желанія. Впрочемъ, и у Остяковъ, Самоѣдовъ и другихъ дикихъ народовъ шаманъ, не получивъ помощи отъ низшихъ духовъ, обращается къ богу небесному, но и то не прямо, а чрезъ посредниковъ. Такъ, въ одной самоѣдской пѣснѣ духъ, или *Тадебцій* (Tadebtsjo), упрашивается подняться на высоту и выпросить у *Нума* помощь и изцѣленіе для больнаго. «Изъ боязни гнѣва *Нума Тадебцій* всячески старается уклониться отъ этого порученія и совѣтуетъ шаману самому непосредственно обратиться къ *Нуму*. На это отвѣчаетъ ему шаманъ: «Не пойду я къ *Нуму:* онъ далеко отсюда. Если бы я могъ до него добраться, то не просилъ бы тебя; тогда бы я самъ къ нему пошелъ. Но не могу я къ нему итти, иди ты.» Впрочемъ, Кастренъ, такую посылку духовъ къ богамъ, такое посредничество готовъ приписать скорѣе постороннему и новѣйшему вліянію. «Собственно сибирскій шаманъ ищетъ помощи только у своихъ духовъ, съ которыми, при своемъ восторженномъ состояніи, онъ бываетъ въ тѣсномъ общеніи. Но и эти духи, какъ уже сказано, не доступны простымъ людямъ: они никогда не представляются ихъ взорамъ, и потому непосредственное къ нимъ обращеніе невозможно. Но дикій не лишенъ совершенно общенія съ высшими силами. Общее всѣмъ алтайскимъ народамъ вѣрованіе рисуетъ себѣ силы природы, какъ жизнью и душею одаренныя существа; почти каждый предметъ, каждое явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильные духи. Съ дикими звѣрями простой человѣкъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ; только шаману можно ожидать отъ нихъ исполненія своихъ желаній. Обыкновенные же люди съ прошеніями своими обращаются къ менѣе подвижнымъ предметамъ въ природѣ, особенно къ камнямъ, которые, по ме́ньшей своей подвижности, пользуются наибо́льшимъ религіознымъ уваженіемъ. Но не всякій камень и не всякое животное и не всякое дерево удостоиваются поклоненія дикаря: прежде они должны

доказать извѣстными шаману качествами, что въ нихъ сокрытъ сильный духъ. Но есть много людей, и особенно въ сѣверной Сибири, которые ничего не подозрѣваютъ о духахъ, а молятся предметамъ естественнымъ, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Быть-можетъ, это и есть первоначальное богопочтеніе; но надо помнить, что предметы поклоненія, какъ-то: камни, деревья, все-таки представляются существами живыми, олицетворяются. То же самое и съ кумирами этихъ народовъ. Про нихъ тоже думаютъ, что они живутъ своею особенною жизнью; но если спросить дикаря, какія чудеса совершилъ его идолъ, то онъ отвѣтитъ: «мы не знаемъ этого, но мы служимъ тѣмъ же богамъ, какимъ служили и отцы и дѣды наши и подъ чьимъ покровомъ жили благополучно.» Дальше этого и не простираются обыкновенныя познанія шамана. Но встрѣчатся между ними умные люди, которые гораздо лучше разрѣшали эти вопросы. Свое ученіе основывали они на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе, и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія. Этихъ духовъ шаманъ можетъ призывать себѣ на помощь; но непосвященному человѣку они мало приносятъ пользы. Впрочемъ, иногда онъ обращаетъ къ нимъ свои молитвы черезъ шамана; но часто случается и то, что шамана нѣтъ подъ рукою. Въ такомъ уже случаѣ онъ прибѣгаетъ къ священнымъ деревьямъ и камнямъ; но кочующимъ народцамъ и это не всегда возможно. (*) Для того, чтобы бѣднякъ не былъ совершенно покинутъ богами, духи сжалились надъ нимъ и позволили шаманамъ заключить ихъ въ извѣстныя изображенія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, они сами имѣютъ выгоду въ этомъ заключеніи, потому-что имъ приносятъ богатыя жертвы. Если же бросить эти жертвоприношенія, то они тотчасъ же выйдутъ изъ своего добровольнаго заключенія. Не смѣю рѣшать навѣрно, было ли всеобщимъ это представленіе у алтайскихъ

(*) Нѣкоторые народцы имѣютъ въ обыкновеніи носить съ собою маленькіе камни, которымъ воздаютъ они божескія почести; но другіе мало придаютъ имъ значенія, по ничтожности ихъ размѣровъ.

народовъ о кумирахъ, но поныне оно живетъ у некоторыхъ племенъ, въ-особенности у енисейскихъ Остяковъ.» Затѣмъ, приведя нѣсколько свидѣтельствъ объ идолослуженіи Финновъ, Кастренъ обращается къ Лопарямъ, о которыхъ имѣется гораздо болѣе извѣстій, чѣмъ о Финнахъ. «Но и изъ нихъ не всѣ равно достойны вѣроятія. Шефферъ (*) говоритъ, что у Лопарей былъ нѣкогда идолъ *Тіермес'а*, или такъ-называемаго *Aije*, *Aijeke* или *Тора (Thor)*, что онъ былъ всегда изъ дерева, съ молотомъ въ рукѣ, съ кремнемъ и стальнымъ гвоздемъ на головѣ, которымъ Торъ высѣкаетъ огонь. Если эти извѣстія справедливы, то, въ-такомъ-случаѣ, лопарскаго истукана Тіермеса можно поставить рядомъ съ истуканомъ Юмалы Финновъ (**), такъ-какъ Юмала и Тіермесъ одно и то же божество. Много зато подробностей у Шеффера, Торнеуса и другихъ объ истуканѣ, который представлялъ собою *Wiron akka* и былъ почитаемъ въ Торнеосской Лапландіи, по Торнеусу, въ Кемьской Лапландіи и въ Триннесѣ, по Гёгстрему. Истуканъ этотъ былъ изъ дерева и имѣлъ видъ человѣческій, какъ вообще истуканы Лопарей. Въ нѣкоторыхъ краяхъ Лапландіи были истуканы, по названію *Storjunkare* (***), по мнѣнію Шеффера, тоже представлявшія собою *Тіермеса*, или *Тора*. Другіе же ученые, съ ними и Кастренъ, держатся того мнѣнія, что эти *Сторъюнкары* были родъ боговъ-покровителей, потому-что, какъ у Лопарей, такъ и у другихъ сродныхъ имъ племенъ, они имѣли свои изображенія. Эти изображенія, или истуканы, и донынѣ извѣстны по всей Лапландіи; но собственное ихъ имя не *Сторъюнкаре*, а *Сейда*, или *Сейта (Seida, Seita)*. Слова этого нѣтъ ни въ финскомъ, ни въ другихъ сродныхъ языкахъ; оно встрѣчается въ древнескандинавскомъ и германскихъ нарѣчіяхъ въ формѣ *Seidh*, или *Seidhr*, что обозначаетъ извѣстный родъ волшебства. Если лопарское *Сейда* заимство-

---

(*) Lapponia §§ 104 и 105.

(**) Beskrifning öfver de til Sveriges krona lydande Lapmarker. § 182.

(***) О значеніи этого слова С. Ренъ (S. Rheen), говоритъ такъ: «Слово *Storjunkare* взято изъ норвежскаго языка, гдѣ junkare обозначаетъ начальника. Потому своихъ идоловъ Лопари называютъ Storjunkare, такъ-какъ они больше другихъ господъ.» Schefferi Lapponia. С. 96 и 97.

вано изъ древнескандинавскаго, что́ весьма вѣроятно, то оно означаетъ собственно идола, котораго Лопари употребляли при совершеніи своихъ волшебныхъ чаръ. Такое назначеніе идоловъ удержалось и понынѣ у многихъ сродныхъ имъ племенъ.

По единогласному свидѣтельству нѣсколькихъ писателей, Сейды у Лопарей были разнаго рода; обыкновенно же, по различію ихъ матеріала, они раздѣляются на деревянныхъ и каменныхъ. Деревянныя Сейды по бо́льшей части состоятъ изъ обрубка дерева съ корнями, вверхъ или внизъ обращенными. Корни такъ обрѣзываютъ, что имѣютъ видъ человѣческой головы; стволъ же, представляющій другія части тѣла, остается по-прежнему. Торнеусъ разсказываетъ, что нѣкоторыя Сейды просто состояли изъ столбовъ, вбитыхъ въ землю. Кастренъ полагаетъ, однакожь, что то были не просто столбы, но имѣли, по-крайности, подобіе человѣческаго образа, и заключаетъ это изъ того, что еще недавно въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи отрыты старыя деревья, на внѣшней сторонѣ которыхъ представлены человѣческія фигуры. Въ общинѣ *Соданкюле*, гдѣ жители по бо́льшей части изъ Лопарей, вмѣнено въ обычай, чтобы всякій посѣщающій это мѣсто въ первый разъ ставилъ для себя идола, котораго называютъ здѣсь финскимъ словомъ *Hurikkainen*.. По всей вѣроятности, эти *Hurikkaiset* тоже обозначаютъ, что́ и старинныя деревянныя Сейды Лопарей. Дѣйствительно, и Торнеусъ говоритъ, что на одномъ островѣ въ рѣкѣ Торнео найдены были деревянныя Сейды, имѣвшія человѣческій образъ. «Напереди стои́тъ высокій мужчина, за нимъ четверо другихъ, въ народной одеждѣ, съ шапками на головахъ.» По словамъ Ніуреніуса, у Лопарей были каменныя и деревянныя Сейды, представлявшія собою птицъ; а по С.-Рену Сейды походили и на людей, и на животныхъ.

О каменныхъ же Сейдахъ Торнеусъ говоритъ, что они ничего собою не изображаютъ, но обыкновенно состоятъ изъ грубыхъ, необдѣланныхъ камней, которыхъ вытаскиваютъ Лопари изъ-подъ воды. Тоже и Гёгстремъ не замѣтилъ въ каменныхъ Сейдахъ никакого подобія человѣка или животныхъ, и по его словамъ они обыкновенно шероховаты, негладки. Нельзя сомнѣваться въ справедливости словъ Гёгстрема и

Торнеуса, ибо если Лопари и съ деревомъ плохо ладили, то что они могли сдѣлать съ камнемъ! Кастренъ самъ имѣлъ случай видѣть нѣсколько каменныхъ Сейдъ Лопарей и замѣтилъ, что онѣ состоятъ изъ обыкновенныхъ камней и только въ сложности ихъ есть что-то особенное. Въ-видѣ исключеній встрѣчаются и каменныя Сейды, обдѣланныя человѣческою рукою; одинъ изъ такихъ находился на островѣ Энарскаго озера. Онъ былъ сложенъ изъ различныхъ камней, которые явственно обозначали различныя части тѣла. На самомъ верху лежалъ огромный камень, представлявшій голову. По словамъ Ніуреніуса бо́льшая часть каменныхъ Сейдъ изображали собою птицъ; но этому извѣстію нельзя довѣрять. Вообще же каменныя Сейды были въ бо́льшемъ почетѣ, нежели деревянныя, и всегда окружались оградою.

Почти всѣ писатели единогласно утверждаютъ, что однѣ Сейды почитаемы были цѣлою деревнею, другія—отдѣльными лицами. Торнеусъ, говоритъ, что общія цѣлой деревнѣ Сейды стояли на возвышенномъ мѣстѣ, частныя же — гдѣ-нибудь на травѣ, на берегу озера, гдѣ Лопари держали свои тони; по другимъ же извѣстіямъ, горные Лопари ставили своихъ Сейдъ на высокихъ скалахъ, рыболовы же — у озеръ, водопадовъ, на островахъ, мысахъ и вообще поблизости воды. Вѣроятно, Лопари преимущественно поклонялись Сейдамъ стариннымъ, поставленнымъ ихъ отцами, что́ вовсе было невозможно для горнаго, постоянно кочующаго Лопаря: ему нельзя было ставить своихъ Сейдъ повсюду, куда его ни вели обстоятельства. Оттого онъ былъ принужденъ каждый годъ ставить новыхъ Сейдъ, что́ бывало особенно осенью, когда онъ билъ своихъ оленей и имѣлъ удобный случай приносить жертвы.

У Лопарей не было ни храмовъ, ни другихъ святилищъ для идоловъ: обыкновенно стояли они на чистомъ воздухѣ, иногда въ горныхъ ущельяхъ. Такъ-какъ отъ этихъ идоловъ ожидали счастія во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, то чаще всего ихъ ставили подлѣ своихъ жилищъ или обыкновенныхъ мѣстъ охоты и рыбной ловли. Какъ у верхнеазіатскихъ народовъ, также и у Лопарей господствовало нѣкогда повѣрье, что боги чаще всего присутствуютъ тамъ, гдѣ величава природа. На такихъ мѣстахъ преимущественно ставили истукановъ и

приносили имъ жертвы. Особенно же ставили ихъ на высокихъ горахъ и при шумныхъ водопадахъ. Гдѣ стоялъ истуканъ, все мѣсто кругомъ было священнымъ и называлось *passe*. Оттого и теперь такъ много попадается мѣстъ съ именами *passe waare* (священная гора), *passe jaure* (священное озеро), *passe joka* (священная рѣка) и т. д. (*) Часто на одномъ мѣстѣ стояло нѣсколько Сейдъ: однѣ большія, другія поменьше. Вмѣстѣ онѣ представляли собою семью боговъ. Самый большой изъ нихъ былъ отцомъ, хозяиномъ, *Сторъюнкаре*, по словамъ Рена. Тотъ же ученый говоритъ, что одинъ изъ маленькихъ Сейдъ представлялъ собою жену *Сторъюнкара*, а остальныя—его сыновей, дочерей, слугъ и работницъ. Онъ же разсказываетъ, что мѣста для Сейдъ имѣли опредѣленныя границы, переступать которыя строго запрещалось беременнымъ женщинамъ: иначе онѣ подвергались смерти. Мужчины также не смѣли слишкомъ близко подходить къ истуканамъ, если не приносили жертвъ и не совершили множества обрядовъ. Вообще Сейды требовали отъ своихъ слугъ и молельщиковъ неограниченнаго почтенія и преданности. Служившіе же имъ съ вѣрою могли ожидать отъ нихъ всякихъ благъ, здоровья, долголѣтней жизни, многочисленной семьи и проч. Въ доказательство того могущества, которое приписывали Лопари своимъ Сейдамъ, Гёгстремъ приводитъ въ примѣръ одного Лопаря, который принесъ Сейдѣ въ жертву голову, ноги и крылья тетерева, въ полной увѣренности, что богъ изъ этихъ остатковъ сотворитъ новыхъ птицъ, которыхъ опять онъ станетъ стрѣлять.

Очевидно, что представленія Лопарей о *Сейдѣ* и *Сайвѣ* *(Saivo)* сходятся во многихъ отношеніяхъ. И тотъ и другой по большей части покровительствуютъ отдѣльнымъ лицамъ; власть ихъ обоихъ имѣетъ извѣстныя границы; оба имѣютъ жену, дѣтей, прислугу. *Saivok*, Сайва, владѣли скотомъ, и такимъ-образомъ истуканы животныхъ, бывшіе нѣкогда у Ло-

---

(*) Во многихъ мѣстахъ Финляндіи также встрѣчаются подобныя названія, какъ, напримѣръ, *Pyhäjoki* (священная рѣка), *Pyhäkoski* (священный водопадъ), *Pyhävaara* (священная гора и т. д.), и не невѣроятно, что на всѣхъ этихъ мѣстахъ жители ставили своихъ идоловъ.

парей въ большомъ уваженіи, представляли собою домашній скотъ Сейды-домохозяина. Власть и дѣятельность Сайвы и Сейды совершенно однѣ и тѣ же; близость отношеній шамановъ къ Сайвѣ совершенно та же, что̀ и къ Сейдамъ, ибо дѣло шамановъ обращаться съ вопросами къ Сейдѣ, и въ отсутствіе ихъ, даже съ жертвоприношеніями нельзя приблизиться къ Сейдѣ. Все это сходство ясно доказываетъ, что по-крайности обыкновенные Сейды по началу своему суть ничто иное, какъ копіи Сайвъ. Это подтверждается еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ зовутся даже *saivo*, *saive*, или *saiv*. Такъ, *Линдаль (Lindahl)* и *Эрлингъ* (*) *(Ehrling)* говорятъ, что *saiva-kedke* (камень Сайвы), священный камень, или богъ камня, значитъ каменный Сейда (ein Stein-Seida), *saiva-muora* (дерево Сайвы), дерево почитаемое значитъ деревянный Сейда и т. д. Хотя Сейды, такимъ-образомъ, представляли собою Сайво, однако, на нихъ смотрѣли не какъ на простые истуканы, но вѣрили, что въ нихъ пребываетъ высшій божественный духъ. Сейдамъ молились, приносили жертвы, всячески старались ихъ умилостивить, все съ тою мыслію, что они, дѣйствительно, духомъ и жизнію одаренныя божескія существа. Гёгстремъ, говоритъ, что нѣкоторые Лопари думаютъ даже, что Сейды способны къ свободнымъ движеніямъ, но прибавляетъ притомъ, что они теряютъ свою божественную природу, если имъ перестаютъ приносить жертвы, и тогда ничего не могутъ дѣлать ни худаго, ни хорошаго. Это замѣчаніе доказываетъ, что Лопари почитали не камень самый, потому-что если бы богъ содержался въ самой матеріи, то ему поклонялись бы дотолѣ, пока существовалъ бы самый камень. Итакъ, надо признать, что камни считались только жилищами боговъ, которые, снисходя моленіямъ шамана, поселялись въ нихъ. Я полагаю, что такое понятіе объ идолахъ было господствующимъ у Лопарей, такъ-какъ подобныя же понятія и доселѣ существуютъ у другихъ алтайскихъ племенъ. Бо̀льшая часть ихъ убѣждена въ томъ, что невидимые на волѣ блуждающіе духи переселяются, по просьбамъ шамановъ, въ изготовляемые для нихъ истуканы. Такой образъ представленія тогда только будетъ про-

(*) Lexicon Lapponicum, p. 390.

тиворѣчить религіознымъ вѣрованіямъ Лопарей, когда согласимся съ нѣкоторыми писателями, утверждающими, что они поклонялись *Сайвамъ*, истуканы которыхъ суть Сейды, не какъ духамъ невидимымъ, но какъ существамъ тѣлеснымъ. Однако, множество доводовъ говоритъ въ пользу того, что Сайвы первоначально не имѣли внѣшнихъ образовъ, но были невидимые духи, подобно финскому *Халтіа* (haltia), самоѣдскому *Гадебцію*, тунгузскому *Буни* и монгольскому *Тенгри* (tengri) и т. д.

Кромѣ изображеній въ честь Тіермеса и Сайво, какъ говоритъ Гёгстрёмъ, Лопари дѣлали иногда истукановъ, которыхъ, по совершеніи жертвоприношенія, зарывали въ землю вмѣстѣ съ жертвенными дарами. Онъ разсказываетъ, что самъ отрывалъ много изображеній (даже представлявшихъ оленей) съ различными жертвами. Если же за льдомъ и снѣгомъ земли нельзя было прорыть, то изображенія эти зарывали въ снѣгъ и накладывали деревомъ. Безъ-сомнѣнія, онѣ представляли подземныхъ боговъ. Изъ свидѣтельства того же писателя можно заключать, что у Лопарей обрядъ жертвоприношенія богамъ небеснымъ состоялъ въ томъ, что они изготовляли ихъ изображенія и вѣшали ихъ на деревья вмѣстѣ съ жертвами.

Выше слегка упомянуто объ изображеніяхъ различныхъ животныхъ. Если справедливо мнѣніе о тожествѣ Сейды и Сайво, то весьма вѣроятно, что эти изображенія обозначали рыбу-сайво, или змѣю-сайво, или птицу-сайво, или оленя-сайво. Какихъ именно рыбъ и птицъ считали Лопари за Сайво, т.-е. божественными, священными, о томъ нѣтъ никакихъ древнихъ извѣстій; но надо предполагать, что эта честь между птицами принадлежала *орлу*, а между рыбами *щукѣ*. Кромѣ того, *медвѣдь* пользовался у Лопарей божескимъ поклоненіемъ, почему и погребеніе его совершалось обыкновенно со множествомъ обрядовъ.»

II. Путешествіе въ русскую Карелію.

Получивъ вспоможеніе отъ Финскаго Литературнаго Общества, Кастренъ, въ маѣ 1839 г., отправился изъ Гельсингфорса, а въ сентябрѣ вернулся назадъ. Главною цѣлью его путешествія было собраніе пѣсенъ, сказокъ и другихъ матеріаловъ для объясненія Калевалы. Онъ уже давно задумалъ написать финскую миѳологію и передать Калевалу въ шведскомъ переводѣ. «Калевала и другіе древнѣйшіе сборники рунъ доставили мнѣ богатый матеріалъ для миѳологическихъ изслѣдованій; но я былъ убѣжденъ, что множество рунъ, пѣсенъ, устныхъ преданій, еще не записанныхъ, содержатъ въ себѣ много извѣстій для миѳологіи.» Еще болѣе того занимала его другая мысль—переводъ Калевалы. Уже давно началъ онъ имъ заниматься, но отъ недостатка словарей долженъ былъ отложить эту работу до своего путешествія въ настоящее отечество рунъ.

Изъ Гельсингфорса отправился Кастренъ черезъ Саволаксъ въ Куопіо, откуда рѣшился направиться въ Каяну черезъ Кави, Либелицъ, Юга, Нурмисъ и Соткамо. «Едва вступилъ я — говоритъ онъ — въ область Кареліи, какъ открылся передо мною совершенно новый міръ. Самая внѣшняя жизнь Кареловъ переноситъ наблюдателя въ прошедшее; но особенно во внутренней жизни народа, въ его образѣ мыслей сохраняется эта старина. Она обнаруживается и въ привязанности народа къ пѣснямъ, преданіямъ, сказкамъ. Я обратилъ особенное вниманіе на преданія, изъ которыхъ преимущественно одно доказываетъ, что Лопари, Остяки и другія сродныя племена, подобно древнимъ Финнамъ, поклонялись извѣстнымъ деревьямъ. Относительно Финновъ въ одной буллѣ папы Григорія IX есть извѣстіе, что Тавастцы тѣхъ людей, что приняли христіанство, загоняли до смерти вокругъ своихъ священныхъ деревьевъ. Въ нашихъ древнихъ рунахъ упоминаются также священныя деревья, изъ которыхъ приведу только рябину, часто называемую *pyhä puu*

(священное дерево). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ еще Финны питаютъ къ нѣкоторымъ деревьямъ какое-то особенное почтеніе, такъ-что неохотно ихъ срубаютъ,—напримѣръ, такъ-называемое *Тapion puu*, дерево лѣшаго, то-есть сосну безъ смолы, или *Tapion kanto*, пень лѣшаго, то-есть, изъ котораго выходитъ новый отростокъ», и т. д.

«Большинство преданій, собранныхъ мною въ Финской Кареліи, имѣетъ миѳическій характеръ. Но мнѣ удалось, впрочемъ, отъискать и преданія съ историческимъ содержаніемъ. По бо̀льшей части гласятъ онѣ о старожилахъ края, о Лопаряхъ, и имѣютъ большое сходство со слышанными мною отъ Лопарей. Разсказы о *Лауркайненѣ*, у Кареловъ называемомъ *Ларикка*, по-крайности въ Либелицѣ, пользуются общею извѣстностью. Множество подвиговъ, относимыхъ Лопарями къ роду *Пэйвіэ*, передается здѣсь о томъ же Ларіккѣ. Какъ Лопари, такъ и Карелы говорятъ, что всѣ его подвиги совершены имъ въ борьбѣ съ Русскими.»

И здѣсь, какъ и въ предъидущей статьѣ, мы не станемъ подробно слѣдить за нашимъ авторомъ, а передадимъ читателю нѣкоторыя его замѣтки и наблюденія, любопытныя особенно въ этнографическомъ отношеніи. Изъ Калевалы извѣстно, какъ Финны высоко представляютъ себѣ силу пѣсни и музыки. Когда Вейнемейненъ заигралъ на своей *кантелѣ*, или арфѣ, то все, что было въ водѣ, на землѣ и на небѣ, все собралось вокругъ него, сами боги его заслушались. Въ своемъ путешествіи по Кареліи Кастренъ приводитъ также одинъ разсказъ, хорошо выражающій понятіе народа о значеніи поэзіи. Въ деревнѣ Соткума, встрѣтивъ одну старуху, знавшую много пѣсенъ и сказокъ, онъ просилъ ее научить его своимъ пѣснямъ. «Она такъ разсердилась, что схватила метлу и хотѣла уже меня выгнать изъ горницы, но тотчасъ же успокоилась и передала мнѣ слѣдующій расказъ о *мальчикѣ* и *Маналайненѣ*.» Однажды, начала она, одинъ мальчикъ забралъ себѣ въ голову, что онъ будетъ отличнымъ и знатнымъ пѣвцомъ. Для того онъ уже долго учился у самыхъ лучшихъ пѣвцовъ; но всѣ они увѣрили его въ одинъ голосъ, что ему не научиться высокому искусству. Огорченный тѣмъ, онъ ворчалъ день и ночь, разсуждая про себя о томъ, какъ бы получить же-

ланное. Но, какъ ни ломалъ онъ себѣ головы, все же пѣвцомъ хорошимъ не становился. Однажды сидѣлъ онъ, глубоко задумавшись. Вдругъ явился передъ нимъ какой-то незнакомый человѣкъ. То былъ Маналайненъ. Узнавъ его горе, онъ повелъ его за руку далеко, въ глухой, темный лѣсъ. Какъ взобрались они въ самую глушь, то Маналайненъ исчезъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Мальчикъ остался одинъ. Какъ увидѣлъ онъ себя одинокимъ, покинутымъ въ темномъ лѣсѣ, сильная тоска запала въ его сердце, и запѣлъ онъ такія чудныя пѣсни, какія рѣдко поетъ человѣкъ. Разсказъ этотъ старуха примѣнила ко мнѣ и посовѣтовала искать пѣсенъ не въ Кареліи, а въ своемъ собственномъ сердцѣ.» Впрочемъ, она сообщила нашему ученому еще нѣсколько пѣсенъ, но все, по большей части, свадебныя, которыхъ онъ не записалъ, какъ потому, что онѣ болѣе или менѣе извѣстны, такъ и потому тоже, что не въ его планѣ было собраніе лирическихъ пѣсенъ. Далѣе путешественникъ нашъ въ одномъ приходѣ Вуоккиніеми, что въ Архангельской губерніи, собралъ весьма много рунъ и сказокъ. Въ одной деревнѣ этого же округа, именно въ деревнѣ Аконлахти, рѣдкій мужикъ не пропѣлъ ему пѣсни или не разсказалъ сказки.

«Большая часть преданій вертится около Лопарей. Такъ, между-прочимъ, разсказывали мнѣ, что въ-старину стародавнюю, когда въ Москвѣ еще не было царей, а княжили князья, поселились въ Аконлахти два знаменитыхъ лопарскихъ шамана. Они спасли жизнь одному князю, совсѣмъ умиравшему, и въ награду за исцѣленіе одинъ изъ нихъ въ Лусманлахти получилъ исключительное право ловли лососей, а другой, въ Серкиніеми, право бить лисицъ. Преданіе прибавляетъ, что порубежные Финны убили Лопарей и присвоили себѣ ихъ владѣнія, что Лопари уступили бы имъ добровольно. Вообще во всей странѣ господствуетъ убѣжденіе, что Лопари были ея первыми старожилами, но что потомъ, мало-по-малу, были искоренены Финнами во время такъ-называемыхъ *warastus sodat*, *peitto-sodat* (воровскихъ, тайныхъ войнъ). Въ Аконлахти указывали мнѣ на памятники древностей Лопарей. Еще прежде въ Финляндіи и въ Русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть различные памятники, по мнѣнію тамошнихъ жителей,

принадлежавшіе нѣкогда Лопарямъ; но мнѣ казалось сомнительнымъ ихъ лопарское происхожденіе. Весьма двусмысленными кажутся мнѣ также такъ-называемые *лопарскіе курганы* (Lappin rauniot). Подъ этимъ именемъ собственно разумѣютъ древнія огнища Лопарей; обыкновенно же оно придается грудамъ камня всякаго рода, произведены ли онѣ природою, или рукою человѣка. Названіе же это собственно идетъ къ тѣмъ часто встрѣчаемымъ въ Финляндіи каменнымъ громадамъ; которыя, по бо́льшей части, по-крайней-мѣрѣ, должны быть скандинавскаго происхожденія. Впрочемъ, этимъ именемъ могли быть названы и старинные печи и очаги, принадлежавшіе нѣкогда рыбацкимъ и охотничьимъ избамъ Финновъ, или жилищамъ ихъ (piilo pirtit), наскоро выстроеннымъ въ темныхъ лѣсахъ для укрывательства въ военную пору. Такого рода остатки въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи, какъ я самъ слышалъ, называются курганами лопарскими. Въ окрестностяхъ Каяны и въ Русской Кареліи я имѣлъ случай видѣть другаго рода древности, такъ-называемыя лопарскіе курганы, могилы (Lapin haudat), которыя уже несомнѣнно лопарскаго происхожденія. Онѣ, по преданію служили жилищами для Лопарей, и, въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ весьма похожи на нѣкоторыя палатки, видѣнныя много въ безлѣсныхъ краяхъ Лапландіи. Это ничто иное, какъ ямы съ конусообразными крышами изъ дерева, камня и торфа. По разсказамъ, такія крыши были нѣкогда и на такъ-называемыхъ лопарскихъ курганахъ, находящихся въ сѣверной Финляндіи и Кареліи. Въ этихъ курганахъ находились уголь, обожженные камни, разныя желѣзныя вещи, и проч., что подтверждаетъ разсказы о томъ, что они нѣкогда служили жилищами. Въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи и Россіи есть другаго рода лопарскія могилы, не имѣвшія такого назначенія, но служившія Лопарямъ для ловли оленей. Минуя множество другихъ преданій о Лопаряхъ, я упомяну только объ одномъ, слышанномъ мною въ приходѣ Вуоккиніеми, именно объ одномъ князѣ лопарскомъ, жившемъ нѣкогда въ окрестностяхъ города Кеми. Полагаютъ даже, что понынѣ уцѣлѣли остатки его мѣстопребыванія.»

«Въ краяхъ русскихъ я не слыхалъ весьма распространенныхъ по Финляндіи преданій объ *Jatulin Kanusa* или *Jättiläi-*

set и *Hiidet*, но имена мѣстныя, производныя отъ *Hiisi* (въ множеств. числѣ *Hiidet*) здѣсь весьма обыкновенны, — такъ, напр., *Hiisiwaara*, *Hiiden hauta* и т. д. Кстати замѣчу, что множество мѣстностей въ Русской Кареліи носятъ имена, заимствованныя отъ Тавастцевъ,—напр., деревня *Häme*, *Hämehen niemi* и *Hämehen saari* при озерѣ Куитти-ерви и т. д. Послѣднее обстоятельство наводитъ на догадку, что поселенцы изъ Таваста перешли въ Русскую Карелію, тѣмъ болѣе, что въ деревнѣ Лятваерви крестьяне сами выдаютъ себя за колонистовъ тавастскихъ, за шесть поколѣній тому назадъ перешедшихъ въ Россію. По другимъ деревнямъ того же округа я встрѣчалъ не мало семействъ, ведшихъ свой родъ изъ разныхъ краевъ Финляндіи и понынѣ сознающихъ свои родственныя отношенія. Главное же населеніе края не происходитъ ни отъ Лопарей, ни отъ Финновъ, но остатокъ древнихъ Біармійцевъ, или Заволочской Чуди русскихъ лѣтописей.

«Преданій миѳическихъ слышно весьма мало въ Русской Кареліи. Вообще мнѣ кажется, какъ у Финновъ, такъ и у Русскихъ Кареловъ всѣ важнѣйшіе миѳы увѣковѣчены въ пѣсняхъ. Съ трудомъ удается иной разъ услышать какое-нибудь миѳическое преданіе въ формѣ сказочной, и то съ содержаніемъ изъ обыденной жизни. Съ величайшимъ стараніемъ собиралъ я подобныя преданія, потому-что ничтожное и незначительное на первый взглядъ въ хорошо обработанной миѳологіи можетъ получить и смыслъ и важность.»

«Я уже сказалъ, что миѳическая исторія Финновъ содержится исключительно въ ихъ пѣсняхъ. Какое же содержаніе сказокъ? По моему убѣжденію, бо́льшая часть сказокъ, извѣстныхъ въ Кареліи, простой переводъ русскихъ сказокъ, потому-что предметомъ ихъ цари, царскіе сыновья и дочери, бояре и богатыри и т. д. Однѣ напоминаютъ «Тысячу и Одну Ночь», другія съ характеромъ германскимъ. Замѣчу какъ особенность, что въ Русской Кареліи я слышалъ сказку, напоминающую Одиссея въ пещерѣ Полиѳема. Герой карельской сказки сидитъ въ заключеніи подъ стражею одного великана, тоже кривато, съ однимъ глазомъ. Для своего избавленія Карелъ употребилъ ту же хитрость, что̀ и Грекъ. Ночью прокалываетъ онъ глазъ великану; когда тотъ отправляетъ своихъ

барановъ на пастбище, онъ также, подобно Одиссею, спрятался подъ одного барана и, такимъ-образомъ, счастливо избѣжалъ бѣды. По всей вѣроятности, какъ эта, такъ и другія сказки занесены къ Кареламъ русскими монахами; но бо̀льшая часть ихъ, однако, состоитъ изъ русскихъ и скандинавскихъ сказокъ. Впрочемъ, нельзя не оговорить, что у русскихъ Кареловъ есть много и своихъ собственныхъ сказокъ. Главнымъ предметомъ ихъ одно миѳическое лицо, одна старуха подъ именемъ *Syöjätär-akka* (старуха-обжора). Но и онѣ переполнены русскихъ подробностей. Онѣ такъ сходны между собою, что кажутся разными варіаціями на одну и ту же тему.»

При чтеніи вышеприведенныхъ строкъ Кастрена, сама собою придетъ мысль, что этнографическое изученіе финской народности, важное само въ себѣ, независимо ни отъ какихъ другихъ обстоятельствъ, принесло бы, кромѣ-того, огромную пользу намъ, Русскимъ, для нашихъ собственныхъ этнографическихъ занятій. Мы видѣли, что Карелы заимствовали множество сказокъ отъ Русскихъ. Неужели изслѣдователь русскихъ сказокъ можетъ оставить безъ вниманія карельскія? Можно a priori заключить, что онѣ содержатъ въ себѣ больше старины, нежели русскія. Конечно, въ устахъ Карела русская сказка подвергалась малѣйшимъ измѣненіямъ, нежели его собственная, и нежели русская въ устахъ Русскаго. Самобытное произведеніе народной фантазіи — пѣсня измѣняется съ теченіемъ времени и вмѣстѣ съ народомъ подвергается вліянію различныхъ обстоятельствъ. Не то съ заимствованною сказкою, пѣснею. Конечно, народъ нерѣдко преданію чужому, заимствованному придаетъ свои собственныя черты, но главную мысль, главныя черты сохранитъ въ-цѣлости и донесетъ до позднихъ поколѣній, когда нерѣдко и слѣда ихъ не остается въ томъ народѣ, отъ кого онѣ первоначально были заимствованы. Эти факты повторяются не только съ произведеніями народной словесности, но и со всѣми явленіями народной жизни. То же и со словами, заимствованными изъ чужихъ языковъ, то же и съ народными обычаями. Не одно и не два слова, заимствованныя Мадьярами отъ Славянъ, понынѣ сохраняютъ въ себѣ носовые звуки, тогда-какъ ихъ, по бо̀льшей части, не существуетъ въ язы-

кахъ славянскихъ, или же уцѣлѣли они тамъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ не слышно носоваго звука, даже и въ тѣхъ нарѣчіяхъ словянскихъ, гдѣ еще ренизмъ въ обычаѣ. Обращаясь къ русскимъ сказкамъ у Кареловъ, замѣтимъ только, что, занесенныя къ нимъ во времена стародавнія, онѣ, навѣрно, сохраняютъ въ себѣ много частностей, съ теченіемъ времени вовсе исчезнувшихъ изъ сказокъ русскихъ, много намековъ и указаній, которыми умный изслѣдователь съумѣетъ воспользоваться. Кромѣ-того, русскому изслѣдователю онѣ пригодятся и въ другихъ отношеніяхъ. Замѣчено, что сказки, наиболѣе всѣхъ другихъ произведеній народной фантазіи, заключаютъ въ себѣ общее сходство: такъ, въ пѣсняхъ, думахъ, былинахъ разныхъ народовъ, при многихъ общихъ чертахъ, есть множество особенностей. Различныя пѣсни не только у народовъ разноплеменныхъ, но и въ самыхъ народахъ одноплеменныхъ различны онѣ, и, какъ первоначально единый языкъ распадается съ теченіемъ времени на нарѣчія, такъ, напримѣръ, и пѣсня, и дума, и былина, первоначально общія всѣмъ Славянамъ, съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣльныя поколѣнія, полилась отдѣльными струями, и вскорѣ народы одного языка, но разныхъ нарѣчій, имѣли свои особенныя думы, былины и пѣсни. Не совсѣмъ такъ со сказками. Онѣ обыкновенно весьма сходны между собою не только у народовъ соплеменныхъ, но и у народовъ разныхъ происхожденій, не только на сродство, но и на связь которыхъ нерѣдко не могутъ указать ни языкознаніе, ни исторія. Въ литературѣ обыкновенно объясняютъ это явленіе вліяніемъ письменности: такъ, въ средніе вѣка были весьма распространены, во всей Европѣ, переводы многихъ сказокъ изъ «Тысячи и Одной Ночи», разныхъ апокриѳическихъ повѣстей и такъ далѣе. Народъ, полюбивъ ихъ, обратилъ въ свое достояніе. Но есть множество другихъ сказокъ, образованіе которыхъ приписать книжному вліянію невозможно: тогда надо объяснять ихъ сходство или заимствованіемъ отъ народовъ сосѣдственныхъ, или такъ-называемою доисторическою стариною, единствомъ воззрѣнія на міръ, и проч. Объясненіе происхожденія сказокъ и сходства ихъ у различныхъ народовъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и едва ли не изъ важнѣйшихъ этнографическихъ вопросовъ, рѣшеніе ко-

тораго обѣщаетъ великіе результаты. Почему въ изъисканіяхъ этихъ необходима, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, величайшая осторожность при заключеніяхъ и полнота матеріаловъ при изъисканіяхъ. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется достойнымъ полнаго порицанія предположеніе Кастрена о разсказанной имъ карельской сказкѣ, весьма сходнымъ съ гомеровскимъ разсказомъ объ Одиссеѣ. «Русскіе иноки занесли это преданіе!» Не говоря уже о томъ, какъ духовнымъ пастырямъ, особенно столь образованнымъ (предполагается знакомство съ Гомеромъ), могло притти въ голову разсказывать народу сказки, которыхъ у него самого довольно,—не говоря уже о совершенной невозможности такого случая, тѣмъ-не-менѣе допустимъ его, какъ исключеніе: неужели народъ однажды услышанный имъ анекдотъ отъ одного лица заучитъ его и будетъ передавать изъ рода въ родъ? Или надо предположить въ народѣ совершенное слабоуміе и бѣдность фантазіи; но тогда разсказъ этотъ, въ самомъ себѣ не имѣющій ничего особеннаго, на такой народъ подавно не подѣйствуетъ такъ сильно; или же народъ богатъ собственными преданіями и неохотно заимствуетъ, тѣмъ болѣе отъ отдѣльныхъ лицъ. Какъ ни странно предположеніе Кастрена, а, между-тѣмъ, оно не исключеніе. Въ литературѣ еще живутъ такія объясненія. Онѣ, кажется, придаютъ письменности слишкомъ большое вліяніе, котораго она имѣть не можетъ. Слово писанное тогда только дѣйствуетъ на массы, когда оно ими же вызвано. Такъ, только произведенія великихъ художниковъ, слѣдовательно, совершенно національныхъ, заучиваются народомъ. Такъ было у Грековъ, у Итальянцевъ съ Тассомъ, у Англичанъ съ Шекспиромъ и Борнсомъ. Но чтобы переводъ какой-нибудь арабской сказки или изложеніе какого-нибудь классическаго миѳа могло бы такъ подѣйствовать на народъ, чтобы онъ заучилъ его наизустъ и цѣнилъ бы его наравнѣ съ произведеніями собственной фантазіи, это не совсѣмъ въ порядкѣ вещей. У Сербовъ есть сказка. «У цара Тројана козје уши», и ее, пожалуй, можно объяснять вліяніемъ книжнымъ, именно баснею о Мидасѣ, на которую она похожа точно такъ же, какъ весьма похожа карельская сказка на одинъ эпизодъ изъ Одиссеи. Такъ-какъ у Кареловъ письменности въ-старину никакой не было, то объясняютъ—вліяніемъ обра-

зованныхъ людей, знакомыхъ съ Гомеромъ, которые и разсказали Кареламъ, быть-можетъ, всю Одиссею? а, можетъ, только одинъ этотъ эпизодъ, какъ самый интересный? а можетъ и сами-то они знали изъ всего Гомера только этотъ эпизодъ? Впрочемъ, не однимъ Кареламъ извѣстенъ этотъ разсказъ. Въ сербскихъ сказкахъ (Караджича, 1853 г.) помѣщена, между-прочимъ, подъ № 38, сказка «Дивьліанъ.» Здѣсь дѣло разсказывается такъ: Двухъ путниковъ (*поп* и *ђак*) застигла ночь на дорогѣ. Завидѣвъ огонь въ одной пещерѣ, пошли они къ ней и просятся переночевать. Тутъ увидѣли они «једног дивьег чоека с једнијем оком наврх главе.» Онъ отвалилъ огромный камень отъ пещеры и впустилъ ихъ. Съ ними и повторилось то же, что съ Одиссеемъ и его спутниками. Здѣсь *дьякъ* героемъ, а товарищъ его былъ съѣденъ. Онъ употребилъ совершенно ту же самую хитрость, что и Одиссей. Но изъ такого поразительнаго сходства сербской народной сказки съ эпизодомъ изъ Одиссеи позволительно ли заключать о заимствованіи и, слѣдовательно, о вліяніи письменности? Если и нельзя совершенно отвергать ея вліянія на народную словесность, то не нужно, кажется, и слишкомъ много придавать ему значенія; но вліяніе обратное народныхъ преданій на письменность весьма обширно. Самая привязанность къ письменности въ той или другой сказкѣ обусловливается народными преданіями. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что сказка или повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ была весьма распространена въ литературахъ славянскихъ. Не потому ли и такъ цѣнились книжныя извѣстія объ Александрѣ Македонскомъ, что у Славянъ были нѣкогда о немъ свои устныя преданія, вѣроятно, заимствованныя ими отъ древнихъ Иллировъ и Ѳракійцевъ, земли которыхъ впослѣдствіи заняли Славяне. Нечего сомнѣваться въ томъ, что память объ Александрѣ у тѣхъ была жива въ то время. Точно такъ же, какъ въ одномъ сербскомъ переводѣ Византійца Зонары, при описаніи царствованія Трояна, есть вставка о томъ, будто бы Троянъ воевалъ со Славянами. И, конечно, хотя память о Троянѣ, доселѣ живущая у Сербовъ (въ сказкѣ «У цара Тројана Козје уше» и въ другомъ преданіи, сообщенномъ Караджичемъ въ его словарѣ) и жившая въ XII вѣкѣ, а можетъ и позже, у насъ, на Руси (Слово

о Полку Игоровѣ), — эта-то живая память, говоримъ мы, имѣла вліяніе на сочинителя этой вставки о войнахъ Трояна со Славянами, а не обратно. Примѣровъ такого вліянія, вѣроятно, найдется гораздо больше, нежели обратнаго. Избѣгая дальнѣйшихъ разсужденій, обратимся къ нашему ученому путешественнику. Въ деревѣ Ухтувѣ провелъ онъ одиннадцать дней, собирая руны. «Кромѣ-того, здѣсь я слышалъ нѣсколько историческихъ преданій, все по бо́льшей части насчетъ такъ-называемыхъ воровскихъ войнъ. Одно изъ нихъ говоритъ о походѣ пограничныхъ Финновъ на деревню Алаерви. Ограбивъ деревню, потащили они за собою насильно одного давно гонимаго ими и ненавистнаго имъ старика. Въ то время, какъ они тащили его по берегу озера, по другому берегу бѣжалъ его младшій, двѣнадцатилѣтній сынъ и грозился злодѣямъ застрѣлить ихъ, если не выпустятъ отца. Но на угрозы мальчика они не глядѣли и еще пуще мучили старика. Но когда неустрашимый ребенокъ еще сильнѣе сталъ грозиться, то враги обѣщали освободить его отца подъ тѣмъ только условіемъ, если съ противоположнаго берега попадетъ въ яблоко (omena), положенное ими на голову отца. Мальчикъ рѣшился на смѣлый опытъ, а отецъ далъ ему слѣдующій совѣтъ: «käsi ylennä, toinen alenna, järwen wesi wetää, т.-е. подыми одну руку, опусти другую: вода озера тянетъ стрѣлу къ себѣ. Противъ всякаго ожиданія злодѣевъ, стрѣла прямо угодила въ яблоко: оно раскололось, и отецъ былъ освобожденъ. Другое преданіе разсказываетъ о шайкѣ порубежныхъ Финновъ, грабившихъ и опустошавшихъ Русскую Карелію вдоль и поперегъ. Спасая, что́ можно было, отъ грабителей, жители зарывали свои сокровища, сбереженныя сѣмена частью давали въ кормъ скоту, частью раскидали по снѣгу, послѣ чего у нихъ былъ отличный урожай. Въ одинъ изъ набѣговъ непріятель врасплохъ застигъ одного Карела, Лягоненъ Титта, когда онъ спалъ богатырскимъ сномъ. Наконецъ, пробужденный шумомъ, Лягоненъ вскочилъ съ постели, схватилъ лукъ, стрѣлы и портки подъ мышку и кинулся бѣжать; врагъ — за нимъ. Какъ ловкій бѣгунъ, онъ бы давно избавился отъ злодѣевъ; но сильный морозъ заставилъ его остановиться, чтобы надѣть портки. Тутъ какъ-разъ настигли они его.

Тогда онъ недолго думалъ, взялъ лукъ, стрѣлы, нацѣлился на нихъ и закричалъ: *katscho*, *mie ammun*, берегись, застрѣлю. Враги такъ струсили, что онъ, пользуясь ихъ смущенiемъ, кончилъ свой нарядъ и успѣлъ убѣжать въ темный лѣсъ. Разбойники, между-тѣмъ, продолжали свои опустошенiя и пришли наконецъ къ одному озеру подъ именемъ Туоннаерви. Отсюда рѣшились они отправиться къ Пэерви, но, не зная дороги, наняли себѣ въ проводники мужика изъ деревни Кисёки. На пути имъ встрѣтился сильный водопадъ. Приближаясь къ нему, проводникъ направилъ лодку къ берегу, самъ выскочилъ, а ее пустилъ въ водоворотъ. Тутъ они и погибли.»

Кромѣ подобныхъ разсказовъ о воровскихъ набѣгахъ Финновъ на Русскую Карелiю, Кастренъ слышалъ въ Ухтувѣ нѣсколько разсказовъ объ одномъ исполинскомъ народѣ, подъ названiемъ Naikkolaiset, или Naikon kansa. «О происхожденiи этого народа есть преданiе, что лѣшiй (metsänhpäa) похитилъ одну женщину (христiанку), родившую отъ него мальчика и дѣвочку, которые, въ-послѣдствiи, произвели на свѣтъ это богомерзкое поколѣнiе, названное Naikkolaiset. Чуждаясь всякаго сообщества съ христiанами, народъ этотъ поселился на горѣ Хапаварѣ и тамъ образовалъ совершенно заключенное въ самомъ себѣ общество. Число людей, принадлежавшихъ къ этому поколѣнiю, сводится до 17 мужчинъ, способныхъ носить оружiе. Всѣ они погибли до послѣдняго человѣка въ воровскую войну. Объ этомъ народѣ я ни прежде, ни послѣ не слыхалъ никакого преданiя.»

Изъ Ухтувы отправился нашъ ученый въ Туоппаерви, оттуда черезъ Пэерви въ Кусамо. Здѣсь нашелъ онъ мало для себя занимательнаго, кромѣ множества преданiй о Лопаряхъ. «Про нихъ, между-прочимъ, говорили, что они были въ постоянной враждѣ съ однимъ народомъ подъ названiемъ *Kiwekkäät*. Быть-можетъ это искаженное слово вмѣсто *Kiwikäet* (единственное — *Kiwikäsi*, каменная рука) и намекаетъ на то, что народъ этотъ употреблялъ камни, какъ орудiе метательное. Подтвержденiемъ этой догадки служитъ то обстоятельство, что на томъ мѣстѣ, гдѣ, по разсказамъ, происходила битва Лопарей съ народомъ Кивиккеэмъ, найденъ былъ камень,

весьма похожій на пращу. Изъ другихъ преданій о Лопаряхъ приведу еще слѣдующее, такъ-какъ оно хорошо выражаетъ ихъ образъ понятій о правдѣ и справедливости. Одинъ Лопарь, въ Кусамо, тайно умертвилъ свою жену; но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Мальчикъ открылъ тайну роднымъ своей покойной матери. Они созываютъ старшинъ деревни на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиненнаго и устроили такъ-называемую судную избу (kåta-käräjät). Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе. Еще доселѣ указываютъ на мѣсто казни, и мѣстные жители разсказываютъ, что не очень давно разрыли его скелетъ, какой-то заржавленный котелъ, ножъ и топоръ.»

Изъ Кусамо Кастренъ отправился въ Улеаборгъ, откуда черезъ Остроботнію и Тавастъ въ Гельсингфорсъ, чѣмъ и заключилъ свое путешествіе по Кареліи.

III. Путешествіе по Лапландіи, сѣверной Россіи и Сибири въ 1841—44 году.

Въ 1841 году, въ сопровожденіи Ленрота и отчасти на его счетъ, Кастренъ предпринялъ путешествіе, которое по предварительно составленному плану должно было обнять извѣстныя части Лапландіи и Архангельской губерніи. Мѣстомъ отправленія назначенъ приходъ Кеми, чтó въ 25 верстахъ на западъ отъ гор. Торнео. Прибывъ въ деревню Салла, рѣшились они отправиться отсюда въ Русскую Лапландію, надѣясь здѣсь найти богатую жатву для науки, тѣмъ болѣе, что донынѣ ни одинъ путешественникъ порядочно не изслѣдовалъ

этой мѣстности въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. «Особенно занимали насъ Лопари въ деревнѣ Аккала, которые, по свидѣтельству крестьянъ Финновъ, живутъ въ строгомъ отчужденіи отъ Русскихъ, почему намъ казалось, что у нихъ языкъ и народность вообще сохранились въ бо́льшей чистотѣ, чѣмъ въ другихъ частяхъ Лапландіи. Любопытство наше касательно этихъ Лопарей еще болѣе затронуто было тѣмъ, что они слыли самыми искусными въ волшебствѣ на всемъ сѣверѣ.» Но непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали ихъ благому намѣренію, и, принужденные измѣнить свой планъ, они отправились сначала въ Энаре, чтобы оттуда послѣ святокъ начать свое путешествіе по Русской Кареліи. Въ Энаре Кастренъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ академика Шёгрена. «Онъ извѣщалъ меня— говоритъ Кастренъ — что Императорская Академія Наукъ рѣшила отправить ученую экспедицію въ Сибирь и приглашаетъ меня принять въ ней участіе въ-качествѣ этнографа и лингвиста. Это предложеніе согласовалось съ пламенными моими желаніями, и я принялъ его тотчасъ же. Изъ письма Шёгрена я увидѣлъ, что путешествіе можетъ состояться не раньше, какъ черезъ годъ, и мнѣ разрѣшалось воспользоваться этимъ временемъ совершенно по моему благоусмотрѣнію. Впрочемъ, почтенный академикъ совѣтовалъ мнѣ не прерывать настоящаго моего путешествія, но отправиться изъ Энаре въ Русскую Лапландію, откуда пройти въ Архангельскъ, затѣмъ къ европейскимъ Самоѣдамъ и наконецъ чрезъ Уралъ въ Сибирь, гдѣ свою дѣятельность я долженъ былъ посвятить Академіи.»

Путешественники наши направились къ Колѣ. Путь лежалъ по озеру Энарскому. Въ первый день дошли они только до половины озера. «Въ этотъ день — говоритъ Кастренъ — прошли мы двѣ большія бухты: Уконъ-сельке и Каттиланъ сельке. Это послѣднее названіе дано потому, что, какъ говоритъ преданіе, одинъ Лопарь измѣрилъ ея глубину котломъ, привязаннымъ къ канату. Названіе же Уконъ-сельке имѣетъ миѳическое основаніе (по-лопарски Äije jarngga) и даетъ мнѣ поводъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній о древнемъ богопочитаніи Лопарей.

«Повсюду, гдѣ только слышна лопарская рѣчь, ходятъ разсказы о Сейдахъ, т.-е. о каменныхъ истуканахъ, которымъ нѣкогда Лопари приносили жертвы. Онѣ обыкновенно состояли изъ роговъ и костей оленей, и преимущественно дикихъ оленей. Гёгстремъ разсказывалъ, что нѣкоторыя Сейды окружались обширною оградою, и отъ всѣхъ животныхъ, которыхъ убивалъ Лопарь внутри этого пространства, приносилъ онъ въ жертву имъ то голову, то ноги и особенно крылья птицъ. Я самъ слышалъ, что Лопари, въ-случаѣ удачи на охотѣ, приносили Сейдѣ въ жертву оленью голову съ шеею. Остальныя и лучшія части съѣдали охотники сами на мѣстѣ жертвоприношенія; но тѣмъ-не-менѣе возвращались они съ голоднымъ желудкомъ, потому-что все, что̀ ни съѣдали они, шло Сейдѣ во благо. По словамъ Гёгстрема, горные Лопари имѣли также обычай окроплять своихъ истукановъ кровью оленей; а Лопари-рыболовы мазали своихъ Сейдъ рыбьимъ жиромъ. И когда потомъ высыхалъ этотъ жиръ отъ солнечныхъ лучей, то Лопарь думалъ, что Сейда съѣдалъ эту жертву.» Торнеусъ и Гёгстремъ соглашаются въ томъ, что Сейды не дѣла рукъ человѣческихъ, а созданы самою природою; форма ихъ особенная, подобно окаменѣлостямъ. Такъ, быть-можетъ, было съ бо̀льшею частью изъ нихъ. Но Кастренъ самъ видѣлъ на одномъ островѣ на озерѣ Энарскомъ одного Сейду, сложеннаго изъ небольшихъ каменьевъ съ фигурою и въ ростъ человѣческій. Изъ упоминаемыхъ Гёгстремомъ человѣческихъ изображеній, вырѣзанныхъ изъ коры деревъ, въ Лапландіи не нашелъ Кастренъ никакихъ слѣдовъ; но въ сѣверныхъ краяхъ Финляндіи встрѣчаются на деревьяхъ изображенія человѣческія. «Они назывались *Молекитами* и въ древности, должно-быть, пользовались богопочтеніемъ. Въ округѣ Соданкюле и понынѣ дѣлаютъ такія изображенія, особенно, когда кто куда отправляется въ первый разъ. Такое изображеніе называется *Хуриккайненъ* и отличается отъ *Карсикко*, употребляемаго съ тою же цѣлью въ области Каяны; но его дѣлаютъ такъ, что срубаютъ всѣ вѣтви съ дерева, кромѣ одной, направленной въ ту сторону, гдѣ лежитъ родина отъѣзжающаго. Вѣроятно, эти *Хуриккайсетъ*, служившія Лопарямъ за идоловъ, подобно Молекитамъ, тожественны съ такъ-

называемыми Виронъ Акка, Сторъ-юнкаре и т. д. (ихъ описываютъ Шефферъ, Гёгстремъ и мн.) Не выводимъ изъ этой гипотезы никакихъ результатовъ; но тѣмъ-не-менѣе изъ этого ясно, что Лопари были преданы грубому, чувственному, естественному богопочитанію. Въ Сейдахъ чтили они не самый камень, но и не глядѣли на нихъ, какъ на представителей или символы божескаго существа, но просто вѣрили, что въ истуканѣ живетъ богъ. Сообразно съ этимъ представленіемъ, они не только приносили имъ жертвы, но и приписывали имъ жизнь и движенье. «Бо́льшая часть Лопарей — говоритъ Гёгстремъ — думаетъ, что эти камни живутъ и могутъ ходить.» Это и подтверждается однимъ весьма распространеннымъ преданіемъ у энарскихъ Лопарей, по которому Сейды долго держались на поверхности воды, когда Пейвіэ свергнулъ ихъ въ озеро Энарское.

Кромѣ Сейдъ, есть въ миѳологіи Лопарей и личныя божества, какъ, напримѣръ, Эіе (Äye), или *Эйшъ* (Aijsh) (въ Шведской Лапландіи Aija, Aijeke, Atja), Акку, Хидда, Туона, Лѐмпо, Маддеракка, или Муддеракка, Уксакка, или Юксакка, Ябмеакка. Старинные писатели говорятъ еще о многихъ другихъ божествахъ; но или они совершенно вымышлены, или такъ названы по какому-нибудь недоразумѣнію, потому-что заставляютъ предполагать такія высокія религіозныя понятія, которыя вовсе невозможны для такого дикаго народа. Изъ божествъ, которыя, дѣйствительно, принадлежатъ миѳологіи лопарской, по бо́льшей части, по-крайней-мѣрѣ, всѣ тѣ же самыя есть и у Финновъ. Такъ, Укко извѣстенъ и въ финской миѳологіи подъ именемъ Äijä; Акку, наша Акка, или Эммэ. Хидда, Лемпо, Туона то же, что́ финскія Хиси, Лемпо, Туони. Äije и Акку встрѣчаются въ Энаре, какъ названія горъ, высокихъ скалъ и большихъ озеръ. Далѣе въ Финской Лапландіи громъ называется Äijsch, что́ есть уменьшительное отъ Äije, подобно тому, какъ Финны называютъ громъ уменьшительнымъ именемъ Укконенъ. Радугу называютъ финскіе Лопари Äije daugge, что́ соотвѣтствуетъ финскому Ukkon kaari (дуга Укко). Слово Хидда слышалъ Кастренъ въ одномъ выраженіи *mana Hiiddan* (по-фински *mene hiiteen* — ступай къ Хиси). Слово Туона, Туоне, или Туонъ, отмѣчено въ лопар-

скомъ словарѣ Линдаля и Эрлинга, но неизвѣстно ни въ Норвежской, ни въ Финской Лапландіи. Iaabmeakka (фин. Tuonen akka) и Madderakka (фин. maan akka, mannun eukko) встрѣчаются также и въ финской миѳологіи; но ей вовсе чужды и Саракка и Уксакка. Миѳологи думаютъ, что Маддеракка, Саракка и Уксакка призывались при родахъ; но данныя, на которыхъ они основываютъ свои предположенія, весьма шатки, и главное изъ нихъ имѣетъ только одно филологическое основаніе. Въ Шведской Лапландіи, по слову Линдаля и Эрлинга, слово *madder* (чаще *maddo*) обозначаетъ *происхожденіе*, а слово *saret* — *рождать*. Эти замѣчанія легко навели на качества, которыя и приписали божествамъ Саракка и Маддеракка. Но г. Ленротъ обратилъ мое вниманіе на то, что слова эти лучше производить отъ финскаго слова *manner*, *земля*, *материкъ*, и *saari*, *островъ*. Въ филологическомъ отношеніи производство это не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій: *manner* (первоначально *mantere*, потомъ *mander* и наконецъ *manner*) по духу и по законамъ лопарскаго языка можетъ измѣниться въ *madder*, такъ же, какъ *hinta* (цѣна) переходитъ въ *hadde*, *rinta* (грудь) въ *radde*, *pinta* (кора дерева) въ *bidde*, *kant* (край) въ *gadde*, *sand* въ *saddu*. Наконецъ, это послѣднее производство подтверждается слѣдующимъ сообщеннымъ мнѣ пасторомъ Фельманомъ отрывкомъ: *Man laem Madderest ja Madderi mon boadam*, *Madderakast mon laek aellam ja Madderakka muullui mon boadam*, т.-е. я происхожу отъ Madder и иду къ Madder, отъ Madderakka я произошелъ и иду къ Madderakka. Очевидно, это переводъ нашего — земля еси и въ землю отъидеши. Если же, дѣйствительно, въ Maderrakka и Saarakka удержались финскія слова *manner* и *saari*, то весьма вѣроятно, что Madderakka обозначало Сейдъ, находившихся на материкѣ, а Saarakka — тѣхъ Сейдъ, которыхъ Лопари почитали на островахъ. Что касается до Уксакка, или Юксакка, то слово это, вѣроятно, происходитъ отъ лопарскаго *Juksu*, добыча. Въ такомъ случаѣ Юксакка тожественно съ финскимъ Wiljan Eukko.»

Кастренъ, живо и увлекательно передавая свои путевыя впечатлѣнія, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщаетъ много глубокомысленныхъ замѣчаній и тонкихъ наблюденій. Такъ, въ той же главѣ, гдѣ описываетъ онъ путешествіе изъ Энаре до Колы, и откуда мы заимствовали предъидущій отрывокъ

о религіозныхъ вѣрованіяхъ Лопарей, — въ той же главѣ находимъ слѣдующую замѣчательную и живую характеристику Лопарей, ихъ нравовъ и образа жизни. Приводимъ ее и потому еще, что въ слѣдующихъ главахъ Кастренъ обращаетъ вниманіе уже на другія народности. Слѣдовательно, выписка эта будетъ какъ бы заключительною статьею о Лопаряхъ.

«Я уже выше упомянулъ — говоритъ онъ — что энарскіе Лопари сдѣлали замѣтные успѣхи на пути просвѣщенія. Они весьма начитаны въ священномъ писаніи, живутъ смирно и въ страхѣ Божіемъ. Большія преступленія весьма рѣдки; развѣ иногда Лопарь-рыболовъ убьетъ отставшаго оленя отъ стада, принадлежащаго Лопарю горному. Этого они не считаютъ за большой грѣхъ, и одинъ весьма совѣстливый Лопарь-рыболовъ нешутя спрашивалъ: въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ грѣшно убить иной разъ оленя, принадлежащаго горному Лопарю? Но вообще они боятся неправильнаго завладѣнія чужою собственностію. Лопарь энарскій, въ противоположность другимъ Лопарямъ, необыкновенно воздерженъ. Онъ не откажется отъ водки, когда ему предлагаютъ, но самъ почти никогда не напрашивается. Ихъ упрекаютъ въ корыстолюбіи, жадности и въ страсти къ униженію, и не безъосновательно. Особенно же замѣтилъ я въ нихъ какую-то мелочную щекотливость во всемъ, что только слегка задѣваетъ ихъ частные интересы, и какую-то зависть при удачахъ ближняго. Но эти дурныя качества почти невольно воспитываются въ народѣ, живущемъ въ крайней бѣдности, принужденномъ, для своего пропитанія, безпрерывно бороться со скупою и суровою природою.»

«Что́ же касается до домашняго ихъ образа жизни, то они, замѣчу, имѣютъ избы, хотя живутъ въ нихъ только зимою. Лѣтомъ ведутъ они жизнь кочевую и ловятъ себѣ рыбу то въ одномъ, то въ другомъ озерѣ. Когда же кончается рыбная ловля и приближается зима, рыбакъ забирается къ себѣ въ избу, выстроенную гдѣ-нибудь на пустынномъ гористомъ мѣстѣ. Покидаетъ ли онъ свое зимовище, то единственно изъ желанія добыть хорошее пастбище для оленей, а себѣ — пищи и дровъ. Если же ему не удастся найти всего этого, то онъ опять ищетъ себѣ новаго мѣста для жительства. Старики разсказывали мнѣ, что, такимъ-образомъ, на вѣку своемъ они

мѣняли мѣста жительства по три, по четыре, по пяти разъ. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, Лопарю некогда много заботиться о своихъ жилищахъ.»

«Его изба обыкновенно такъ мала, что съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ семью и, кромѣ-того, нѣсколькихъ овецъ. Вышиною въ серединѣ она въ ростъ человѣческій; по сторонамъ же въ ней нельзя держаться прямо. Назначенная для овецъ часть избы иногда образуетъ особое отдѣленіе; оно лежитъ больше въ землѣ. Кухня же — въ другой части избы. Устройство очага весьма просто: оно состоитъ изъ двухъ частей — изъ большаго отверстія и трубы, черезъ которую дымъ выходитъ безпрепятственно на воздухъ. Единственная роскошь, замѣчаемая иногда въ избѣ Лопаря, состоитъ въ какомъ-нибудь оконномъ стеклѣ. Столъ и стулья принадлежатъ къ рѣдкостямъ. Ложки тоже рѣдки, ибо Лопари обыкновенно ѣдятъ свои щи лопаточками. При нѣкоторыхъ избахъ бываетъ еще небольшая пристройка, куда кладутся одежда и другія вещи. Лопари зажиточные имѣютъ особую загородь для овецъ; а кто держитъ коровъ, имѣетъ, конечно, и хлѣвъ. Кромѣ-того, почти у каждаго хозяина бываетъ по нѣскольку большихъ и малыхъ клѣтей, какъ въ зимнихъ, такъ и въ лѣтнихъ стоянкахъ. Онѣ обыкновенно строятся на высокихъ жердяхъ, изъ опасенія волковъ и другихъ животныхъ, такъ-какъ въ нихъ преимущественно сохраняются съѣстные припасы.»

«Что касается вообще до хозяйства энарскихъ Лопарей, то здѣсь трудно сказать что-нибудь неизвѣстное почти каждому по прежнимъ описаніямъ Лапландіи. Главный ихъ промыселъ — рыбная ловля, всѣ они — такъ-называемые Лопари-рыболовы. Рыба, сохранившаяся отъ лѣта, развѣшивается для сушки и сберегается на зиму. Но зимою Лопарь нелегко удовлетворяется этою легкою пищею. Онъ ѣстъ днемъ и потомъ вечеромъ, когда любитъ употреблять и мясную пищу. Утромъ съѣдаетъ онъ остатки вчерашняго дня или же ѣстъ сушеную рыбу. Кромѣ-того, многіе Лопари запасаются хлѣбомъ, ланьинымъ, коровьимъ и овечьимъ сыромъ, молокомъ, морошкою и другими ягодами и всякими другими лакомствами. Мясо получаетъ Лопарь-рыболовъ частью отъ охоты за оленями, частью отъ своихъ собственныхъ небольшихъ

стадъ и особенно же отъ сосѣднихъ горныхъ Лопарей, хотя тѣ и неохотно продаютъ своихъ оленей, потому-что и безъ того почти ежедневно стада ихъ уменьшаются отъ волковъ, которые, чтобы употребить выраженіе одного Лопаря, такъ же опасны ихъ стадамъ, какъ дьяволъ людямъ; но, впрочемъ, всемогущая водка все побѣждаетъ. Придетъ ли путешественникъ въ горную лопарскую деревню и, по обыкновенію, предложитъ хозяину водки, то получаетъ и оленьи окорока, и языки, и проч. Сочтутъ за оскорбленіе отказъ принять эти подарки; но, однажды принявъ ихъ, непремѣнно обязываешься отплатить имъ за это водкою, по пословицѣ: «подарокъ за подарокъ или отдай его мнѣ назадъ». Коли позабудешь эту обязанность, то напомнятъ о ней. Затѣмъ слѣдуютъ новыя приношенія и новое угощеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока остается у гостя хотя капля водки. Отсюда ясно, какія страшныя выгоды извлекаетъ разсчетливый купецъ изъ продажи водки этимъ Лопарямъ. Неудивительно и то, что энарскіе Лопари эту торговлю считаютъ весьма важнымъ промысломъ.»

«Горные Лопари и въ религіозномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ стоятъ несравненно ниже Лопарей-рыболововъ. Это происходитъ не только отъ ихъ кочевой жизни, но и отъ незнакомства съ языкомъ, на которомъ они получаютъ свое религіозное воспитаніе. Тѣмъ-не-менѣе и горный Лопарь весьма благочестивъ: онъ ежедневно творитъ извѣстныя молитвы и утромъ, и вечеромъ, и за столомъ и тому же поучаетъ и дѣтей своихъ. Какъ Лопарь-рыболовъ, онъ также отъявленный врагъ суевѣрія и язычества и ничего почти или весьма мало знаетъ о своемъ прошедшемъ. Религіозное его чувство обнаруживается и въ необыкновенной любви къ женѣ, дѣтямъ и прислугѣ. Одинъ Лопарь (горный) говорилъ мнѣ, что въ-продолженіе своей тридцатилѣтней брачной жизни онъ ни разу не обмѣнялся дурнымъ словомъ со своею женою и иначе не называлъ ее, какъ «*loddadsham*» (фин. *lintuiseni* — моя птичка). Я самъ видалъ, какъ, ворочаясь домой отъ своихъ оленей поздно вечеромъ или послѣ другой какой-нибудь отлучки изъ дому, Лопарь цалуетъ свою жену и дѣтей, съ какою нѣжностью ласкаетъ ихъ. Съ этою мягкостью души Лопарь соединяетъ смѣлость и от-

вагу, которыя иногда переходятъ въ совершенное презрѣніе порядка, нравственности и закона. Большія преступленія такъ же рѣдки и у горныхъ Лопарей, какъ и у рыболововъ; но въ житейскихъ отношеніяхъ есть много нравственныхъ правилъ, о которыхъ Лопарь весьма мало имѣетъ понятія. Совершенно по древне-германскому порядку любитъ онъ выражать свою волю кулачнымъ правомъ; языкъ его обыкновенно рѣзкій, видомъ своимъ онъ неуклюжъ и дерзокъ. Иначе и быть не можетъ, потому-что хотя Лопари и приняли уже христіанство, но все же они еще принадлежатъ къ дикимъ народамъ. Эта дикость видна и въ образѣ ихъ жизни. Начнемъ съ жилищъ: подобно большинству дикарей, они живутъ въ палаткахъ. Устройство ихъ такое: втыкаютъ въ землю четыре кривыя палки, изъ которыхъ двѣ образуютъ полукругъ и стоятъ въ параллельномъ направленіи на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ другъ отъ друга. Палки эти связываются нѣсколькими перекладинами, и, такимъ-образомъ, лѣса готовы. Потомъ устанавливаютъ большой шестъ, оставляютъ продушину для дыму и отверстіе для входа. Это строеніе покрываютъ грубымъ холстомъ, одинъ кусокъ котораго служитъ дверью. Въ серединѣ этой палатки устраивается очагъ: такъ называютъ нѣсколько камней на томъ мѣстѣ, гдѣ разводятъ огонь. Потомъ бросаютъ на землю берестняку и разстилаютъ оленьи шкуры, — и жилище совершенно готово. Въ такой палаткѣ *(goatte)* у горныхъ Лопарей живутъ его жена, дѣти, старики; самъ же онъ и его работники ходятъ за стадомъ, располагаются иногда въ землянкѣ, иногда въ такъ-называемомъ *lavvu*, что еще хуже устроено, чѣмъ *goatte*. Лавву устраивается тогда, когда олени располагаются въ недалекомъ разстояніи отъ палатки. Если же нѣтъ пастбища вблизи палатки, то начинается передвиженіе: палатка, все имущество, всѣ запасы переносятся на другое мѣсто. Такія странствованія, по словамъ Гёгстрема, случаются по два раза въ мѣсяцъ. Кромѣ-того, горные лопари весною уходятъ къ морскому берегу, а осенью ворочаются на горы. Какъ ни тяжелы подобные переходы, еще тягостнѣе Лопарю его постоянный уходъ за оленями. Днемъ и ночью сторожитъ онъ волка, этого хитраго врага, который прячется въ кустарникахъ и ловитъ первый удобный случай, чтобы поймать

добычу. Главное дѣло въ присмотрѣ за оленями состоитъ въ умѣньи держать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Такъ-какъ число оленей горнаго Лопаря доходитъ до тысячи, а всѣ Лопари, живущіе въ такъ-называемой горной деревнѣ, держатъ ихъ всѣхъ въ одномъ стадѣ, то весьма естественна невозможность углядѣть за всѣми, когда имъ случится разбиться на небольшія кучки. Потому Лопарь и забѣгаетъ то туда, то сюда и старается собаками своими удержать всѣхъ оленей вмѣстѣ. Собаки такъ уже пріучены, что Лопарю стóитъ только указать на оленя, отбѣжавшаго отъ стада, какъ собака тотчасъ же кидается за нимъ. Но, несмотря ни на какія попеченія, волкъ всегда улучитъ возможность зарѣзать въ ночь нѣсколькихъ оленей. Во всю зиму Лопарь избавляется отъ труда бить оленей себѣ въ пищу; онъ ежедневно употребляетъ только растерзанныя жертвы волка, и, такимъ-образомъ, лишается лучшихъ кусковъ вмѣстѣ съ кровью, его любимымъ лакомствомъ. Несправедливо вообще полагаютъ, будто бы горный Лопарь питается только мясомъ. Правда, онъ варитъ себѣ крѣпкій бульонъ изъ мяса, который онъ употребляетъ безъ соли, въ-противоположность Лопарю рыболову; но я видѣлъ, какъ семья Лопаря ѣстъ хлѣбъ и масло, соленую рыбу, ланьинъ сыръ и проч. По-своему онъ ѣстъ очень порядочно, и это его существенное, впрочемъ единственное, преимущество передъ Лопаремъ-рыболовомъ. Послѣдній стоитъ выше своего брата, горнаго, какъ въ религіозномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Наконецъ, и самый образъ жизни горнаго Лопаря болѣе дикъ и грубъ. Рыболовъ проводитъ бóльшую часть зимы у себя въ избѣ, тогда-какъ горный Лопарь принужденъ вѣчно бороться со стужею, бурею и непогодою и вообще жить болѣе скотскою жизнью, чѣмъ по-людски. Строенія Лопарей-рыболововъ, конечно, не обличаютъ большихъ успѣховъ въ архитектурѣ; но если уже онъ построилъ себѣ домъ, хлѣвъ для скота, то, значитъ, онъ большими шагами приблизился къ жизни осѣдлой. Но лѣтомъ онъ еще кочуетъ, а зимою иногда мѣняетъ свое жилище, такъ-что наполовину онъ кочевникъ и составляетъ, такимъ-образомъ, посредствующее звено между горнымъ Лопаремъ и постояннымъ поселенцемъ. Лопарь-рыболовъ, дѣйствительно, находится въ переходномъ состояніи; но такіе переходы весьма

тяжелы: такъ, у Лопарей энарскихъ этотъ переходъ отъ кочующей жизни къ осѣдлой повелъ за собою большое экономическое разстройство. Пожелаемъ, чтобы тѣ, у которыхъ въ рукахъ благосостояніе Лапландіи, уразумѣли бы важность и значеніе этого перехода и постарались бы провести энарскихъ Лопарей не на горы, не къ Норвежскимъ Фіордамъ, а къ той цѣли, къ которой они стремятся сами безсознательно, именно къ совершенно осѣдлой жизни.»

Сюда присоединимъ мы не менѣе любопытную характеристику Лопарей, живущихъ въ Русской Лапландіи. Кастренъ просто зоветъ ихъ русскими Лопарями. «Относительно образа жизни русскіе Лопари мало отличаются отъ нашихъ энарскихъ Лопарей. Они кормятся рыбною ловлею и лѣтомъ живутъ при озерахъ, при рѣкахъ и на приморьи, въ палаткахъ или рыбачьихъ избахъ. Осенью и позже отправляются они по домамъ, не столь разсѣяннымъ, какъ у энарскихъ Лопарей, но, по русскому обыкновенію, скученнымъ въ тѣсныя деревни. Уже этотъ самый родъ жизни доказываетъ достаточно, что русскіе Лопари далеко не имѣютъ такихъ огромныхъ стадъ оленей, какъ энарскіе Лопари: нето земля скоро бы совсѣмъ лишилась своихъ пастбищъ, и поселяне были бы принуждены безпрерывно перемѣнять свои жилища. Но число ихъ оленей весьма незначительно, и они столѣтія могутъ проживать на одномъ мѣстѣ. Есть много причинъ, почему русскіе Лопари отвыкли отъ оленей и почти исключительно предались рыбному промыслу. Прежде всего сама природа ему особенно благопріятствуетъ: Ледовитое и Бѣлое море — сущія сокровища для рыбака. Кромѣ-того, въ Русской Лапландіи есть два большія, весьма богатыя рыбою озера Имандра и Нуотозеро и безчисленное множество малыхъ озеръ. Какже не воспользоваться Лопарю этими естественными богатствами и не промѣнять дикой горной жизни на болѣе легкіе промыслы? Русская церковь съ своей стороны весьма много способствовала тому, что Лопари преимущественно предались этому промыслу, потому-что православные почти половину года удерживаются отъ пищи, которую получаетъ Лопарь отъ своихъ стадъ, и, такимъ-образомъ, и по религіозной необходимости, русскій Лопарь обратился къ рыболовству. Впрочемъ, послѣ рыбной ловли содержаніе оленей составляетъ главный

промыселъ русскихъ Лопарей. Они также занимаются и торговлею; оттого въ каждой избѣ на стѣнѣ, рядомъ съ иконою, виситъ и безмѣнъ. Вообще они одарены сметливостью, но еще слишкомъ бѣдны, чтобы пускаться на большія предпріятія, ѣздить по городамъ и посѣщать ярмонки. Но уже въ Энарскомъ приходѣ попадаются тамъ-и-сямъ Лопари, прибывшіе за какимъ-нибудь торговымъ дѣломъ изъ той или другой лопарской деревни. Предугадывая будущее, смѣло можно сказать, что русскіе Лопари, со своимъ торговымъ духомъ, сдѣлаютъ большіе успѣхи. Скотоводство имъ почти совершенно чуждо; ни одинъ не имѣетъ ни коровы, ни овцы. Невѣроятно, чтобы на скотоводство они обратили бóльшее вниманіе, и потому уже, что сами Русскіе, ихъ наставники, пренебрегаютъ имъ.»

«Въ бытѣ русскихъ Лопарей замѣчается большое разнобразіе. По бóльшей части зиму они проводятъ въ низкихъ и темныхъ избахъ, весьма похожихъ на избы энарскихъ Лопарей. Главное отличіе, кидающееся всякому въ глаза, состоитъ въ крышѣ плоской въ Русской Лапандіи, а въ Энарѣ приподнятой кверху. Во внутренности же избы разница въ томъ, что вмѣсто кровати у русскихъ Лопарей стоятъ кругомъ стѣны широкія лавки. На приморьи, въ мѣстахъ гористыхъ, безлѣсныхъ русскіе Лопари и зиму проводятъ въ палаткахъ, составляемыхъ ими изъ бревенъ или досокъ. Въ серединѣ палатка шире, а у концовъ несравненно уже. Стѣны, однако, не сходятся вмѣстѣ: оба конца завѣшиваются узкимъ полотномъ. Крыша плоская, покрывается торфомъ; полъ не настилается; по серединѣ палатки ставятъ обыкновенно очагъ. Третій родъ жилищъ составляютъ курныя избы, которыя, однако, несравненно хуже и меньше нашихъ финскихъ. Дымное отверстіе забивается кулькомъ, который поднимаютъ кверху длиннымъ шестомъ. Есть еще у нѣкоторыхъ русскихъ Лопарей четвертый родъ жилищъ, именно бѣлыя избы, совершенно такія же, какъ у русскихъ Кареловъ. У Лопарей, живущихъ въ черныхъ или бѣлыхъ избахъ, палатка обращена въ кухню. На тотъ же конецъ употребляются палатки и въ Остботніи — обычай, безъ-сомнѣнія, лопарскій.»

«Одежда почти у всѣхъ Лопарей одинаковая. Ихъ тулупъ, сапоги и порты — все оленье. У русскихъ Лопарей сапоги и

порты сшиваются вмѣстѣ; у другихъ же они отдѣлены, но зато такъ плотно прикрѣпляются къ голени, что снѣгъ совсѣмъ не проходитъ. Норвежскіе и финскіе Лопари въ морозы надѣваютъ на шею медвѣжій воротникъ, закрывающій не только лицо и уши, но и грудь и плечи. У русскихъ Лопарей такого воротника нѣтъ; но зато ихъ шапки съ наушниками закрываютъ бóльшую часть лица. Такъ Лопарь наряжается преимущественно въ дорогѣ. У мужчинъ и у женщинъ нарядъ почти одинаковый; разница только въ шапкѣ, которая, по русско-лопарскому обычаю, у женщинъ гораздо выше и шире, нежели у мужчинъ. Въ нашей Лапландіи обыкновенная будничная одежда, и мужская, и женская, изъ толстаго холста и очень похожа на обыкновенную рубашку. Русскіе Лопари, кромѣ многаго другаго, заимствуютъ и русскій нарядъ.»

«Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ внутренней жизни. Въ отношеніи религіозномъ они стоятъ на весьма низкой степени; съ духомъ и ученіемъ христіанскимъ они мало знакомы. Въ церковь, находящуюся почти въ каждой деревнѣ или погостѣ, идутъ они за тѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько крестовъ передъ иконою. Впрочемъ, всѣ церковные обряды соблюдаютъ строго, но и много сохраняютъ суевѣрій; особенно вѣрятъ они въ колдовство. За свои въ немъ свѣдѣнія наибóльшимъ почетомъ пользуются аккальскіе Лопари. Они извѣстны и въ Финляндіи, такъ-что къ нимъ ходятъ мужики даже изъ Саволакса за совѣтами насчетъ здоровья, о пропажѣ и т. д. Я слышалъ, что при гаданьяхъ своихъ они впадаютъ въ родъ изступленія, во время котораго и получаютъ будто бы различныя откровенія. Лопари убѣждены, что на это время душа разлучается съ тѣломъ, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, гдѣ лежитъ украденная вещь, чтó за причина болѣзни и т. д. Что это изступленіе по бóльшей части обманъ, въ томъ нечего и сомнѣваться. Но оно такъ всеобще у всѣхъ народовъ необразованныхъ, что нельзя сомнѣваться въ его первоначальной дѣйствительности. Этого явленія нельзя относить къ числу тѣхъ явленій, которыхъ объясняютъ животнымъ магнитизмомъ, т.-е. вовсе не объясняютъ. Волшебникъ въ экстазѣ своемъ доводитъ себя до совершеннаго безсилія. Въ это время возникаютъ въ немъ, какъ во снѣ, разныя смутныя представленія о томъ, чѣмъ подъ-конецъ занята была его душа. Вотъ эти-то

представленія и стали считать откровеніями, а изступленіе — чѣмъ-то волшебнымъ. Говорятъ, что волшебникъ во всякое время способенъ бываетъ доходить до такого состоянія, и это полагаю я возможнымъ, на сколько дѣло идетъ о волшебникахъ, принадлежащихъ дикимъ народамъ. По-крайности, это явленіе стоитъ въ связи со многими другими явленіями въ жизни дикихъ народовъ. Я приведу нѣсколько указаній, быть-можетъ, менѣе важныхъ, но умѣстныхъ, такъ-какъ онѣ касаются до русскихъ Лопарей. Въ путешествіе мое по Лапландіи мнѣ часто совѣтовали быть осторожнѣе въ обращеніи съ русскими Лопарями, и особенно съ бабами, потому-де, что они часто приходятъ въ совершенное изступленіе и тогда не помнятъ ничего, что́ дѣлаютъ. Сначала я нисколько не вѣрилъ этимъ разсказамъ, считалъ ихъ за басни. Но однажды въ Русской Лапландіи, въ одной деревнѣ, сошелся я съ нѣсколькими Карелами и двумя русскими купцами. Одинъ изъ нихъ тоже убѣждалъ меня не раздражать Лопарокъ, утверждая, что нето будетъ res capitalis. По этому случаю одинъ изъ Кареловъ разсказалъ слѣдующее обстоятельство. «Однажды, еще въ самой молодости, ловилъ я рыбу на морѣ и встрѣтилъ одну лодку, — въ ней ѣхали Лопари. Въ лодкѣ была и женщина; она держала на рукахъ маленькаго ребенка. Увидавъ мой необыкновенный нарядъ, она такъ разозлилась, что кинула ребенка въ море. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ одномъ округѣ у терскихъ Лопарей. Сидимъ мы разъ въ избѣ и калякаемъ промежь себя, какъ вдругъ за стѣною послышался ударъ, какъ-будто отъ дубины или отъ молотка. Что́ же? Мигомъ, всѣ Лопари до одного, пали наземь, сначала нѣсколько барахтались руками и ногами, а потомъ лежали неподвижно, словно мертвые. Спустя нѣсколько времени стали они поворачиваться и подниматься и потомъ держали себя просто, какъ-будто все шло обыкновеннымъ порядкомъ.» Для бо́льшаго моего удостовѣренія, одинъ изъ купцовъ предложилъ мнѣ на дѣлѣ показать нѣсколько примѣровъ изступленной злости Лопарокъ. Прежде убралъ онъ ножи, топоръ и другія опасныя вещи. Потомъ поспѣшно подошелъ онъ къ одной бабѣ, всталъ передъ нею и хлопнулъ руками. Тутъ она, точно фурія, накинулась на него, стала его бить, царапать, кусаться. Потомъ повалилась она на скамью, чтобы перевести духъ и

опять пуститься въ драку. Прійдя нѣсколько въ себя, она рѣшилась уже не горячиться. Тутъ она испустила изъ себя страшный, пронзительный крикъ. Въ эту минуту подошелъ къ ней другой купецъ, замахалъ ей въ глаза своимъ платкомъ и тотчасъ же убѣжалъ изъ горницы. Надо было видѣть, что́ дѣлалось съ нею! она кидалась отъ одного къ другому, кого била руками, кого стукала объ стѣну, кого хватала за волосы. Сидя въ углу, въ нетерпѣливомъ страхѣ дожидался я своей очереди. Наконецъ съ ужасомъ увидѣлъ, что она вперила на меня свой дикій взглядъ; потомъ съ распростертыми руками кинулась на меня и уже готова была вцѣпиться въ лицо мое своими когтями, какъ два здоровыхъ Карела схватили ее сзади. Она, въ совершенномъ безсиліи, упала къ нимъ на руки. Также разсердили одну дѣвочку, бросивъ ей на голову лучину. Со злости она стала бросаться изъ угла въ уголъ. Тогда ударили молоткомъ въ наружную стѣну — дѣвочка вздрогнула, закрыла глаза руками и тотчасъ же пришла въ себя. Эти факты, сколь ни незначительны они, доказываютъ, однако, что люди грубые легко выходятъ изъ себя и впадаютъ въ совершенное безпамятство; особенно же прилагается это къ волшебникамъ и колдунамъ, которые уже пріучаютъ себя ко всякимъ изступленіямъ и неестественнымъ напряженіямъ своихъ силъ.»

«Возвращаясь къ волшебству русскихъ Лопарей, замѣчу только, что у нихъ не нашелъ я никакихъ заклинаній, какія есть у Финновъ и называются *luwut*, *luku* въ единств. ч. Впрочемъ, отмѣтилъ у нихъ нѣсколько древнихъ выраженій и символическихъ обрядовъ. Такъ, въ Русской Лапландіи я видѣлъ, какъ одна баба лечила вывихъ. Она водила пальцами по вывиху, какъ бы хотѣла узнать больное мѣсто. Наконецъ ей удалось поймать: она сжала его между пальцами и стала кусать зубами и наконецъ выплюнула изъ себя перешедшаго въ нее злаго духа. Такъ повторялось нѣсколько разъ; но при этомъ не было никакого заговора: во время этой смѣшной операціи баба болтала все о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Особенно заняться колдовствомъ русскихъ Лоперей я не могъ, какъ потому, что не достаточно владѣлъ ихъ языкомъ, чтобы понять таинства магіи, такъ и потому, что не былъ въ тѣхъ краяхъ Лапландіи, гдѣ преимущественно оно въ обычаѣ.»

«Еще нѣсколько словъ о характерѣ русскихъ Лопарей. По характеру всѣ Лопари сходны другъ съ другомъ. Характеръ у нихъ похожъ на ручей, воды котораго текутъ тихо и медленно, такъ-что движеніе ихъ едва уловимо. Встрѣтитъ ли ручей большую преграду, онъ отклоняется въ сторону, но подъ-конецъ все же достигаетъ своей цѣли. Таковъ и характеръ Лопарей: спокойный, мирный, уклончивый; миръ — его любимое слово; о мирѣ первый у него вопросъ, миръ для него и прощальное слово, миръ для него все. Есть преданіе, что въ Лапландіи все по своей наружности обнажено, жалко и бѣдно, но внутри таится много золота. Едва и есть сокровище лучше того мирнаго покоя, которымъ обладаетъ Лопарь. Лишенный лучшихъ наслажденій жизни, посреди скупой природы, въ бѣдности и злополучіи, переноситъ онъ всѣ страданія съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ требуетъ только одного, какъ неизбѣжнаго условія своего благосостоянія, чтобъ не мѣшали ему пользоваться тѣмъ немногимъ, что онъ имѣетъ, чтобъ не нарушали его старыхъ обычаевъ и нѣкоторымъ бы образомъ не лишали его покоя, *мира*. Неблагопріятная природа постоянно побуждаетъ его къ работѣ и дѣятельности; но, между-тѣмъ, онъ охотно предается своей *мирной* жизни. Онъ не любитъ обширныхъ плановъ, умныхъ разсчетовъ и вообще внѣшней дѣятельности и предпочитаетъ ей тихое созерцаніе религіозныхъ и другихъ предметовъ, находящихся въ его маленькомъ мірѣ. Уже изъ этого краткаго очерка видно, что финскій типъ отражается въ лопарскомъ народномъ характерѣ. Подобно Лопарю, Финнъ по природѣ своей также тихъ, миренъ и переносливъ. Въ мелочахъ онъ легко уступаетъ; въ важныхъ же случаяхъ жизни онъ становится героемъ. Такимъ-образомъ, Лопарь рѣдко воспламеняется къ сильнымъ движеніямъ, но зато легко теряетъ свое спокойствіе духа, которое рѣдко покидаетъ его мужественнаго брата Финна. Внутренняя созерцательность, спокойное размышленіе общи обоимъ, но у Лопаря слабѣе, чѣмъ у Финна. Но и Лопарь имѣетъ свою долю въ томъ грустномъ настроеніи, которое составляетъ отличительную черту Финна и финскаго племени вообще; зато та глубокая грусть, снѣдающая сердце, которая доводитъ Финна до высокаго героизма, не знакома Лопарямъ. Грустное настроеніе Лопаря проявляется въ видѣ внѣшней угнетенности. Во-

обще можно сказать, что Лопарь, младшій братъ Финна, наслѣдовалъ больше свойствъ отъ матери, а Финнъ — отъ отца. Сказанное нами вообще о характерѣ идетъ также хорошо и къ русскимъ Лопарямъ. Въ деревняхъ, лежащихъ по большой *Мурманской* дорогѣ, Лопари уже теряютъ мало-по-малу свой коренной характеръ. Внутреннее довольство собою уступаетъ безсмысленной веселости, спокойное размышленіе — ловкой сметливости, жизнь мирная мѣняется на трудную и хлопотливую. Въ нихъ напрасно будешь искать той мягкости сердца, того тихаго настроенія духа, которое преимущественно отличаетъ другихъ Лопарей. Торговля и частыя сношенія съ Русскими и Карелами много способствовали къ выходу ихъ изъ естественнаго состоянія невинности. Также природныя коренныя свойства Лопаря много потерпѣли отъ смѣшенія жителей съ русскими Карелами. Въ кругу Русскихъ тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго Лопаря; но въ-отношеніи къ другимъ Лопарямъ онъ уже почти Русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ. За отсутствіемъ своихъ собственныхъ пѣсенъ, онъ поетъ иногда русскія. По праздникамъ, несмотря ни на какіе морозы, игра въ мячъ и другія забавы, заимствованныя имъ отъ Русскихъ, служатъ ему развлеченіемъ. Даже въ домашнемъ быту Лопарей замѣчаемъ русскіе нравы и обычаи, не говоря уже о русскомъ нарядѣ. Все, что мы выше сказали о ихъ веселости, хлопотливости, о ихъ торговомъ духѣ и т. д., — все это есть слѣдствіе русскаго вліянія. На основаніи всего вышесказаннаго можно смѣло утверждать, что русскіе Лопари раньше или позже совершенно сольются съ Русскими, и тѣмъ скорѣе, что они не имѣютъ своей собственной грамоты. Малое число русскихъ Лопарей подтверждаетъ это предположеніе. По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ исправника въ Колѣ, все лопарское населеніе въ Россіи простирается до 1,844 душъ.»

Мы съ намѣреніемъ выписали эти слова Кастрена о финской народности. Преувеличеніе тутъ очевидно. Вообще характеристика народностей дѣло весьма трудное: тутъ требуется необыкновенная осторожность въ наблюденіяхъ и выводахъ. Въ такихъ характеристикахъ слабы и доходятъ до ложныхъ преувеличеній ученые самые первостепенные. Вспомнимъ разсужденія Рогге, Вильды, Як. Гримма о древнихъ Герман-

цахъ, Шафарика, Мацѣевскаго и Палацкаго — о древнихъ Славянахъ. Во всѣхъ ихъ описаніяхъ есть что-то натянутое, болѣе идиллическое, чѣмъ строго ученое. Быть-можетъ, и чувство патріотизма немаловажною тому причиною. Какого бы безпристрастія ни достигъ народъ, онъ никогда не въ-состояніи достигнуть до строгаго логическаго опредѣленія своей собственной народности. Такое опредѣленіе онъ можетъ получить только отъ другихъ народовъ. Они всегда опредѣляютъ другъ друга гораздо лучше. Потому-то никакъ не должно пренебрегать никакимъ мнѣніемъ иностранца о томъ или другомъ народѣ. Надо только умѣть имъ пользоваться: именно брать во вниманіе не только то, что̀ онъ хочетъ сказать, но и то, что̀ сказалось у него невольно, какъ бы нѐхотя. Иными словами, всякое мнѣніе иностранца объ извѣстномъ народѣ есть историческое свидѣтельство, фактъ, потому уже, что оно есть частное выраженіе общей мысли, общаго понятія его народа о той или другой народности. Какъ историку представляются факты въ двоякомъ видѣ, въ двоякомъ значеніи или, попросту, какъ есть, двоякаго рода факты — факты явные и факты тайные, изъ которыхъ послѣдніе особенно важны,—такъ точно и для этнографа наблюденія и мнѣнія иностранцевъ объ изучаемомъ имъ народѣ имѣютъ двоякое значеніе: во-первыхъ, выражаютъ отношенія къ нему чужихъ народностей, потому-что народность такая сила, отъ вліянія которой никакое лицо не можетъ избавиться, на весь складъ ума, на всѣ изгибы души кладетъ она неизгладимую печать — это ихъ значеніе прямое, явное — и, во-вторыхъ, важны потому, что со стороны лучше видно, что посторонній наблюдатель легко можетъ уловить отличительныя черты народа, которыя для него самого вовсе такими и не представляются. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что каждое мнѣніе или наблюденіе иностранца о томъ или другомъ народѣ слѣдуетъ принять на вѣру: нѣтъ! въ каждомъ надо доискиваться тайнаго смысла, и съ этой точки зрѣнія, въ самомъ злобномъ писателѣ, намѣренно все искажающемъ, можно отъискать много правды, вовсе не не лестной для народа, на котораго взведены были самыя странныя клеветы. Вотъ тайное значеніе мнѣній и наблюденій иностранцевъ объ извѣстномъ народѣ. Таково ихъ двоякое значеніе. Обращаясь къ русской народности, смѣло можно сказать, что

если бы свести всѣ толки и сужденія иностранцевъ о насъ, сравнить и сличить ихъ между собою и исключить только тѣ изъ нихъ, которые своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ взаимно уничтожаются, то въ итогѣ мы получили бы такое строго-логическое и истинное опредѣленіе нашей народности, до котораго мы сами никогда не достигнемъ, хотя чувствовать ее возможно намъ однимъ. Потому нѣтъ толка, нѣтъ сужденія иностранца о нашей народности, которымъ умный изслѣдователь рѣшится пренебречь. Всякое мнѣніе становится для него даннымъ, увеличиваетъ его запасъ матеріаловъ, которые надо сообразить, исправляетъ его выводъ и облегчаетъ ему достиженіе искомаго результата — строго-логическаго опредѣленія народности, что́ только наукѣ и надо, потому-что ей не принадлежатъ разныя идиллическія описанія и разсужденія о состояніи невинности. Глядя такъ на мнѣнія иностранцевъ, мы съ большимъ удовольствіемъ приведемъ сужденіе Кастрена объ отличительныхъ, по его мнѣнію, свойствахъ русскаго народнаго характера. Разсуждая, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 159 и сл.), объ исчезновеніи Финновъ по берегамъ Бѣлаго моря, онъ говоритъ, между-прочимъ, что не Русскіе оттуда ихъ вытѣснили, ниже они сами обрусѣли, чего быть не могло и потому, что Русскихъ доселѣ немного на сѣверномъ приморьи. Главная же тому причина та, что издревле населеніе бѣломорскаго берега было незначительно, что́ онъ и объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Если не ошибаюсь въ характерѣ и склонностяхъ Финновъ, то берега бѣломорскіе не представляютъ собою поприща для ихъ дѣятельности. Земледѣліе и скотоводство, по своему роду занятій, наиболѣе подходятъ къ характеру Финновъ, и, кажется, Провидѣніе послало ихъ на землю для того, чтобы они своимъ упорнымъ и неутомимымъ трудомъ и терпѣніемъ внесли образованность въ пустыни Финляндіи, сѣверной Россіи и Скандинавіи. Финнъ любитъ эти занятія, потому-что неизбѣжнымъ условіемъ его благосостоянія имѣть себѣ свой маленькій міръ въ полномъ своемъ распоряженіи. Потому-то онъ часто мѣняетъ беззаботную жизнь подъ властію посторонняго человѣка на бѣдное жилище въ пустынѣ, думая, что лучше дома «пить воду изъ корзинки», чѣмъ «пиво изъ серебряной кружки». Вслѣдствіе такого расположенія къ тихой, спокойной и независимой дѣя-

тельности не могла и основаться большая финская колонія на берегу Бѣлаго моря. Его неплодородные, негодные къ воздѣлыванію берега и постоянные холодные вѣтры исключаютъ почти всякую мысль о земледѣліи. Здѣсь человѣку надо заняться морскимъ промысломъ, къ чему потребны шумная, мятежная и безпокойная жизнь, безпрерывное составленіе новыхъ предпріятій, — короче сказать, потребенъ бытъ, согласный съ русскимъ характеромъ. Въ Кольскомъ уѣздѣ находится 26 русскихъ деревень, и въ нихъ только пять человѣкъ занимаются земледѣліемъ. Скотоводство тоже весьма незначительно. И здѣсь между Русскими господствуетъ благосостояніе, тогдакакъ Финнъ обыкновенно является здѣсь въ жалкомъ видѣ нищаго или батрака. Конечно, эти промыслы одинаково доступны обѣимъ сторонамъ; но одарены онѣ неравными способностями, — а вся сила Русскаго состоитъ въ его умѣ, неистощимомъ на всякаго рода изобрѣтенія, разсчеты и предпріятія. Русскій ненавидитъ этотъ однообразный покой, высшее блаженство Финна. Для Русскаго невыносимо жить подъ кровлею своего дома и считать своимъ собственнымъ міромъ нѣсколько десятинъ земли. Его страсть всюду рыскать и сносить домой богатство изъ далекихъ краевъ. Такъ, лѣтомъ встрѣчаемъ его въ ладьѣ въ пристани Архангельской или у береговъ норвежскихъ, а зимою — по дорогамъ московскимъ или на рынкѣ нижегородскомъ. Тѣ же, кого недостатокъ средствъ не допускаетъ до большихъ предпріятій, все же не остаются дома, а разъѣзжаютъ на своихъ лодкахъ по Бѣлому морю и ловятъ лососей и сельдей, бѣлугу и морскихъ тюленей. Кто хочетъ быть сытъ зимою, лѣтомъ не можетъ оставаться дома. Онъ долженъ уходить на промыселъ, и если ему удастся пріобрѣсть нѣсколько копеекъ больше, чѣмъ нужно ему и семьѣ его, то зимою пускается онъ на торговыя предпріятія. Таковъ образъ жизни на бѣломорскомъ берегу, и, безспорно, онъ наилучше, хотя не исключительно, соотвѣтствуетъ мѣстности. Во всякомъ, однако, случаѣ, русскій человѣкъ съ своею безпокойною дѣятельностью и съ своею умною, разсчетливою смѣтливостью, кажется, одинъ и предназначенъ жить въ этомъ краѣ. Быть-можетъ, сама природа — общая праматерь — для того и создала людей тѣмъ, чѣмъ они есть; она нашла матеріалъ, который легко было переработать. Если заключать о

русскомъ народномъ характерѣ по жителямъ Архангельской губерніи, то нѣтъ въ мірѣ народа, который бы обладалъ такою житейскою мудростью, такимъ присутствіемъ духа во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, какъ Русскій. Онъ умѣетъ употребить въ свою пользу всякую мелочь.»

«Мы имѣли случай испытать на себѣ этотъ практическій смыслъ русскаго народа между Кемью и Кандалакшею. При отъѣздѣ изъ Колы потеряли мы свою подорожную, безъ которой нельзя получить почтовыхъ лошадей. Въ такомъ случаѣ намъ нужно было получить свидѣтельство. Едва узнали крестьяне объ этомъ, какъ всѣ согласились не пропускать насъ. Въ оправданіе свое говорили они, что всѣ ихъ лошади на полѣ, что и сами они только-что вернулись домой и очень устали, и тому подобное, — все это для того, чтобы заставить насъ дать высокую цѣну. Въ одной ближайшей къ Кеми деревнѣ встрѣтилъ я такое упрямое сопротивленіе, что рѣшился итти назадъ пѣшкомъ въ городъ, чтобы оттуда достать себѣ лошадей. Вѣроятно, изъ страха наказанія, крестьяне запрягли наконецъ пару дрянныхъ клячь.»

Обратимся теперь къ тому вопросу, который собственно и подалъ поводъ Кастрену высказать это мнѣніе. Это вопросъ о финскихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлаго моря. По-случаю прибытія своего въ деревню Мансельке, или Маасесидъ, и по поводу этого названія онъ высказываетъ такимъ образомъ свое мнѣніе: «Названіе это очевидно финское, такъ же, какъ по западнымъ, восточнымъ берегамъ Бѣлаго моря есть множество мѣстныхъ названій финскагó происхожденія. Это, казалось, могло бы подтвердить предположеніе *Шёгрена* о первоначальныхъ поселеніяхъ Карелъ по всему уѣзду Кольскому до Сѣвернаго океана включительно. Предположеніе свое *Шёгренъ* основываетъ не столько на мѣстныхъ названіяхъ, сколько на томъ вліяніи, которое имѣлъ финскій языкъ на русско-лопарскій, и на древнемъ преданіи о *Валитѣ*, или *Варентѣ*, славномъ владѣтелѣ въ Карелѣ или Кексгольмѣ, вассалѣ новгородскомъ, который «завоевалъ Лапландію, или Мурманскую землю», и заставилъ Лопарей платить дань Новгороду. Какую бы цѣну ни придавать этому преданію, на которое ссылались русскіе послы при переговорахъ о границахъ между

Россіею и Даніею, все же оно мало говоритъ въ пользу колонизаціи Русской Лапландіи Карелами.»

«Въ древнѣйшія времена, сколько можно заключать частью изъ ученыхъ преданій, частью изъ свидѣтельствъ письменныхъ, Финны и особенно Карелы часто совершали опустошительные набѣги на Лапландію не для того, чтобы тамъ поселиться на жительство, а только для грабежей. Тутъ иногда происходили отчаянныя битвы, въ которыхъ, естественно Лопари, по собственнымъ разсказамъ, одерживали верхъ. Вѣроятно, одинъ изъ такихъ походовъ и подалъ поводъ этому преданію о *Варентѣ*. Но въ то же время, какъ то можно заключать частью изъ финскихъ и лопарскихъ преданій, частью изъ историческихъ свѣдѣній, а также и изъ современныхъ отношеній, мирнымъ путемъ переселялись Финны въ Лапландію отдѣльными семьями, гонимые то неурядицею, то неурожаями. Когда же при выборѣ жилищъ посягали они на старинныя права Лопаря, на его лѣсъ, его ловища, то дѣло обыкновенно доходило до схватокъ, почему даже и многія мѣстности въ сѣверной Финляндіи носятъ, по преданіямъ, подобныя прозвища: *Riitasaari* (боевой, спорный островъ), *Torajärwi* (спорное озеро) и т. д. Когда же завладѣніе не противорѣчило правамъ первоначальныхъ жителей, то Финны поселялись тогда безпрепятственно, хотя, быть-можетъ, Лопари и не безъ зависти глядѣли на ихъ предпріятія. Когда же усилія первыхъ поселенцевъ увѣнчались успѣхомъ, молва объ этомъ привлекала и другихъ жителей, и, такимъ-образомъ, завелась не одна финская колонія въ Лапландіи. Въ примѣръ укажу на Энаре, Альтенъ, Пульмакъ, Сейда и Карасёки. Всѣ онѣ, впрочемъ, основаны уже въ позднѣйшее время; но образъ ихъ основанія былъ одинаковымъ во всѣ времена. Немного колоній (въ Русской же Лапландіи ни одной нѣтъ), которыя бы удержали свой языкъ и свою народность, что́, кажется, достаточно доказываетъ, что число финскихъ колонистовъ никогда не было значительно, не говоримъ уже: громадно, какъ думаетъ *Шёгренъ*, который утверждаетъ, что Карелы вытѣснили Лопарей изъ всей восточной и южной части Кольскаго уѣзда, овладѣли ихъ землею и потомъ подвинулись даже далѣе къ сѣверу. Въ такомъ бы случаѣ, крѣпкая финская народность не исчезла бы передъ слабѣйшею, лопарскою, которая ниже ея и въ умствен-

номъ отношенiи. Точно также ни на чемъ не основано и другое предположенiе Шёгрена о томъ, что будто бы эти Карелы были, съ своей стороны, отодвинуты на югъ Русскими, которые заселили южную часть Кемской Лапландiи. Этой догадкѣ также противорѣчитъ и слабая колонизацiя въ Лапландiи. Безспорно, однако, то, что населенiе по рѣкамъ Кеми и Торнео состоитъ изъ смѣси Саволаксовъ, Кареловъ и Лопарей. Саволакская стихiя преобладаетъ болѣе на сѣверѣ, въ Кемитрескѣ, Соданкюле, въ Верхнемъ Торнео и Муонiонискѣ. Эту колонизацiю можно отчасти объяснить семейными предпрiятiями, доказывающими, что предки ихъ переселились сюда въ различныя времена, изъ различныхъ краевъ и отъ разныхъ причинъ, чаще отъ безпорядковъ и неурожаевъ. Карельская отрасль господствуетъ въ Praniemi, Кеми и въ Нижнемъ Торнео. Время переселенiя ихъ неизвѣстно; но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что эти поселенцы появились здѣсь мало-по-малу изъ нынѣшняго Кемскаго округа, сперва утвердились въ Praniemi, откуда уже перешли въ Терволу, Кемь и Нижнее Торнео. Таковъ съ незапамятныхъ временъ обыкновенный торговый путь Кареловъ, быть-можетъ, возобновленный путь ихъ прежнихъ переселенiй и набѣговъ. По-крайности, замѣчательно то, что поселенiя Кареловъ прекращаются при Рованiеми. Въ благопрiятной, по многимъ отношенiямъ, мѣстности, въ Кемитрескѣ, едва можно отъискать слѣды ихъ, тогда-какъ она бы служила непремѣннымъ ихъ убѣжищемъ въ томъ случаѣ, если бы они были вытѣснены изъ Русской Лапландiи въ Финляндiю. Родство жителей Кеми, Торнео и Рованiеми съ русскими Карелами доказывается многими обстоятельствами. Въ этомъ отношенiи особенно поразительны нѣкоторыя особенности языка, между-прочимъ, личныя мѣстоименiя *mie*, *sie*, глагольное окончанiе *oitsen* (*öitsen*), окончанiя нарѣчiй на *sta* (вмѣто *sti* въ Торнео) и множество отдѣльныхъ словъ, которыя болѣе нигдѣ и не встрѣчаются. Старинный нарядъ тѣхъ и другихъ такъ схожъ съ русскимъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я, съ однимъ знакомымъ, принялъ одного крестьянина изъ моей родины, Терволы, за русскаго Карела. То же сходство обнаруживается и въ различныхъ орудiяхъ и домашнихъ вещахъ, напр., въ саняхъ, лодкахъ, косахъ, ларяхъ» и т. д.

«Если изъ предъидущихъ замѣчаній очевидна малая вѣроятность предположенія о населеніи южной части Русской Лапландіи исключительно Карелами, то нельзя въ то же время и не замѣтить въ южной части Кольскаго уѣзда смѣшенія Лопарей съ Карелами. Оно обнаруживается не только въ языкѣ, но и въ тѣлосложеніи, и въ чертахъ лица, въ нравахъ и обычаяхъ. Такъ, въ Мансельке Лопари очень высокаго роста, не съ тонкимъ, пискливымъ дискантомъ, какъ обыкновенно у Лопарей, но съ густымъ басомъ, живутъ отчасти въ курныхъ, отчасти въ карельскихъ избахъ и столѣтія остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, что́ не въ обычаѣ Лопарей. Рѣчь ихъ переполнена карельскими словами и поговорками.»

«Не считаю нужнымъ перечислять множество феннициэмовъ, слышанныхъ мною въ Мансельке. Вмѣсто этого скажу свое мнѣніе объ общемъ характерѣ русско-лопарскаго нарѣчія. Здѣсь не буду подразумѣвать нарѣчія терскаго, какъ совершенно мнѣ неизвѣстнаго. Русско-лопарское нарѣчіе, въ-отношеніи грамматическомъ, не представляетъ такой существенной разницы отъ остальныхъ лопарскихъ нарѣчій, какъ обыкновенно думаютъ. Отчасти оно подходитъ къ горно-лопарскому, отчасти къ энарскому. Главнымъ его отличіемъ — небольшія уклоненія въ формахъ, преимущественно же сокращеніе окончаній. Окончательный гласный звукъ уступилъ повсюду русскимъ полузвукамъ ъ и ь. Обыкновенныя въ другихъ нарѣчіяхъ твердыя согласныя встрѣчаются здѣсь рѣдко. Въ немъ нѣтъ и такого множества видоизмѣненій гласныхъ звуковъ, какъ въ энарскомъ нарѣчіи. Въ богатствѣ формъ оно далеко уступаетъ финскому, еще болѣе шведско-лопарскому нарѣчію. Русскіе Лопари сами дѣлятъ свой языкъ на три нарѣчія: одно господствуетъ въ с. Пецинги, Муотка, Патсёки, Сынель, Нуотозеро, Екостровъ, другое — въ с. Семиостровъ, Левозеро, Воронескъ, Кильдинъ, Мансельке, а третье — на Терскомъ полуостровѣ между Святымъ Носомъ и Поноемъ. Не будучи самъ лично во всѣхъ этихъ мѣстахъ, я ничего не могу сказать о вѣрности этого дѣленія. Всѣ различныя нарѣчія лопарскія весьма сходны между собою, если только не принимать во вниманіе чужія стихіи, которыя каждое изъ нихъ приняло въ себя изъ различныхъ языковъ. Лопари, къ несчастію своему, вступили въ сношеніе съ чужими народами въ то время, когда

языкъ ихъ былъ въ порѣ самаго ранняго дѣтства, отчего онъ не только заимствовалъ множество чужихъ словъ, но даже и грамматика его, во многихъ случаяхъ, образовалась по чужимъ образцамъ. Это вліяніе съ разныхъ сторонъ и составляетъ различіе лопарскихъ нарѣчій между собою. Такъ, въ первомъ изъ упомянутыхъ нарѣчій русско-лопарскаго языка обнаруживается не только русское и финское, но и норвежское вліяніе. Второе, напротивъ, болѣе подвержено карельскому вліянію, нежели русскому. Въ однѣхъ мѣстахъ сильнѣе стихія русская, въ другихъ — карельская, особенно же въ Аккальской Лапландіи. Кто захочетъ узнать первоначальный языкъ лопарскій, долженъ подвергнуть всѣ его нарѣчія внимательному сравненію и всѣ ихъ отличительныя особенности разобрать и различить, объясняются ли онѣ чужимъ вліяніемъ. Такому испытанію не былъ подвергнутъ еще и финскій языкъ».

«Далѣе Кастренъ опять возвращается къ этому вопросу. «Дорога отъ Кандалакшы до Кеми — говоритъ онъ — около 262 верстъ, идетъ отчасти по берегамъ, отчасти внутри страны. Берегъ населенъ Русскими; деревни же, лежащія на нѣсколько верстъ въ-сторону, населены Карелами. Много Карелъ и въ русскихъ деревняхъ; но всѣ они переселились сюда уже въ недавнее время. Но все-таки множество мѣстныхъ названій и весьма распространенныхъ между жителями преданій доказываетъ, что русскія деревни, по-крайности, многія изъ нихъ, прежде населены были Карелами. Преданіе различаетъ *Финновъ*, у Русскихъ извѣстныхъ подъ именемъ *Шведовъ*, *Кареловъ*, *Карелякoвъ* и *Чухонъ*. На юго-западномъ берегу Бѣлаго моря есть преданія только о Карелахъ; на южномъ и западномъ берегахъ древними жителями страны, должно-быть, была и Чудь, которую преданіе обыкновенно соединяетъ съ Инграми и Эстами. Не вдаваясь въ подробное разбирательство этой весьма вѣроятной гипотезы о поселеніяхъ финскаго племени вплоть до береговъ Бѣлаго моря, обращусь только къ слѣдующему вопросу: куда же дѣвались древнѣйшіе жители этого прибрежья? Невѣроятно, чтобы они были оттѣснены Русскими въ Лапландію и оттуда въ Финляндію. По всей вѣроятности, а также по кое-какимъ уцѣлѣвшимъ преданіямъ и по слабости русскаго населенія въ сѣверной части Архангельской губерніи, заключить можно, что Рус-

скіе приходили сюда не вооруженною силою, не большими толпами: нѣтъ, ихъ просто привлекли сюда нужда, надежда на удобства жизни и духъ предпріимчивости, или, можетъ-быть, совершенно внѣшнія, случайныя причины побудили нѣсколько семействъ искать здѣсь себѣ жилищъ. Не было почти и мѣста праву сильнаго, по-крайности, въ тѣ времена, когда единство вѣры и правленія связывало въ одинъ союзъ и старожиловъ края, и новыхъ поселенцевъ. Съ теченіемъ же времени произошло столкновеніе различныхъ между собою народностей по языку, нравамъ и обычаямъ. Оно кончилось исчезновеніемъ Финской народности по берегамъ Бѣлаго моря, поскольку способенъ этотъ край къ тѣмъ промысламъ, которые приманивали болѣе Финновъ, чѣмъ Русскихъ. Что Русскіе поселились въ немъ мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ея, то доказывается и нечистотою русскаго языка Архангелогородцевъ, наполненнымъ феницизмомъ и финскимъ обличіемъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою.»

Обратимся теперь къ самоѣдскимъ изслѣдованіямъ нашего путешественника. Такъ представляетъ онъ понятія Самоѣдовъ о волшебствѣ. «У всѣхъ народовъ — говоритъ Кастренъ — предметы магіи одни и тѣ же; ихъ число соразмѣрно съ количествомъ желаній и потребностей человѣка. Преимущественно же оно занимается: 1) врачеваніями и 2) предсказаніями. У однихъ, какъ, напр., у Финновъ, преобладаютъ первыя, у другихъ же, напр., у Самоѣдовъ — послѣднія. Сообразно со степенью просвѣщенія и воззрѣніями различныхъ народовъ, а также и по-мѣрѣ ихъ дарованій, магія принимаетъ въ нихъ тотъ или другой характеръ: или волшебникъ—богъ, все создающій изъ глубины своего духа, или же онъ призываетъ себѣ на помощь другихъ боговъ. Такъ, финскій волшебникъ всѣмъ одинъ разпоряжается; его самовластіе выражается въ такъ-называемыхъ *sanat* (волшебныхъ изрѣченіяхъ), а глубокія его свѣдѣнія — въ *synty* (словахъ происхожденія — Entstehungs-Worten)».

«По понятіямъ Самоѣдовъ, волшебникъ самъ собою почти ничего не можетъ или очень мало: онъ только истолкователь міра духовъ, и вся сила его состоитъ въ томъ, что онъ можетъ вступать въ общеніе съ духами, такъ-называемыми Тадеб-

ціями, и получать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Подобно самимъ Самоѣдамъ, эти Тадебціи все народъ хитрый и самолюбивый. То ослушиваются они Тадиба, то запутываютъ его ложными изрѣченіями; надъ старыми Тадибами они только подсмѣиваются. Искусство Тадиба требуетъ, такимъ-образомъ, людей молодыхъ, крѣпкихъ. Здоровье и силы необходимы уже потому, что Тадибъ долженъ иногда, по приказанію Тадебціевъ, бить и рѣзать себя ножемъ и другими острыми орудіями. Обычай этотъ уже исчезаетъ; но прежніе Тадибы прокалывали себя копьями, изранивали себя стрѣлами, давали себя изрубать въ куски и потомъ снова воскресали. Это разсказываютъ и про доселѣ живущихъ Тадибовъ; а слѣдующій случай докажетъ нѣкоторую основательность этихъ разсказовъ. За нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ сошлись въ одной палаткѣ на Тиманской тундрѣ одинъ Русскій и три Самоѣда. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ въ таинства Тадиба. Изъ разныхъ случаевъ товарищи его предполагали, что онъ можетъ совершать чудеса. Во время какого-то обряда, въ изступленіи своемъ, Тадибъ приказывалъ выстрѣлить въ себя изъ ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ послушался приказанія; но пуля не попала, а отскочила отъ него. Другой Самоѣдъ зарядилъ ружье, выстрѣлилъ, но съ такою же неудачею. Русскій въ изумленіи зарядилъ снова ружье и убилъ Самоѣда наповалъ. На Канинской тундрѣ встрѣтилъ я чиновниковъ, посланныхъ на слѣдствіе по этому дѣлу. Я не знаю окончанія ихъ слѣдствія: мой разсказъ основанъ на общей молвѣ. О старинныхъ Тадибахъ разсказываютъ множество другихъ исторій, извѣстныхъ и Финнамъ. Они летаютъ по воздуху, плаваютъ подъ водою, подымаются до облаковъ, спускаются въ глубь земли и принимаютъ какой угодно видъ.»

«Объ образованіи Тадиба извѣстно мало. Званіе это наслѣдственное: magus non fit, sed nascitur. Того же мнѣнія и Финны; но у нихъ волшебникъ долго учится всякимъ заговорамъ и заклинаніямъ и другимъ искусствамъ. Самоѣдъ избавляется отъ всѣхъ этихъ трудовъ. Первый старается развить мудрость, завѣщанную ему отъ отца; послѣдній предоставляетъ это заботамъ Тадебція. Онъ только передаетъ то, что́ открываетъ ему Тадебцій, на языкѣ, ему одному понятномъ. Однако, и у Самоѣдовъ я слышалъ выраженіе: «ходить на ученіе къ Та-

дибу»; но никто не могъ мнѣ сказать, въ чемъ состоитъ это ученіе. Одинъ Самоѣдъ съ довѣрчивою откровенностію открылся мнѣ. Пятнадцати лѣтъ отданъ онъ былъ на ученіе къ Тадибу, потому-что изъ рода его вышло много славныхъ шамановъ. Два Тадиба были его учителями. Они завязали ему глаза, дали барабанъ въ руки и велѣли въ него бить. Затѣмъ одинъ Тадибъ ударилъ его по головѣ, другой — въ спину. И что же? въ мигъ просвѣтлѣла голова ученика. Множество Тадебціевъ представилось взорамъ мальчика: они плясали на ногахъ и рукахъ. Онъ пришелъ въ такой ужасъ, что побѣжалъ къ священнику и тотчасъ же крестился. Послѣ того уже онъ никогда не видалъ Тадебціевъ. Для ясности слѣдуетъ прибавить, что Тадибы предварительно разгорячили его воображеніе разными чудесными разсказами о Тадебціяхъ.»

«Если Тадибъ хорошо посвященъ въ свое искусство, то онъ ходитъ всегда въ особомъ нарядѣ и съ барабаномъ. Барабанъ, смотря по состоянію Тадиба, украшается разными болѣе или менѣе дорогими украшеніями: мѣдными кольцами, оловянными бляхами и т. п. Онъ всегда круглый; но величина его мѣняется. Самый большой, какой я только видѣлъ, имѣлъ $^3/_4$ аршина въ поперечникѣ и $^1/_8$ аршина въ вышину. Обтянутъ онъ тонкою оленьею кожею. Эта ничтожная вещь для Тадиба имѣетъ огромное значеніе. Барабаномъ онъ воспламеняетъ свой духъ; его рѣзкіе звуки проникаютъ въ мрачный міръ духовъ и пробуждаютъ ихъ отъ постояннаго сна. Нарядъ Тадиба и красивъ, и рѣдокъ. Онъ состоитъ изъ замшевой рубахи, по имени Samburtsja, обшитой краснымъ сукномъ. Всѣ швы обшиты краснымъ сукномъ; изъ него же ластовицы и плечи. Глаза и все лицо закрываетъ онъ платкомъ, потому-что внутреннимъ зрѣніемъ Тадибъ глядитъ въ міръ духовъ. Голова не покрыта; только узкій кусокъ краснаго сукна надѣвается на шею, а другой, такой же, закрываетъ макушку. На груди — желѣзная бляха.»

«Обращаясь за совѣтомъ и помощью къ Тадебцію, Тадибъ садится; тутъ прислуживаетъ ему другой Тадибъ, не столь посвященный въ искусство. Дѣло начинается тѣмъ, что старшій Тадибъ начинаетъ бить въ барабанъ и при этомъ поетъ какимъ-то таинственнымъ, печальнымъ напѣвомъ. Другой Тадибъ ему вторитъ, и поютъ они все одно и то же, подобно

пѣвцамъ нашихъ финскихъ рунъ. Каждое слово, каждый слогъ протягиваются до безконечности. Лишь-только послѣ краткаго предисловія начинается разговоръ съ Тадебціемъ, старшій Тадибъ умолкаетъ и только слегка бьетъ по барабану. Вѣроятно, тогда онъ слушаетъ отвѣты Тадебція. Межь-тѣмъ, товарищъ продолжаетъ пѣть, на чемъ остановился старшій. Когда этотъ послѣдній окончитъ свой нѣмой разговоръ съ Тадебціемъ, оба Тадиба подымаютъ дикій вой, барабанный бой усиливается, и наконецъ изрѣченіе оракула извѣщается. Я долженъ еще прибавить, что пѣсня Тадиба мало содержитъ въ себѣ словъ и всегда бываетъ импровизаціею. Въ пѣсняхъ своихъ Самоѣды обращаютъ мало вниманія на слова, еще менѣе — на размѣръ стиха. Слово приходитъ само собою, и если не годится въ мелодію, то отбрасываютъ тотъ или другой слогъ или протягиваютъ его, смотря по требованіямъ мелодіи. Когда же Самоѣдъ не поетъ, а говоритъ пѣсню, то всегда придерживается извѣстнаго размѣра, къ которому уже и ухо мое привыкло. Размѣръ этотъ трудно собственно опредѣлить.»

«Представлю теперь нѣсколько случаевъ чародѣйства Самоѣдовъ. Если, напримѣръ, пропадетъ олень, тогда напѣвъ очень простой. Тадибъ вызываетъ Тадебція и, какъ говорилъ мнѣ одинъ Тадибъ, произноситъ слѣдующія слова: «Придите, придите, духи волшебные! Если не придете, я самъ приду къ вамъ. Пробудитесь вы, духи волшебные! Я пришелъ къ вамъ— вставайте!» Тадебцій на это: «Что кричишь ты, что тревожишь нашъ покой?» Тадибъ: «Пришелъ ко мнѣ одинъ Ненецъ (Самоѣдъ — Njenets): онъ сильно мучитъ меня; пропалъ у него олень. Для того и пришелъ къ вамъ.»

«На этотъ зовъ обыкновенно является одинъ Тадебцій. Когда же является ихъ нѣсколько, то говорятъ все разное, одинъ одно, другой другое, и Тадибъ недоумѣваетъ рѣшительно, кого ему слушать. Онъ проситъ своего услужливаго духа сыскать оленя. «Ищи, ищи хорошенько, чтобы олень не пропалъ совсѣмъ.» Тадебцій, конечно, повинуется. Тадибъ же кричитъ ему, чтобы онъ все искалъ оленя, пока не найдется. Если Тадебцій ворочается ни съ чѣмъ, онъ снова посылаетъ его. Не лги — говоритъ онъ — солжешь, мнѣ плохо будетъ. Надо мною станутъ смѣяться товарищи. Говори, что ты видѣлъ, говори и хорошее, и дурное. Скажи только слово. Ска-

жешь много (т.-е. неопредѣленно, непонятно), то мнѣ плохо будетъ...» и т. д. Тадебцій указываетъ на мѣсто, гдѣ увидѣлъ оленя. Тогда Тадибъ идетъ за нимъ на указанное мѣсто; но часто бываетъ, что или олень убѣжитъ оттуда, или другой Тадибъ съ помощью своихъ Тадебціевъ заложитъ слѣды оленя. Нельзя не предварить читателя, что всякій Тадибъ, передъ заклинаніемъ своихъ духовъ, распрашиваетъ обо всѣхъ обстоятельствахъ пропажи, когда, гдѣ, не подозрѣваетъ ли кого обокраденный, кто у него сосѣди, кто изъ нихъ ему недругъ? Если онъ не получаетъ въ отвѣтъ нужныхъ подробностей, то обращается къ своему барабану, распрашиваетъ обо всемъ этомъ Тадебція, потомъ снова обращается къ Самоѣду, и т. д.... пока не достигнетъ извѣстнаго убѣжденія въ томъ, какъ дѣло происходило. Это-то убѣжденіе онъ и слышитъ въ своемъ изступленіи отъ Тадебція. Быть-можетъ, оно приходитъ къ нему въ его восторженномъ состояніи, какъ сонъ. Какъ бы то ни было, но Тадибъ вполнѣ вѣритъ, что получаетъ рѣшеніе изъ устъ самого Тадебція. Въ этомъ убѣдило меня, кромѣ спокойныхъ, тихихъ, благоговѣйныхъ разсказовъ Тадиба объ этомъ, и то еще обстоятельство, что гадальщикъ часто признается, что онъ не могъ призвать Тадебція и получить отъ него удовлетворительнаго отвѣта, что́ часто бываетъ при такихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ легко сочинить что́ ему было угодно.»

«Кромѣ этого есть еще другое средство получить свѣдѣніе о пропавшемъ оленѣ. Къ нему и обращаются обыкновенно Самоѣды, не посвященные въ таинства волшебства. Изъ оленьихъ роговъ образуютъ на землѣ кругъ; въ серединѣ этого круга кладутъ какой-нибудь камешекъ, а на него, крестообразно, какой-нибудь кусокъ желѣза, такъ, что онъ легко можетъ свалиться въ-сторону. Тогда Самоѣдъ начинаетъ ходить кругомъ, пока упадетъ этотъ кусокъ въ ту сторону, гдѣ находится олень, и когда онъ пойдетъ по этому направленію, то олень самъ прибѣжитъ къ нему навстрѣчу. Такимъ же образомъ ищетъ онъ и заблудившихся людей, съ тою только разницею, что тогда кругъ образуется изъ волосъ человѣческихъ.»

Когда же къ помощи Тадиба обращается больной, то гаданіе начинается не въ тотъ же день, а откладывается до «пер-

вой зари». Въ-продолженіе ночи Тадибъ обращается со своими Тадебціями и проситъ у нихъ помощи и совѣта. Если къ утру больному легче, тогда Тадибъ берется за барабанъ; въ противномъ же случаѣ, надо дожидаться до «седьмой зари». Если же и тутъ больному не лучше, то Тадибъ объявляетъ его неизлечимымъ и въ такомъ случаѣ даже и не пробуетъ его лечить. Если же въ опредѣленный срокъ состояніе больнаго измѣнилось къ лучшему, тогда Тадибъ распрашиваетъ его, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана ему болѣзнь Если же тотъ не знаетъ, тогда Тадибъ начинаетъ выспрашивать у него, кто его недругъ, и т. д. Когда больной не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, тогда Тадибъ обращается съ запросами къ Тадебцію. Не узнавъ причины, начала болѣзни, Тадибъ ни на чтó не рѣшается. Можетъ-статься, болѣзнь послана Богомъ; а никакой Тадибъ не пытаетъ безнаказанно всемогущества Божьяго. Если же извѣстно, что болѣзнь произошла отъ дурныхъ людей, тогда Тадибъ умоляетъ Тадебція помочь больному: неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой помощи бываетъ то, что захварываетъ тотъ самый, который наслалъ болѣзнь. Не знаю, можно ли полагаться на увѣреніе Тадибовъ, однако, они увѣряли меня, что при леченіи другихъ средствъ никакихъ они не употребляютъ. Самъ я не нашелъ у нихъ другаго леченія, кромѣ всѣмъ народамъ извѣстнаго горячаго леченія. При этомъ Самоѣды поступаютъ такимъ образомъ: берутъ березовикъ, сушатъ его, потомъ отрѣзываютъ два маленькіе кусочка, зажигаютъ ихъ и кладутъ на больное мѣсто. Они считаютъ за хорошій знакъ, когда эти кусочки отскакиваютъ отъ тѣла: тогда боль отлетаетъ. Изъ этихъ словъ видно, что Тадибы, хотя и слывутъ людьми мудрыми и проницательными, имѣютъ, однако, весьма ограниченныя свѣдѣнія. Зато у нихъ есть Тадебціи, эти услужливые духи; но и они не полновластны, а повинуются Нуму, или Илибеамбаэрте (Jilimbeambaertje, Jilenbartje), какъ Самоѣды называютъ своего бога. Это доказываетъ, между-прочимъ, и одна пѣснь, въ которой одинъ Тадибъ отсылаетъ своего Тадебція къ Нуму, чтобы просилъ о помощи больному. Тадибъ обращается къ Тадебцію со слѣдующими словами: «Не покинь больнаго, иди на небо, иди къ Илибеамбаэртѣ и проси у него помощи». Тадебцій повинуется приказанію, но возвращается назадъ, го-

воря: «Илибеамбаэрте ни слова не говоритъ, не подаетъ помощи». Тогда Тадибъ умоляетъ самого Тадебція пособить ему; но тотъ отвѣчаетъ: «Какъ мнѣ пособить? Я еще меньше Нума: я не могу помочь». Тадибъ продолжаетъ его упрашивать, чтобы онъ поднялся наверхъ и настаивалъ бы у Нума о помощи и о спасеніи. Тадебцій, съ своей стороны, зоветъ Тадиба туда. «Но онъ слишкомъ далекъ отъ меня. Если бы я могъ къ нему приблизиться, то не просилъ бы тебя, но самъ бы пошелъ къ нему. Ступай ты къ нему.» Тадебцій наконецъ повинуется и говоритъ: «Для тебя я пойду; но меня все бранитъ Илимбеамбаэрте и все твердитъ, что мнѣ ни слова не скажетъ...» и т. д.

«Въ связи съ этимъ я — говоритъ Кеэтренъ — передамъ нѣсколько замѣчаній о языческомъ богоученіи Самоѣдовъ. Объ этомъ Нумѣ Самоѣды говорятъ почти то же самое, что̀ извѣстно изъ финскихъ пѣсенъ объ Укко. Нумъ возсѣдаетъ на воздухѣ и посылаетъ оттуда громъ и молнію, дождь и снѣгъ, вёдро и бури. Его часто смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое тоже зовется Нумомъ. Звѣзды считаются частями Нума и потому называются *Numgy*, т.-е. принадлежащее къ Нуму. Радуга — край плаща Нума, какъ то видно изъ ея названія — *Numbanu*. Солнце тоже называется Нумомъ, или Илимбеамбаэрте. При наступленіи дня выходитъ Самоѣдъ изъ своей палатки, а при закатѣ солнца читаетъ такую молитву: «Если ты, Илимбеамбаэрте, уходишь, то я пойду.» Отъ нѣкоторыхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что и земля, и море, и вся природа — Нумъ. Другіе же, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства, обыкновенно почитаютъ его творцомъ міра и твердо убѣждены, что онъ самый и есть міроправитель, что онъ даруетъ человѣку и счастіе, и благо, и оленей, и лисицъ, и всякаго рода богатство. Нумъ же хранитъ оленей отъ дикихъ звѣрей, почему и называется Илимбеамбаэрте, т.-е. стражъ скота. Нумъ все знаетъ и видитъ, что̀ ни дѣлается на землѣ, и, видя человѣка добродѣтельнаго, во всемъ даритъ ему удачи, даетъ ему оленей и счастливый ловъ, долголѣтнюю жизнь и т. д. Если же люди согрѣшаютъ, то онъ ввергаетъ ихъ въ нищету и напасти и посылаетъ имъ преждевременную смерть. Не имѣя яснаго представленія о жизни будущей, Самоѣды вообще думаютъ,

что возмездіе безусловно существуетъ въ жизни настоящей. Эта вѣра воспитываетъ въ нихъ безграничное отвращеніе къ грѣхамъ (haebea) и злодѣяніямъ, особенно къ убійству, воровству, клятвопреступленію, къ прелюбодѣянію. Хотя сами они употребляютъ вино, но пьянство считаютъ грѣхомъ. Что касается до отдѣльныхъ наказаній, которыми посѣщаетъ Нумъ грѣшниковъ, то я слышалъ, что убійство и клятвопреступленіе наказываются смертію, воровство — бѣдностью, нецѣломудріе — несчастными родами», и т. д.

«Кромѣ Нума, Самоѣды почитаютъ также и своихъ домашнихъ боговъ, фетишей, или такъ-называемыхъ *Хаевъ (Hahe)*. открываютъ имъ свои желанія и труды, обращаются къ нимъ за помощью во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и особенно въ охотѣ. Хаи и Тадебціи, сходныя между собою, Нуму подчиненныя божества; между ними существуетъ только та разница, что Тадебціи — существа духовныя, видимыя только изощренному взору Тадиба, тогда-какъ одаренные тѣломъ Хаи могутъ быть вопрошаемы и непосвященными въ таинства волшебства. Эти Хаи бываютъ двухъ родовъ: или естественные, или искусственные. Къ первымъ принадлежатъ или необыкновенные каменья, деревья и другіе предметы природы. Наткнется Самоѣдъ на подобную рѣдкость, которая, по его богословскимъ понятіямъ, годится въ боги, онъ окутываетъ ее разными пестрыми повязками и платками и таскается съ нею всюду, куда ни отправится. Язычники-Самоѣды имѣютъ и особыя сани, подъ названіемъ *Hahen gan*. Въ нихъ прячутъ они своихъ домашнихъ боговъ и берутъ ихъ съ собою въ дорогу. Если божественный предметъ такой величины, что въ сани не уложится, то его чтутъ, какъ общее народное божество. Такихъ народныхъ боговъ много на островѣ Вайгачѣ. Они всѣ состоятъ изъ скалъ и каменьевъ. (*) Главный изъ нихъ находится посереди острова и называется ja jieru Hahe, т.-е. Хай, *хозяинъ земли*. Кумиръ этотъ изъ камня и стоитъ при пропасти. Говорятъ, что здѣсь камня этого прежде никогда и не было, и никто не знаетъ, откуда

(*) Иславинъ кладетъ число этихъ кумировъ до 20, кромѣ которыхъ былъ нѣкогда одинъ изъ дерева, который сожгли миссіонеры въ 1827 году.

явился онъ. По виду онъ похожъ на человѣка, съ исключеніемъ головы, гдѣ у камня остріе. По этому образцу, говоритъ преданіе, составили Самоѣды изъ дерева большіе или меньшіе кумиры, которыхъ называютъ они *Sjadaei*, потому-что у нихъ видъ человѣческій (sja'). То по бо́льшей части божества мужскія или женскія одѣты въ обыкновенный самоѣдскій нарядъ, украшены разными поясами, повязками и всякими блестящими бездѣлушками. Но встрѣчаешь также и совершенно нагихъ Сядеевъ, на мѣстахъ охоты Самоѣдовъ, съ лицомъ, обращеннымъ на западъ.»

«За недостаткомъ дерева, Самоѣды дѣлаютъ себѣ фетишей изъ земли и снѣгу, которые, подобно всѣмъ фетишамъ, носятъ общее имя *Хаевъ*. Кумиры эти, и особенно снѣжные, естественно годны только на короткое время, на извѣстный случай, — напримѣръ, при совершеніи присяги. Къ этому религіозному обряду часто прибѣгаютъ Самоѣды-язычники. Обокрадутъ ли Самоѣда и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, сейчасъ прибѣгаютъ къ присягѣ: дѣлаютъ истукана изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со слѣдующими словами: «Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака.» Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ никогда не рѣшится къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вмѣсто Хая при присягахъ употребляютъ и медвѣжью голову, которую разрѣзываютъ на куски. Такая присяга считается самою сильною; ибо въ представленіяхъ Самоѣда медвѣдь то же могучее божество, еще могучѣе Хая. По словамъ Самоѣдовъ, присяга чаще всего употребляется при кражѣ, но бываетъ и въ другихъ случаяхъ, и необращеннымъ Самоѣдамъ дозволено въ русскихъ судахъ давать присягу по своимъ обрядамъ.»

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда умоляютъ Хая или Сядея о помощи, всегда бываютъ необходимы жертвы. Если просятъ о счастливой охотѣ, то всякій можетъ приносить жертву; при болѣе же важныхъ обстоятельствахъ долженъ Тадибъ совершать жертвоприношеніе. Обряды эти болѣе или менѣе измѣняются, смотря по Тадибамъ и по мѣстностямъ. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ разсказывали, что Тадибъ, устроивъ на землѣ

Хая, втыкаетъ въ землю передъ истуканомъ прутъ, наклонно, и повязываетъ на его верхушку красную тесьму. Потомъ становится Тадибъ за прутомъ лицомъ къ кумиру, начинаетъ бить въ свой барабанъ и пѣть Хаю пѣсню, выражая въ ней свои прошенія. Когда, черезъ извѣстное время, тесьма начнетъ подвигаться на прутъ (послѣ скрытыхъ дѣйствій Тадиба), то это означаетъ, что Хай начинаетъ говорить Тадибу. Его рѣчи Тадибъ истолковываетъ просителю, и содержаніе ихъ обыкновенно состоитъ въ томъ, что Хай обѣщаетъ исполнить всѣ желанія, только подъ тѣмъ условіемъ, что получитъ въ жертву оленя, теленка и т. д. Нерѣдко случается, что проситель начинаетъ торговаться съ богомъ и проситъ его взять самца оленя, самку вмѣсто самки, лонского и т. д., или же упрашиваетъ объ отсрочкѣ жертвоприношенія, что́, смотря по дѣлу, божество отказываетъ или позволяетъ. При жертвоприношеніяхъ женщины не могутъ присутствовать. Передъ божество приводятъ оленя; тутъ его закалываетъ Тадибъ. Голову, рога и кожу вѣшаютъ обыкновенно на дерево передъ Хаемъ; лице его Тадибъ орошаетъ кровью и жаритъ немного жиру на огнѣ. Въ этомъ и состоитъ угощеніе божества; все же остальное съѣдаетъ самъ Тадибъ, вмѣстѣ съ присутствующими при жертвѣ. Здѣсь всегда строго соблюдается, чтобы не пролить на одежду ни капли крови: то большой грѣхъ и приноситъ несчастіе.» Приведемъ еще слѣдующее любопытное мѣсто, хорошо знакомящее съ религіозными воззрѣніями Самоѣдовъ. Нашъ путешественникъ проплылъ, при попутномъ вѣтрѣ, по р. Хирмору около 40 верстъ до Коси, притока Іузы, и оттуда около 50 верстъ до рѣки Хусмора, или Рёгёвей. Здѣсь присталъ онъ къ берегу и тутъ же повстрѣчалъ одну Самоѣдку, которая передала ему множество занимательныхъ подробностей. Нельзя по-истинѣ не удивляться тому ловкому такту и умѣнью, съ которыми этотъ даровитый ученый добывалъ себѣ у народа самыя любопытныя свѣдѣнія. Сочетаніе-то этого умѣнья съ тонкою наблюдательностью и глубокими познаніями, пріобрѣтаемыми только усидчивымъ кабинетнымъ трудомъ, и составляетъ, кажется, главное отличіе Кастрена, какъ ученаго. Въ этомъ отношеніи его всегда можно поставить образцомъ для всякаго этнографа, который часто остается одностороннимъ и въ изъисканіяхъ,

и выводахъ своихъ, если при большомъ запасѣ своихъ личныхъ наблюденій надъ извѣстною народностью не имѣетъ такого же запаса свѣдѣній обо всемъ томъ, что́ сказали о ней другіе наблюдатели, а также и того, что́ говоритъ о ней исторія (если она имѣется). Другими словами, предметъ изучаемый будетъ всегда казаться только съ одной стороны, и понятія этнографа будутъ узкими и ограниченными въ обоихъ случаяхъ—отдастся ли онъ одному опыту и положится только на свое зрѣніе, а ученостью *книжною* пренебрежетъ, и обратно. Но, кромѣ этого рѣдкаго сочетанія, Кастренъ обладалъ и другою способностью — живо воспроизводить предметы своихъ тонкихъ, мѣткихъ наблюденій. Да, въ немъ жилъ даръ творчества, признакъ натуры даровитыхъ людей, и, припомнивъ огромныя познанія и энергическую дѣятельность, нельзя не сожалѣть о его ранней кончинѣ: все обѣщало въ немъ ученаго въ высшей степени замѣчательнаго.... Вернемся къ той Самоѣдкѣ, къ которой Кастренъ обратился за распросами тотчасъ же, несмотря на то, что самъ усталъ донельзя и промокъ до костей.

«Я естественно постарался усвоить ея свѣдѣнія въ волшебствѣ. Вообще отъ Самоѣда не легко получить какой бы то ни было удовлетворительный отвѣтъ, кромѣ краткаго *jekar* (не знаю); теперь же мнѣ не стоило никакого труда исчерпать весь запасъ свѣдѣній старухи. Многое изъ него уже сообщено было выше. Прежде же всего отмѣчу разсказъ старухи объ *Уріерѣ*, самоѣдскомъ шаманѣ, о которомъ вообще говорятъ, что онъ живымъ былъ взятъ на небо. Разсказъ этотъ былъ переданъ старухою почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ-старину жилъ на землѣ одинъ Тадибъ, по имени *Уріеръ*. То былъ Тадибъ изъ Тадибовъ, мудрецъ изъ мудрѣйшихъ, врачъ изъ врачей, прорицатель изъ прорицателей; то былъ человѣкъ, какого въ наше время и не видалъ свѣтъ. Надо ли было открыть пропажу оленя ли, или какого сокровища, получить ли здоровье, или счастье и богатство, стоило только обратиться къ Тадибу Уріеру за совѣтомъ. Уріеръ имѣлъ большія стада, много прошелъ земель, много видалъ людей, наконецъ утомился тягостями земной жизни. «Здѣсь— говорилъ онъ — хозяйство все хуже становится, мохъ съ годами пропадаетъ, воровство случается чаще, ложь и не-

правда множатся въ людяхъ. Не хочу я дольше жить на этой бѣдной землѣ, поищу я лучшаго жилища на небѣ.» И велѣлъ онъ обѣимъ женамъ своимъ одѣться въ новыя платья, для оленей приготовилъ новую збрую, все новое, чтобы ничего не было стараго, поношеннаго. Когда все было готово, Уріеръ сѣлъ въ сани, запряженныя въ четыре оленя, и поѣхалъ по воздуху. За нимъ послѣдовали его жены, каждая въ особыхъ саняхъ. Доѣхавъ до половины дороги, стали олени Уріера опускаться внизъ. Тутъ онъ догадался и спросилъ своихъ женъ, все ли они исполнили, какъ онъ приказалъ, все ли у нихъ, и одежда, и упряжь, новое, не надѣванное, не ношенное. Тутъ вторая жена Уріера покаялась и сказала, что у нея одинъ узелокъ уже одѣванный, старый. Тутъ и стала она со слезами упрашивать его отпустить ее на землю, гдѣ остались у нея два сына. «Лучше мнѣ жить на землѣ въ печаляхъ, да съ своими дѣтьми, чѣмъ на небѣ радоваться безъ дѣтей». Послушался Уріеръ и отпустилъ жену на землю, самъ же съ первою женою отправился на небо и нашелъ тамъ все, что только человѣкъ пожелать можетъ: крѣпкихъ оленей, мохъ, дичь всякую и проч. (*)

«Замѣчательно, что и понынѣ Самоѣды вѣрятъ въ эти небесныя путешествія. Случится ли, что злодѣй какой или клятвопреступникъ пропадетъ въ пустынныхъ тундрахъ, значитъ его медвѣдь съѣлъ; если же та же судьба постигнетъ человѣка честнаго, то рѣшительно говорятъ, что онъ, подобно Уріеру, отправился на небо.

«Безсмертіе— важное преимущество Тадибовъ передъ людьми обыкновенными, ибо Самоѣды живутъ съ мрачнымъ убѣжденіемъ, что смертію кончается все существованіе человѣка. Но, кажется, они принимаютъ, что человѣкъ живетъ еще нѣкоторое время въ могилѣ: такъ, они приносятъ на могилу топоръ, ножъ, деньги и разныя вещи, а время-отъ-времени даже убиваютъ на могилѣ оленя; когда же сгніетъ трупъ, то ду-

(*) Есть варіантъ этого разсказа, по которому обѣ жены съ дѣтьми своими отправились за Уріеромъ на небо. Нѣсколько времени спустя одинъ изъ его сыновей вернулся на землю и разсказалъ Самоѣдамъ о чудесахъ небесныхъ, о тамошнемъ множествѣ оленей и пастбищъ и проч.

маютъ, что съ человѣкомъ все кончено. Только Тадибы наслаждаются безсмертіемъ; а по смерти своей они превращаются въ такъ-называемые Итармы, которые, по всему, что я могъ собрать, и есть Тадебціи канинскихъ тундръ. Про нихъ говорятъ, что они или лежатъ себѣ спокойно въ могилахъ, или блуждаютъ по землѣ и творятъ добро или зло, смотря по характеру. Впрочемъ, къ Итармамъ Самоѣды чувствуютъ особенный страхъ и потому не любятъ много про нихъ говорить.»

«Разсказы старухи меня утѣшили — продолжаетъ Кастренъ — и я спокойно выносилъ страшный ливень; а Мельпомена изрѣдка обращалась къ зеленой фляжкѣ для подкрѣпленія духа. Наконецъ она угомонилась и заснула. Оставивъ ее своей судьбѣ, полезъ я въ свой балаганъ, покрылся оленьей шубой и легъ на свое каменное ложе. На слѣдующее утро (22 сент.) подулъ попутный вѣтеръ: скоро нагналъ онъ тучи, которыя и подарили насъ сильнымъ дождемъ. Воздухъ былъ сырой, и земля покрылась туманомъ. Сквозь туманъ этотъ я глядѣлъ на далекія болота, гдѣ изрѣдка виднѣлись то погнутая сосна, то пожелтѣлая береза; потомъ замѣтилъ медвѣдя, его встревожили крики гребцовъ, и онъ бѣжалъ вдоль по берегу, а далѣе хищнаго орла, который искалъ себѣ добычи. Особенно не занимаясь ни тѣмъ, ни другимъ предметомъ, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ неслись мы на парусахъ, минуя одну бухту за другою. Когда же стемнѣло, увидѣли мы не вдалекѣ множество огней, зажженныхъ на берегу ижемскими мужиками, которые дѣлали тутъ привалъ со своими стадами. Мы присоединились къ нимъ и рѣшились устроить родъ ужина или обѣда на пустынномъ берегу Іузы. Все общество помѣстилось въ нашемъ просторномъ каюкѣ вокругъ бочки, служившей намъ вмѣсто стола. За чаемъ Зыряне сидѣли молча, мрачными; но когда очередь дошла до коньяка, куда дѣвалась зырянская флегма. Я воспользовался случаемъ и завелъ рѣчь о состояніи Самоѣдовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ колонистамъ на тундрахъ. Вопросъ былъ щекотливый, потому-что Самоѣды обвиняютъ чужихъ колонистовъ, а также и Зырянъ, въ разныхъ несправедливостяхъ. Они говорятъ, что, вслѣдствіе сознательныхъ притѣсненій колонистовъ, они доведены до настоящаго жалкаго по-

ложенія. Зыряне же, съ своей стороны, считаютъ себя благодѣтелями Самоѣдовъ и стараются оправдывать свои поступки. Я постараюсь въ-точности передать ихъ оправданія. Старшій изъ Зырянъ, который былъ церковнымъ старостою, говорилъ про это почти слѣдующими словами:

«Я во всемъ уповаю на Бога и вѣрю, что безъ его святой воли ничего на свѣтѣ не бываетъ. Извѣстно, что Зыряне овладѣли большимъ количествомъ самоѣдскихъ оленей, и это случилось не безъ промысла Божьяго. Правда, лукавый во все вмѣшивается, вмѣшался и сюда; но все-таки Богъ правитъ міромъ и всегда будетъ имъ мудро распоряжаться. Ты (*) человѣкъ чужой, вѣры *татарской* и не знакомъ съ истиннымъ закономъ, и потому слушай, я докажу тебѣ примѣромъ, какъ Богъ, съ начала міра, все злое, что ни надѣлаетъ лукавый, все направляетъ къ лучшему. Написано, что Богъ въ шесть первыхъ дней сотворилъ небо и землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, человѣка, траву, звѣрей и проч. Дьяволъ всячески старался испортить творенія Божіи: онъ погубилъ человѣка, отравилъ множество растеній, произвелъ на свѣтъ змѣй и другихъ вредныхъ животныхъ; изъ рыбъ же произвелъ онъ на свѣтъ щуку и налима. Когда ангелы узнали объ этомъ, то поймали ихъ и принесли къ Богу и спросили у него, что съ ними дѣлать. Богъ посмотрѣлъ на рыбъ, замѣтилъ крестъ у нихъ на головѣ, благословилъ ихъ, и теперь онѣ хороши и полезны человѣку. Такъ, что Богъ благословилъ, того человѣкъ не долженъ хулить, если даже и зло примѣшается. Коли ты спросишь, на что Богъ даровалъ намъ, Зырянамъ, оленей самоѣдскихъ, на это скажу тебѣ вотъ что: прежде, чѣмъ переселенцы появились на тундрахъ, Самоѣды всѣ жили въ грубомъ язычествѣ. Люди эти приносили жертвы всякимъ деревьямъ, а солнце благодати скрывалось отъ нихъ во мракѣ. О дѣлахъ Божьихъ не знали они ничего, словно псы какіе. Такими же невѣждами были они, и въ промыслахъ и въ домашнемъ быту. Не знали они ничего ни объ огнивѣ, ни о сѣтяхъ, ни о всякихъ снастяхъ для рыбной ловли, не умѣли ходить за оленями, ничего не смыслили въ хозяйствѣ. Для того Богъ и послалъ Русскихъ и Зырянъ на тундры, чтобы они научили ихъ

(*) Рѣчь была обращена къ Кастрену.

жить по Божескому, по-людскому. Ему угодно было передать оленей самоѣдскихъ въ наши руки, и чтобы Самоѣды переходили въ нашу вѣру. Теперь они наши слуги, работники, и если хорошо прослужатъ время своего ученія и станутъ истинными, православными христіанами, то, конечно, Богъ ихъ не оставитъ безъ милости, ибо онъ принимаетъ всякаго, кто ему ввѣряется.»

«Другой Зырянинъ говорилъ такъ: «Всякіе бываютъ люди и между христіанами, и между язычниками. Такъ, у Самоѣдовъ есть много хорошихъ и честныхъ людей, а у Зырянъ — много негодяевъ и подлецовъ. Много такихъ Зырянъ шляется по тундрамъ. Они идутъ въ мѣста пустынныя, гдѣ ихъ злодѣйства остаются безнаказанными. Но спрашивается, кому они больше вредятъ — Самоѣдамъ ли, или Зырянамъ? Теперь мы, безъ-сомнѣнія, терпимъ больше. Жалобы Самоѣдовъ — слѣды прежнихъ страданій. Теперь отъ нихъ немного возьмешь, и всякій воръ идетъ къ нашимъ стадамъ. Такъ, у насъ всѣхъ, кто здѣсь на-лицѣ, ежегодно пропадаетъ порядочное число оленей: иногда украдутъ Самоѣды, но чаще всего наши же земляки. Мы не защищаемъ такихъ людей, но сами рады поймать ихъ и выдать начальству. Когда ихъ прогонятъ съ тундръ, то несогласія и распри Самоѣдовъ съ Зырянами прекратятся сами собою. Тогда и Самоѣды увидятъ, что мы приносимъ имъ большую пользу.»

«Третій говорилъ: «Завладѣвъ оленями самоѣдскими, мы принесли пользу краю. Въ рукахъ Самоѣдовъ олени были имущество почти безполезное, потому-что они хозяйства вовсе не знаютъ. Кто побогаче, тотъ все время валяется у себя въ шалашѣ и кормитъ своихъ бѣдныхъ родныхъ, которые живутъ съ нимъ, пока не раззорятъ его и не доведутъ дотого, что онъ долженъ будетъ жить, въ свою очередь, на чужой счетъ. У этого народа нѣтъ никакой склонности къ добыванію себѣ хлѣба; мы же своими стадами даемъ пропитаніе нѣсколькимъ сотнямъ Зырянъ и Самоѣдовъ. Мы употребляемъ ихъ для выдѣлки кожи, для постройки изъ нея одежды и для продажи ея, для ухода за стадами, для рыбной ловли, для охоты. На оленяхъ добываемъ мы себѣ изъ Сибири медь, рыбу и разные мелочные товары. Мы ходимъ по ярмонкамъ, продаемъ тамъ оленью кожу, волосъ и проч. Одно слово, мы умѣемъ

пользоваться оленями и поддерживаемъ ими нашу жизнь въ этомъ дикомъ краѣ.»

Такъ, всѣ мнѣнія, которыя слышалъ Кастренъ въ этомъ собраніи, сходились въ томъ, что 1) Зыряне и вообще переселенцы много принесли уже пользы Самоѣдамъ и до сихъ поръ имъ полезны; 2) Самоѣды ничего отъ нихъ не терпятъ, а еще заработываютъ себѣ отъ нихъ деньги; 3) Зыряне только стадами могутъ содержать себя въ этихъ неплодородныхъ мѣстахъ. Спросимъ же самихъ Самоѣдовъ, и они скажутъ намъ, что есть и между переселенцами люди добрые, которые, дѣйствительно, приносятъ имъ пользу; но вообще они сильно ожесточены противъ нихъ, упрекаютъ ихъ въ томъ, что всякими неправдами и обманами отняли у нихъ ихъ оленей, а ихъ самихъ и дѣтей ихъ обратили себѣ въ работники, что они безпрестанно затрудняютъ ихъ житье-бытье на тундрахъ, своими многочисленными стадами истощаютъ весь мохъ, мѣшаютъ охотѣ ихъ, обманываютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ ихъ стада и проч. Потому-то всѣ Самоѣды сильно желаютъ, чтобы переселенцы были прогнаны съ тундръ, или, по-крайности, были бы ограничены извѣстными предѣлами, а не распоряжались бы въ странѣ Самоѣдовъ, какъ полные хозяева.

Истомленный тягостями пути, слабый здоровьемъ, прибылъ Кастренъ въ Обдорскъ. «Я чувствовалъ—говоритъ онъ—себя счастливымъ, я былъ въ восторгѣ, что наконецъ нахожусь на священной почвѣ матери Азіи, что дышу тѣмъ воздухомъ, который вдохнулъ первыя искры жизни въ грудь отцовъ нашихъ и понынѣ поддерживаетъ существованіе многихъ нашихъ жалкихъ братій. Они посланы судьбою частью на холодныя вершины Урала, частью къ болѣе холоднымъ еще берегамъ Ледовитаго моря, и духъ ихъ закованъ въ цѣпи, болѣе тяжкія, чѣмъ ледъ, сковавшій природу въ настоящемъ ихъ отечествѣ. Цѣпи эти—грубость, невѣжество и дикость. Правда, при этой грубости они одарены множествомъ прекрасныхъ, милыхъ качествъ души, такъ-что ясный инстинктъ, невинность души и сердечная доброта этихъ такъ-называемыхъ дѣтей природы могутъ пристыдить всю европейскую мудрость; но во время своихъ странствованій по пустынямъ, при многихъ прекрасныхъ и благородныхъ качествахъ, столько видѣлъ я у нихъ отвратительнаго и столько животной грубости,

что сталъ наконецъ больше сожалѣть о нихъ, чѣмъ любить. Этотъ опытъ, однако, не уменьшилъ моего радостнаго чувства, когда наконецъ прибылъ я въ страну моихъ мечтаній, очутился посреди того племени, которое болѣе или менѣе близко ведетъ свое происхожденіе отъ Калевалы. Съ цѣлью какъ можно ближе ознакомиться съ этимъ племенемъ, прибылъ я въ Обдорскъ, самую сѣверную колонію Западной Сибири, недалеко отъ впаденія Оби въ Ледовитое море. Нынѣ Обдорскъ не пользуется вовсе никакимъ почетомъ; но нѣкогда онъ былъ значительнѣе, и имя его даже вошло въ титулъ царскій. Слово это, по-крайней-мѣрѣ, на половину зырянское и означаетъ «Устье Оби» (*Обь* и *dor* — край). Вѣроятно, Зыряне основали это небольшое поселеніе; названіе его происходитъ изъ ихъ языка; извѣстно, по-крайней-мѣрѣ исторически, что еще въ отдаленныя времена они ѣздили по дѣламъ торговымъ въ Обдорскъ. Позже стали посѣщать его и Русскіе изъ Тобольска и Березова; они построили себѣ здѣсь небольшія хижины, проживали въ нихъ время-отъ-времени. Но вскорѣ тягости дороги принудили ихъ завести здѣсь постоянныя жилища. Русскія поселенія начались едва ли раньше столѣтія назадъ; бо́льшая же часть переселенцевъ перешла сюда въ послѣднія тридцать лѣтъ и проживаетъ здѣсь съ видами, которые возобновляются каждый годъ. Слабое населеніе колоніи усиливается еще ссыльными. Тутъ встрѣчаются и Полякъ, и Калмыкъ, и Киргизъ. Много здѣсь и торгующихъ Татаръ и Зырянъ. Настоящіе же жители края — Остяки и Самоѣды. Множество остяцкихъ семей жило въ своихъ юртахъ вокругъ деревни, и въ окрестностяхъ должно быть еще множество кочующихъ Остяковъ и Самоѣдовъ.»

«Обдорскъ былъ настоящимъ мѣстомъ моей дѣятельности — говоритъ Кастренъ — онъ былъ для меня Лондономъ, Парижемъ, Берлиномъ и проч., хотя не было въ немъ ни одной книги, кромѣ «Уложенія о Сибири», хотя не было въ немъ ни газетъ, ни журналовъ, никакихъ собраній древностей и предметовъ естественныхъ, хотя все тамошнее годилось въ самыя лучшія собранія. Всего непріятнѣе для Кастрена было то, что онъ не могъ найти ни одного лица между христіанами, котораго бы занимало что-либо другое, кромѣ барышей. «Чего, впрочемъ, ждать отъ людей, которые отказа-

лись отъ всѣхъ радостей и наслажденій образованной жизни, для того, чтобы всякими неправдами наживаться насчетъ простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ? Въ этомъ имъ посчастливилось; но зато большая часть этихъ искателей счастія развратилась нравственно и впала вмѣстѣ съ тѣмъ въ животное огрубѣніе, въ несравненно худшее, нежели грубость дикаря.»

Кастренъ имѣлъ въ Обдорскѣ обширное поле для наблюденій. «Результаты моихъ изслѣдованій — пишетъ онъ — представлю обстоятельнѣе въ особомъ, обширномъ сочиненіи, а здѣсь брошу бѣглый взглядъ на обдорскихъ Остяковъ, которыхъ прежде никогда не имѣлъ случая наблюдать. Оставляя на этотъ разъ въ-сторонѣ вопросы о ихъ происхожденіи, ихъ сродствѣ съ Финнами и Мадьярами, передамъ здѣсь вкратцѣ нѣсколько своихъ замѣчаній объ ихъ бытѣ, вѣрованіяхъ, нравахъ и обычаяхъ.

«Какъ Самоѣды, такъ и Остяки распадаются на множество родовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ составляетъ обширную семью. У Остяковъ, принявшихъ христіанство, различіе это уже исчезло, и они управляются русскими законами и обычаями. Одни обдорскіе Остяки крѣпко держатся своего патріархальнаго устройства, которое поддерживаетъ въ народѣ согласіе, нравственность и чистоту нравовъ. Побудительная здѣсь сила къ добру — любовь къ своему роду. Каждый родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, связанныхъ между собою единствомъ происхожденія и связями родственными. У Остяковъ и особенно у Самоѣдовъ нерѣдко встрѣчаешь роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже нѣсколькихъ тысячъ душъ, изъ которыхъ многіе не помнятъ своего первоначальнаго происхожденія, но тѣмъ-не-менѣе всѣ считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ брачные союзы и въ обязанность себѣ вмѣняютъ помогать другъ другу. Обыкновенно на кочевьяхъ своихъ всѣ, принадлежащія къ одному роду, семьи живутъ вмѣстѣ, и, по требованію обычая, богатый дѣлитъ здѣсь свое имущество съ бѣднымъ. Остяки вообще народъ бѣдный и живутъ тѣмъ, что принесетъ день. Потому и помощь ихъ ближнему состоитъ въ томъ, что они братски дѣлятся между собою добычею дня. Замѣчательно, что никто никогда не проситъ милостыни, но всякій считаетъ безусловнымъ своимъ правомъ пользоваться имѣніемъ ближня-

го, безъ всякихъ церемоній. Ясно, что въ такомъ обществѣ преступленія весьма рѣдки; каждый родъ имѣетъ своего старшину, обязаннаго смотрѣть за порядкомъ и согласіемъ въ родѣ. Когда два человѣка изъ одного и того же рода поссорятся между собою, то идутъ къ старѣйшинѣ, который, тутъ же на мѣстѣ безъ всякихъ юридическихъ формальностей, изрекаетъ свой приговоръ. Такимъ судомъ обыкновенно удовлетворяются обѣ стороны; въ противномъ же случаѣ, онѣ могутъ апеллировать въ высшую инстанцію — князю. Множество родовъ, живущихъ другъ подлѣ друга, изстари признаютъ общаго главу, князя; достоинство это пожаловано оффиціальнымъ дипломомъ Императрицею Екатериною II князьямъ остяцкимъ въ Обдорскѣ и Кунооватѣ, въ Березовскомъ округѣ. Всякій такой князекъ имѣетъ право въ своемъ округѣ рѣшать всѣ тяжбы и разбирать всѣ преступленія, исключая тѣхъ, которымъ, по русскимъ законамъ, угрожаетъ наказаніе лишеніемъ жизни. Главнѣйшая же обязанность князька—поддерживать согласіе между отдѣльными родами и рѣшать споры отдѣльныхъ лицъ изъ разныхъ родовъ относительно пастбищъ, ловищъ и т. д. Ему подчинены всѣ старшины родовъ; самъ же онъ подчиняется русскимъ властямъ: Губернскому Правленію и Земскому Суду. Достоинство князя и родоваго старшины переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. По малолѣтству сына, община избираетъ ему въ опекуны дядю или другаго близкаго родственника. За неимѣніемъ сына, ближайшій родственникъ умершаго избирается ему въ преемники. Ни князьку, ни другимъ начальникамъ не назначается особаго жалованья: они содержатся добровольными приношеніями отъ своихъ подданныхъ.»

«Кромѣ родства, звеномъ соединенія между отдѣльными лицами одного и того же рода служитъ единство религіи. Каждый родъ издавна имѣетъ своихъ идоловъ, которые часто сохраняются въ одной и той же юртѣ и чествуются отъ всего рода жертвоприношеніями и другими религіозными обрядами. Эти «божьи юрты» стоятъ подъ надзоромъ духовнаго, который въ одно и то же время и прорицатель, и жрецъ, и врачъ и пользуется почти божескимъ почтеніемъ. Такъ-какъ сущность религіи Остяковъ состоитъ въ магіи, то и жрецы преимущественно шаманы или прорицатели. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ

къ нимъ обращаются съ вопросами и цѣлые роды, и отдѣльныя лица; самъ шаманъ непосредственно не отвѣчаетъ, но представляетъ вопросы на рѣшеніе боговъ и потомъ отвѣтъ ихъ передаетъ просителямъ.»

«Эти вопросы не могутъ быть предлагаемы высшему, небесному богу, такъ-называемому Остяками *Турму* (Turm, Turum), потому-что онъ говоритъ съ людьми разгнѣваннымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Про Турма говорятъ, что онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него ничто въ мірѣ, ни худое, ни хорошее, не укроется, и каждому воздаетъ онъ по заслугамъ; но, несмотря на это, онъ существо страшное для людей. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ правитъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милости нельзя заслужить никакими жертвами, потому-что онъ глядитъ только на внутреннее достоинство человѣка, а не на жертвы и молитвы. И потому, если Остякъ въ томъ или другомъ случаѣ нуждается въ высшей помощи, то обращается къ другимъ, подчиненнымъ богамъ. Они носятъ разные образы и составляютъ частью общую родовую собственность, частью принадлежатъ отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ. Оба эти разряда идоловъ мало между собою отличаются. По бо́льшей части они бываютъ изъ дерева, имѣютъ человѣческій видъ и представляютъ собою отчасти мужскія, отчасти женскія существа. Эти идолы украшаются богаче, чѣмъ остальные; ихъ наряжаютъ въ красныя одежды, надѣваютъ на нихъ бусы и пр., на лица ихъ часто накладываютъ желѣзныя бляхи; а идолы мужскіе нерѣдко имѣютъ при себѣ мечъ, съ боку, и броню. Остяки обыкновенно хранятъ своихъ истукановъ въ особенной юртѣ или, за неимѣніемъ ея, гдѣ-нибудь, на чистомъ воздухѣ, на какомъ-нибудь отдаленномъ холмѣ. Вообще Остяки не любятъ выставлять напоказъ людямъ постороннимъ своихъ идоловъ и устраиваютъ свои священныя юрты или храмы въ мѣстахъ отдаленныхъ, мало посѣщаемыхъ — предосторожность небезполезная и потому, что въ храмѣ хранятся жертвоприношенія — золото и мѣха; а похищеніе этихъ цѣнныхъ вещей едва ли сосѣди ихъ не-язычники почтутъ за святотатство. Вообще я не знаю, какъ многочисленны у Остяковъ ихъ храмы; но однажды, на пути въ Обдорскъ, я совершенно нечаянно очутился посреди ихъ боговъ, стоявшихъ подъ гу-

стою лиственницею. Они были обнажены и вообще мало разнились отъ самоѣдскихъ Сядеевъ. Остяки называли ихъ *Илянъ* (Jiljan), въ-отличіе отъ всѣхъ другихъ истукановъ, которыхъ называютъ они *Лонгъ* (Long), что̀ соотвѣтствуетъ самоѣдскому *Хаю*. Вышеупомянутые Иляны были всѣ разной величины. На мой взглядъ, самые высокіе — въ полтора аршина, а самые низкіе изъ нихъ — едва ли не въ половину. Въ той же рощѣ, гдѣ стояли истуканы, видѣлъ я множество оленьихъ шкуръ и роговъ, развѣшенныхъ по деревьямъ на виду у боговъ. Недалеко отъ этого мѣста жилъ бѣдный остяцкій родъ, который пользовался рощею, какъ общею своею святынею. О частныхъ и семейныхъ богахъ остяцкихъ можно повторить то же, что̀ сказано о самоѣдскихъ. Они состоятъ отчасти изъ необыкновенныхъ камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, высоко почитаемыхъ въ своемъ естественномъ видѣ, отчасти и даже преимущественно, изъ небольшихъ деревянныхъ идоловъ съ лицемъ человѣческимъ и остроголовыхъ. Каждая семья, каждое отдѣльное лицо имѣютъ одного или нѣсколькихъ идоловъ, которые служатъ Остякамъ хранителями ихъ въ странствованіяхъ. Они, подобно Самоѣдамъ, кладутъ идоловъ въ особыя сани и наряжаютъ ихъ въ красныя одежды съ разными украшеніями. Часто каждый изъ этихъ идоловъ имѣетъ свое особенное назначеніе: одни покровительствуютъ стадамъ, другіе доброму лову, третьи пекутся о здоровьи, четвертые о семейномъ счастьи, и пр. При нуждѣ ставятъ ихъ въ палаткахъ, на пастбищахъ, на ловищахъ. Здѣсь, повременамъ, приносятъ имъ жертвы, состоящія въ томъ, что мажутъ губы рыбьимъ жиромъ или кровью и подносятъ имъ въ пищу рыбу или мясо. Такія жертвоприношенія совершать можетъ всякій; но во время всеобщихъ жертвоприношеній богамъ, когда къ нимъ обращаются за совѣтами или цѣлый родъ, или отдѣльное лице, тогда необходимъ бываетъ жрецъ или шаманъ; только ему возможно открыть волю боговъ и говорить съ ними. Шаману же непремѣнно необходимъ барабанъ. Обыкновенные звуки не доходятъ до слуха боговъ: шаманъ долженъ вести разговоръ пѣснью, съ сопровожденіемъ барабана. Идолъ иногда начинаетъ говорить; но эту рѣчь, естественно, понимаетъ одинъ только шаманъ. Для убѣжденія легковѣрной толпы, что богъ, дѣйствительно, говоритъ устами своими,

шаманъ обыкновенно навязываетъ тряпку на остріе палки, и когда она начнетъ шевелиться, то это означаетъ, что духъ божій держитъ рѣчь къ шаману. Само собою понятно, что такой обрядъ никогда не проходитъ безъ жертвы, состоящей обыкновенно въ одномъ или нѣсколькихъ оленяхъ. Когда шаманъ ихъ заколетъ, то кожа и рога развѣшиваются въ честь боговъ по деревьямъ, мясо съѣдается всѣми присутствовавшими. Часть же мяса идетъ шаману.»

«Въ воззваніи къ богамъ и въ примиреніи ихъ жертвами состоитъ почти все богослуженіе Остяковъ. Иногда нѣкоторые роды совершаютъ разныя празднества въ честь боговъ. Самый торжественный изъ этихъ праздниковъ бываетъ осенью, когда кочевые Остяки съ богатыми добычами ворочаются съ тундръ къ своимъ братьямъ-рыболовамъ на Оби. Это осеннее празднество совершается въ извѣстные годы разными родами; въ немъ, однако, участвуютъ не только члены этихъ родовъ, но и другіе Остяки собираются на него всѣми своими родами и приносятъ съ собою своихъ истукановъ, чтобы привѣтствовать боговъ сосѣднихъ и воспользоваться ихъ гостепріимствомъ. Всѣ посторонніе идолы ставятся въ особой юртѣ, гдѣ родъ хранитъ своихъ собственныхъ идоловъ; роды же, не имѣющіе для нихъ особой юрты, выстраиваютъ на этотъ случай пространный шалашъ. Празднество обыкновенно совершается ночью, и одинъ очевидецъ описываетъ его такимъ образомъ: «Праздникъ начался около восьми часовъ вечера и продолжался до двухъ часовъ по-полуночи. Передъ началомъ бѣгали рябята передъ юртами и созывали Остяковъ на богослуженіе. Они издавали при семъ какіе-то дикіе звуки и представлялись испуганными. Мало-по-малу собрались къ назначенной для богослуженія юртѣ. Вступая въ юрту, каждый Остякъ кланялся по три раза идолу и потомъ садился по правую сторону, или на скамью, или на полъ. Каждый бесѣдовалъ съ своимъ сосѣдомъ и занимался, чѣмъ ему было угодно. Лѣвая сторона была отдѣлена перегородкою; за нее уходили только нѣкоторые, совершивъ по три поклона. Когда всѣ собрались, шаманъ началъ шумѣть саблями и желѣзными копьями, принесенными еще прежде въ юрту и положенными передъ идоломъ, потомъ каждому изъ присутствующихъ, кромѣ женщинъ, стоявшихъ за перегород-

кою, далъ въ руки саблю и копье, а самъ взялъ въ каждую руку по саблѣ и сталъ спиною къ идолу. Остальные Остяки расположились съ своимъ оружіемъ въ рядъ, одни по серединѣ, другіе по сторонамъ. Потомъ всѣ они вмѣстѣ перевернулись три раза, съ протянутымъ вверхъ оружіемъ. Шаманъ забилъ другъ о дружку своими саблями, потомъ, по его знаку, всѣ закричали «Хай», при чемъ они кланялись то въ одну, то въ другую сторону. Послѣ длинныхъ промежутковъ снова раздался тотъ же крикъ и потомъ пошелъ все чаще и чаще, и при каждомъ его повтореніи они наклонялись то вправо, то влѣво, то опускали свои сабли и копья на землю, то подымали ихъ кверху. Эти крики и движенія Остяковъ продолжались съ часъ, при чемъ они все болѣе горячились и приходили въ совершенное изступленіе, такъ-что наконецъ безъ ужаса я не могъ глядѣть на ихъ лица. Утомленные этими криками, наконецъ они умолкли всѣ вдругъ, опять обернулись, какъ сначала, къ идолу и передали шаману свои сабли и копья, который собралъ ихъ и сложилъ на прежнее мѣсто. Одни изъ Остяковъ усѣлись на лавки, другіе на полъ. Тогда сняли перегородку, закрывавшую женщинъ, заиграли *домбра* (Dombra), и мужчины и женщины пошли плясать. Пляска, то дикая, то комическая, продолжалась довольно долго. Потомъ явились нѣсколько скомороховъ въ забавныхъ нарядахъ и продолжали тѣ же сцены, какія происходили и при танцахъ. Наконецъ шаманъ опять роздалъ всѣмъ сабли и копья. Остяки нѣсколько времени кланялись и кричали «Хай» попрежнему, три раза оборачивались и втыкали оружіе остріемъ въ землю, потомъ, отдавъ сабли и копья шаману, разошлись всѣ по домамъ. Въ этомъ описаніи является только одинъ идолъ, и праздникъ описанъ такъ, какъ-будто его праздновалъ только одинъ родъ; но, по нѣкоторымъ частностямъ, описаніе это нѣсколько отличается отъ собранныхъ мною свѣдѣній. Такъ — продолжаетъ Кастренъ — разсказывали мнѣ, что празднество это продолжается десять ночей сряду, и что пляску эту съ оружіемъ въ первую ночь пляшетъ передъ идолами только одинъ шаманъ, во вторую ночь два Остяка, въ третью три, и такъ далѣе, въ той же прогрессіи, до послѣдней ночи, когда всѣ присутствующіе, даже женщины, имѣютъ право воздать идоламъ эту почесть. Ворочающіеся съ тундръ Остяки чествуютъ своихъ боговъ бога-

тыми угощеніями; въ жертву приносятъ оленей, и шаманъ подноситъ каждому изъ боговъ по куску мяса, мажетъ кровью губы его и лицо, даетъ ему пить воды и всячески ихъ угощаетъ. Когда боги, по мнѣнію шамана, достаточно наѣлись, онъ отбираетъ отъ нихъ мясо, и его съѣдаютъ сами Остяки. Все же, чтó за тѣмъ останется отъ этого жертвеннаго пира, достается шаману. Такіе обряды жертвоприношеній происходятъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ: при началѣ какого-нибудь предпріятія, передъ предстоящими долгими путешествіями и кочевками, и пр. Если рыбная ловля въ Оби идетъ дурно, то обдорскіе Остяки повязываютъ оленю камень на шею и кидаютъ его въ рѣку, какъ жертву.»

«Хотя въ этихъ обрядахъ и празднествахъ нельзя не признать нѣкоторыхъ началъ религіи, но тѣмъ-не-менѣе значеніе ея весьма маловажно. Не глубокая религіозная потребность, а только себялюбивый эгоизмъ побуждаетъ къ богопочтенію. Идоламъ приносятъ жертвы и чествуютъ ихъ не ради ихъ самихъ, но съ намѣреніемъ получить исполненіе своихъ желаній и удовлетвореніе своихъ нуждъ. За все, чтó имъ дается, требуется возмездіе. Жертвожалованье, за которое нанимаютъ боговъ себѣ въ услуженіе, есть вознагражденіе за оказанную уже службу. Нерѣдко сами боги назначаютъ плату за требуемыя отъ нихъ услуги. Шаманъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, есть истолкователь воли боговъ. Если они, съ своей стороны, предъявляютъ слишкомъ неумѣренныя требованія, то гадатель рѣзкими словами и угрозами побуждаетъ ихъ къ бóльшей умѣренности, чтó обыкновенно и увѣнчивается успѣхомъ. Такимъ-образомъ, ясно, что Остяки въ своихъ идолахъ предполагаютъ не какія-нибудь сверхъестественныя силы, но только духовъ, имъ покорныхъ. Только *Турмъ*, или небесный богъ, пользуется высшимъ почетомъ, хотя онъ не представляетъ собою предмета особаго поклоненія. Еще меньше имѣютъ значенія лѣсной богъ *Меангъ* и водяной *Куль* (Kulj), изъ которыхъ послѣдній особенно рисуется божествомъ злымъ и вреднымъ. Нѣкоторою степенью богопочитанія пользуется у Остяковъ, какъ и у другихъ родственныхъ имъ народовъ, медвѣдь, какъ одаренный необыкновенною силою. У обдорскихъ Остяковъ я даже видѣлъ нѣсколько ихъ изображеній въ маломъ видѣ, вылитыхъ изъ мѣди и почи-

таемыхъ, какъ божественныя существа. Есть преданіе, что изображенія эти еще въ древности заимствованы ими отъ Пермяковъ и Зырянъ, которые тоже поклонялись медвѣдю. Остяки воздаютъ также почтеніе извѣстнымъ деревьямъ и священнымъ мѣстамъ. Такъ, если растетъ кедръ посреди сосноваго лѣса, то онъ вмѣстѣ съ окружностью своею считается священнымъ. Съ благоговѣніемъ чествуютъ, какъ святыню, и такія мѣста, гдѣ семь лиственницъ растутъ рядомъ. Обыкновенно въ такихъ мѣстахъ встрѣчаешь одинъ или нѣсколько идоловъ и множество въ честь ихъ развѣшанныхъ по деревьямъ оленьихъ кожъ, роговъ и пр.»

«Говоря о вѣрованіяхъ Остяковъ, нельзя пройти молчаніемъ употребляющійся, какъ у нихъ и Самоѣдовъ, такъ и у многихъ другихъ народовъ, обычай чествовать память умершихъ жертвоприношеніями и другими обрядами. Такое пониманье основано на всеобще распространенномъ вѣрованіи, что умершій, хотя и похороненный, сохраняетъ, однако, свои потребности и наклонности. Потому-то и кладутъ на его могилу сани, копье, топоръ, ножикъ и другія вещи, которыми онъ можетъ приготовлять себѣ пищу. Какъ при погребеніи, такъ и послѣ нѣсколько лѣтъ родные приносятъ на его могилѣ въ жертву оленей. Умретъ ли старый высокопочитаемый человѣкъ, то ближайшіе родственники приготовляютъ его изображеніе, которое и сохраняется въ палаткѣ и пользуется тѣмъ же уваженіемъ, какъ и онъ самъ при своей жизни. При каждомъ обѣдѣ сажаютъ его за столъ, каждый вечеръ раздѣваютъ его и кладутъ въ постель, каждое утро снова его одѣваютъ, и постоянно и вездѣ занимаетъ оно мѣсто покойника. Изображеніе это чествуется такимъ образомъ три года, а потомъ опускается въ могилу. Въ это время думаютъ, что тѣло покойника уже совершенно сгнило и съ нимъ вмѣстѣ окончилось и его безсмертіе.»

«Какъ дѣйствіе въ высшей степени религіозное, считается у Остяковъ, какъ и у Самоѣдовъ, присяга. Если противъ Остяка совершено преступленіе тайно и онъ имѣетъ на кого-нибудь подозрѣніе, то можетъ требовать къ присягѣ лицо, имъ подозрѣваемое. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ видовъ присяги дается надъ медвѣжьей головою. Такъ же, какъ и у Самоѣдовъ, обвиненный разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій нос и приговари-

ваетъ: «Если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь». Присяга передъ идолами такъ же обычна у Остяковъ и совершается съ тѣми же обрядами, какъ и у Самоѣдовъ. Подобная клятва считается священною, и почти всякій Остякъ убѣжденъ въ томъ, что клятвопреступничество подвергается неизбѣжному наказанію. Потому, когда обвиненный, дѣйствительно, совершилъ преступленіе, то онъ и не рѣшается на клятву, а охотно въ немъ признается. Потому-то всякій очистившій себя присягою навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу. Свидѣтели никогда не присягаютъ: имъ вѣрятъ на-слово, и всѣ, кромѣ сумасшедшихъ, могутъ быть свидѣтелями. Дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ родителей, сестры противъ сестеръ, жены противъ мужей, и обратно. Въ этомъ видно глубокое чувство справедливости и взаимная довѣрчивость.»

«Говоря о вѣрованіяхъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о бракѣ, который, впрочемъ, у Остяковъ имѣетъ значеніе болѣе соціальное, чѣмъ религіозное. Какъ у Самоѣдовъ, такъ и другихъ родственныхъ съ ними племенъ бракъ заключается со стороны невѣсты отцомъ ея или другими родственниками. Сама женщина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, исключительно до нея относящихся, не имѣетъ никакого голоса. Она раба въ полномъ смыслѣ слова. Но этого мало: она считается въ то же время существомъ нечистымъ и живетъ въ глубочайшемъ униженіи. Потому-то она и живетъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; за всѣми ея движеніями слѣдятъ до малѣйшихъ подробностей; всякое мѣсто, куда она ни сядетъ, очищается потомъ куреніями. Чувствуя свое полное униженіе, Остячка никогда не выражаетъ своихъ желаній, но безпрекословно исполняетъ всѣ прихоти мужчины. Такъ, она должна равнодушно смотрѣть на то, какъ желающему продается ея сердце или отцомъ, или братомъ, или другимъ какимъ родственникомъ. Собственныя ея желанія никогда не берутся во вниманіе, и съ нею поступаютъ такъ же, какъ и со всякимъ другимъ товаромъ. Ея не ведутъ на рынокъ; но судьба ея рѣшается наибольшею платою. Цѣна за молодую дѣвушку измѣняется по мѣстностямъ. Въ Обдорскѣ за дочь

богатаго человѣка даютъ 50 — 100 оленей, а человѣкъ бѣдный продаетъ дочь за 20—25 оленей. Что дочери богатаго цѣнятся дороже дочерей бѣднаго человѣка, причина этого заключается въ томъ, что будущій мужъ можетъ впослѣдствіи расчитывать на вспоможенія тестя, не говоря уже о приданомъ, котораго всегда больше у невѣсты богатой. Съ дорогою женою тѣ же отношенія, что съ дорогимъ товаромъ, который, съ теченіемъ времени, приноситъ владѣльцу болѣе выгоды, чѣмъ товаръ дешевый. Что отецъ или опекунъ дѣвушки получаетъ такую плату, въ томъ, по понятіямъ Остяковъ, нѣтъ ничего страннаго. Дочери обыкновенно выдаются замужъ въ такомъ возрастѣ, когда онѣ уже способны ко всякой работѣ. Какъ же, слѣдовательно, можетъ человѣкъ совершенно чужой и посторонній требовать, чтобы для него кормили, содержали и воспитывали женщину, которая станетъ потомъ на всю жизнь его рабою? Отецъ могъ бы оставить свою дочь и у себя дома: подросши, она бы вознаградила ему издержки его на ея воспитаніе. Если онъ добровольно отдаетъ свою собственность, то весьма понятно, что женихъ долженъ вознаградить его выкупомъ, извѣстною платою, за понесенныя имъ издержки. Этотъ выкупъ есть, однимъ словомъ, вознагражденіе за попеченіе, воспитаніе и содержаніе дочери во время ея дѣтства. Сумма выдается, смотря по предварительному соглашенію, или прежде, или послѣ брака. Если же сумма была выдана прежде, а невѣста или женихъ умретъ до брака, то сумма эта возращается назадъ. Но женихъ, по смерти невѣсты, имѣетъ право за свой выкупъ требовать другой дочери, если такая имѣется.»

«У Остяковъ дозволено многоженство; но теперь, за высокою цѣною невѣстъ, оно встрѣчается все рѣже и рѣже. Въ бытность мою въ Обдорскѣ — говоритъ Кастренъ — мнѣ могли указать только на одного троеженца; немного тоже было и двоеженцевъ. При многоженствѣ существуетъ странный обычай, что мужчина можетъ жениться на нѣсколькихъ сестрахъ; но противъ такого брака многіе возстаютъ, потому-что опытъ доказалъ, что сестры въ подобномъ бракѣ рѣдко уживаются. Слѣдуетъ еще упомянуть, что братья не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже и отъ разныхъ матерей. Если мужъ или жена умретъ, то раньше году нельзя вступить

въ новый бракъ. Сынъ или дочь по смерти отца или матери не могутъ вступать въ бракъ раньше двухъ лѣтъ.

«Низкое мѣсто, занимаемое женщиною у Остяковъ и другихъ сибирскихъ дикарей, видно и изъ того, что она лишена правъ наслѣдства. Потому ни мужъ не наслѣдуетъ послѣ жены, ни вдова не наслѣдуетъ никакой части въ имуществѣ покойнаго мужа. Все имущество умершаго раздѣляется на ровныя части между его сыновьями, которые обязаны содержать мать, сестеръ и другихъ родственницъ. Если же по смерти отца сыновья остаются малолѣтними, то вмѣстѣ со всѣми женщинами семьи они берутся въ опеку ближайшими родственниками, при чемъ послѣдніе получаютъ такую же часть имущества, какъ и каждый изъ сыновей. Если же умершій не оставилъ послѣ себя сына, то имущество его раздѣляется между его ближними и дальними родственниками, которые обязаны заботиться о содержаніи его вдовы и дочерей.»

«По образу жизни обдорскіе Остяки раздѣляются на рыбаковъ и на владѣтелей оленей. Первые живутъ по рѣкамъ, особенно по Оби и Нарыму; послѣдніе кочуютъ, по-крайней-мѣрѣ, часть года по тундрамъ и живутъ тамъ въ постоянномъ сношеніи съ Самоѣдами. Число Остяковъ, занимающихся исключительно уходомъ за оленями, относительно весьма незначительно и ежегодно уменьшается отъ смѣшенія съ сильнымъ племенемъ Самоѣдовъ. Смѣшеніе это такъ быстро идетъ впередъ, что *оленные* Остяки не только усвоили себѣ вѣрованія, нравы и обычаи Самоѣдовъ, но даже и языкъ ихъ, на которомъ нерѣдко говорятъ лучше, чѣмъ на своемъ. Итакъ, для ознакомленія съ бытомъ Остяковъ, надо обратить вниманіе на тѣхъ, которые занимаются рыболовствомъ. И они различаются въ своемъ образѣ жизни: одни изъ нихъ живутъ только рыболовствомъ, другіе же, кромѣ-того, содержатъ и оленей. Послѣдніе изъ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, лѣтомъ раздѣляются на двое, изъ которыхъ одни исключительно преданы рыболовству, другіе отправляются на кочевья со своими оленями. Сама природа въ теплое время года влечетъ оленя къ морскимъ берегамъ, потому-что его толстая шкура требуетъ болѣе холодной атмосферы, и, кромѣ-того, здѣсь его не такъ мучатъ комары, сущая язва для него во время ли-

нянья. Проживая съ своими оленями по берегамъ Ледовитаго моря, Остякъ, подобно Русскимъ и Самоѣдамъ, занимается тамъ и морскою ловлею, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и т. д. Впрочемъ, изъ Остяковъ весьма немногіе удаляются къ самому морю. Большая часть изъ нихъ въ самую жаркую пору проживаетъ на сѣверныхъ тундрахъ; но лишь-только станетъ холоднѣе и исчезнутъ комары, они идутъ въ лѣсныя страны на востокъ отъ Урала, гдѣ бьютъ лисицъ. При наступленіи зимы, кочующіе по берегамъ морскимъ Остяки и Самоѣды начинаютъ уходить въ лѣсныя страны, главнымъ-образомъ для того, чтобы найти и себѣ и оленямъ своимъ убѣжище отъ страшныхъ бурь. Эти перекочевки происходятъ медленно: большихъ переходовъ не дѣлаютъ, иногда по цѣлымъ днямъ остаются на одномъ мѣстѣ и прилежно занимаются охотою. Каждый родъ держится плотно и отдѣльно отъ другихъ и идетъ подъ начальствомъ князя или старшины. Къ концу декабря всѣ эти кочующія толпы сходятся на обдорской ярмонкѣ. Уже по службѣ обязаны всѣ князья и старшины присутствовать здѣсь, наблюдая за-тѣмъ, чтобы каждый въ его племени и родѣ внесъ извѣстный оброкъ, и чтобы было доставлено требуемое количество опредѣленныхъ закономъ мѣховъ (*). Съ обдорской ярмонки всѣ туземцы снова ворочаются въ лѣсныя страны и все холодное время года занимаются тамъ охотою. Самоѣды и Остяки, исключительно занимающіеся оленями, рано весною идутъ къ морскому берегу; Остяки же, которые часть семьи своей оставляютъ по рѣчнымъ берегамъ, не спѣшатъ своимъ отправленіемъ, менѣе для нихъ необходимымъ и потому, что они не посѣщаютъ отдаленныхъ береговъ Ледовитаго моря. Проживая въ лѣсахъ съ своими оленями, они располагаются тамъ въ своихъ постоянныхъ жилищахъ, или такъ-называемыхъ юртахъ, вовсе незнакомыхъ Самоѣдамъ и кочующимъ Остякамъ.»

(*) Дань собственно состоитъ изъ двухъ лисицъ на каждаго мужчину; но казна не требуетъ, чтобы вносились одни лисьи мѣха. Она опредѣлила разъ навсегда, сколько мѣховъ каждаго животнаго должны представить всѣ племена. Недостатокъ того или другаго мѣха извѣстнаго животнаго во власти князя дополнить лишними мѣхами.

«Очевидно, что Остяки, проживающіе большую часть года на одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ обладать только незначительнымъ количествомъ оленей: большія стада требуютъ пространныхъ пастбищъ и вовсе не допускаютъ жизни осѣдлой. Но, какъ бы ни были незначительны стада у Остяковъ, всѣ же онѣ составляютъ ихъ главное богатство, потому-что олень доставляетъ Остяку не только пищу и одежду, но онъ полезенъ ему и для поѣздокъ на охоту и для путешествій. Остяки же, не имѣющіе оленей, для поѣздокъ своихъ употребляютъ собакъ, которыя своему владѣльцу не только не доставляютъ пищи, но и требуютъ на содержаніе свое немалыхъ издержекъ, хотя и совершенно не могутъ замѣнить оленей. Для этихъ Остяковъ рыболовство — главнѣйшее и почти единственное средство пропитанія.»

«Опытъ доказалъ, что почти вездѣ въ полярныхъ странахъ дикари, исключительно преданные рыболовству, не могутъ достичь благосостоянія, а обыкновенно живутъ въ величайшей бѣдности, нерѣдко соединяемой съ развратомъ и пьянствомъ. Причины тому большею частью случайныя; отчасти онѣ основаны на неспособности и неумѣньи пользоваться богатыми источниками, доставляемыми природою, отчасти вообще на нравственной слабости дикихъ племенъ противиться искушенью крѣпкихъ напитковъ, доставляемыхъ чужеродными переселенцами. Въ этихъ обстоятельствахъ заключается, по-крайней-мѣрѣ, главная причина бѣдности, такъ сильно господствующей у Остяковъ-рыболововъ. Сверхъ-того, себялюбивыя и не совсѣмъ честныя къ нимъ отношенія переселенцевъ — также немаловажное препятствіе для ихъ благосостоянія. Эти переселенцы ввели пагубную систему кредита и пріохотили Остяковъ къ разнымъ произведеніямъ роскоши, которымъ назначаютъ самыя произвольныя цѣны. Оттого долги Остяковъ сдѣлались неоплатными, и надо полагать, что они съ каждымъ годомъ будутъ возрастать, потому-что число потребностей увеличивается, тогда-какъ усердіе и прилежаніе у Остяковъ замѣтно ослабѣваютъ. Въ настоящее время, по-крайней-мѣрѣ, Остякъ не можетъ остаться вовсе безъ хлѣба, который доставляется ему купцами. Не будучи въ-состояніи тотчасъ заплатить за товаръ, потому-что у него есть еще старые долги, онъ по не-

волѣ обязывается доставить купцу рыбу на будущій годъ. Такимъ-образомъ, онъ совершенно въ его рукахъ: купецъ назначаетъ и товарамъ Остяка, и своимъ собственнымъ такую цѣну, какую ему заблагоразсудится. Вредъ этой торговли какъ для Остяковъ, такъ и для другихъ туземцевъ Сибири само правительство старалось искоренить отчасти особыми предписаніями, отчасти устройствомъ хлѣбныхъ магазиновъ; но зло пустило такіе глубокіе корни, что его долго нельзя будетъ совершенно истребить. Вся рыба, которую Остяки продаютъ такимъ образомъ купцамъ, ловится лѣтомъ. Въ это время промышленники изъ Обдорска, Березова и Тобольска разъѣзжаютъ на своихъ ладьяхъ по Оби, забираютъ себѣ весь уловъ Остяковъ, сами солятъ эту рыбу, которую и сохраняютъ потомъ въ построенныхъ по берегамъ рѣки анбарахъ. Къ началѣ осени продавъ свою муку и тѣмъ опроставъ свои суда, отправляются домой, нагрузивъ ихъ сложенною въ анбарахъ рыбою. Между-тѣмъ, Остяки продолжаютъ свою рыбную ловлю. Часть рыбы, теперь ими уловленной, сохраняется въ садкахъ, откуда осенью вытаскиваютъ ее сѣтями и начинаютъ замораживать. При наступленіи весны снова приходятъ Русскіе и Зыряне для покупки мерзлой рыбы, часть которой привозятъ и сами Остяки на ярмонку въ Обдорскъ. Рыбная ловля продолжается и зимою; но эта рыба въ торговлѣ цѣнится весьма мало, и, притомъ, она добывается въ такомъ незначительномъ количествѣ, что едва только удовлетворяетъ и ежедневнымъ потребностямъ. Обыкновенныя рыбы въ Оби: 1) щука, окунь, ершъ, плотва (онѣ водятся въ Оби, какъ лѣтомъ, такъ и зимою); 2) осетръ, сельдь, налимъ и различные роды лососей, называемые Русскими *муксунъ, нельма, сырокъ, пыджанъ* — такая рыба, которая въ началѣ іюня, тотчасъ послѣ вскрытія рѣки, появляется въ ней, а зимою снова уходитъ въ море. Особенно цѣнятся осетръ и лососи; остальную рыбу больше оставляетъ Остякъ для себя и для своихъ собакъ. Лѣтнюю рыбную ловлю Остякъ большею частью производитъ сѣтями, при чемъ самъ обыкновенно лежитъ на песчаномъ, удобномъ для этой ловли берегу (по-русски, *песокъ*). Лѣтомъ обыкновенно ловятъ рыбу вершами изъ пеньки, прикрѣпляя ихъ къ палкамъ, которыя и становятся на небольшихъ рѣчныхъ рукавахъ; ловятъ также и удою. Лѣтомъ употребляютъ и неводъ въ родѣ

мѣшка, кладутъ въ него камень и опускаютъ на дно рѣки. Неводъ привязывается веревкою къ лодкѣ, на которой ѣдутъ противъ теченія. Рыбакъ, потянувъ веревку, легко замѣчаетъ, попала ли въ неводъ рыба, что при изобиліи рыбы дѣлается быстро. Зимняя самая обыкновенная и самая легкая ловля производится такъ: въ небольшомъ рѣчномъ рукавѣ ставятъ палку и къ ней прикрѣпляютъ малыя верши, обыкновенно дѣлаемыя изъ тонкихъ вѣтвей лиственницы; но производятъ зимнюю ловлю и сѣтями, и удою, и т. д.»

«Нарядъ обдорскихъ Остяковъ, если исключить заимствованный отъ пограничныхъ Татаръ обычай женщинъ носить покрывала, во всемъ сходенъ съ самоѣдскимъ, такъ-что въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ предметъ этотъ не требуетъ подробнаго изслѣдованія. Жилища же свои Остяки строятъ такъ же, какъ и сосѣди ихъ Самоѣды; такъ-называемыя юрты Остяковъ-рыболововъ — небольшія, очень низкія избы съ открытою, глиняною трубою (tschuwal) въ углу горницы. Въ стѣнѣ или крышѣ продѣлывается длинное окно, которое зимою покрывается листомъ желѣза. Въ лучшихъ юртахъ въ горницѣ, гдѣ проживаетъ семья, всѣ стѣны покрываются рогожами. Иногда передъ входомъ въ юрту пристроивается небольшая клѣть, гдѣ сберегаютъ одежду и всякую рухлядь. Таковы обыкновенно бываютъ зимнія юрты. Кромѣ зимнихъ многія семьи имѣютъ свои особенныя лѣтнія юрты, безъ пола и очага. Огонь горитъ по серединѣ юрты, и дымъ проходитъ наверхъ черезъ длинное отверстіе. Тамъ-и-сямъ встрѣчаешь торфяныя юрты остяцкихъ нищихъ, устраиваемыя отчасти подъ землею.»

«О наружности и характерѣ Остяковъ Палласъ (*) сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Роста они по большей части средняго и малаго, слабосильны и узкоплечи. Лица у нихъ почти всегда непріятныя, блѣдныя, безъ всякаго рѣзкаго выраженія. Рыжій цвѣтъ волосъ, всегда склоченныхъ у мужчинъ, еще болѣе обезображиваетъ ихъ. Между женщинами также рѣдко встрѣтишь лицо пріятное. Остяки вообще робки, суевѣрны и без-

(*) Reise durch die verschiedenen Provinzen des Russischen Reichs. III, S. 319.

толковы, хотя вообще простосердечны, работящи съ дѣтства, но только для удовлетворенія первыхъ нуждъ, вообще же склонны къ праздности, особенно мужчины, въ хозяйствѣ нечистоплотны.» Считаю нужнымъ замѣтить — говоритъ Кастренъ — что хотя я и много видѣлъ Остяковъ бѣлолицыхъ и свѣтлорусыхъ, но думаю, что это потомки Зырянъ, бѣжавшихъ въ Сибирь во время проповѣди св. Стефана; вообще они смуглы и черноволосы. Да и вообще Остяки не принадлежатъ къ некрасивымъ племенамъ сибирскимъ, у которыхъ носы сплющенные, глаза узкіе, скулы, выдавшіяся впередъ — главнѣе отличіе Монголовъ и Тунгусовъ; они скорѣе приближаются къ финскому, самоѣдскому и тюркскому племенамъ. Особенно рѣзкаго типа они, кажется, не имѣютъ, что, можетъ-быть, есть слѣдствіе ихъ смѣшенія съ чужими племенами. Трусость, суевѣріе, глупость и добросердечіе — качества общія всѣмъ дикарямъ сибирскимъ. Но Палласъ пропустилъ одно ихъ прекрасное свойство: ихъ услужливость и чувство справедливости. Остякъ никогда не покинетъ въ нуждѣ своего ближняго и не захлопнетъ двери просящему: онъ удѣляетъ охотно все, что имѣетъ; кто побогаче, считаетъ обязанностью своею помогать ближнему. Воровства почти вовсе нѣтъ: домъ всегда остается незапертымъ, иныя вещи просто оставляютъ на тундрахъ. Остяки не питаютъ никакой непріязни другъ къ другу и живутъ по-братски. Нечистоплотность же, въ которой Палласъ упрекаетъ Остяковъ, есть общее качество всѣхъ народцевъ, занимающихся рыболовствомъ, и въ такой же степени встрѣчается и на берегахъ норвежскихъ, и на берегахъ Оби. Многія занятія рыбака сами по себѣ уже нечистоплотны; временныя ихъ жилища слишкомъ тѣсны, такъ-что некуда ему спрятать своихъ изорванныхъ, испачканныхъ одеждъ, которыя онъ носитъ въ тяжеломъ своемъ промыслѣ. Дымъ дѣлаетъ свое дѣло и увеличиваетъ нечистоту, которая распространяетъ, кромѣ-того, зловонный запахъ. Тягости промысла часто удерживаютъ рыбака отъ заботъ о себѣ и хозяйствѣ своемъ, такъ-что онъ привыкаетъ наконецъ къ нечистотѣ. Что она не есть отличительная черта народности Остяковъ, но слѣдствіе самаго образа жизни, доказывается тѣмъ, что нечистота преобладаетъ только у рыбаковъ и вовсе незна-

кома кочевникамъ и владѣльцамъ оленей. Къ преимуществамъ кочевой жизни, по-крайней-мѣрѣ, въ полярныхъ странахъ, принадлежатъ занятія чистыя, а не грязныя. Безпрерывные переходы съ мѣста на мѣсто приносятъ, кромѣ многаго другаго, и ту выгоду, что не можетъ быть грязи ни въ самихъ палаткахъ, ни вокругъ ихъ. Что и садится съ очага и закоптѣлаго котла на платье, то скоро развѣвается вѣтромъ на тундрахъ, и, притомъ, это не такъ замѣтно на одеждахъ изъ грубыхъ оленьихъ шкуръ.»